ТЕОСОФСКОЕ ДВИЖЕНИЕ 1875-1950годов

МОСКВА

2022

Перевод с английского:

О. А. Фёдорова

Редактор: С.В. Глухов

«Позавчера ночью мне показали теософические общества с высоты птичьего полёта. Я видела несколько искренних и верных теософов в смертельной борьбе с миром в целом и с другими – номинальными и честолюбивыми теософами. Первых больше, чем вы думаете, и они победили – как вы в Америке победите, если только останетесь преданными программе Учителя и верны себе».

Е. П. Б., 1888 год

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1925 году, всего через пятьдесят лет после основания Теософского общества в Нью-Йорке, издательство Э. П. Даттон и К° опубликовало первую точную и исчерпывающую историю Теософского движения. Книга, озаглавленная «Теософское движение, 1875-1925гг., история и обзор», была составлена редакцией ежемесячного журнала «Теософия», посвященного изначальным целям теософского движения. Она предоставила исследователям теософии и другим людям, интересующимся этим предметом, подробное и подтверждённое документами исследование о деятельности Е. П. Блаватской и других ведущих лидеров Теософского движения. На 700 страницах книги помещены подробные отчёты обо всех основных событиях теософской истории с достаточным количеством доказательств с тем, чтобы любой читатель мог сделать свои собственные выводы относительно спорных вопросов, или, по крайней мере, чтобы серьёзные исследователи встали на путь индивидуального исследования.

За годы, прошедшие после публикации «Теософского движения», не было обнаружено никаких существенных ошибок, будь то факты или трактовка, хотя из-за различных утверждений о «преемственности» или «духовном лидерстве», высказываемых некоторыми теософскими организациями, появление книги вызвало дискомфорт и недовольство среди некоторого круга лиц. Фактически, книга была опубликована с угрозой иска о клевете, но никакого иска не было возбуждено, несомненно, по той причине, что все сделанные заявления подтверждаются фактами.

Настоящая книга является продолжением более раннего сочинения, опубликованного в 1925 году. С того времени в области теософии произошло много изменений. Умерли «лидеры», их места заняли другие личности. Превратности различных теософских обществ теперь менее интересуют исследователей, и центром интереса к теософии является сама философия в форме первоначальных учений, постепенно вытесняющая информацию об организационной деятельности и всякой полемики. Даже враги теософского движения демонстрируют

своими методами нападок, что его реальная жизненная сила заключается в жизни и творчестве Е. П. Блаватской. О других лидерах первых дней движения всё больше забывают, но сила влияния Е.П.Б. растёт с годами, поскольку изучающие теософию, независимо от организации, ищут вдохновения в её неразбавленных учениях. Таким образом, псевдотеософию легче распознать, а теософским «сектам» труднее поддерживать самобытную идентичность. Развитие событий, данное в книге «Теософского движения после 1925 года» даёт повод для нового материала этой книги, а также для подтверждения трактовки более ранних событий. «Теософское движение до 1925 года» останется как более подробный справочник начального цикла теософской истории, эта книга делает возможной публикацию другой книги, более краткой в некоторых отношениях и охватывающей более поздние стадии движения до 1950 года.

Тем, кто впервые встретится в этой книге с теософией, можно кое-что сказать по поводу «авторитетов». Вскоре таким читателям станет понятно, что изучение теософии является занятием с весьма необычными выводами.

Могут спросить, что является авторитетом для утверждений, которые, похоже, выходят далеко за рамки известных фактов человеческого опыта? Очевидно, что любая философия, пытающаяся разрешить дилеммы западной цивилизации, должна опираться на какой-то источник, относительно незнакомый западному человеку. Фактически несомненно, что любой реальный анализ явного недовольства современного мира будет содержать элементы, которые до сих пор не рассматривались или игнорировались; и их не следует отбрасывать просто потому, что они незнакомы. Напротив, исключительное доверие к хорошо известным формулам того, что люди обычно считают знанием (научным или религиозным) вполне может быть причиной многих неудач западной цивилизации. В отличие от странной смеси эмпирической науки, эклектических умозрений и умирающей религиозной традиции, которая сегодня считается «знанием», теософия предлагает на рассмотрение учение гносиса, совокупность практических психологических и нравственных истин, которые каждый может проверить на себе, чтобы убедиться в них.

Теософское учение было определено мадам Блаватской как составляющее, по сути, синтез действующих принципов. Она говорила, что, научившись использовать эти принципы, любой

человек может самостоятельно обрести знание законов природы и основных реалий человеческого опыта. Это положение она основывала на реальном существовании людей, чья жизнь демонстрирует мастерство использования этих принципов. Мадам Блаватская говорила, что такими людьми были её учителя. Но хотя теософии было дано такое определение её толкователем в девятнадцатом веке, исследователей неоднократно предостерегали от принятия её учений «на веру». Теософское движение искало не доверчивых преданных, а серьёзных исследователей.

В теософии исследователь найдёт то, о чем можно размышлять, но мало чему можно слепо доверять. Правда, что существуют «учения» – определённые метафизические концепции, которые придают теософской философии её систематический характер. Эти учения были представлены мадам Блаватской без претензий на «оригинальность» и как естественное наследие интеллектуальной и нравственной эволюции человечества. Она предложила их не как догмы, а как метафизические разработки принципов, проверяемых на опыте. Доктрину или учение, составляющую часть этого наследия, прежде чем она будет самостоятельно проверена исследователем, можно сравнить с «гипотезой» учёного. Она не требует ни доверия, ни отрицания, но требует исследования.

Мы надеемся, что эта книга послужит введением к дальнейшему изучению теософской философии. По сути, теософия – это жизненное мировоззрение, которое должно иметь естественную привлекательность для всех мужчин и женщин, верящих в неотъемлемые духовные возможности каждого человеческого существа и ощущающих тщетность, как научного скептицизма, так и сектантской религии. Больше всего теософия должна привлекать тех, кто устал от человеческой ненависти, от непрекращающихся порожденных страхом и невежеством конфликтов между людьми и народами, и кто решился открыть по мере возможности практическую философию души – образ мыслей и действий, который медленно, но верно изменит этот мир.

13 апреля 1951 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ v

ГЛАВА I. ПУТЬ ПРОГРЕССА 1

Шаги к достижению свободы мысли - эпоха девятнадцатого века - влияние дарвинизма – функции спиритуализма - упадок религиозной веры - точка зрения основателей теософии - высшая эволюция - циклический закон прогресса - великие реформаторы - открытие Восточной философии – наследие Востока.

ГЛАВА II. СПИРИТУАЛИЗМ ДЕВЯТНАДЦАТОГО ВЕКА 12

Истоки спиритуализма - Лондонское диалектическое общество и его отчёт - пионеры в области психических исследований - эксперименты профессора Крукса - научная «стена убеждений» - призыв Альфреда Рассела Уоллеса - атеисты и материализм - миссия Месмера - животный магнетизм и гипноз психических движений в Америке - доказательства от неоплатонизма.

ГЛАВА III. ТЕОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО ОСНОВАТЕЛИ 27

Приезд Е.П. Блаватской в Америку - встреча Е.П.Б. и Олкотта - братья Эдди - Е.П.Б. защищает честных медиумов - «ламасерий» - У. К. Джадж присоединяется к Движению - ранние статьи Е.П.Б. - первые намеки на теософские цели - письмо «Хирафа» - оккультизм: «позитивная наука» - сравнение магии и спиритуализма - дилемма спиритуалистов - Е.П.Б. наставляет Олкотта и Джаджа - Джадж описывает первую встречу с Е.П.Б. - «демонстрации» Е.П.Б. - основание Теософского общества - Олкотт и «оккультное» - учреждение Т.О..

ГЛАВА IV. ЦЕЛИ И ЛИТЕРАТУРА 44

Три цели Т.О. - «спасательный круг Братства» - истинные основатели - Е.П.Б. провозглашает цели Т.О. - публикация «Разоблаченной Изиды» - адепты и их философия - необходимость древних религий – «Разоблачённая Изида» и религиозные традиции - десять основных положений.

ГЛАВА V. ИНДИЯ 56

Создание индийского центра теософии в Индии - проблема каст - Арья Самадж – издание журнала «Теософ» - силы оппозиции - как Т.О. укрепилось в Индии – «Оккультный мир» Синнетта - адептами и современная

наука - намерения Братства адептов - предложение Юма, обсуждавшееся адептами - наука, лишенная альтруизма - на пути материализма - предложение философии «удовлетворения души» - эзотерический буддизм - Индийский национальный конгресс.

ГЛАВА VI. ТЕОСОФЫ ИНДИИ 72

Дух журнала «Теософ» - Кто такие теософы? - Т.О. или «Республика совести» - безразличие к политике - поведение миссионеров – основа для книги «Из пещер и дебрей Индостана» - теософская деятельность на Цейлоне - Дамодар и Субба Роу - разрыв с Арьей Самадж - «инцидент с Киддлом» - Кулоны – миссионерские нападки - Е.П.Б. требует судебного разбирательства - компромисс Олкотта - отставка Е.П.Б. с поста секретаря по переписке - члены Общества не выдерживают испытаний.

ГЛАВА VII. ЛОНДОНСКОЕ ОБЩЕСТВО ПСИХИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 90

Журнал «Теософ» приветствует новое Общество - начало расследования теософских феноменов - первый отчёт О.П.И. - «оккультные личности и методы» - отказ Е.П.Б. раскрывать оккультные законы – отчёт м-ра Ходжсона - результаты расследования ex parte - совершенно несходные мотивы Т.О. и О.П.И. - О.П.И. избегает сложных задач - непроизвольный медиумизм против управляемых теософских феноменов - основание для заключения Комитета - Джадж раскрывает заговор Кулонов - «экспертные оценки» почерка - столкновение теорий Т.О. и О.П.И. - Какова была мотивация Е.П.Б.?

ГЛАВА VIII. Прощание с Индией 106

Е.П.Б. уезжает в Европу - Индия минус Е.П.Б.- мнение адепта об Олкотте - организационный пыл Олкотта - почему Е.П.Б. не возвращается - Е.П.Б. начинает движение на Западе - индийская культура и английские предрассудки - достижения Т.О..

ГЛАВА IX. ТЕОСОФИЯ В АМЕРИКЕ 116

Ранние дни работы Т.О. в Америке - время Джаджа на подготовку - Джадж едет к Е.П.Б. в Париж - Джадж становится свидетелем заговора Кулонов - рост числа членов в Америке - создание журнала «Путь» - лейтмотив «Пути» – братство - гений Джаджа в применении - помощники Джаджа – «Письма, которые помогли мне» - пять посланий Е.П.Б. американцам.

ГЛАВА X. «ЛЮЦИФЕР» И «ТАЙНАЯ ДОКТРИНА» 127

Е.П.Б. в Лондоне - Ложа Блаватской - Е.П.Б. и функции «Люцифера» - Книга Синнетта «Случаи из жизни мадам Блаватской», - появление

«Тайной доктрины» - Е.П.Б. передатчик – Е.П.Б. и «Тайная доктрина» - три секции Т.О. - суровые испытания чела - формирование Эзотерической секции - статьи Джаджжа об оккультизме - оккультный статус Е.П.Б. и Джаджа - оппозиция Олкотта по отношению к Э.С.

ГЛАВА XI. ОБВИНЕНИЯ КУЭСА-КОЛЛИНЗ 143

Амбиции профессора Куэса - претензии Мейбл Коллинз - оспариваемое имя вдохновителя книги «Свет на пути» - «дары» Мейбл Коллинз - газета «New York Sun» напечатала нападки Куэса – Е.П.Б. подает в суд за клевету - предварительная победа - смерть Е.П.Б. - опровержение газеты «New York Sun» - статья Джаджа «Эзотерическая Она».

ГЛАВА XII. СМЕРТЬ Е.П.Б. И СОБЫТИЯ ПОСЛЕ 156

Миссис Безант вступает в Т.О. - лондонские и европейские отделения протестуют против «приказов» Адьяра – Е.П.Б. избегает автократии - уход Е.П.Б. - Джадж и проблема Э.С. - первый всемирный съезд - «автономия» лондонской ложи - деятельность после съезда - репутация Анни Безант - позиция Олкотта – громкая статья миссис Безант о Е.П.Б. - миссис Безант заявляет о посланиях от Учителей – Е.П.Б. – вестник - полковник Олкотт об «идолопоклонстве» - Джадж говорит о безличном - знаменитое послание журнала «Путь» - «Джаспер Ниманд» - Джадж бросает вызов догматизму.

ГЛАВА XIII. ОБЩЕСТВО ПРОТИВ ДВИЖЕНИЯ 172

Преданность Е.П.Б. Движению - отношение Олкотта к Е.П.Б. - мнение адептов о Е.П.Б. - поддержка Е.П.Б. Олкоттом - полемика Субба Роу - Ричард Харт и «Теософ» - Т.О. – новый Рим? - «вмешательство» Е.П. Б. - отношение Харта к Э.С. - Джадж не согласен с Хартом - истинный «центр» – Е. П. Б. - Е. П. Б. Б. верна ДЕЛУ, а не месту - теософские общества автономны – обращение Е.П.Б. к коллегам.

ГЛАВА XIV. ПОЛКОВНИК ОЛКОТТ, АННИ БЕЗАНТ И У.К. ДЖАДЖ 190

Обвинения против Олкотта - Олкотт подает в отставку с поста президента – Джадж избран большинством голосов преемником Олкотта – миссис Безант нарушает нейтралитет Э.Ш. – Э.Ш. и Т.О. разные субъекты - прогресс Американской секции - заявления Джаджа в журнале «Путь» - разногласия Синнетта и «Т. Д.» - Синнетт отстаивает «независимое» оккультное учение – Е.П.Б. единственный канал передачи писем Учителей - Олкотт о «недостатках» Е.П.Б. – «Страницы старого дневника» - Советы Джаджа относительно Учителей - Т.О. и Всемирный парламент религий - Чакраварти и миссис Безант - Анни Безант предпочитает обвинять Джаджа - ультиматум Олкотта Джаджу.

ГЛАВА XV. ДЕЛО ПРОТИВ УИЛЬЯМА К. ДЖАДЖА 206

Джадж отклоняет обвинения; нет оснований для созыва следственного комитета; как распознавать письма Махатм - протест Кейтли и Мида - Может ли Т.О. принимать решение по «посланиям»? – Американский съезд 1894 года - Т.О. не может устанавливать догмы - резолюции, поддерживающие Джаджа - судопроизводство Совета в Лондоне - Джадж присутствовал не в качестве вице-президента - начато судебное расследование - Олкотт меняет направление - Олкотт признает некорректность «обвинений» - Олкотт отменяет отстранение Джаджа - Решение комитета: дело Джаджа вне пределов его юрисдикцию – Джадж хранит молчание.

ГЛАВА XVI. ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕЛА ДЖАДЖА 228

Лондонский съезд Европейской секции; предложено «почетное жюри»; обвинения Джаджа, выдвинутые миссис Безант; Безант обсуждает передачу посланий; почему миссис Безант изменилась - Джадж повторно отклоняет «обвинения» - Е.П.Б. об «осаждении» - дело Джаджа «решено» - миссис Безант советуется с У. Р. Олдом из Индии; нападки «Вестминстерской газеты» - клевета на трансляцию распространения судьи - циркуляр Джаджа от 3 ноября 1894 года - влияние Чакраварти на миссис Безант - Джадж отстраняет Анни Безант - контр-циркуляр; снова «дело Джаджа» - Безант публикует «обвинения» и «показания» - Е.П.Б. об Анни Безант.

ГЛАВА XVII. Т. О. В АМЕРИКЕ 250

Американский съезд 1895 года формирует Теософское общество в Америке - Джадж пожизненный президент Т.О.А. - письмо Джаджа Европейскому съезду определяет Теософское движение - письмо Праяга - Безант и Олкотт отрицают письмо Праяга - личные подозрения Синнетта в отношении Е.П.Б. - причины враждебности к Джаджу – исключение Ледбитера - Свидетельство Дж. Д. Бака о Джадже.

ГЛАВА XVIII. СМЕРТЬ УИЛЬЯМА К. ДЖАДЖА 264

Сподвижники Джаджа объявляют «преемника» - провозглашение «оккультного преемника» - съезд 1896 года - «Промис» оказывается миссис Тингли – теософский всемирный крестовый поход - штаб-квартира учреждена в Пойнт-Лома - Харгроув снимает миссис Тингли - съезд 1898 года и раскол в Т.О.А. - Фассел противоречит самому себе - доктор де Пурукер заявляет о «преемственности» - «братание» - «преемственности» полковника Конгера - пропаганда эзотерического учения.

ГЛАВА XIX. ПОСЛЕДСТВИЯ В АМЕРИКЕ 279

Теософская группа Э. Т. Харгроува - «Храм народов» - афидевит А. Нересхаймера - Дж. Г. Фассель верный

свидетель - дело м-ра Райана о «преемственности» - собственное заявление Е.П.Б. об апостольской преемственности - «упорядоченная преемственность» Джаджа - так называемый «оккультный дневник» - Открытия миссис Клизер - медиумическое происхождение преемственности Тингли - новые «объяснения» преемственности.

ГЛАВА XX. АДЬЯРСКОЕ ОБЩЕСТВО

Дело Ледбитера - смерть Олкотта - миссис Безант предлагает Ледбитеру вернуться - миссис Безант создает ордена, организации и «Либеральную католическую церковь» - «Звездный» Конгресс 1925 года - «Архаты», «Матерь мира» и «Мессия» - бегство Кришнамурти - уход миссис Безант и Ледбитера – м-р Арундейл рекомендует «Т.Д.» - Джинараджадаса и «Бог» - Письмо-предупреждение для миссис Безант - миссис Безант и Олкотт признают свою ошибку по отношению к Джаджу.

ГЛАВА XXI. ПРОДОЛЖАЮЩИЕ ПОТОКИ 301

Плодотворный 1898 год - Теософское общество Нью-Йорка – журнал «Слово» - доктор Уайлдер - миссис Лэнгфорд - «Храм народов» доктора Дауэра - Франчия Ла Дью, «Голубая звезда» - Алиса Клизер - сочинения теософов о Е.П.Б. - Антропософия Штайнера - Общество Квест Дж. Р. С. Мида - Макс Гендель - отделившиеся отделения Т.О. - Мэнли П. Холл - Балларды и движение «Я есть» - АМОРК - Лемурийское братство - «свами» и «йоги» - «Æ» верны Джаджу - другие аспекты Теософского влияния - «йога» и западная психология - Джеральд Херд - предупреждение Джаджа относительно индийских «учителей» - Теософское движение – периодическое явление - подлинное преемство - Е. П. Блаватская ещё «жива» - позиция канадского теософа - беспристрастность Ложи мира (Эйреникон) - платформа О.Л.Т. - вклад Роберта Кросби.

ГЛАВА XXII. НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ 319

Мировоззрение в 1950 году - предсказание психического цикла - психическая уязвимость возрастает - психические факторы в политике - Задача Е.П. Блаватской - влияние Теософского движения на мировую историю - возвращение к движениям за природу и идеал сообщества - влияние Ганди - сопротивление войне - свидетельство нового развития - развитие психиатрии и психологии - прогрессивное образование и образование для взрослых - истинное Теософское движение.

ТЕОСОФСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

ГЛАВА I

ПУТЬ ПРОГРЕССА

Везде, где МЫСЛЬ боролась за свободу, где распространялись духовные идеи в противоположность формам и догматизму, можно видеть тот великий всплеск духовной эволюции, который Е. П. Блаватская описала и назвала Теософским движением. Поэтому его можно рассматривать просто как путь духовного прогресса людей, индивидуального и коллективного. Непрерывные усилия людей жить в соответствии со своим стремлением к более высокой и благородной цели всегда напирают на ограничения установленного социального порядка и прорываются сквозь них. Организованная религия, неизменно являющаяся оплотом существующего положения вещей, создаёт формальную структуру для компромисса между идеализмом и давлением человеческой робости – стремлению людей к внешней безопасности. В этом смысле церкви, правительства, партии, секты (все эти «политические» приспособления) являются целесообразными мерами во имя «практического», а не идеального. Все они со временем становятся безнадежно испорченными и должны изменяться по мере того, как времена меняются, по мере того, как проявляются человеческие недостатки и по мере того, как потребности интеллектуальной и духовной эволюции вынуждают такие изменения.

Протестантская Реформация, окончившаяся множеством христианских сект, началась как революционный вызов священнической власти и, таким образом, была частью более великого Теософского движения. Масонство с его конструктивными идеалами и приверженностью религиозной свободе служило целям Движения в восемнадцатом и девятнадцатом веках и до сих пор в некоторой степени служит благодаря возвышенному символизму и постоянной защите свободы мысли. Образование Американской республики с ее благородной Декларацией независимости, равенством всех людей перед законом, идеалами

братства и несектантства следует считать большим шагом вперед в Теософском движении. А с отменой человеческого рабства всеми великими западными народами в девятнадцатом веке можно провозгласить ещё один шаг на пути к освобождению человечества.

Заметные достижения в области освобождения человека обычно отмечены успешным ниспровержением той или иной формы религиозного угнетения. «Божественное право» традиционного Бога, вещающего через наделённого правами духовенство, отвергалось всеми, кто поднимал голос против наглости католической иерархии. «Божественное право» королей стало пустым суеверием после американской и французской революций. «Божественное право» одного человека или касты людей порабощать других было настоящей причиной Гражданской войны в США. Бесчисленное количество социальных историков подтверждают тот факт, что тяжелая рука религиозной власти всегда утяжеляет бремя простых и бедных. Религия, хотя и держит в руках ключи к высшим тайнам, в своих организованных формах редко упускала возможность утвердить свою корыстную власть над огромной массой человечества – либо напрямую, поддерживая автократическое правительство, либо, что более тонко, через вселяющие страх догмы и «духовное» бегство от реальности, когда люди не обращают внимания на плохие условия и человеческую несправедливость. Начиная с эпохи Возрождения, люди, преданные делу свободы человека, были антиклерикалами почти инстинктивно, обнаружив на протяжении длительного опыта много общих интересов, объединявших установившуюся религию с органами социального угнетения. Таким образом, светские движения последних веков, демократия и социализм, стремление к всеобщему избирательному праву, классовая борьба и бесконечные противоречия между капиталом и трудом – все они на каком-то этапе своей истории характеризовались стремлением к свободе мысли, к духовной эмансипации, а также к прекращению экономического и политического ига. В этом аспекте они представляют восходящее течение теософского движения, каким бы ошибочным оно ни было, введённое в заблуждение или извращённое ради узких или деструктивных задач и целей.

Девятнадцатый век был, прежде всего, временем конфликта между старым и новым, временем брожения в интеллектуальном и духовном мире и растущего самосознания в области социальной философии. Наука девятнадцатого века была плодовитой родительницей множества новых доктрин и теорий

о природе вещей. Первая половина века была своего рода бабьим летом, когда и Европа, и Америка собрали богатый урожай революционной свободы, подготовленной борьбой восемнадцатого века. Трансцендентальный идеализм осветил западный мир, на время скрывая растущие силы материализма в науке и маскируя упадок революционных идеалов, превращая их в простые ошибки реорганизуемого консерватизма. Однако в середине века появились два новых фактора для беспокойства – дарвинизм и спиритуализм.

Ещё предстоит измерить далеко идущие последствия публикации Дарвином книги «Происхождение видов» в 1859 году. Наиболее важным результатом этой теории было окончательное преобразование понятия развития от ограниченного богословского учения о спасении до современной концепции эволюции. Хотя восемнадцатый век открыл невероятные возможности политической реформы, когда старые отношения каст и общественного положения, непреложные институты средних веков, растворялись в других социальных моделях, до Дарвина не существовало общедоступной идеи эволюции. Дарвин предложил объединяющий принцип для несвязанной концепции развития рационалистов. Согласно его теории, желаемое будущее человечества можно достичь только путём дальнейшего развития процессов роста, возможных в соответствии с естественным законом, и он поддержал эту идею исчерпывающими исследованиями в области естествознания. Этот принцип можно было легко усвоить, и вскоре он стал рассматриваться как привлекательная альтернатива «Божьей милости» – последнее было совершенно иррациональным явлением.

Свободомыслящие люди откликнулись на это учение немедленно и с энтузиазмом. Теория эволюции послужит основой для осознанных человеческих усилий во всех областях улучшения человечества. Её социальные и философские последствия были безграничны. Материализм теории вряд ли вызывал протест; для научно настроенных людей, жаждущих нового оружия в войне с богословием, приветствовалась любая правдоподобная материалистическая теория, и теория эволюции имела преимущество в виде огромной массы научных доказательств в её поддержку. Несмотря на то, что дарвиновская теория была решительно отвергнута духовенством, а её автор подвергался всевозможным насмешкам, клевете и обвинениям, которые только мог изобрести религиозный фанатизм, с годами эта доктрина добилась прогресса, и сам Дарвин дожил до того момента, когда

его факты были признаны, выводы приняты, полностью или частично, даже многими его недоброжелателями.

Несмотря на ограниченность его взгляда на «эволюцию» с точки зрения оккультной философии, дарвиновская теория, тем не менее, была величайшим достижением в фундаментальных научных исследованиях со времён Ньютона и была незаменима в подготовке почвы для понятий духовной эволюции, изложенных в «Тайной доктрине». Какими бы ни были недостатки теории Дарвина, они были вызваны не недостатком честности, рвения или усердия со стороны её великого автора, а скорее его способом исследования, предположениями его века и ограничениями, присущими всем индуктивным рассуждениям. Дарвиновская доктрина эволюции оказала столь огромное влияние на преобладающие понятия недавних поколений, что современному среднему разуму трудно понять, как эта теория физической эволюции могла быть подвергнута сомнению, опровергнута или раскритикована.

Влияние дарвинизма на современную мысль хорошо известно, но влияние спиритуализма совершенно игнорируется современными историками. Вполне вероятно, что спиритуализм сделал больше, чем любой другой отдельный фактор, для создания у миллионов людей того переходного состояния, в котором уже начали распадаться жесткие понятия, сложившиеся в предыдущие века. Он нанес смертельный удар всем притязаниям священников на особые знания о посмертном существовании, поскольку у духовенства не было лучших объяснений психических феноменов, чем у кого-либо другого. Родственникам умерших, которые часто безразличны к причудам традиционной церкви относительно будущей жизни, спиритуализм предлагал перспективу немедленного заверения и утешения. Для нерелигиозных, но любопытных людей он открывал увлекательную область для экспериментов, результатом которых в последующие годы стала наполовину признанная наука психических исследований. Спиритуалистические феномены также служили в качестве современных «чудес», на которых могла быть основана какая-то весьма чувственная религия, нетребовательная в своих нравственных принципах и действенная по привлечению в «свою веру».

Можно стать спиритуалистом, не жертвуя заветными религиозными понятиями. Дополнительно можно отметить, что спиритические доктрины допускали незаконный союз религиозного пыла с новой научной идеей эволюции, поскольку «Страна вечного лета» ушедших «духов» вскоре приняла характер эволюционной серии состояний или степеней развития после

смерти. Но множество «откровений», предлагаемых медиумами, которые поступали сотнями, и каждое из которых предлагало другую версию развития и образов жизни после смерти, исключало единство доктрины или последовательную философию. Спиритуализм бросал вызов догмам и лично верующим в них. Он скорее разрушал, чем заменял традиционные религиозные понятия.

Итак, вторая половина девятнадцатого века составляла эпоху, в течение которой старые традиционные религии были подорваны и дискредитированы, в то время как возможность для новых религий казалась безграничной, хотя хаотическое выражение этих новых тенденций оставалось без каких-либо основных убеждений. Оглядываясь назад, можно сказать, что почти любой призыв к интеллектуальному и духовному единству в те беспокойные годы теперь можно признать предвзятым призывом, игнорирующим или отвергающим некоторые важные аспекты человеческой деятельности. Это был, прежде всего, век энтузиазма и профессиональных исследований, породивший, по меньшей мере, десяток новых областей науки и побудивший человеческое воображение двигаться в направлениях, недооцененных предыдущими поколениями. В заключение космополитический мыслитель Уильям Джеймс резюмировал философский вопрос относительно его богатой продуктивности термином «плюрализм», выдвинув, таким образом, кредо агностицизма, что реальность не одна, а множество, и что единая концепция человеческого опыта невозможна в современном мире. Скептицизм Джеймса, очевидно оправданный огромным потоком не связанных между собой «грубых фактов», хлынувшим из всех областей исследования, предоставил изощренную санкцию осознанному материализму двадцатого века.

Те же самые основные силы, которые подорвали спекулятивный идеализм философов, лишили простого человека чувства защищённости, которое он находил в традиционной религии. В то время как выдающийся прогресс прикладной науки на время заполнил этический вакуум, образовавшийся в результате упадка религиозной веры, так называемые «практические» интересы и повседневный труд не позволяли подавляющему большинству людей понять нарастающие нравственные противоречия западной цивилизации. Псевдофилософия, основанная на биологических понятиях эволюции, на интерпретации чувств Фрейдом и на лозунгах бизнеса и коммерции ассоциации Ротари Интернэшнл, на какое-то время сдерживали окончательное разочарование двадцатого века, но этим практическим принципам не хватало энергичности, чтобы

выдержать физическое и духовное разрушительное влияние современной войны. Сегодняшний мир – это мир без веры. Следовательно, этот мир испытывает период мрачной подготовки к отчаянию, тому состоянию ума и чувств, которое бывает у людей, когда нет основ для каких-то устремлений, нет места упокоения для надежд. Одна из целей этой книги – показать, что теософское движение, по замыслу его основателей, было начато при ясном видении исторических сил, которые воссоздавали общественное сознание западного мира в девятнадцатом веке, и с предвидением социальных и духовных дилемм, с которыми столкнется все человечество в нынешнюю эпоху. Теософское общество 1875 года открыло большой канал для работы во имя общего благополучия и просвещения человечества. Оно не было основано как некий культ или секта для того, чтобы принести личное избавление или особые знания тем немногим счастливчикам, которые могли принять его доктрины. Основатели теософского движения не были заинтересованы в создании «обществ» или групп для «изучения оккультизма» как такового. Их интересовала долгосрочная перспектива эволюции человека, духовные и нравственные потребности расы для будущих поколений и веков.

Если теософия действительно предлагает знание законов человеческой эволюции, то ход теософского движения, его прогресс, а также характер препятствий, мешающих его продвижению, предоставляют средства для проверки обоснованности этого учения на практическом опыте. Таким образом, здесь можно сформулировать некоторые основные теософские понятия закона эволюции.

Что касается человечества, то теософия учит тройственной эволюционной схеме, в которой в настоящее время физическое подчинено процессам рационального и духовного, или нравственного, развития. Вкратце, эволюция – это эволюция души, развёртывающаяся в соответствии с духовным законом, который является неотъемлемой частью естественного порядка. Идеальная цель, к которой медленно движется человечество, есть великое братство всех людей, в котором, в конечном итоге, расцветут все эволюционные потенциальные возможности.

Однако достижение этой цели зависит от осознанного стремления человека к ней, от познания природы и судьбы человека, а также от факторов принятия духовного выбора, которые делают каждое человеческое существо независимым деятелем, способным

на выбор – стать Христом либо Иудой, альтруистом либо корыстным эгоистом. Для человечества, как и для личности, теософия проповедует доктрину «спасения делами». Однако такие «дела» должны основываться на знании человеческих потребностей; следовательно, овладение теософией означает изучение философских доктрин, которым она учит, а также их практическое применение в индивидуальной жизни и для достижения более широких социальных целей.

Если в истории сохранились сведения о духовной и рациональной эволюции с видимыми последствиями, изучение прошлого может показать, что формированию Теософского общества и проникновению в сознание человечества теософских идей предшествовали многочисленные соответствующие успешные усилия. В своём сочинении «История цивилизации в Англии», оказавшем огромное влияние на общество, великий английский историк Г. Т. Бакл суммирует уроки прошлого в одном заявлении, которое в равной степени может служить пророчеством о будущем теософии и теософского движения. В первом томе этого сочинения Бакл писал:

«В силу до сих пор неизвестных обстоятельств время от времени появляются великие мыслители, которые, посвящая свою жизнь единственной цели, могут предвидеть прогресс человечества и создавать религию или философию, с помощью которых достигаются важные результаты. Но если мы заглянем в историю, мы ясно увидим, что, хотя появление нового мнения может быть связано с одним человеком, результат, который производит новое мнение, будет зависеть от состояния людей, среди которых оно распространяется. Если религия или философия заметно опережают нацию, они не могут быть полезны в настоящее время, но должны ждать своего часа, пока умы людей не созреют для их принятия. В каждой науки и каждом вероучении были свои мученики... Согласно обычному течению дел, проходит несколько поколений, и затем наступает период, когда на эти самые истины смотрят как на привычные факты; а немного погодя наступает другой период, когда они объявляются необходимыми, и даже самые слабые умы задаются вопросом, как их могли когда-либо отвергнуть».

Согласно теософскому взгляду на историю, «до сих пор неизвестные обстоятельства» Бакла на самом деле связаны с тем, что можно назвать кармическим обеспечением духовной и рациональной эволюции. Согласно великому нравственному закону, называемому буддистами «кармой», и в переходные периоды циклического прогресса

человечества мудрые учителя восстанавливают для человечества, как по прямым, так и косвенным каналам некоторые знания, которые когда-то были известны в прошлом, но которые со временем были потеряны или омрачены сложностями психической и личной эволюции. Эти учителя, которых в теософской литературе иногда называют «Старшими братьями», сами находятся в авангарде потока эволюции, к которому мы принадлежим. Таким образом, они выполняют естественную функцию, принимая активное, хотя часто неявное, участие в истории человечества. И хотя такое действие циклического закона часто задерживается или даже затрудняется невежеством людей, за каждым подъёмом и падением цивилизации следует возрождение и дальнейшее развитие.

Ареной цикла теософского движения девятнадцатого века были Соединенные Штаты, Европа и Индия. В Америке рост энергии новой нации обещал большой успех такому движению самостоятельной реформы, основанной на психологии знания души. Индия, древний источник религии мудрости, медленно пробуждалась от летаргического векового сна, готовясь к культурному возрождению, которое возродило бы её былую славу и придало бы современную энергию восточному наследию духовной философии. Англия, где мадам Блаватская разместила свою штаб-квартиру в последние годы своей миссии, была естественным связующим звеном между древним Востоком и молодым Западом, как политически, так и географически, а также служила точкой обзора, с которой можно было влиять на главный европейский континент.

Поток теософских понятий из этих центров вызвал брожение мысли в девятнадцатом веке, заквасив её дух и бросив вызов фанатизму унаследованной религии и высокомерным заверениям научного материализма. Теософское движение на Западе появилось вслед за циклом внезапного материального прогресса западных стран. В воздухе витали перемены. Практические следствия великих достижений в области изобретений, научных открытий, транспорта, производства и коммуникации сблизили членов человеческой семьи. Прежний образ жизни быстро изменился. Традиции отмерли. Обычаи изменились. Естественные, а также культурные барьеры на пути человеческого братства рушились.

Эти великие перемены были обозначены в политической сфере деятельностью таких лидеров и реформаторов, как Линкольн, Мадзини, Гарибальди, Джон Брайт и других людей, защищавших права человека. Духовную апатию церквей разоблачали вольнодумцы с непреходящей славой – Роберт Г. Ингерсолл в Америке, Чарльз Брэдло в Англии, а в самой церкви такие люди, как Чарльз Кингсли и У. Э. Ченнинг. Этими и многими другими деятелями были нанесены удары молотом по самодовольной ортодоксальности. Было ли очевидное следование пути агностицизма, чисто социалистического или материалистического альтруизма или либеральной версии общепринятых убеждений, но усилия этих реформаторов привлекли широкий круг последователей и в значительной степени разрушили привычное одобрение простоватых и нетерпимых мнений.

Философские рассуждения вроде умозрений Герберта Спенсера, эстетический бунт таких людей, как Раскин, пронзительная резкость Карлейля и неприятие общепринятых взглядов такими писателями, как Диккенс, Элиот, Бальзак, Толстой, Уитмен и Достоевский, – всё это помогло работе первопроходцам теософского движения. Все они боролись за неограниченную сферу индивидуального сознания, за более широкий взгляд на человеческую жизнь и человеческий долг, в отличие от чьего-либо ipse dixit[1] или «так говорит Господь».

Ещё одна волна перемен началась с открытия учеными и путешественниками философского богатства Востока. До девятнадцатого века массы Запада существовали почти в полной изоляции от живого Востока с его огромным, но чуждым ему арсеналом психологических и метафизических учений. Истоки западной культуры были ограничены естественными преградами, ведущими к Древней Греции и Риму, и мало кто подозревал, что первые цивилизованные народы Европы, равно как и их современные преемники, на самом деле, черпали вдохновение и знания из неиссякаемой сокровищницы восточной мысли.

Первый перевод «Бхагавад Гиты» Чарльзом Уилкинсом появился ближе к концу восемнадцатого века. В 1807 году Уильям Джонс перевёл на английский язык классическое индийское сочинение «Кодекс Ману», заявив своим читателям, что понимание индийских обычаев и верований поможет в управлении колонией, предназначенной для «значительного увеличения

[1] Сам сказал (лат.). Выражение, характеризующее позицию бездумного преклонения перед чьим-либо авторитетом. Цицерон, "О природе богов", I, 5, 10

богатства Британии». Чуть позже Артур Шопенгауэр прочитал латинский перевод Упанишад, сделанный с персидского текста Анкетилом-Дюперроном, пионером в изучении Авесты, и вдохновение, навеянное ими, проявилось в трудах великого немецкого пессимиста. Журналы Эмерсона изобилуют ссылками на восточную литературу. «Кодекс Ману», «Бхагавад Гита», Упанишады, Веды и многие другие сочинения нашли место в его библиотеке рядом с многими сочинениями платонизма. Торо и Эдвард Беллами, пророк социальных реформ, также были погружены в мистицизм и философию древнего Востока.

«Свет Азии» сэра Эдвина Арнольда появился в Америке в 1879 году, вызвав необычайное восхищение трансценденталистов. Оливер Венделл Холмс посвятил ему двадцать шесть страниц в современном обзоре. Лафкадио Хирн, прочитав этот поэтический рассказ о жизни и учении Будды, предсказал, что «буддизм в некоторой эзотерической форме может удостоверить религию будущего». Он мечтал о революции во «всем западном религиозном мире» через эту восточную веру. Эта книга привела к тому, что многие тысячи людей на Западе впервые в своей жизни осознали, что все великие нравственные понятия Иисуса были предвосхищены Буддой и объединены в его учении с рациональной философией, полностью отсутствующей в христианской традиции.

Умножение такого рода действий начало уменьшать знакомое западное презрение к «языческим» учениям, и с появлением многотомных изданий восточной религии, таких как «Священные книги Востока» Макса Мюллера, мир знаний был вынужден признать, что во многих отношениях восточные мудрецы были нашими ровесниками, если не нашими наставниками, в вопросах философии и этических взглядов.

Итак, это были некоторые из факторов, которые открыли западный разум для новых возможностей, заставили людей подвергнуть сомнению старые верования, заставив их искать какую-нибудь конструктивную доктрину, которая могла бы синтезировать всё увеличивающееся разнообразие человеческого опыта и знаний. Последние годы девятнадцатого века предоставили прекрасную возможность тому, кто мог излагать факты, а не теории, принципы, а не убеждения. Таким образом, основав Теософское общество и сделав своё первое публичное изложение теософской

философия, Е. П. Блаватская стала утверждать, что настал час дать какое-то унифицированное объяснение насущных проблем современного мира. Религия утверждала, что человек является существом, испорченным по своему происхождению, одушевленным внешним Богом, от благосклонности которого зависит все человеческое счастье как в этом мире, так и в ином. Наука, бросая вызов авторитету всех религиозных верований, предложила альтернативу животных предков для человеческого вида, прослеженных до фермента первобытной слизи, и не позволила никаким представлениям о духовной реальности или существовании окрашивать логичные рассуждения ее материализма. Спиритуализм, третий участник борьбы за убеждения человека, был незваным гостем, не имевшим союзников, кроме собственного фанатичного убеждения – странным апостолом из иного мира, обещавшим избавление от великой личной печали для одних, а для других – отвратительное возрождение средневекового колдовства и некромантии.

Е. П. Блаватская начала свою миссию именно среди спиритуалистов, лишённых друзей, изгоев как науки, так и религии, так как они проникли в скрытые сферы природы и выявили реальные силы, которым в течение нескольких поколений Запада не верили и смеялись над ними. Правильно понятые и управляемые, эти силы могут быть использованы для восстановления живой веры в бессмертную душу – в божественные потенциальные возможности всего человечества.

ГЛАВА II

СПИРИТУАЛИЗМ ДЕВЯТНАДЦАТОГО ВЕКА

Поскольку теософское общество на заре своего существования находило большинство своих сторонников среди наиболее вдумчивых спиритуалистов или среди тех, кого спиритуалистические феномены побуждали исследовать предмет психических сил, уместно отметить некоторые события и судьбы спиритуалистического движения до 1875 года. Современный спиритуализм начался с медиумических манифестаций сестер Фокс в Хайдсвилле, штат Нью-Йорк, в 1848 году. В течение нескольких лет он распространился по всему западному миру. По словам Альфреда Рассела Уоллеса, «нашлись другие медиумы в разных частях страны, как если бы тогда происходило особое развитие этой аномальной силы». Известные медиумы путешествовали по Европе, демонстрируя свои чудеса и завоевывая покровительство королевской семьи. Медиумы и сенситивы находились среди всех классов, а последующие открытия и физические манифестации потрясли до основания неоспариваемые авторитеты того времени. Люди начали выражать удивление по поводу этих странных происшествий, задавать вопросы, а некоторые (хотя и очень немногие) стали задумываться над этим. Это внутренний голос масс, их духовная интуиция (этот традиционный враг холодного рационального мышления, законный прародитель материализма) пробудился от своего долгого каталептического сна. Каким бы неудовлетворительным ни было их философское толкование, эти феномены стали рассматриваться как очевидные доказательства загробной жизни, и более того, они открывали широкий диапазон возможностей в области метафизики. К 1850 году сеансы уже проводились в Калифорнии, Орегоне, Техасе и в нескольких южных штатах. Спиритуалисты-открыватели расцвели, как древние еврейские пророки, и время от времени некоторые видные деятели публично говорили о своём интересе к спиритуализму. Гораций Грили, известный редактор газеты «New York Tribune», засвидетельствовал подлинность «стуков», произведённых сёстрами Фокс, сняв с них обвинения в мошенничестве. Дж. У. Эдмондс, Верховный судья Нью-Йорка,

известный своей честностью, защищал медиумов в прессе. Н. П. Таллмэдж, бывший губернатор штата Висконсин, публично поддержал претензии медиумов.

В течение 1851 и 1852 годов интерес к спиритуализму возрос в достаточной степени, чтобы поддержать создание нескольких журналов, полностью посвящённых его феноменам и их толкованию.

С тех пор современный спиритуализм завоевал широкое общественное признание, и хотя почти все учёные любой репутации относились к нему весьма скептически, несколько исключений из этого правила привели к увеличению привлекательности этого предмета среди обывателей. Впечатляющий аспект личного опыта в спиритизме обычно приводил к горячему желанию верить со стороны людей, жаждущих духовной истины, так что горстка умных и честных учёных, осмелившихся признать реальность психических феноменов, стала героями, которых постоянно цитируют возбуждённые энтузиасты. Одним из таких американских учёных был д-р Роберт Хэйер, профессор химии в Университете Пенсильвании, опубликовавший в 1854 г. сочинение «Научно доказанный спиритуализм», отчёт о тщательно проведённых экспериментах, которые убедили его в подлинности этих манифестаций. Согласно его словам, он первоначально взял на себя задачу расследовать эту область с целью уничтожить с помощью научного оружия «грубое заблуждение, называемое спиритуализмом», но вскоре сам был потрясён конкретными свидетельствами сверхъестественных явлений. Однако ему не удалось заинтересовать «Американскую ассоциацию содействия науке», которая на одном из своих съездов отклонила все его предложения по научному изучению психических феноменов. Не удалось преодолеть неверие своих коллег и профессору Джеймсу Дж. Мейпсу, президенту Механического института Нью-Йорка, выдающемуся химику, получившему международное признание научных организаций. Начав изучение спиритуализма, чтобы спасти своих уважаемых друзей, которые, как он заявлял, «быстро продвигались к умственному состоянию зародыша или к слабоумию», он закончил тем, что стал непреклонным свидетелем этих феноменов.

Привлекательность спиритуализма была уникальной для девятнадцатого века. С подъёмом духа рационалистов, явно укоренённого революционными мыслителями предшествующей эпохи, западный интеллект превратил неверие в призрачные или «оккультные» феномены в воображаемую догму, более того, в догму,

пользующуюся решительной поддержкой научных авторитетов. Но спиритуализм, как историческое явление, был гораздо чем-то большим, чем просто делом «мыслей». Он имел прямое отношение к чувствам, надеждам и страхам, которые лежат в основе чувств всех людей. «Смерть», как говорится в «Бхагавад Гите», «неизбежна для всех смертных». Психические или «духовные» феномены, обещавшие нечто большее, чем пустые богословские фразы о жизни после смерти, явились событиями, которые смогли вызвать большой интерес и взбудоражить тысячи людей, отчаявшихся получить какие-либо объяснения по этому предмету от религии или науки. Факты спиритуализма, если они были подлинными, подразумевали целую вселенную человеческого опыта, не затронутую современной мыслью. Исследователи психических феноменов сделали грандиозное открытие; они обращались к миру с пылкими заявлениями. Встречая пренебрежение или презрение со стороны представителей традиционных убеждений, они начали формировать общества, кружки и религиозные секты, которые быстро выросли до поразительных размеров, привлекая множество последователей из числа разочарованных людей, потерявших своих близких, и искренне заинтересованных людей. Шок от непосредственного приобретения психического опыта был силой, которую нельзя было отрицать.

Первая серьёзная попытка исследовать возможность метафизических или психических феноменов квазинаучной организацией была предпринята в 1869 году Лондонским диалектическим обществом. В течение восемнадцати месяцев Комитет общества, состоявший из тридцати четырёх известных лиц, собирал показания, представив полный отчёт Совету общества в 1870 году. Совет, однако, отказался опубликовать отчёт, после чего сам Комитет опубликовал результаты исследования, включая подборку поразительных мнений о «сверхъестественном происхождении» психических феноменов. «Большинство членов вашего Комитета, – говорится в отчёте, – стали фактическими свидетелями нескольких фаз этих феноменов без помощи или присутствия каких-либо профессиональных медиумов, хотя большая часть из них начала свои исследования в откровенно скептическом духе». Отчёт заключает: «Ваш Комитет, принимая во внимание возвышенный характер и огромный интеллект многих свидетелей ещё более исключительных фактов, объём показаний которых подтверждается отчётами подкомитетов, и отсутствие каких-либо доказательств обмана или галлюцинаций относительно большей части

феноменов; ...большое количество людей во всех слоях общества и во всём цивилизованном мире, которые более или менее подвержены влиянию веры в сверхъестественное происхождение феноменов, и тот факт, что никакого философского объяснения их ещё не было достигнуто, считают необходимым заявить о своей убежденности в том, что эта тема заслуживает более серьезного внимания и тщательного исследования, чем было сделано до сих пор».

Можно было бы предположить, что отчёт такого рода, составленный традиционно серьёзными и уважаемыми людьми, и с выводами, которые казались чрезвычайно важными, сразу же привлечёт большое внимание. Однако нежелание Совета диалектического общества опубликовать отчёт было симптомом того, что он получил признание публики после его самостоятельной публикации Комитетом. Печатный орган возведённой на престол респектабельности, лондонская газета «Times», назвала доклад «мешаниной бессильных выводов, украшенных грудой самого чудовищного хлама, который мы когда-либо имели несчастие подвергать критике». Другие высказывания лондонской прессы были в том же духе. Журнал «The Saturday Review» осудил спиритуализм как «одно из самых унизительных суеверий, которое когда-либо распространялось среди разумных существ». Газета «The Sporting Times» рекомендовала «отправить несколько ведущих профессиональных спиритуалистов, как негодяев и мерзавцев, на беговую дорожку на несколько недель», охарактеризовав «простофиль», обманутых ими, как «ничтожных глупцов» или «слабоумных».

Несколько газет были более сдержанными, признавая, что отчёт стоит прочитать, и допускали мнение Комитета о том, что его доказательства требуют «дальнейшего внимательного исследования». Как ни странно, именно медицинские журналы отнеслись к отчёту с некоторым уважением. Журнал «The Medical Times and Gazette» назвал этот отчёт «очень любопытным и заслуживающим внимания по нескольким причинам. Лондонский журнал «Medical Journal» нашёл его «кладезем информации», проливающей свет «на обе стороны многих важных психологических вопросов». Лондонский журнал «Spiritualist» поместил уместный комментарий: «Итак, отчёт, когда он был представлен, был в пользу спиритуализма; этот неожиданный результат испугал Диалектическое общество. Совет сбежал, отказываясь публиковать его, бросив Комитет на произвол судьбы». То, что Диалектическое общество «сбежало»,

было очевидно из публичного презрения к членам Комитета, несмотря на присутствие среди них такого выдающегося ученого, как Альфред Рассел Уоллес.

За исключением Уоллеса и одного или двух других, пионерам современных психических исследований было трудно убедить любого известного учёного даже присутствовать на психических демонстрациях. Томас Гексли, известный сторонник теории Дарвина, ответил на приглашение Комитета к сотрудничеству, заявлением, что у него «нет времени на такое исследование». И добавил:

«Но если даже предположить, что феномены подлинные, то они меня не интересуют». Физик Джон Тиндаль был агрессивно настроен против спиритуализма, как показывает отрывок из его «Фрагментов науки»: «В мире должна быть какая-то религия, даже если она должна полететь ради неё к интеллектуальному блуду спиритуализма». Д-р У. Б. Карпентер, ведущий физиолог и вице-президент Королевского общества, бойко объяснил как «бессознательную умственную деятельность» все спиритуалистические манифестации, а не как результат «преднамеренного обмана».

Вся тяжесть научного осуждения спиритуалистических исследований в Англии легла на плечи Уильяма Крукса, известного в то время в науке как первооткрыватель элемента таллий и редактор журнала «Chemical News». В июле 1870 года (в тот месяц, когда Совет диалектического общества отказался опубликовать отчёт своего Комитета) Крукс объявил в журнале «Quarterly Journal of Science» о своём намерении «исследовать так называемый спиритуализм». Его биограф Э. Э. Фурнье д’Альбе уверен, что учёный уже был весьма склонен к спиритуализму и надеялся «предоставить, если возможно, твёрдое научное доказательство объективности и подлинности «физических феноменов спиритуализма», чтобы преобразовать научный мир в целом и открыть новую эру человеческого прогресса». Соответственно, после проведения экспериментов с лучшими имевшимися медиумами Крукс описал свои результаты в серии статей, появившихся в «Quarterly Journal of Science» в 1870-72 годах. По большей части его выводы основывались на сеансах с тремя медиумами – Д. Д. Хьюмом, известным левитацией и другими примечательными феноменами, мисс Кейт Фокс, младшей из известных сестёр Фокс, которые так поразили мир в 1848 году; и мисс Флоренс Кук, через которую он был свидетелем

самых необычных манифестаций, записанных в анналах психических исследований.

Статьи, рассказывающие об этих экспериментах, вместе с общим обзором результатов и противоречивой перепиской, в которой участвовал автор, были позже представлены в виде книги под названием «Исследования феноменов спиритуализма».

В этой книге описано фундаментальные достижения в области психических исследований. Можно сказать, что ни одна из последующих работ, аналогичных по объёму, не добавила ничего принципиально нового к яркому отчёту этих исследований. Крукс проявил терпение и скрупулезную осторожность человека, обученного научным методам, к странным проблемам спиритуализма, и ему посчастливилось познакомиться с медиумами, достойными его внимания. В своём «Резюме» он описывает тринадцать классов феноменов, которые он наблюдал лично, включая левитацию людей; поднятие тяжёлых предметов с земли без контакта с людьми или другими физическими предметами; изменение веса человеческих тел; появление светящихся предметов и человеческих рук, которые были либо самосветящимися, либо видимыми при обычном свете; фантомные формы и лица; разного рода звуки; автоматическое письмо без участия человека; и, наконец, в некоторых заметках о медиумизме мисс Кук Крукс сообщил о совершенных материализациях, в которых «привидение» действовало и говорило как живой человек.

Проведя четыре года в бесплодной попытке привлечь научный мир к беспристрастным исследованиям в области психики, Крукс ушёл с публичной арены, после чего посвятил себя строго научным занятиям. Ответ, который он получил от других учёных, был исполнен презрения, а иногда и оскорблений, и он пришёл к выводу, что потеря его профессиональной репутации – слишком большая цена за продолжение борьбы в области психических чудес, как бы твёрдо он ни верил в них сам. Крукс, к своему огорчению, узнал, что готовность хвастливых учёных рассматривать с интересом все грани человеческого опыта, по крайней мере, в данном случае, была скорее позой, чем принципом. Он смирился с точкой зрения, которую он ясно выразил примерно двадцать пять лет спустя как президент Британской ассоциации: «Мне не от чего отказываться. Я придерживаюсь своих уже опубликованных утверждений. Я сожалею только о некой непродуманности в тех ранних изложениях, которые, без сомнения, заслуженно мешали

их признания в научном мире». Крукс предоставил возможность объяснить странное нежелание людей науки признавать факты, обнаруженные в его экспериментах, словами старого друга, написанными ему в письме. Этот друг, выдающийся учёный, писал:

«Никакого разумного ответа на ваши факты я не нахожу. Тем не менее, весьма любопытно, что даже я, со всей моей склонностью и желанием верить как спиритуалист, и со всей моей верой в вашу способность вести наблюдения и вашу абсолютную правдивость, чувствую, как будто я хотел бы увидеть это сам; и мне весьма больно думать, сколько ещё доказательств мне надо. Больно, говорю я, потому что вижу, что не здравый смысл убеждает человека, а только факты, когда они не повторяются так часто, что отпечатки в уме становятся подобны привычке, старому знакомству, вещи, известной так давно, что в ней нельзя сомневаться. Это любопытная фаза человеческого разума, и она особенно развита у учёных, более чем у других, как я думаю. По этой причине мы не должны всегда называть человека нечестным, потому что он долгое время не соглашается с доказательствами. Старую стену убеждений можно разбить, колотя по ней много раз».

Непробиваемый гранит этой «старой стены убеждений» был таков, что Крукс мог лишь процарапать её поверхность. Примерно шестьдесят пять лет спустя ведущий американский психолог д-р Джозеф Ястров дал подобное, хотя и менее сочувственное, объяснение научного скептицизма. Обсуждая спиритуалистические феномены и эксперименты по экстрасенсорному восприятию, проводимые в Университете Дьюка, д-р Ястров назвал неверие психологов в телепатию «результатом глубокого философского убеждения». Эту точку зрения ему высказал коллега: «ESP (экстрасенсорное восприятие) настолько противоречит общей научной картине мира, что принятие первого заставило бы отказаться от второй. Я не желаю отказываться от той совокупности научных знаний, которые так болезненно приобретены в западном мире за последние 300 лет на основании нескольких эпизодов и нескольких плохо описанных экспериментов».

Если ещё в двадцатом веке Ястров мог уверенно заявлять о «четырёх пятых психологов», опровергавших телепатию, насколько очевидно было то, что в девятнадцатом веке учёные вообще не обращали внимания на смелые эксперименты Уильяма Крукса!

В своём споре о реальности психических феноменов у Крукса был один выдающийся учёный союзник – лорд Альфред Уоллес, который разделил с Дарвином славу создания теории

естественного отбора. В 1875 году Уоллес опубликовал небольшую книгу под названием «Чудеса и современный спиритуализм», посвящённую теме, обычно называемую людьми «чудесами», которые можно объяснить терминами причинно-следственных связей, ссылаясь на сверхфизические силы, действующие согласно неизвестным законам, и утверждая, что реально происходят такие явно чудесные события. Уоллес представил множество трезвых аргументов, основанных как на здравом смысле, так и на человеческом опыте, чтобы убедить своих читателей в том, что феномен, называемый «спиритуалистическим», заслуживает внимания. Он подверг скептицизм Дэвида Юма эффективной критике и собрал множество исторических свидетельств о явлении психических чудес. Но что касается его учёных коллег, они проигнорировали обращение Уоллеса к фактам, и его призыв к здравому смыслу дошёл до ушей, более склонных к осуждению спиритуалистов, чем к беспристрастным аргументам в их пользу. В те дни, как и много лет спустя, вызов, брошенный психическими феноменами «общенаучной картине мира», был настолько нежелателен для людей, которые сыграли важную роль в её создании, что ни Крукс, ни Уоллес, ни кто-либо другой не могли найти справедливого решения относительно того, что им казалось революционным открытием в области психических исследований. Сильный и горделивый материалистический менталитет Запада только что освободился от ограничивающих доктрин христианской религии, и, возможно, было слишком рано ждать, что победившие воины, разгорячённые триумфом над богословской догмой семидневного сотворения мира, теперь с энтузиазмом обратятся к теории, которая, казалось, основана на столь же отвратительных предположениях о сверхъестественной силе.

Этот характерный для современной науки образ мышления настолько прочно укоренился, что требуется краткое рассмотрение его истоков. Позитивная склонность науки к практическому эксперименту и её потребность в доказательствах, воспринимаемых органами чувств, были, конечно, результатом выдающихся достижений таких людей, как Коперник, Галилей, Ньютон, Бойль, Гарвей и многих других. Отрицательная сторона научного духа, приведшая к великой борьбе, описанной Джоном У. Дрейпером как «Конфликт религии и науки», черпала вдохновение в критических размышлениях эпохи Просвещения, которые предшествовали и подготовили Французскую революцию. Темы, разработанные ранними английскими деистами, а также Ламетри, Гольбахом, Руссо, Вольтером

и Дидро во Франции, а также Дэвидом Юмом и историком Гиббоном были либо скрытыми, либо открытыми нападками на историческое христианство, его богословие, его вероучения и его священников. Какую бы тему якобы ни рассматривали эти основатели современного скептицизма, «Бог», как выразился историк, «находился под судом». Хотя многие из них ещё при жизни были осуждены как «атеисты», и светское общество в благочестивом ужасе избегало таких общепризнанных неверующих как Ламетри и Гольбах, их работа, бросающая вызов традициям и авторитетам, была проделана хорошо. Однако в следующем столетии доктрины Просвещения превратились в догмы рационалистов, которые, как и любая другая религия, были фанатичными в своем презрении к сверхъестественному.

Таким образом, материализм девятнадцатого века вырос из упорного неприятия священничества свободолюбивыми людьми – мыслителями, которые превзошли изначальное вдохновение и завещали своим научным преемникам априорное отрицание даже возможности психических феноменов. Французские интеллектуалы времён Людовика XVI уже заняли эту слепую скептическую позицию. В 1784 году, когда король пригласил академиков исследовать экстраординарные утверждения, сделанные от имени Франца Антона Месмера, венского врача, вызывавшего много критических замечаний в Париже, комиссия учёных, которые взяли интервью у Месмера и попытались воспроизвести его методы, сообщила, что они не могли обнаружить ничего, заслуживающего вниманиях в его «лечении», и что на самом деле знаменитого «флюида» Месмера не существовало. Среди членов этой комиссии было несколько самых выдающихся людей восемнадцатого века – один из них – Бенджамин Франклин, посол из Соединённых Штатов, другой – знаменитый Лавуазье, которому вскоре суждено было умереть от машины, изобретённой выдающимся д-ром Гильотеном, который также подписал заключительный отчёт комиссии.

Ученых Французской академии наук интересовали только «механистические» объяснения процессов природы. Вместе с Дэвидом Юмом они считали, что весь мир есть не что иное, как «один большой механизм, разделённый на бесконечное количество меньших механизмов, которые допускают новые подразделения. Как же тогда они могли всерьёз слушать Месмера, который объяснял своё лечение целым рядом метафизических положений о невидимом флюиде, называемым «животным магнетизмом», с помощью которого, как он утверждал, можно непосредственно лечить нервные заболевания,

а другие болезни косвенно? Просто «воображение» – да такое невозможно! Именно такое обвинение было предъявлено Уильяму Круксу почти столетие спустя, когда он осмелился привести доводы в пользу странных феноменов, порождаемых невидимыми силами спиритуализма. Крукса, по словам его критиков, охватила жажда к чудесам, и он потерял способность к научной рассудительности. Месмер и Крукс были всего лишь двумя из многих жертв материального духа эпохи, который черпал чувственную поддержку своих отрицаний из памятования о тысячелетнем обмане священства и бесконечных преступлениях и притеснениях во имя сверхъестественной религии.

Месмер, однако, имеет более важное отношение к современному спиритуализму, чем просто иллюстрация того, как научный скептицизм относится к новаторам в области психических исследований. Теории и эксперименты Месмера имели скрытую связь со спиритуалистическими феноменами девятнадцатого века, как выяснилось в более позднее время. Если бы его взгляды были широко приняты, спиритуалисты могли бы избавиться от многих своих заблуждений, а учёные – от замешательства, связанного с необходимостью отречься от некоторых категорических отрицаний. К счастью, консервативные медицинские организации и организации академической науки не являются единственными арбитрами человеческих убеждений. Миссия Месмера была выполнена, по крайней мере, частично. В результате своей широкой и популярной деятельности он привлёк внимание тысяч пытливых умов к загадкам внутренней жизни человека.

Научные авторитеты, возможно, отрицали реальность месмеризма, но его влияние было неудержимо. Многие изучающие медицину увидели в идеях Месмера ключ к разгадке физиологических и психологических проблем. Несмотря на экстравагантность, которую так часто можно найти в доктринах, разработанных вопреки общепринятым авторитетам, эти идеи проникли в мышление того времени. В 1840-х годах два английских врача стали профессиональными мучениками, продемонстрировав, что хирургические операции могут проводиться безболезненно на пациентах, находящихся в месмерическом трансе. В Германии Джозеф Эннемозер написал всестороннее исследование животного магнетизма, привнеся такую научность в этот предмет, что Уильям Ховитт назвал свой перевод этой работы «Историей магии»

(Лондон, 1854 г.). Другой немецкий врач, Ю. Ф. К. Хекер, составил историю эпидемий средневековья, в которой чёрная чума объяснялась как следствие космической болезни земного «организма» – теория, полностью соответствующая идеям Месмера.

В области практического психологического эксперимента, хотя его метафизической философией всё больше пренебрегали, ученики и подражатели Месмера неустанно работали с различными аспектами и соотношениями животного магнетизма. Однако результаты не всегда были самыми желанными. Гипноз Джеймса Брейда был незаконным отпрыском животного магнетизма, и Месмер, будь он жив, был бы первым, кто выступил бы против теории и практики английских гипнотизёров. Он с таким же неодобрением отнесся бы к действиям французских магнетизёров, которые к 1850 году были заняты демонстрацией «чтения мыслей» и другими формами чудотворения с сомнамбулическими субъектами. Людей, подобных этим несчастным жертвам психического эксперимента, вскоре стали называть «медиумами» спиритуализма девятнадцатого века. Перед смертью Месмер заметил развитие подобных тенденций у некоторых из своих последователей. Он с сожалением отзывался о методах Пюизегюров, которые погружали своих субъектов в сон, похожий на транс. «Их эксперименты, – говорил он, – демонстрирующие непонимание, могут навредить делу».

В начале девятнадцатого века европейские месмеристы посетили Америку, активизируя скрытые психические способности, которые позже вырвались наружу в спиритических феноменах. Эндрю Джексон Дэвис, главный пророк и лидер спиритуалистического движения в Соединённых Штатах, прошёл период психического «развития» в качестве сомнамбулического субъекта путешествующего месмериста Уильяма Левингстона. В 1830 году Джон Бови Додс читал в Новой Англии лекцию по «Электрической психологии», провозгласив электричество связующим звеном между разумом и материей. Француз Чарльз Пойен начал публичные демонстрации месмеризма в Америке в 1836 году.

По указанию Пойена Финес Квимби из Белфаста, штат Мэн, научился диагностировать болезни жителей своей деревни, используя свою способность сенсетива к ясновидению. Путем эксперимента он обнаружил, что не имеет значения, какое лекарство он посоветует, так как он убедился, что его лечение осуществляется только через мысленное

воздействие. Квимби развил идею, что все болезни – это иллюзия психики, которую он может искоренить мыслями, и в 1859 году он начал излагать свои теории (теперь известные многим как «христианская наука») в том, что стало знаменитыми рукописями Квимби.

Все эти разработки происходили в отрыве от традиционных научных исследований. Хотя великие и оригинальные мыслители были слишком мудры, чтобы отрицать скрытые возможности человеческой души, прочные барьеры скептицизма не позволяли подавляющему большинству даже рассматривать идею сверхфизических реалий. С одной стороны, культурной элите оставалось признать и принять некоторые следствия психического исследования, в то время как полуобразованные фанатики и изгои традиционной науки несли их в искажённой форме в массы, практикуя свои странные знания среди простых и невежественных людей. Между тем неверие научного сообщества заставило Уильяма Хоуита, переводчика Эннемозера, написать:

«Как могут верить ископаемые? А учёные, как класс, окаменели в своём образовании, основанном на бездуховных принципах последнего поколения. Эти принципы являются остатком атеистической и материалистической школы Французской революции. Атеизм отвергнут, но закваска неверия остаётся и останется ещё надолго. Он будет облегать учёных, как саван, и полностью лишит их права заниматься независимым исследованием внутренней природы человека, его свойств и перспектив как бессмертного существа. Это образование закрыло их духовное око и оставило только физическое. Они не имеют права заниматься психологическими исследованиями, будучи слепыми физически. Наши учёные и литераторы придерживаются кредо смерти Гоббса, Дидро и К°, но, не зная ничего о нём, не могут поверить ни одному великому новому духовному факту на основании любого количества доказательств.

Анализ научного скептицизма Хоуита получил интересное подтверждение в виде более позднего мнения друга и корреспондента Уильяма Крукса. Мир физических исследований, который был так гостеприимен для динамо-машины Фарадея, не нашёл ничего интересного в сверхъестественных качествах человеческой «динамо-машины», обнаруженных во время экспериментов Крукса.

Чрезвычайно озабоченные эволюцией тел, биологи, увлечённые дарвиновской теорией, не прислушивались к научным открытиям, которые могли бы иметь отношение к эволюции душ. Спиритуалистические феномены и утверждения рассматривались как позорное отвлечение от основного дела

науки, которая должна была установить на несомненных «физических» фактах законы физического мира, не оставляя места для «духовных» теорий любого рода. И поскольку наука, как всё более авторитетный культурный институт, не позволяла даже начать разумное объяснение психических феноменов, никакая гипотеза, даже приблизительная, объясняющая эти чудесные события, не была доступна, чтобы помочь тем немногим людям, которые подошли к ним с открытыми и пытливыми умами. В результате этого произошёл хаотический рост сектантского фанатизма вокруг фактов спиритуализма, а не упорядоченное исследование их значения. Чувство тревоги появляется, когда читаешь любопытные заявления о вере в сверхъестественное, сделанные людьми, проявившими себя как осторожные мыслители в других областях. Недостатки девятнадцатого века наиболее очевидны в восторженном принятии разумными людьми сентиментальных спиритуалистических доктрин загробной жизни. Убеждённые в реальности феноменов на бесспорном личном опыте, они не смогли найти никаких принципов объяснения, никакого приемлемого обоснования психическим феноменам ни в научных теориях, ни в религиозных преданиях. Поэтому запутавшись, такие исследователи принимали неадекватные объяснения медиумов и «духов».

Любопытное и единственное исключение из этого загадочного незнания психических феноменов появилось в Соединённых Штатах в 1854 году под интригующим, хотя и педантичным названием «Апокатастасис» или «Прогресс назад». Автор этой научной работы д-р Леонард Марш, профессор физиологии Университета Вермонта, ни в коем случае не был спиритуалистом, скорее, он противостоял спиритуалистическому движению, используя все ресурсы, которые его колоссальная классическая наука могла дать в этом вопросе. В его книге представляет интерес тот факт, который ясно показывает, что философы-неоплатоники и другие учёные древности были хорошо знакомы со странными событиями, которые спиритуалисты приветствовали как введение нового и великого устроения чудесной религии. Доктор Марш начал с цитаты Синезия о доктрине циклов – учении о возвращении через регулярные промежутки времени «жизней на земле, поколений, культур, нравов и судеб, которые, – как выразился Синезий, – будут такими же, как и раньше». Спиритуалистические феномены, заявил доктор Марш, были возвращением

того, что было раньше, и он нашёл причину беспокойства в том, что ему казалось современным восприятием «языческого» учения «духов» – «прогрессом в обратном направлении». Его книга, тем не менее, показывает превосходное знание древних относительно своеобразия духов медиумов, «направляющих» или «управляющих». Он повторяет мнение Порфирия, очень компетентного их судьи в древний период, что «их природа – лгать!!» Порфирий, Ямвлих, Плутарх, Минутий Феликс и многие другие призваны свидетельствовать о «духах», которые являются «порочными демонами» – сущностями, обманывающими людей и завладевающими ими в результате практики некромантии, которая, по выражению Порфирия, «как бы ведёт к рассмотрению божественной природы незаконным и беспорядочным образом». Таково было древнее мнение о спиритических «сеансах».

В некоторой степени вопреки своей благочестивой цели д-р Марш своими обширными цитатами из языческих авторитетов был вынужден разоблачить неспособность христианской религии объяснить широкий спектр психических феноменов, известных как философам-платоникам, так и современным спиритуалистам, хотя и в радикально отличающихся друг от друга терминах. Без этой классической поддержки его попытка опровергнуть утверждения спиритуалистов была бы действительно слабой. Но, несмотря на помощь теургов, его научная критика спиритуализма не имела большого успеха в то время, когда древняя психология (в особенности неоплатоников) классифицировалась огульно «материалистическими» учёными XIX века как средневековые суеверия. «Апокатастасис» оставался этакой диковиной эрудированных исследований, которые в последующие годы, возможно, повлияли на некоторых независимых мыслителей, таких как Уильям Джеймс, на проведение собственных исследований, но которые, безусловно, не затронули умы как спиритуалистов, так и учёных того же поколения, что и его автор.

Однако девятнадцатый век не был полностью лишён интересов к психологии и философии, которые могли помочь Западу понять спиритуалистические феномены. Гений Бальзака создал впечатляющую атмосферу мистических событий, его «Серафита» содержала множество зародышей оккультного учения. Романы Бульвера Литтона также должны были служить в теософской литературе иллюстрацией некоторых неясных догматов религии мудрости. В Европе была своя оккультная традиция в учении

розенкрейцеров, а в учении Эммануила Сведенборга было что-то вроде философии спиритуализма. Несколько учёных масонов и каббалистов в Европе и Америке всё ещё изучали древние фолианты и искали неуловимые секреты церемониальной магии у медиевистов, которые скрывали больше, чем они учили. Такие писатели, как Уоллес, Хоуит и Кэтрин Кроу с её любопытной книгой «Ночная сторона природы», помогли познакомить спиритуалистическое движение с более ранними циклами психическо-религиозных феноменов, положивших начало современной литературе по данной теме. Трактаты Райхенбаха, Дю Поте и Делёза, посвящённые важным результатам месмерических или магнетических явлений, показали, что новая вселенная субъективной жизни ожидает проведения исследований западным человеком.

Но кто даст карту для таких исследований? Кто мог собрать в одну великую схему психического и духовного существования человека эти разрозненные потоки опыта и причудливых книжных знаний? Был ли кто-нибудь, кто мог бы свести это шумное соперничество идей, теорий и несвязанных фактов до некоторого подобия порядка? И кто мог подвести под это (что было необходимо больше всего) основание духовной истинности, которое в мире угасающих верований могло бы быть одобрено сердцем человека и принято его рассудком?

Эту великую задачу взяла на себя Е.П. Блаватская, а после неё те мужчины и женщины, которые стали учениками в ходе Теософского движения.

ГЛАВА III

ТЕОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО ОСНОВАТЕЛИ

ИСТОРИЯ Теософского общества как первого практического проводника теософского движения XIX века неразрывно связана с жизнью и деятельностью Е. П. Блаватской. Какими бы ни были внешние шаги, ведущие к формированию Теософского Общества, именно осознание ею своей миссии и необходимости создания Общества вызвало интерес у других людей, которые стали её помощниками в этом предприятии.

По происхождению русская из дворянской семьи, мадам Блаватская более двадцати лет скиталась по многим странам, как на Востоке, так и на Западе. Записи об этих путешествиях частично содержатся в её собственных сочинениях, а описание её ранних лет представлено А. П. Синнеттом в его книге «Случаи из жизни мадам Блаватской». Хотя события этого периода могут иногда проливать свет на неясные проблемы Движения, такие подробности неуместны для данного сочинения, и их невозможно понять должным образом без глубокого понимания теософской философии. В настоящее время нас интересует её общественная деятельность в мире, которая началась вскоре после её приезда в Нью-Йорк в июле 1873 года. Она вела уединённую жизнь в Манхэттене и Бруклине более года. В октябре 1874 года она посетила фермерский дом братьев Эдди недалеко от Читтендена, штат Вермонт, где братья Уильям и Горацио Эдди прославились совершением необычных спиритических феноменов. Там она познакомилась с полковником Генри С. Олкоттом, которому газета «New York Graphic» поручила исследовать феномены братьев Эдди и докладывать о них её читателям.

Олкотт был американцем, получившим военное звание во время гражданской войны. На момент знакомства с мадам Блаватской ему было сорок два года, то есть он был на год младше неё. Он был редактором по сельскохозяйственной тематике в газете «New York Tribune», писал множество статей на различные темы для многих печатных органов

и был в то же время известным юристом, хорошо известным среди выдающихся людей. Будучи в течение многих лет спиритуалистом, он в начале года отправился к братьям Эдди записывать свидетельства медиумизма для газеты «New York Sun», а в сентябре опять поехал на ферму братьев Эдди для публикаций в газету «The Graphic».

Феномены братьев Эдди, подробно описанные полковником Олкоттом в письмах в газету «The Graphic», а затем в его книге «Люди с того света» (опубликованной в январе 1875 г.), относились к тем феноменам, что спиритуалистам известны как «материализация». Его образное описание этих феноменов, в том числе его тщательные меры предосторожности против всякого мошенничества, привлекло значительное внимания, равно как и его описание замечательного эффекта, производимого присутствием мадам Блаватской на «спиритуалистических» манифестациях. По его словам, эти феномены значительно изменились по характеру и разнообразию сразу после её прибытия в усадьбу братьев Эдди, и азиатские «призраки» в причудливой национальной одежде добавились к компании американских индейцев и других «духов-наставников» Уильяма и Горацио Эдди. Заинтригованный этими событиями, Олькотт продолжил знакомство с мадам Блаватской после их возвращения в Нью-Йорк.

Первыми сообщениями мадам Блаватской, публично появившимися в Соединённых Штатах, были её письма в газету «The Daily Graphic» от 27 октября и 10 ноября 1874 года, в которых она защищала братьев Эдди от обвинений в мошенничестве доктором Джорджем М. Бирдом, «врачом электротерапевтом из Нью-Йорка». Нападки высокомерного Бирда на подлинность феноменов братьев Эдди вызвали пламенный и блестящий ответ русской женщины, которая благодаря этим и другим подобным письмам в прессу вскоре приобрела репутацию одной из самых талантливых защитниц спиритуализма. Так как она была защитницей честных медиумов, её письма и статьи часто перепечатывались в спиритических журналах, в результате чего слава о ней быстро распространилась среди всех серьёзных исследователей психических или спиритуалистических феноменов. Зимой 1874-1895 гг. мадам Блаватская посетила Филадельфию, где познакомилась с несколькими ведущими спиритуалистами, в том числе с Робертом Дейлом Оуэном, автором книги «Звук шагов с того света», и сыном Роберта Оуэна, реформатором экономики. Находясь в этом городе, она приняла участие в ещё одной защите медиумов,

на этот раз мистера и миссис Нельсон Холмс, которых бывший коллега обвинил в мошенничестве. Защищая Холмсов, мадам Блаватская оказалась в трудном положении, когда ей приходилось признавать, что некоторые из их феноменов были обманными, в то время как другие манифестации, как она утверждала, были безошибочно подлинными. Её умение в подборе фактов и ведении интеллектуальной полемики фактически раскрылись в этих ранних статьях о подлинных психических феноменах. (Ряд статей и писем мадам Блаватской в прессу, опубликованные в 1874 и 1875 годах, были перепечатаны в «Современном панарионе», выпущенном в 1895 году Теософским издательским обществом).

Этими сочинениями она привлекла внимание наиболее умных спиритуалистов, и по возвращении в Нью-Йорк она все дни проводила за перепиской, а вечера посвящала долгим дискуссиям с многочисленными посетителями. Один репортёр назвал её квартиру на Ирвинг-плейс, 46 «ламасерием», и это название быстро стало популярным, поскольку несло аромат таинственности, окружавший её и темы, обсуждаемые на этих вечерах. На них почти всегда присутствовал Олькотт, а также молодой юрист Уильям К. Джадж, которого Олкотт представил мадам Блаватской по её просьбе. Джаджу тогда было чуть больше двадцати (он родился в 1851 году), он был ирландцем и приехал в Америку ещё мальчиком. В молодости он отличался тем, что проявлял большой интерес к религиозной философии, мистицизму, месмеризму и спиритуализму.

Со встречей этих троих Основателей Теософского Движения появилась организация, которая существовала на протяжении всей их жизни – мадам Блаватской, которой вскоре было суждено привлечь внимание общества экстраординарными демонстрациями оккультной силы и столь же экстраординарным, хотя менее сенсационным, учением оккультной философии; Г. С. Олкотта, журналиста, светского человека и известного спиритуалиста; и У.К. Джаджа, молодого, ревностного человека и, как покажут годы, наделенного редкой проницательностью и беспрецедентной целеустремленностью, хотя в те дни он был неизвестной величиной и останется таковой в течение десяти или более лет.

В первые месяцы 1875 года Олкотт и Джадж осознали, что мадам Блаватская не была обычной «спиритуалисткой» – если она вообще была таковой. Хотя

она начала свою публичную деятельность как воинствующая защитница честных медиумов, но вскоре в её сочинениях проявился другой тон, осторожный, но безошибочный. Несмотря на необходимость принять многое из спиритического словаря, она писала с возрастающей энергией философа, демонстрирующего очевидное знакомство с понятиями и практиками, как древних, так и средневековых теургов. Некоторым из своих корреспондентов она намекала на великую миссию, которую ей доверили оккультные Учителя. И16 февраля 1874 года она написала профессору Хираму Корсону из Корнельского университета, которого привлёк её анализ медиумизма Холмсов из Филадельфии:

«Я нахожусь здесь, в этой стране, так как меня послала моя Ложа во имя Истины в современном спиритизме, и мой самый священный долг – раскрыть то, что есть, и разоблачить то, чего нет. Возможно, я пришла сюда на сто лет раньше. Возможно, и я боюсь, что это так… при нынешнем состоянии спутанности сознания. В моих глазах Аллан Кардек и Фламмарион, Эндрю Джексон Дэвис и судья Эдмондс – всего лишь школьники, которые просто пытаются написать азбуку и иногда делают грубые ошибки».

Первое публичное свидетельство её знаний и целей появилось в журнале «Spiritual Scientist», независимом бостонском еженедельнике, посвящённом спиритуализму. По указанию её «Ложи» и поскольку эта статья, отредактированная Элбриджем Джерри Брауном, показала философские характерные черты, отсутствующие у большинства спиритических журналов, мадам Блаватская начала поддерживать его и публиковаться на его страницах. В журнале «Spiritual Scientist» от 17 апреля 1875 г. появилась заметка, озаглавленная «Важное для спиритуалистов» и подписанная «Братство Луксора». Олькотт написал эту заметку, известную как «луксорский» циркуляр по просьбе этого оккультного братства, членом которого была мадам Блаватская. В циркуляре кратко рассматривается ситуация со спиритуализмом в Соединённых Штатах. Отмечая, что с момента возникновения западного спиритуализма в 1848 году прошло двадцать семь лет, он упрекал американских спиритуалистов в том, что они учат «лишь немногому, достойному внимания вдумчивого человека», и предложил, чтобы журнал «Spiritual Scientist» стал печатным органом более основательного исследования «законов, лежащих в основе феноменов».

Это заявление, конечно же, вызвало бурю негодования. Один автор оспаривал существование «Луксорского братства». Другой,

за подписью «Хираф» предоставил журналу«Spiritual Scientist» статью, посвящённую знаниям розенкрейцеров, тем самым предоставив мадам Блаватской возможность начать обсуждение оккультизма, которое появилось в июле (позже перепечатано в «Современном панарионе» под название «Оккультизм или магия»). Это изложение, названное полковником Олькоттом «письмом Хирафа», а мадам Блаватской – её «первым оккультным выстрелом», имеет особое значение, так как в нём излагаются несколько основных понятий того, что позже стало известно как теософская философия, и устанавливает также некоторые исторические факты, относящиеся к теософскому движению на Западе.

«Хираф» был псевдонимом молодого юриста по имени Фейлес, который, очевидно, много читал о розенкрейцерах. Его статья, вышедшая в двух номерах журнала «Spiritual Scientist», по словам Олькотта, была «полна теософических идей, интерпретируемых с точки зрения розенкрейцерства». Однако мадам Блаватская, хотя и принимала во внимание эту попытку исследовать предмет, который был практически неизвестен в Америке, использует статью «Хирафа» в собственных целях. Её ответ «Хирафу» закладывает основу для тем, которые постоянно повторяются в литературе теософского движения. Вначале она подчеркивает неадекватность только «книжного обучения» в области оккультизма, делая акцент на необходимости «личного опыта и практики». Она ссылается на свои собственные «длительные путешествия из края в край по всему Востоку – этой колыбели оккультизма» и уверяет читателя в том (в чём сомневался «Хираф»), что в Индии, на Ближнем Востоке и в других странах всё ещё существуют академии обучения неофитов оккультной науке. Она считает ошибочным предположение «Хирафа» о том, что практические знания тайной науки вымерли вместе с розенкрейцерами, и критикует его отождествление всех «адептов» с розенкрейцерами.

Чтобы исправить эти заблуждения, она рассматривает историю ордена розенкрейцеров с момента его основания немецким рыцарем Кристианом Розенкранцем и сообщает своим читателям, что каббала розенкрейцеров основана на более древней и полной восточной каббале, трактат которой, по её словам, «бережно хранится» в штаб-квартире Восточного Братства – таинственной Ложи, которая существует до сих пор и «не потеряла ничего из первых тайных способностей древних халдеев». Ложи этого Братства, продолжает она, немногочисленны и «разделены

на отделения, известные только адептам; никто не может их обнаружить, только сами Мудрецы находят неофита, достойного посвящения. Нам сообщают, что доктрины восточной каббалы, которыми владеют эти живые мудрецы, передаются из поколения в поколение среди мудрецов, и их чистота ревниво охраняется посвящёнными Халдеи, Индии, Персии и Египта, претерпевая искажения только в еврейской каббале, в которой некоторые символы древнего учения были намеренно неверно истолкованы. Но восточная каббала осталась нетронутой, и мадам Блаватская заявила о своей приверженности её доктринам, сказав:

«Как практический последователь восточного спиритуализма, я уверена в том, что настанет такое время, когда при своевременной помощи тех, «кто знает», американский спиритуализм, который даже в его нынешней форме оказался такой язвой в боку материалистов, станет наукой и предметом математической точности, а не будет рассматриваться только как безумное заблуждение эпилептических маньяков».

До появления письма «Хирафа» публичные сочинения мадам Блаватской ограничивались полемикой во имя медиумов, подвергшихся несправедливым нападкам, или письмами, призывающими к беспристрастному исследованию психических феноменов. После июля 1875 года её вклад стал убедительным подтверждением реальности оккультной науки. К этому времени её личная переписка была полна вопросов, касающихся оккультизма, а в ещё одной статье для журнала «Spiritual Scientist» она установила принципы, которые, по её словам, должны были быть приняты в поисках тайного знания. Она писала, что оккультизм – не для дилетантов, людей нерешительных или просто любопытных.

Она не рекомендовала никаких книг на эту загадочную тему по той причине, что… «то, что может быть дорого интуитивному человеку, при прочтении в той же книге другим человеком может оказаться бессмысленным. Если человек не готов посвятить этому всю свою жизнь, поверхностное знание оккультных наук обязательно приведёт его к тому, что он станет мишенью для миллионов невежественных насмешников».

Она продолжала:

«Если человек пойдёт по стопам философов-герметиков, он должен заранее подготовиться к мученической смерти. Он должен отказаться от личного тщеславия и всех эгоистичных целей и быть готовым к постоянным встречам с друзьями и врагами. Он должен раз и навсегда расстаться с любым воспоминанием о своих прежних понятиях, обо всех и обо всём. Существующие религии, знания,

наука должны снова стать для него пустой книгой, как и в дни его детства, потому что, если он хочет добиться успеха, он должен выучить новый алфавит, написанный на лоне матери-природы, каждая буква которого даст ему новое понимание, каждый слог и слово – неожиданное откровение.

Долг каббалиста перед наукой (бессодержательной и бесплодной, разумеется), – доказать, что с начала времён существовала только одна позитивная наука – оккультизм; что это был таинственный рычаг всех разумных сил, Древо познания добра и зла аллегорического рая, из гигантского ствола которого во всех направлениях вырастали ветви, сучья и веточки, причём первые поначалу росли достаточно прямо, а вторые отклонялись с каждым сантиметром роста, принимая всё более и более фантастический вид, пока, наконец, один за другим они не потеряли свой жизненный сок, деформировались и, высохнув, в конце концов, отвалились, засыпав землю вокруг грудами сора. Оккультист будущего должен будет доказать богословию, что боги разных мифов, элохим Израиля, а также религиозные и богословские таинства христианства, начиная с троицы, изошли из святилищ Мемфиса и Фив; что их мать Ева – всего лишь одухотворенная Психея древности, и оба они платят одинаковое наказание за своё любопытство, спускаясь в Аид или ад, вторая, чтобы вернуть на землю знаменитый ящик Пандоры, первая, чтобы найти и сокрушить голову змея (символ времени и зла), преступление обеих искуплено языческим Прометеем и христианским Люцифером; первого освобождает Геракл, второго покоряет Спаситель».

Здесь было нечто большее, чем спиритуалистические споры, какими бы блестящими и искусными они ни были.

Мастерство владения предметом очевидно в каждой строчке этой статьи мадам Блаватской. Она пишет с уверенностью и силой, бросая проницательный взгляд обученного оккультиста на современную сцену; она даёт определения с уверенностью того, кто одержал победу над препятствиями, стоящими на пути искателя тайной истины. Эти статьи, напечатанные в журнале «Spiritual Scientist» в 1875 году, содержат подлинный аттестат Е. П. Блаватской как Учителя и Адепта. Знание из первых рук – вот содержание того, что она писала; её слова исполнены значения, которое является не результатом «литературных исследований», а очевидной личной силы, основанной на практическом опыте науки оккультизма.

Ярко описав страсти на пути к некоему знанию, она переходит к опасностям, с которыми сталкивается каждый оккультист, который применил то, что открыл для общего блага – презрительное отрицание научного материализма и мстительное противодействие традиционной религии. Пророчествуя о своём трагическом будущем и о нападках, которым будет подвергаться Теософское движение, она писала о злобном враждебном мнении общества, всегда откликающегося на хлыст демагога, который, не выслушав, осуждает попытки изучающих оккультизм вести массы к истинам, игнорируемым как наукой, так и религией. По её словам, оккультисты должны быть готовы к встрече и борьбе с безжалостными силами фанатизма и предрассудков (врагами, которые редко ошибаются, видя любую реальную угрозу своему контролю над сознанием масс), которые «никогда не сговариваются против кого-либо, кроме как против реальной Силы».

Ещё до основания Теософского общества мадам Блаватская недвусмысленно высказала своё истинное мнение о медиумах и спиритических феноменах. Когда выдающийся редактор-спиритуалист Лютер Колби из журнала «The Banner of Light» намекнул, что «представление о том, что существует такая вещь, как магия», является просто «обманом», она написала интересную статью для журнала «Spiritual Scientist», предлагая научное определение магии и различая использование магических или оккультных сил от непроизвольных феноменов медиумов-спиритуалистов. Она обращается к мистеру Колби:

«Вы думаете, что магия ограничивается ведьмами, летающими верхом на помеле, а затем превращающихся в чёрных кошек? Даже последний суеверный вздор, хотя он никогда не назывался магией, но колдовством, не кажется большей абсурдностью для того, кто твёрдо верит в превращение миссис Комптон в Кэти Бринкс.

Практика *магических* сил есть эксорцизм[2] сил *естественных*, но превосходящих обычные функции природы. Чудо – это не нарушение законов природы, кроме как для несведущих людей. Магия – это всего лишь *наука*, глубокое знание оккультных сил природы и законов, управляющих видимым или невидимым миром. Спиритуализм в руках адепта становится магией, поскольку он обучен искусству совмещения законов вселенной, не нарушая ни один из них и тем самым не нарушая природу. В руках же опытного медиума спиритуализм становится *бессознательным колдовством*, поскольку, позволив себе стать беспомощным орудием различных духов,

[2] Игра слов exercise и exorcise

о которых он ничего не знает, кроме того, что те позволяют ему знать, он открывает, сам не ведая того, дверь общения между двумя мирами, через которую являются слепые силы природы, скрывающиеся в астральном свете, а также хорошие и плохие духи».

Такая откровенность в отношении медиумов должна была вызвать к мадам Блаватской ненависть многих «духов-наставников» и потоки брани со стороны чувственных спиритуалистов, которые быстро забыли про её мужественную защиту своих феноменов и после этого посвятили себя ядовитым нападкам на теософов и теософские учения. Однако в этой важной статье она не закончила критическое сравнение магии и спиритуализма. Писатели-спиритуалисты называли всех великих учителей и чудотворцев прошлого «медиумами» и это заблуждение необходимо было исправить:

«Сомневаться в магии – значит отвергать саму историю, а также свидетельства её очевидцев в течение периода, охватывающего более 4000 лет. Начиная с Гомера, Моисея, Гермеса, Геродота, Цицерона, Плутарха, Пифагора, Аполлония Тианского, Симона Мага, Платона, Павсания, Ямвлиха, и далее следуя бесконечной веренице великих людей – историков и философов, которые все либо верили в магию или сами были магами, и заканчивая нашими современными авторами, такими как У. Хоуит, Эннемозер, Ж. де Муссо, маркиз де Мирвиль и покойный Элифас Леви, который сам был магом, – среди всех этих великих имён и авторов мы находим лишь одного мистера Колби, редактора журнала «The Banner of Light», который игнорирует, что когда-либо существовала такая наука, как магия. Он невинно полагает, что вся священная армия библейских пророков, начиная с отца Авраама, включая Христа, была просто медиумами; в глазах мистера Колби все их действия были под контролем!

Представьте себе Христа, Моисея или Аполлония Тианского, управляемого индийским духом-наставником! Достопочтенный редактор, возможно, игнорирует тот факт, что медиумы-спиритуалисты были лучше известны в те дни древним, чем они теперь известны нам, и он, кажется, в равной степени не осознает того факта, что охваченные вдохновением сивиллы, пифии и другие медиумы полностью руководились их верховным жрецом и теми, кто был посвящён в эзотерическую теургию и мистерии храмов. Теургия была магией; как и в наше время, сивиллы и пифии были *медиумами*, и их верховные жрецы были магами. Все секреты их богословия, включая магию или искусство вызова духов-служителей, были в их руках. Они владели наукой различения духов – наукой, которой мистер Колби не владеет вообще, к его великому

сожалению, без сомнения. Этой силой они управляли духами по своему желанию, позволяя лишь хорошим духам увлекать своих медиумов. Таково объяснение магии реальной, существующей, *белой* или священной магии, которая должна быть в руках науки сейчас, и была бы, если бы наука извлекла пользу из уроков, которые спиритуализм предварительно преподает в течение последних двадцати семи лет».

Магия существует с доисторических времён. Начавшись в истории с самофракийских мистерий, она непрерывно следовала своим курсом и закончилась какое-то время затухающими теургическими обрядами и церемониями христианизированной Греции; затем снова появилась на какое-то время вместе с неоплатонической, александрийской школой и, пройдя через посвящение разных учеников-одиночек и философов, благополучно пересекла средневековье и, несмотря на яростные преследования Церкви, вновь обрела свою славу в руках таких адептов, как Парацельс и некоторых других, и, наконец, умерла в Европе вместе с графом Сен-Жерменом и Калиостро, чтобы искать убежища от бессердечного скептицизма на своей родине на Востоке.

В Индии магия никогда не угасала и процветает там, как никогда. Практикуемая, как и в Древнем Египте, только в тайных помещениях храмов, она до сих пор называется «священной наукой». Ведь эта наука основана на оккультных силах природа, а не просто слепая вера в то, что домашний попугай говорит о хитрых элементариях, готовых насильственно помешать *реальным, развоплощенным* духам общаться со своими любимыми всякий раз, когда они могут это сделать.

Спиритуалисты 1875 года ничего об этом не знали; достаточно просто полистать страницы журналов, посвящённых спиритуалистическим феноменам и верованиям, чтобы обнаружить разительный контраст между философской силой сочинений мадам Блаватской и психическими фантазиями обычного спиритуализма. Доктрины спиритуалистов были поверхностным отражением желаемого, выдаваемого за действительное, с благими намерениями, но без разумной силы или твёрдой духовной основы. Не обладая философией, религиозные идеи спиритуалистов получали поддержку фанатичных убеждений, а не метафизических глубин, имея тенденцию отталкивать, а не притягивать к разумному исследованию. У них была вера, в которой унаследованные чувства соединялись с сильной чувствительностью – вера, отрезанная от возможности рационального развития. Следовательно, принять ход исследований, предложенный Е. П. Блаваской, означало для спиритуалистов готовность признать жалкую неадекватность своих объяснений физических феноменов,

а также духовную слабость всех своих доктрин. Хотели бы они отказаться от нетребовательной простой доверчивости индийским «духам-наставникам» вместо их учений? Могли ли они признать, что двадцать семь лет их сеансов не принесли им никакого реального развития, а только огромное скопление тривиальных психических посланий, не имеющих особого значения, если не считать «таинственной» манеры их передачи?

Задача, которую взяла на себя мадам Блаватская, заключалась в привлечении внимания широкой публики к учениям, которые она должна была передать. Её защита спиритуалистов относительно того, что касается реальности их феноменов, сделала членов этой гонимой секты её друзьями и временными союзниками; но что они скажут, когда она отвергнет их утверждения и теории о «существовании духов умерших» как ложные и даже вводящие в опасное заблуждение? Когда она раскрыла, что ее намерением было разоблачить ошибки спиритуализма, а также установить факт психических феноменов, смогли ли приверженцы некромантии девятнадцатого века распознать ещё большее значение их движения и стать, как древние иерофанты, хозяевами психических феноменов, а не рабами, поклоняющимися фетишу?

То, что она могла открыто сказать от имени спиритуалистов, она делала с той щедростью души, которая характеризовала все её публичные высказывания. И хотя большинство из них в тревоге отступило от оккультной критики спиритических теорий, были некоторые, кто видел многообещающую перспективу этих идей и был достаточно рассудителен, чтобы признать справедливость критики мадам Блаватской относительно низкого духовного уровня большинства сеансов передачи посланий. Настоящая её работа велась с немногими, а также с Олкоттом и Джаджем, которые встречались с ней ночь за ночью в течение 1875 года для получения инструкций по философии оккультизма и объяснения психических или спиритических феноменов.

Из книги «Страницы старого дневника» полковника Олькотта, опубликованной много лет спустя в «Теософе», мы узнаём, как проходили часы его раннего знакомства с мадам Блаватской. На вечерние собрания в её «ламасерий» приходили спиритуалисты, каббалисты, платоники, люди, изучающие науку и древнюю религию, скептики, любопытные и искатели чудесного. Собственные интересы Олькотта в значительной степени были обусловлены его спиритуалистическими наклонностями. Медленно осознавая всю важность анализа мадам Блаватской опасностей медиумизма

и погони за феноменами, он в своём рассказе о тех днях 1875 года делает особый акцент на оккультных способностях и демонстрирует своё ограниченное понимание великого замысла движения, которое он должен был помочь основать. Он так и не смог полностью утолить свою жажду к спиритуалистическим «чудесам» и его бесхитростное хвастовство чудесами, совершаемыми мадам Блаватской, его письма в прессу об оккультных феноменах и его неспособность понять, какими будут неизбежные результаты этого акцента, должны были взыскать большой штраф в будущем – скрывая для широкой публики подлинное духовное воздействие теософского движения, и подвергая его учителя и благодетельницу насмешкам и несправедливым обвинениям со стороны общества. Почитайте между строк книгу «Страницы старого дневника», и это поможет вам объяснить, почему мадам Блаватскую невежественно называли «медиумом» и спиритуалисткой, а также покажет её непомерное терпение к слабостям Олькотта и его любовь к «феноменам». Его восхищение ею было в общем основано на благоговении перед её способностями, а его преданность её работе, которая стала причиной Теософского общества, часто находила выражение в словесной несдержанности. Тем не менее, он был непреклонен в своих усилиях и был настоящим другом и сотрудником, несмотря на многие ошибки. За это он получил бессмертную благодарность мадам Блаватской.

Уильям К. Джадж, молодой американский юрист ирландского происхождения, не оставил подробных записей о периоде, предшествующем основанию Общества, но некоторые из его опубликованных заявлений раскрывают характер его отношений с мадам Блаватской. По случаю её смерти в 1891 году он упомянул об их первой встрече в её квартире на Ирвинг-Плейс в январе 1875 года. Встреча этих двоих людей, которые впоследствии были неразрывно связаны работой в теософском движении, не была случайным событием. Вот слова Джаджа:

«Меня привлекли её глаза, глаза того человека, кого я, должно быть, знал в давно ушедших жизнях. В то первое мгновение она посмотрела на меня с пониманием, и с тех пор этот взгляд не изменился. Я пришёл к ней не как исследователь философии, не как тот, кто ищет в темноте огоньки, которые затемняли разные школы и фантастические теории, но как тот, кто, много раз бродя по лабиринтам жизни, искал друзей, которые могли бы показать, где были спрятаны планы этой работы. И верная этому зову, она ответила, ещё раз раскрывая планы

и не говоря ни слова объяснения, просто указала на них и продолжала рассказывать о задании. Как будто накануне вечером мы расстались, оставив ещё не нерешённой некоторую деталь этого задания, имеющего одну общую цель; это были учитель и ученик, старший брат и младший, оба были одержимы одной целью, но она обладала силой и знаниями, которые принадлежат только львам и мудрецам».

Джадж, как и Олкотт, был свидетелем многочисленных демонстраций оккультных способностей мадам Блаватской, совершаемых для иллюстрации какого-то принципа или догмата, которому их наставляли. Её цель в этих демонстрациях состояла в том, чтобы установить разницу между полностью контролируемыми силами адепта и непроизвольными чудесами, производимыми медиумами во время спиритуалистического транса. Более поздние работы Джаджа демонстрируют плоды этого обучения, поскольку он обсуждает оккультные темы как пишущий на основание личного опыта; этого качества не хватает большинству авторов теософии, за исключением самой мадам Блаватской. Спустя годы он говорил об этих «удивительных подвигах магии, сотни которых я наблюдал среди бела дня или при свете газовой лампы с 1875 по 1878 год».

В 1875 году Олкотт и Джадж узнали от мадам Блаватской кое-что об её путешествиях и их целях. Среди прочего, она рассказала им о своей неудачной попытке создать группу в Каире, Египет, в 1871 году, чтобы исследовать причины медиумизма и его феноменов. Тронутый тем, что он видел и слышал, а также своим горячим желанием более глубоко исследовать увлекшие его феномены, полковник Олкотт предложил в мае 1875 года создать частный «Клуб чудес» для проведения психических исследований. Однако этот проект потерпел неудачу из-за отсутствия медиума. Затем Олкотт заинтересовался «оккультными» обещаниями некоего мистера Джорджа Фелта, египтолога, который утверждал, что может управлять «элементалами» или природными духами. Вечером 7 сентября 1875 года мистер Фелт читал на квартире у мадам Блаватской лекцию на тему «Утраченный канон пропорций египтян». Пока присутствующие обсуждали доклад, полковник Олкотт передал Джаджу записку со следующими словами: «Разве неплохо сформировать общество для такого рода исследований?» Мистер Джадж прочитал записку, передал её мадам Блаватской, которая кивнула в знак согласия, и Джадж призвал собрание к порядку, а полковник Олкотт выступил в качестве председателя для рассмотрения этого предложения. Все единогласно

согласились тем, чтобы было сформировано такое общество, и на следующий вечер шестнадцать человек встретились и выразили желание приступить к основанию общества для изучения оккультизма. Собрания проводились также в адвокатской конторе полковника Олкотта и в доме г-жи Эммы Хардиндж Бриттен, известной писательницы-спиритуалистки. Название «Теософское общество» было выбрано 13 сентября, после чего несколько новых членов были добавлены в список «основателей». А 30 октября была одобрена преамбула Олькотта, приняты подзаконные акты, избраны должностные лица и совет. Среди должностных лиц были полковник Олькотт в качестве президента, мадам Блаватская в качестве секретаря по переписке и мистер Джадж в качестве советника. Вечером 17 ноября в Мемориальном зале Мотта, 64 Мэдисон-авеню, состоялось официальное собрание. Полковник Олкотт выступил с «Инаугурационной речью», и было заказано 500 экземпляров для «немедленного распространения».

Оглядываясь назад на событие основания Общества, мадам Блаватская писала в 1881 году:

«Наше Общество как единое целое, безусловно, может быть разрушено из-за плохого управления или смерти его основателей, но ИДЕЯ, которую оно представляет и которая приобрела такую широкую популярность, будет распространяться, как гребень мысленной волны, пока не накатит на скалистый берег, где материализм собирает и сортирует свои камешки. Из тринадцати человек, которые составили наш первый совет должностных лиц в 1875 году, девять были спиритуалистами с большим или меньшим опытом. Само собой разумеется, что целью Общества было не уничтожение, а улучшение и очищение спиритизма. Мы знали, что его феномены реальны, и считали их наиболее важными из всех современных предметов исследования.

Ибо, независимо от того, нужно ли, наконец, прослеживать их до действий усопших, или же они являются проявлениями оккультных сил природы, действующих совместно со скрытыми психофизиологическими силами человека, они открыли широкое поле для исследования, результатом которого должно быть освещение главной жизненной проблемы – Человек и его Связи. Мы видели, как феноменализм бунтует, и двадцать миллионов верующих хватаются за одну дрейфующую теорию за другой в надежде узнать истину. У нас хватило здравого смысла понять, что всю истину можно найти только в одном месте, в азиатских философских школах, и мы были убеждены, что истина никогда не может быть открыта, пока люди всех рас и вероисповеданий не соединятся, как братья, в поиске её. Итак, заняв эту позицию, мы начали указывать путь на восток».

Таково было отношение мадам Блаватской к спиритуализму в 1875 году – компетентный подход к возможностям психического

исследования, как к двери к познанию внутренней природы человека. Спиритуалистические феномены были для неё отправной точкой, а не самоцелью. Олкотт частично понимал эту точку зрения, но энтузиазм по поводу «оккультных» откровений нарушал равновесие его суждений. Его настроение точно отражено в инаугурационной речи, произнесённой 17 ноября. Не довольствуясь определением широкой философской цели Общества, Олкотт сделал экстравагантные заявления о «магических» способностях мистера Фелта, закончив тоном радостного предвкушения от смущения, которое, как он ожидал, настигнет спиритуалистов, когда эксперименты Фелта увенчаются успехом. В то время как мадам Блаватская в этот ранний период проявляла большой такт в своих попытках расширить горизонт понимания спиритуалистов, наивные утверждения Олькотта приводили многих спиритуалистов в ярость. Профессор Корсон, учёный спиритуалист, у которого Е.П.Б. побывала в Итаке, довольно несправедливо напал на Олькотта в письме, напечатанном в журнале «The Banner of Light», но в его обвинениях было какое-то обоснование. Конечно, именно мадам Блаватская в данном случае, как и во многих других, подставила себя под основной удар реакции на необдуманное поведение Олькотта. Она сразу же написала Корсону, пытаясь смягчить колкости в хвалебной речи Олкотта и уточнить его критику морали спиритуалистов. Обратившись к своему учёному другу строго конфиденциально, она объяснила чрезмерный тон инаугурационной речи, описав внезапную перемену в личной жизни Олькотта, вызванную его оккультными устремлениями. Она писала:

«Олкотт настолько фанатичен, что я боюсь, что эта резкая перемена от комфортной жизни, хорошей еды и питья, а также всевозможных мирских вещей приведёт его либо к безумию, либо к смерти. Он больше не ест мяса, отказывается от ужина и вина; его единственная цель в жизни – очиститься, как он говорит, от своей прошлой жизни, от пятен, которые он поставил на своей душе. Я ничего не могу с ним поделать. Я пробудила в нём дух фанатизма и теперь жестоко раскаиваюсь, потому что этот человек ничего не делает наполовину. Если Олкотт, возможно, смотрит на спиритуализм победоносно и выражается слишком резко (в этом я согласна с вами), то почему люди должны неправильно понимать его из-за того, что никогда не приходило ему в голову? Много и много раз, день за днём, я повторяю ему, что он не должен хвастаться тем, что ещё не сделано.

По поводу заявлений Фелта она сказала: «Я не знаю, выполнит ли он своё обещание и когда это произойдёт». Профессор Корсон успокоился

[3] Игра слов OLCOTT и “OCCULT”

этим письмом, но его главным интересом был спиритуализм, а не теософия, как позже стало ясно. Этот случай важен главным образом как иллюстрация того, что Олкотт обычно делает упор на феномены оккультизма, и он был склонен (и это никогда полностью не оставляло его) надеяться на обращение других людей в теософию посредством чудесных проявлений, для чего он, обычно напрасно, обращался к своей более мудрой коллеге. Недальновидность Олкотта в продвижении Фелта как человека, способного удивить мир оккультными феноменами, вскоре стала очевидной, поскольку этот джентльмен, получив сто долларов на «расходы» из казны Общества, вообще не смог произвести никаких элементалов – «даже кончика хвоста мельчайшего духа природы», как скорбно говорил Олкотт. Он нашёл это «унизительным разочарованием», и оно привело к уходу из Общества тех членов, чьи интересы ограничивались лишь погоней за сенсациями.

В то время дела Общества находились в основном в руках Олькотта. Встречи проводились нерегулярно, и предлагалось множество планов оккультных экспериментов. Ни мадам Блаватская, ни Джадж не принимали активного участия во встречах после первых нескольких сессий. Первая, как жалуется Олкотт в книге «Страницы старого дневника», «отказалась от исполнения малейшего феномена». В то время она была очень занята перепиской, письмами в прессу и постоянным потоком посетителей в своём «ламасерии». Она также начала писать свою первую книгу – «Разоблаченную Изиду». Днём мистер Джадж занимался адвокатской практикой, а вечерами он учился под руководством мадам Блаватской.

Первоначально Теософское Общество было полностью демократичным согласно своим уставам и организации. Все должностные лица были выборными. Устав предусматривал три категории членов: действительные, заочные и почётные. Раньше общества, созданные после основания родительского общества, приняли его преамбулу и создали дополнительные правила и подзаконные акты, не противоречащие друг другу, чтобы удовлетворять самих себя. Общение между различными обществами было более или менее бессистемным и неформальным, но все члены получали свои дипломы от родительского общества до тех пор, пока в Индии не начали формироваться отделения, когда дипломы подписывались полковником Олькоттом и мадам Блаватской. Были разные договорённости в выдаче дипломов до

1885 года, и после того как мадам Блаватская уехала в Европу, мистер Джадж был в Америке, а полковник Олькотт в Индии, все обычные дипломы подписывались полковником Олькоттом как президентом Теософского общества. Эти дипломы признавались как свидетельство его членов во всех ложах, где бы они ни находились.

Никаких официальных съездов всех обществ никогда не проводилось за время существования родительского общества, но в Индии своего рода собрание или «ежегодный съезд» проводился уже в 1880 году, а затем ежегодно в конце каждого года. На них присутствовали делегаты из индийских и цейлонских лож, а также случайные посетители из Европы и Америки.

ГЛАВА IV

ЦЕЛИ И ЛИТЕРАТУРА

РОДИТЕЛЬСКОЕ ТЕОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО имело три заявленные цели, известные некоторым с самого начала и официально принятые Обществом и большинством его отделений в 1880-х годах. Это:

I. Сформировать ядро Всеобщего Братства человечества без различия расы, вероисповедания, пола, касты или цвета кожи.

II. Изучение древних и современных религий, философий и наук и доказательство важности такого изучения; и

III. Исследование необъяснимых законов природы и психических сил, скрытых в человеке.

С точки зрения двадцатого века эти цели могут показаться безупречными, но семьдесят пять лет назад они представляли почти совершенно новые идеи. Следует понимать, что о Братстве как о всеобщем идеале сейчас часто говорят в основном из-за огромных страданий, которые в последние годы принесли различия расы, вероисповедания и цвет кожи. Теософское движение стремилось сделать всеобщее братство основой человеческих отношений *до* войн двадцатого века. Нынешний интерес к античной философии, особенно к восточной философии, проистекает из признания слабости западной религии, которая оказалась неспособной объединить христианские народы мира, и можно отметить, что теософские книги сыграли важную роль в привлечении внимания Запада к великим писаниям Индии. Третья цель также была новаторским понятием, предвосхищающим сложные психические проблемы настоящего периода. Нет нужды в серьёзных аргументах, чтобы показать, что эти цели сформулировали три великие потребности будущего и что Теософское движение, созданное для удовлетворения этих потребностей, было задумано как великая и благотворная сила в истории человечества.

«Три цели» первоначального Теософского общества теперь хорошо известны всем серьёзно изучающим теософию и являются предметом бесспорного обсуждения. Однако они не были прямо заявлены во время основания Общества. Олкотт в книге «Страницы старого дневника» утверждает, что, когда идея Общества была впервые предложена, «идеи Всеобщего Братства не существовало» и её не было до 1878 года; «сфера влияния общества расширилась таким образом, чтобы привести нас к отношениям с азиатами, их религиями и социальными системами», тем самым сделав «спасательный круг Братства»… необходимым и, по сути, краеугольным камнем нашего здания». В подзаконных актах, принятых в 1875 году, просто говорится: «Целью общества является сбор и распространение знаний о законах, управляющих вселенной».

Обсуждая цели в книге «Страницы старого дневника», Олкотт цитирует сообщение в прессе об основании Общества, в котором говорится:

«План [Олкотта] состоял в том, чтобы организовать общество оккультистов и сразу начать собирать библиотеку; распространять информацию о тех тайных законах природы, которые были так хорошо знакомы халдеям и египтянам, но совершенно неизвестны нашему современному научному миру». Это, как отмечает полковник, «убедительно доказывает, что я имел в виду, когда предлагал создать наше Общество. В его понимании Общество было, прежде всего, организацией, посвящённой «оккультным исследованиям».

Вспоминая события тех первых дней, Олкотт, кажется, решил ограничить концепцию Общества идеями, которых он придерживался в то время. Почти детское тщеславие убеждало его, что Общество было его личным «творением», и он быстро отверг любые предположения о том, что другие, помимо него, могли иметь более широкое видение его целей, чем его собственное. Его легко уязвимая самооценка заставила его привыкнуть к незначительной критике своего товарища и учителя, мадам Блаватской, и это сыграло аналогичную роль в его пренебрежительном отношении к Уильяму К. Джаджу. Многие из более поздних проблем Общества можно отнести к этим слабостям в характере Олькотта, из-за которых ему было трудно отличить динамичную духовную реформу, представленную Теософским движением, и организацией или обществом с таким названием.

Мадам Блаватская часто называла основание Общества результатом оккультного руководства со стороны её Учителей. В журнале «Теософ» за июль 1882 года она писала, что «наше Общество было основано по непосредственному предложению индийских и тибетских адептов», и в течение своей жизни она делала много подобных заявлений, как в печати, так и в письмах. В письме от 6 декабря 1887 года она напоминала Олкотту, что приехала в Соединённые Штаты, «чтобы посмотреть, что можно сделать, чтобы остановить некромантию и бессознательную чёрную магию, применяемую спиритуалистами». Она писала:

«Общество было сформировано, а затем постепенно было сделано так, чтобы оно погрузилось в учение Тайной Доктрины и явила намёки учения этой *древнейшей школы оккультной философии во всем мире,* и для реформации этой школы вынужден был явиться, в конце концов, Господь Гаутама. Эти учения нельзя было выдавать все сразу. Они должны были усваиваться постепенно».

Как человек, пришедший в современный мир для служения древней «оккультной школе», мадам Блаватская столкнулась с особыми трудностями. Прежде всего, понятия об оккультном или «тайном» знании и его обладателях были практически неизвестны или забыты, и лишь горстка малоизвестных каббалистов представляла увядающую традицию гносиса на Западе. После преследований гностиков в первые века христианской истории редкое возрождение учений адептов в Европе ревностно подавлялось церковными охотниками за ересями, пока с ростом научного скептицизма веру в тайные братства мудрецов стали причислять к фантазиям сказок «Тысяча и одна ночь» или к средневековым суевериям. Хотя феномены спиритуалистов открыли путь к признанию сверхъестественной силы меньшинством энтузиастов, сам спиритуализм быстро превращался в фанатичную секту, участников которой мало интересовали оккультные предметы. Мадам Блаватская могла бы привлечь интерес спиритуалистов демонстрациями феноменов, но она не могла заручиться их поддержкой, не приняв спиритуалистическую версию жизни души после смерти и «контактов с духами», и, как она позже объясняла, её миссия заключалась в том, чтобы опровергнуть это грубое учение, представляя теософское объяснение психических феноменов.

Хотя в своих публичных выступлениях мадам Блаватская учитывала необходимость постепенного внедрения идей

учителей-адептов среди своих друзей, близких по работе теософского движения, она объясняла гораздо больше, рассказывая им почти от самого первоисточника своей мудрости. Мудрецов, по чьему указанию она отправилась в Америку, она называла своими «Учителями», ими были некоторые восточные адепты, которых она узнала во время своих путешествий по Индии и Тибету. Эти Учителя, по её словам, были вдохновителями Теософского движения, его истинными основателями, для которых она было посредницей в этом мире. Олкотт, как он сообщает в книге «Страницы старого дневника», до того, как было сформировано Общество, испытал влияние нескольких из этих Учителей, будучи твёрдо убежденным в их реальности и чудесных способностях. Однако как на спиритуалиста, на Олькотта скорее оказывали влияние оккультные феномены этого восточного братства, чем их проект духовной реформы. Его дневник – всего лишь наивные записки того восхищения, которое вызывали у него феномены, и того, как в мыслях он лелеял мечты о том, чтобы поразить мир чудесными явлениями, которые по его просьбе совершат мадам Блаватская с адептами теософии. Поэтому неудивительно, что он не смог полностью оценить значение Движения с самого начала и мог допустить, что «доска Братства» была фактически запоздалой мыслью.

Понимание и память Уильяма К. Джаджа были совсем другими. Спустя годы, в статье в журнале «Путь» за апрель 1888 года он писал:

«На том первом собрании я предложил выбрать полковника Олькотта президентом Общества, а сам был назначен временным секретарём. Комитет, назначенный для выбора имени для младенца, после этого несколько раз собирался в конторе Олкотта на Бекман-стрит, 7, в Нью-Йорке, где принял решение о нынешнем его имени. Цели Общества были переданы Учителями полковнику Олькотту; они были приняты и никогда не менялись».

В своей книге «Ключ к теософии», учебнике для изучающих теософию, мадам Блаватская писала, что у Общества «три цели, и так было с самого начала». В 1878 году, за три месяца до отъезда с полковником Олькоттом в Индию, она писала:

«Оно [Общество] есть братство человечества, созданное для того, чтобы покончить со всеми догматическими религиями, основанными на бессмысленном толковании, и научить людей и каждого члена верить только в одного безличностного Бога; полагаться на свои (человеческие) силы; считать себя своим единственным спасителем; познавать

бесконечные оккультные психические способности, скрытые в его собственном физическом человеке; развивать эти способности; и придать ему уверенности в бессмертии его божественного духа и дальнейшей жизни его души; заставить его уважать каждого человека любой расы, цвета кожи или вероисповедания и доказать ему, что единственные истины, открытые человеку высшими людьми (не богом), содержатся в Ведах древних ариев Индии, и, наконец, продемонстрировать ему, что чудес никогда не было, нет и не будет; что в этой вселенной не может быть ничего сверхъестественного и что, по крайней мере, на земле единственный бог – это *сам* человек».

После создания Общества и *начала* его общественной деятельности мадам Блаватская занялась записью теософской философии. По словам Олькотта:

«Е.П.Б., тогда день и ночь работавшая над своей первой книгой, «Разоблаченной Изидой», вскоре отказалась даже присутствовать на наших собраниях, не говоря уже о том, чтобы совершить хотя бы ничтожный феномен (несмотря на то, что она постоянно поражала своих посетителей ими у себя дома) и поэтому, естественно, ведущие спиритуалисты в Обществе были недовольны и бросили учёбу. Я вынужден, вопреки всем моим ожиданиям, поддерживать интерес на встречах и взвалить всё бремя на себя, и в то же время, занимаясь своим профессиональным делом и помогая Е.П.Б. с её «Изидой», я делал всё, что мог – находил психометров, ясновидящих, гипнотизеров и медиумов-спиритуалистов, чтобы они могли продемонстрировать нам различные аспекты психической науки».

Вначале родительское Теософское Общество и другие теософские организации не имели собственной литературы. Для учащихся нынешнего поколения, для которых «теософия» означает конкретные доктрины, содержащиеся в теософических книгах, трудно понять разницу между внешним характером Движения тогда и сейчас. Эти учения, как писала Е.П.Б. Олкотту в 1887 году, «нельзя давать сразу». Её задача, в буквальном смысле, заключалась в том, чтобы постепенно «воплотить» на английском языке всю систему принципов, метафизических постулатов и этических учений, а это означало медленную разработку соответствующих разумных форм для этих идей. До публикации «Разоблачённой Изиды» в 1877 году Общество ограничивалось материалами для изучения из каббалистических трудов, переводами Платона и неоплатоников, доступными книгами по восточной философии и религии, спиритуалистической литературой, трудами христианских мистиков и различных сочинений по магии, месмеризму, гипнотизму и родственным предметам. «Разоблачённая Изида», как говорится в подзаголовке, должна была стать «Главным ключом к

тайнам древней и современной науки и богословия». Фактически, это была попытка собрать в одном произведении те элементы культурного наследия Запада, которые могут служить основой для новой религиозной философии, и объединить их посредством оккультных и духовных учений, которым она научилась на Востоке. Поскольку цель мадам Блаватской заключалась в том, чтобы заявить о существовании оккультных сил и тайных знаний, она начала своё введение к «Разоблачённой Изиде» такими словами: «Данное сочинение, представленное на суд публики, является плодом довольно близкого знакомства с восточными адептами, а также плодом изучения их науки. Оно предлагается тем, кто всегда готов принять истину, где бы она не находилась, и защищать её, даже глядя прямо в лицо общепринятым предубеждениям. Это сочинение попытается помочь исследователям обнаружить жизненно важные принципы, лежащие в основе философских древних систем». Неизбежно, что книга с таким введением возбудит «общепринятые предубеждения». Кто были эти таинственные «восточные адепты», осмелившиеся бросить вызов общепринятым истинам религиозных традиций и подвергнуть сомнению выводы западной науки? Такая книга могла ожидать поддержки только от тех, кто был достаточно непредубежденным человеком, чтобы формировать свои суждения о ней путём тщательного изучения её содержания, вместо того, чтобы ссылаться на традиционные мнения. Доказательством существования «адептов», представленных мадам Блаватской, была их философия – «ключ», упомянутый в названии книги. Она могла бы, конечно, исключить любые упоминания об Учителях, которых она встретила на Востоке, и представить просто синтез религиозной философии и научных концепций как кульминацию кропотливого исследования. Такой бы метод не вызвал большой враждебности к ней или совсем не было бы враждебности. Тогда её книгу можно было бы отнести к классу многих других аналогичных по характеру, эклектических сборников религиозных понятий, почерпнутых из многих малоизвестных источников и слитых в одно философское сочинение умозрительной метафизики.

Но этого мадам Блаватская не хотела делать и не могла. Понятие об адептах, совершенных людях, было необходимым логическим выводом духовной эволюции; оно также было ключом к её объяснению феноменов медиумов-спиритуалистов. Дальнейшее чтение введения к «Разоблачённой Изиде» показывает,

насколько неотделимы философские учения этой книги от идеи человеческого совершенства. Она продолжает:

«Когда, много лет назад, мы впервые путешествовали по Востоку, исследуя внутренние части заброшенных святилищ, два печальных, постоянно повторяющихся вопроса не давали нам покоя: «*Где* БОГ, кто или что Он? *Видел ли кто-нибудь* бессмертный ДУХ *человека, чтобы иметь возможность убедиться в бессмертии человека*?»

Именно в то время, когда мы были озабочены решением этих сложных вопросов, мы стали общаться с некими людьми, наделёнными такими таинственными силами и такими глубокими познаниями, что поистине мы можем назвать их восточными мудрецами. Мы всегда готовы были выслушать их наставления. Они показали нам, что при сочетании науки с религией существование бога и бессмертие человеческого духа можно доказать как теорему Евклида. Впервые мы получили заверения в том, что в восточной философии нет места ни для какой другой веры, кроме абсолютной и неколебимой веры во всемогущество бессмертного эго самого человека. Нас учили, что это всемогущество исходит от родства человеческого духа с вселенской душой — богом! Существование последнего, по их словам, можно доказать только посредством первого. Человеческий дух является доказательством божественного духа, как одна капля воды является доказательством источника, из которого она, вероятно, излилась. Скажите тому, кто никогда не видел воды, что существует океан воды, и он может принять это на веру или отвергнуть. Но пусть одна капля упадет на его руку, и тогда у него будет факт, из которого он может вывести всё остальное. После этого он может постепенно придти к пониманию, что существует необозримый и бездонный океан воды. Слепая вера больше не нужна; человек вытеснил ее знанием. Когда видишь смертного человека, демонстрирующего огромные возможности, управляющего силами природы и открывающего взору мир духа, рассудительный ум бывает ошеломлён убеждённостью, что если духовное эго одного человека способно на такое, то возможности Духа Отца соответственно должны быть намного обширнее, как целый океан превосходит одну каплю по объёму и силе. *Ex nihilo nihil fit* [4]; докажите существование души человека с её чудодейственными свойствами и вы докажете существование бога!»

Эти высказывания, предложенные вначале, показали характер авторитета, заявленного для теософических учений; это – авторитет внутри каждого человеческого существа, его собственные потенциальные способности восприятия и понимания. Но до полного развития этих способностей внутри себя читателю или учащемуся предлагается рассмотреть философскую ценность религии мудрости, анализ истории и традиций, религиозного символизма и научных свидетельств различного рода

[4] Из ничего ничто не происходит (лат.)

как основание принятия или отклонения теософского метода исследования. Исходя из идеи высокоразвитых человеческих существ как источника её учения, во вступительной главе «Разоблачённой Изиды» мадам Блаватская указала на необходимость изучения древних религий. Анализируя искажение западных религий и реакцию анимализма, преподаваемого наукой, она представила предмет спиритуализма как «возможное последнее прибежище компромисса между ними». Но ни религия, ни наука не могли объяснить феномены спиритуалистов. Она комментирует: «И поэтому, в то время как духовенство, следуя своим собственным толкованиям *Библии*, а наука самодельному *кодексу* возможностей в природе, отказываются внимательно выслушивать спиритуалистов, *настоящая* наука и *истинная* религия молчат и серьёзно ждут дальнейшего развития событий.

Весь вопрос о феноменах основывается на правильном понимании древних философий. К кому же тогда нам обратиться, в нашей растерянности, как не к древним мудрецам, поскольку под предлогом суеверия нам отказывают в объяснениях современные мудрецы? Давайте спросим их, что они знают о подлинной науке и религии; не в отношении всего лишь подробностей, но в самом широком понимании этих истин-близнецов, таких сильных в их единстве, и таких слабых при разделении. Кроме того, мы можем извлечь пользу из сравнения этой кичливой современной науки с древним невежеством, это усовершенствованное современное богословие с «тайными доктринами» древней универсальной религии. Возможно, таким образом, мы обнаружим нейтральное поле, откуда мы сможем приблизиться к обоим и получить пользу».

В этом поиске древних мадам Блаватская сначала обращается к Платону. Она называет философию Платона «наиболее тщательно продуманной совокупности глубокомысленных систем древней Индии», которая «может одна предоставить нам такую золотую середину». В Платоне она видела связь между восточной и западной мыслью:

«Он [Платон] был, в полном смысле этого слова, всемирным истолкователем. Этот величайший философ дохристианской эпохи верно отражал в своих трудах духовность живших за тысячи лет до него ведических философов и её метафизическое выражение».

Подобно тому, как Платон суммировал знания древнего Востока в своей философии, передавая западному миру накопленную мудрость доисторического прошлого, так и мадам Блаватская стала передатчиком древних учений, «всемирным истолкователем» девятнадцатого века. Начиная с

плато платонической философии, «Разоблачённая Изида» исследует весь континент человеческого опыта и мысли, собирая свидетельства нескольких фундаментальных идей, составляющих первые принципы теософской философии. Существование адептов и их общая философия духовного возрождения является центральной темой.

Также обсуждаются миссии и учения великих адептов в истории как источник всеобщей веры в богов, спасителей и «божественные воплощения»; их учения о «мистериях» исследуются как древние источники, давшие материал для величайших философских и этических трактатов. Мадам Блаватская показывает, что повсюду, с глубочайшей древности, есть множество указаний на то, что искусства и науки, вновь открытые в наши дни, были известны и практиковались в далёком прошлом; и, кроме того, что древние знали много вещей, скрытых от современной цивилизации.

Постулаты, изложённые в «Разоблачённой Изиде», образуют основу для последующего теософского исследования. Наиболее важные из них можно резюмировать следующим образом:

I. Реальность человека как *духовного* существа, живущего независимо от физического тела, а также в нём.

II. Почти невероятная древность человечества, миллионы лет взлетов и падений цивилизаций, смена которых регулируется великим законом циклов (кармы), который не влияет на всё человечество одновременно, таким образом объясняя существование самых развитых рас бок о бок с племенами, погрязшими в жестокости.

III. Интеллектуальная и духовная эволюция, а также физическая эволюция современной науки, первая протекает в соответствии с чётко определёнными принципами развития души.

В последней главе второго тома «Разоблачённой Изиды» даётся краткое изложение всего труда в виде десяти основных положений, по существу утверждающих следующее:

1. Чудес нет. Всё, что происходит, является результатом закона – вечного и постоянно действующего. 2. Природа триедина: есть видимая, объективная природа, а также невидимая, внутренняя, заряжающая энергией природа, точная модель первой и её жизненный принцип; и, над этими двумя, пребывает дух, источник всех сил, единственно вечный и нерушимый.

Два низшие принципы постоянно меняются, высший третий – нет. 3. Человек также триедиен; у него есть объективное, физическое тело, а также оживляющее астральное тело (или душа), истинный человек; и над этими двумя парит, озаряя их, третий – властелин, бессмертный дух. Когда истинному человеку удаётся слиться с последним, он становится бессмертной сущностью. 4. Магия как наука представляет собой знание этих принципов и того, каким образом человек может обрести всеведение и всемогущество духа, а также управление силами природы, всё ещё находясь в теле. Магия как искусство – это применение этих знаний на практике. 5. Злоупотребление тайным знанием есть колдовство; использование его во благо есть истинная магия или *Мудрость*. 6. Медиумизм противоположен адептству; медиум является пассивным инструментом посторонних воздействий, адепт активно управляет собой и всеми низшими энергиями. 7. Так как всё, что когда-либо было, есть или будет, записано на астральном свете или на скрижалях невидимой вселенной, посвящённый адепт, используя видение своего собственного духа, может узнать всё, что было известно или может стать известным. 8. Человеческие расы различаются духовными дарами, такими как цвет кожи, рост или любое другое внешнее качество; среди одних людей от природы преобладает предвидение, среди других – медиумизм. 9. Одной из ступеней магического мастерства является добровольный и сознательный выход внутреннего человека (астральной формы) из внешнего человека (физического тела). У некоторых медиумов такой выход бывает бессознательным и непроизвольным. 10. Краеугольным камнем магии является глубокое практическое знание магнетизма и электричества, их качеств, взаимосвязей и потенциальных сил. Особенно необходимо знать их воздействие на животный мир и человека. Обобщая всё это несколькими словами, магия – это духовная мудрость, природа, материальный союзник, ученик и слуга мага. Одно общее жизненное начало пронизывает всё сущее, и им управляет совершенная воля человека.

Эти идеи были представлены мадам Блаватской не как чисто теоретические соображения, а как принципы практического пользования, на которые она постоянно ссылалась. Применяя их к медиумам-спиритуалистам, она показала, что их феномены можно объяснить как непроизвольное порождение аберрантных психических факторов в природе человека. Различные формы ясновидения объясняются как функции астрального света.

Послание «Разоблачённой Изиды» носит преимущественно этический характер, но, в отличие от предписаний современной религии или духовных умозрений западных философов, в этой книге делается попытка соотнести этические идеи со сверхъестественными законами природы, одним словом, чтобы показать, что религия может иметь в своей основе научные законы и факты.

Начиная с тем, интересовавших её век (как популярных, так и научных) – феномены спиритизма, конфликт науки и религии и исследования символики и мистицизма, мадам Блаватская исследовала эти несколько аспектов человеческого опыта в свете теософских учений, объединив их для изучения и рассмотрения единственно в перспективе философии души. В этом смысле её метод был индуктивным и научным, поскольку «Разоблачённая Изида» не отвергает никаких фактов, будь то история прошлого или современное развитие, однако она следует дедуктивному методу в решающем процессе, имеющем отношение к духовной и психической жизни человека, индивидуальной или коллективной, в соответствии с общими законами, которые в теософской схеме служат интегрирующими принципами.

Большая часть «Разоблачённой Изиды» посвящена критике исторического и богословского христианства. В заключительных абзацах предисловия ко второму тому говорится:

«Являясь анализом религиозных верований в целом, этот том, в частности, направлен против богословского христианства, главного противника свободы мысли. В этом томе нет ни единого слова против чистых учений Иисуса, но он безжалостно осуждает их принижение и превращение в пагубные церковные системы, разрушающие веру человека в своё бессмертие и своего Бога и подрывающие всякие нравственные ограничения.

Мы бросаем вызов догматическим богословам, которые хотят поработить и историю, и науку, и особенно Ватикану, чьи деспотические претензии стали ненавистны большей части просвещённого христианского мира. Помимо духовенства, никому, кроме логически мыслящего человека, испытателя или бесстрашного исследователя, не следует совать свой нос в подобные книги. Ведь такие люди, которые копаются в книгах в поисках истины, имеют смелость высказывать своё мнение».

В этом томе можно найти объяснение ожесточённой враждебности, которую мадам Блаватская вызвала среди представителей религиозных традиций, особенно Римско-католической церкви. На протяжении всей своей жизни она подвергалась жестоким нападкам со стороны некоторых представителей организованного христианства, которые стремились создать ей лично сомнительную репутацию и не упускали ни единой возможности, чтобы

утверждать, что она мошенница и шарлатанка. На самом деле, лучшим доказательством искренности мадам Блаватской является её смелое исследование психической и светской власти религиозных институтов. Тот, кто осмеливается исследовать седые указы богодухновенной религии, неизменно подвергается мстительному возмездию, и вся история свидетельствует о том, что ад не может сравниться в ярости с гневным священником, чьё право говорить от имени божества было оспорено, и чья казуистика подвергается свету здравого смысла.

«Разоблачённая Изида» была книгой, которую могли понять и приветствовать только те немногие, кто был готов или, по крайней мере, стремился мыслить самостоятельно. Это было сочинение для тех, кто решил сделать цели Теософского Общества руководящими принципами своей собственной жизни. Её автор посвятила два тома Теософскому обществу, которое было основано, как заявляла она, «для изучения предметов, которые эти тома рассматривают».

ГЛАВА V

ИНДИЯ

С отъездом полковника Олькотта и мадам Блаватской из Нью-Йорка 18 декабря 1878 года арена теософской деятельности переместилась из Соединённых Штатов в Индию. Для Е.П.Б. это путешествие в «Индию было возвращением ДОМОЙ!» Для Олкотта это было началом великого приключения – новой жизни на таинственном Востоке, где роль, которую он должен был сыграть, была намного больше, чем роль любопытного путешественника, переезжающего из Нового Света в Старый. Он прибыл в Индию, будучи уже учеником на служении у тайного братства восточных адептов, мудрецов, чрезвычайно почитаемыми всеми индийцами, которые всё ещё верили в древние предания о риши и махатмах. Для западного человека, американского бизнесмена и бывшего армейского офицера, личный контакт с этими величественными личностями был необычайным явлением, делающим его особенным человеком в глазах многих индийцев.

Создание в Индии общественного центра теософского образования было важной частью более широкой схемы теософского движения. Индия была родиной, как древних, так и современных западных цивилизаций, и её великие писания и традиции были незаменимым источником для изучения метафизики и исследования изначального значения мировых религий. В Индии также всё ещё существовала среди людей интуитивная вера в духовную природу человека. Индуистские и буддийские учения предлагали понятия, связанные с духовной психологией и внутренним, психическим развитием человека, более гармонирующими с доктринами, которые Е.П.Б. предназначено было раскрыть, чем можно было бы найти в любой другой религиозной или философской системе. Кроме того, основание теософского центра в Индии могло бы стать средством пробуждения подлинного возрождения древней индийской культуры через восстановление древних философских истин и возрождения преданности современных индусов религиозной философии их предков. Наконец, именно в Индии, а точнее, в высокогорной стране на севере Индийского полуострова, находившейся в пределах древней Индии, или Арья-

варты, мадам Блаватская осуществляла тесный контакт со своими учителями-адептами, и публичная деятельность Общества в Индии сделала возможным обнародовать информацию об отношении этих Учителей к Теософскому движению.

Таковы были преимущества распространения теософских идей из индийской штаб-квартиры. Однако были и значительными недостатки. Индия находилась под властью мусульман на протяжении многих веков. После веротерпимого правления великого могольского владыки Акбара, могущество мусульманских княжеств уменьшилось, уступив место в некоторых регионах в результате мятежей власти индусов во главе с маратхами, народом смешанного происхождения. Контроль над Индией со стороны Великобритании стал результатом господства Ост-Индской компании, одной из крупнейших известных в истории торговых корпораций, которая впервые обосновалась в прибрежных городах в 1653 году, постепенно захватив власть в империи маратхов. В начале девятнадцатого века власть в Индии перешла в руки британского правительства, а после подавления восстания сипаев в 1857 году правление Ост-Индской компании прекратило своё существование.

Исполненный воспоминаниями о своей древней славе, индийский народ посчитал это подчинение западным захватчикам серьёзным ударом по национальной гордости. В частности, образованные индийцы, считавшие европейскую цивилизацию варварской по сравнению с их собственной, испытывали глубокое унижение вследствие британской колониальной политики расового превосходства, укрывшись за оградой гордой сдержанности. В Британской Индии не было или почти не было естественного смешения двух рас, индийцы никогда не забывали о своей зависимости от расы-победительницы, а светлокожие правители всегда сохраняли своё исключительное положение политической власти. Разумеется, поддерживались формальные отношения между выдающимися индийцами и официальными лицами британского правительства, и многочисленные молодые индусы из высших каст отправлялись в Англию для обучения и изучения правящей нации, что со временем привело к появлению гибрида «англо-индийской» культуры. В результате всё большее число индусов постепенно принимало европейские стандарты цивилизации и ассимилировало её взгляды, которые можно было бы назвать просто «западным материализмом». Престиж британского оружия и очевидная беспомощность

индийского народа в обретении своей свободы укрепляли склонность местного населения к западным идеям, и ко второй половине девятнадцатого века преданность молодых индусов своим религиозным традициям быстро ослабевала.

В то время как эти тенденции затрагивали молодежь Индии, образованные люди предыдущего поколения сохраняли уверенность в том, что унаследованные ими великие трактаты восточной религии делали их выше всех других народов в понимании духовной философии. Таков был образ мышления, подкреплённый обширной кастовой системой, которая управляла социальными отношениями среди индусов, устанавливая «духовные различия», освящённые многовековой традицией и оправданные священнической властью браминов.

В 1880-х годах в одной браминской касте было всего около восьмидесяти четырёх подразделений, каждое со своими характерными статусами и правилами, которые отделяли его членов от других каст и подразделений. Наихудшим из злоупотреблений кастовой системы была «неприкасаемость», которая на протяжении многих веков запрещала около сорока миллионам индусов любые контакты с членами высших каст. «Неприкасаемость» была, наконец, объявлена вне закона официальным актом Учредительного собрания Индии в 1947 году, когда британское правительство обязалось отказаться от контроля над индийским народом и передать всю власть свободному национальному правительству Индии.

Индийский национальный конгресс на протяжении многих поколений проводил кампанию против «неприкасаемости», но только после того, как до Индии дошёл новый духовный импульс национальной свободы, эта бесчеловечная практика была окончательно отменена.

Неприкасаемость, малолетние невесты и подобные унизительные обычаи иллюстрируют социальный и религиозный упадок Индии в девятнадцатом веке. Среди людей также наблюдалась характерная пассивность, частично из-за многовекового подчинения сначала моголам, а затем британским завоевателям, что ослабило волю этой когда-то свободного и независимого народа. Также было широко распространено мнение, что в тёмный век или Кали-югу (период духовного упадка, предсказанного в священных книгах индусов) ничего нельзя сделать, чтобы возродить дух прошлого, но что любое угнетение надо переносить без сопротивления с терпеливой безнадёжностью. Такой религиозный пессимизм сделал Индию апатичной, и она приобрела репутацию «отсталой» страны по сравнению с энергичной и агрессивной политикой

западных народов. Таковы были некоторые из обстоятельств и трудностей, когда мадам Блаватская, приложив усилия, приехала в Индию в 1879 году. Её цель состояла в том, чтобы возродить дух *древней* Индии, заменить сектантскую гордость взаимным пониманием и уважением и разрушить барьеры кастовых и религиозных различий для возрождения истинного философского исследования.

До отъезда из Соединённых Штатов полковник Олкотт переписывался со своим знакомым индусом Мульджи Текерси, с которым он познакомился во время атлантического плавания в 1870 году. Когда Мульджи рассказали о Теософском обществе и его целях, он отослал Олькотта к некому Харичунду Чинтамону, который был президентом Бомбейского отделения «Арья Самадж», организации, занимающейся возрождением ведической религии в Индии. Харичанд написал Олкотту о деятельности индийского пандита Свами Даянанда Сарасвати, которому движение «Самадж» обязано своим существованием, и предложил объединить два общества. Некоторые шаги в этом направлении были предприняты, но более поздняя информация убедила Олькотта в сектантском характере «Арья Самадж», и вместо этого он сформировал третье, промежуточное общество, «Теософское общество Арья Самадж Арьяварта», к которому западные теософы могли по желанию присоединиться. Эти два общества оставались в дружеских отношениях до тех пор, пока в Индии не возникли определённые трудности.

Путешествие в Индию было прервано двухнедельным пребыванием в Англии, где Е.П.Б. и Олкотта приветствовали лондонские друзья и корреспонденты. 5 января 1879 года Олкотт председательствовал на собрании Британского теософского общества, которое было организовано шестью месяцами ранее в результате визита в Лондон Джона Сторер Кобба, казначея родительского Общества. Активным в формировании лондонской группы также был Ч.К. Мэсси, лондонский адвокат и писатель по спиритуализму, который был в Нью-Йорке в 1875 году и вступил в Общество на организационном собрании 8 сентября. Бывая в Лондоне, два основателя останавливались у доктора и миссис Биллинг, последняя была необычайно честным медиумом, также вступившим в Обществу в Нью-Йорке.

Пароход *Speke Hall*, на котором Олкотт и мадам Блаватская отправились в Индию, отплыл от английского берега 19 января, войдя на всех парах

в гавань Бомбея 16 февраля – двадцать девять дней спустя. Основателей встретили индийские члены Общества, в том числе Харичунд Чинтамон, который вскоре поселил их в небольшом доме на Гиргаум Бэк-роуд. Сразу же началась серия приёмов и интервью, индуисты, парсы и члены Арья Самадж сотнями приходили, чтобы поприветствовать мадам Блаватскую и поговорить с ней. Приезд Е.П.Б. и Олкотта в Индии был омрачён одним неприятным событием, когда Харичунд поразил новоприбывших, предъявив огромный счёт за аренду и другие услуги, и когда выяснилось, что сумма, присланная ему из Америки для «Арья Самадж», никогда не покидала его рук. Разоблачённый перед собранием членов «Арья Самадж», Харичунд пообещал возместить сумму, но основатели Общества сразу переехали в собственный дом на Гиргаум-роуд 108, который стал их штаб-квартирой в течение двух напряжённых лет. Вскоре после поселения в Бомбее Мульджи Текерси нашёл для Е.П.Б. мальчика-индуса по имени Бабула, которому тогда было всего пятнадцать лет, ему суждено было быть её личным слугой в течение многих лет.

Период с момента её приезда в 1879 г. и до конца марта 1885 г., когда Е.П.Б. покинула Индию в последний раз, был периодом быстрого роста Теософского движения. В это время внимание широкой публики было привлечено к теософским адептам (Учителям Е.П.Б.) английским журналистом А. П. Синнеттом; Общество приобрело множество членов среди образованных людей Индии; первый номер журнала Е.П.Б., «Theosophist», вышел в октябре 1879 г.; отделения Общества были созданы во многих частях Индии и Цейлона и Движение, в общем, взяло курс на международное признание. Однако в тот же период мощные враждебные силы угрожали прогрессу Движения извне, в то время как неверность, малодушие и предательство внутри Общества были причиной беспорядков, значительно ослабляя его силу и нанося вред его репутации перед лицом всего мира. Необходимо понимать, что принципы теософии, хотя и никого не задевали, противостояли всем формам сектантства без всяких компромиссов и что любые попытки установить дух всеобщего братства на разумной основе неизбежно должны вступать в противоречие с интересами фанатичных религиозных институтов. Поэтому христианские миссии в Индии вскоре научились рассматривать Теософское общество как опасного

врага, не упуская возможности дискредитировать теософию и атаковать основателей Движения.

Менее очевидная оппозиция теософскому движению возникла из-за эгоизма западной цивилизации, оскорблённой идеей поиска истины не в европейских центрах академического обучения и не в научных лабораториях, а на «суеверном» и даже «варварском» Востоке. У такого западного самомнения было как минимум три причины. Прежде всего, европейская культура была номинально христианской, и если западные народы игнорировали этику Иисуса, претензия христиан на исключительность Откровения, поддерживавшаяся на протяжении многих веков, заразила людей, как Европы, так и Америки духовным высокомерием, которое сохранялось ещё долгое время после того, как действенная вера в христианские догмы угасла. Эпитет «язычник» по-прежнему льстит произносящему его презумпцией высшей религии, независимо от его личных убеждений. Во-вторых, триумф науки и техники на Западе, в отличие от примитивных методов Востока, практически оправдывал такое чувство превосходства. Наконец, лёгкость, с которой европейские вооруженные силы подчинили Восток современному империализму, сделала практически невозможным для воюющих и торгующих западных людей уважать завоёванные народы, которых могли удерживать в политическом рабстве всего лишь несколькими воинскими частями, принадлежащими к «высшей» белой расе!

Сегодня, со стороны почти семидесяти пяти лет легче оценить силу этих психических барьеров на пути к теософским идеалам, чем в то время, когда мадам Блаватская при поддержке единственного американского сторонника начала свою революционную работу в Индии в 1879 году. Е.П.Б. не прикладывала никаких усилий, чтобы привлечь интерес представителей правящего класса Индии. Она всё время посвящала дискуссиям по философии с индийскими учёными и пандитами. Олкотт пишет:

«Животрепещущей темой дискуссий была душа». Вопросы политики, цвета кожи, бизнеса или богатства почти не упоминались. Из-за этого нетрадиционного пренебрежения к европейскому кругу в Бомбее, британские официальные лица вскоре заподозрили Общество в прикрытии политических махинаций, и правительственные агенты должны были наблюдать за мадам Блаватской, русское происхождение которой также вызывало подозрения. Принимая во внимание непопулярность Общества у правящего класса, было тем более примечательно, что

всего через девять дней после высадки основателей Общества в Бомбее полковник Олкотт получил письмо от м-ра А. П. Синнета, редактора газеты «Пионер» Аллахабада, в котором он выражал желание встретиться с ними и опубликовать любые интересные факты об их работе в Индии. «Пионер» был влиятельным проправительственным печатным органом, и это внимание его редактора к целям Теософского движения привлекло внимание наиболее космополитичных английских жителей к Обществу. Необычный интерес м-ра Синнета к теософии, который вскоре стал явным, способствовал развеять иллюзии официальных лиц британского правительства в шпионаже мадам Блаватской и пособничестве ей Олкотта.

В декабре 1879 года оба основателя посетили Синнеттов в Аллахабаде. Опыт, полученный в течение шести недель этого визита, убедил Синнетта в том, что Е.П.Б. обладала способностями, неизвестными обычным людям, и это усилило его интерес к оккультизму. В своей первой книге «Оккультный мир» он рассказывает о характере такого опыта и излагает свои впечатления о мадам Блаватской. Синнетт, как и Олкотт, находился под воздействием «феноменов», совершаемых Е.П.Б. Однако он был человеком необычайных умственных способностей, как показывают его ранние труды по теософии, и, несмотря на материалистические взгляды, общие для его поколения, был в состоянии представить достаточно исчерпывающий отчёт о теософской метафизике. Через мадам Блаватскую он вошёл в контакт с особами, которых она называла «оккультными учителями», с кем он вёл обширную переписку. Первые несколько писем, полученных м-ром Синнеттом от одного из этих адептов, напечатаны в «Оккультном мире». Вся серия писем адептов теософии м-ру Синнетту и другому выдающемуся англичанину (Аллану О. Юму, бывшему Секретарю правительства Индии) была опубликована много лет спустя, в 1923 году, в книге под названием «Письма Махатм».

«Оккультный мир» м-ра Синнетта, появившийся в 1885 году, поведал странную историю якобы чудес самодовольному миру девятнадцатого века. Книга представляет собой здравомыслящий отчёт о событиях, которые не может объяснить ни один из законов природы, известных западной науке. Вероятно, самым поразительным из описываемых им феноменов является «осаждение» брошки, принадлежавшей миссис Синнетт в небольшой подушке

с двойным наперником. Среди перьев была записка для м-ра Синнетта. Его книга содержит множество описаний подобных оккультных феноменов, а также свидетельства различных других очевидцев. Однако гораздо больший интерес представляют письма, полученные м-ром Синнеттом от одного из адептов, которых в этой книге называют просто «Братьями». Первое из этих посланий было ответом на предложение Синнетта, отправленное его корреспонденту через Е.П.Б., в котором излагалось такое предложение – если адепты представят в Симле, где тогда жили Синнетты, экземпляр газеты «London Times» в день её публикации в Англии, то Синнетт обязался «обратить» всех в его обществе в веру реальности оккультных сил, «неподвластных обычной науке». Ответ, который он нашёл однажды вечером на своём письменном столе, начинался непосредственно с этого предложения, объясняющего нежелание адептов творить «чудеса» à la carte[5]. Следующие отрывки взяты из «Оккультного мира».

Махатма писал: «Именно потому что опыт с лондонской газетой заткнул бы рты скептикам, он недопустим. С какой бы точки зрения вы бы ни посмотрели, мир всё ещё находится на первой стадии освобождения от рабства, а значит, он не готов к этому. Совершенно верно, мы действуем посредством естественных, а не сверхъестественных методов и законов. Но поскольку, с одной стороны, наука в своём нынешнем состоянии окажется неспособной объяснить чудеса, совершаемые во имя её, а с другой стороны, невежественные массы всё равно будут вынуждены рассматривать феномены в свете чудес, то каждый кто, таким образом, стал бы свидетелем происшествия, был бы сбит с толку, и результат был бы плачевным.

Поверьте, это будет особенно важно для вас, автора этой идеи, и для этой преданной женщины, которая так глупо врывается в распахнутую дверь, ведущую в известность. Эта дверь, хоть и открытая вашей дружелюбной рукой, очень скоро окажется для неё ловушкой, причем роковой. И это, конечно, не является вашей целью…

Если бы мы согласились с вашими желаниями, знаете ли вы, какие последствия имел бы этот успех? Неумолимая тень, которая следует за всеми человеческими нововведениями, движется вперёд, но лишь немногие когда-либо осознают её приближение и опасность. Чего же тогда ожидать от того, кто предложит миру нововведение, которое из-за человеческого невежества, если верить в него, несомненно, будет приписано тем тёмным силам, в которые верят и которых боятся две трети человечества?

Успех попытки такого рода, как эта, которую вы предлагаете, должен быть рассчитан на глубокие знания людей вокруг вас и основываться на них. Он полностью зависит от социальных и

[5] По заказу (фр.)

духовных условий людей, их отношения к этим глубочайшим и загадочным вопросы, могущим всколыхнуть человеческий ум – божественные силы в человеке и потенциальные возможности, скрывающиеся в природе. Много ли тех из вашего окружения, даже из ваших лучших друзей, кто не только поверхностно интересуются этими трудными проблемами?»

О духе и методах современной науки адепт писал:

«Мы не сомневаемся, но люди вашей науки открыты для новых убеждений; всё же нужно сначала продемонстрировать им факты, чтобы они стали их собственностью, поддавались их методам исследования, прежде чем вы обнаружите, что они готовы признать их как факты…ваши современные учёные мужи менее озабочены предположением физической связи между фактами, которая могла бы открыть для них многие оккультные силы в природе, чем составлением удобной классификации научных экспериментов, так чтобы наиболее важным качеством гипотезы являлась бы не оригинальность, а только правдоподобность, по их мнению.

Вот то, что касается науки – насколько нам известно о ней. Что касается человеческой природы в целом, то сейчас она такая же, как и миллион лет назад. Предрассудки, основанные на эгоизме, общем нежелании отказаться от устоявшегося порядка вещей в пользу новых образов жизни и мышления (а оккультные исследования требуют всего этого и многого другого), гордости и упорного сопротивления истине, если только она нарушает их прежний образ жизни.

Каковы же были бы результаты самых поразительных феноменов, если бы мы согласились их совершать? Каков бы ни был успех, опасность возрастала бы пропорционально успеху. Вскоре не осталось бы иного выбора, как только продолжать их и всё время с нарастанием темпа, или пасть в этой бесконечной борьбе с предрассудками и невежеством, сражёнными своим собственным оружием.

Невежественные люди, неспособные бороться с невидимыми исполнителями, могут когда-нибудь излить свой гнев на действующих видимых посредников; высшие и образованные классы по-прежнему не верят, разрывая вас в клочья. Как и многие, вы обвиняете нас в большой скрытности. И всё же мы кое-что знаем о человеческой природе, поскольку опыт долгих веков – да, веков научил нас. И мы знаем, что пока науке есть чему поучиться и тень религиозного догматизма омрачает сердцах масс, мировые предрассудки необходимо преодолевать шаг за шагом, а не с налёта... единственное спасение истинных знатоков оккультных наук заключается в скептицизме широкой публики; шарлатаны и фокусники – естественные щиты адептов. Безопасность общества обеспечивается только тем,

что мы храним в секрете ужасное оружие, которое в противном случае могло бы быть использовано против него и которое, как вам сказали, становится смертельным в руках нечестивых и эгоистичных людей».

Это письмо, полученное м-ром Синнеттом летом 1880 года, указывает на контраст между европейским умом, озабоченным «научными доказательствами», и глубоко просветительными целями теософских адептов. В следующем письме, касавшемся м-ра Юма, а также Синнетта, говорится о возвышенных духовных понятиях, на которых основано Теософское движение. Юм прочитал первое письмо, полученное Синнеттом, и вместе они предложили сформировать небольшую группу образованных людей для изучения оккультизма, которые будут находиться под непосредственным руководством их адептов-корреспондентов, с двумя англичанами в качестве посредников.

Второй ответ Синнетту продолжил объяснение первого письма, расширив разницу между духом восточного оккультизма и психическими, а также духовными установками даже самых образованных европейцев, воспитанных под влиянием западного материализма и христианских понятий в религии.

Он начинается так:

«В нашей переписке мы никогда не поймём друг друга, пока не станет совершенно ясно, что оккультная наука имеет свои собственные методы исследования, столь же непреложные и деспотичные, как и методы её полной противоположности, физической науки. Если последняя имеет свои авторитетные мнения, то так же и первая… Тайны никогда не были и никогда не могут быть доступными для широкой публики, по крайней мере, до того долгожданного дня когда наша религиозная философия станет всеобщей. Во все времена едва заметное меньшинство людей, обладало секретами природы, хотя многие были свидетелями практических доказательств возможности такого обладания. Адепт – это редкий цветок целого поколения исследователей; и чтобы стать одним из них, нужно подчиняться внутреннему импульсу своей души, независимо от благоразумных соображений светской науки или дальновидности».

Теперь автор переходит к вопросу о том, чтобы отдать предпочтение м-ру Синнетту личными инструкциями, чтобы он мог передать секреты оккультизма широкой публике наиболее «подходящим» способом. Синнетт на первых страницах «Оккультного мира» выражает своё неодобрение нетрадиционной манере мадам Блаватской, ссылаясь на её неспособность уделить должное внимание «британским правящим классам Индии». Он говорит о её «бросающейся в глаза симпатии к уроженцам страны по сравнению

с европейцами», сожалея об «ошибках», которые, по его мнению, тормозили создание Теософского общества на «достойной основе». Очевидно, что м-р Синнетт считал мадам Блаватскую необыкновенной женщиной, обладающей многими замечательными качествами, но, к сожалению, некомпетентной для наставления интеллектуальных классов девятнадцатого века. Его снисходительное отношение к ней, хотя и менее очевидное, чем собственнические взгляды и припадки личной досады Олкотта, проявляется в таких суждениях, как эти, подразумевающие, что он, Синнетт, был гораздо лучше приспособлен, чем Е.П.Б. для обучения *цивилизованных* людей теософии или оккультизму. Дело в том, что этот британский журналист-космополит был совершенно не в состоянии сложить «бремя белого человека». Его способы ведения дел, несомненно, были лучшими. Спустя годы неспособность Синнетта понять мадам Блаватскую постепенно трансформировала его раздражение по поводу её «эксцентричности» в ревность, которая в конечном итоге положила конец его полезности для теософского дела.

В этом втором письме м-ру Синнетту приводятся причины, по которым мадам Блаватская является представителем братства адептов, и напоминаются жертвы, которые она и также Олькотт принесли, чтобы служить Теософскому движению. Что касается мотивов и образа жизни тех, кто хотел бы вести прямую переписку с адептами, в письме говорится:

«Ваше желание состоит в том, чтобы общаться с одним из нас напрямую, без посредничества мадам Блаватской.

Насколько я понимаю, ваша идея состояла бы в том, чтобы получать такие послания либо через письма, как настоящее, либо посредством слышимых слов, чтобы руководиться одним из нас и, главным образом, в отношении наставлений Общества. Вы ищете всего этого, и всё же, как вы сами говорите, до сих пор не нашли достаточных причин даже для того, чтобы отказаться от своего образа жизни, прямо враждебного таким способам общения. Это вряд ли разумно. Тот, кто хочет высоко поднять знамя мистицизма и провозгласить его близкое царство, должен подавать пример другим. Он должен быть первым, кто изменит свой образ жизни, и, считая изучение оккультных тайн высшей ступенью на лестнице знания, должен громко провозглашать его как таковое, несмотря на точную науку и сопротивление общества».

В письме продолжается анализ мотивов, побудивших Синнетта сделать своё предложение, которые, вкратце, называются личным желанием познать природу оккультных сил природы и обладать властью над ними, чтобы продемонстрировать их существование

«избранным западным умам»; чтобы убедиться в реальности жизни после смерти и, наконец, получить точные сведения о том, что «адепты», о которых говорила мадам Блаватская, на самом деле существует, а не являются «выдумкой больного, страдающего галлюцинациями мозга». Далее в письме говорится:

«Таким образом, на наш взгляд, эти мотивы, искренние и достойные всевозможного серьезного рассмотрения со светской точки зрения, кажутся эгоистичными. (Вы должны извинить меня за то, что вы можете посчитать резкостью выражений, если ваше желание действительно, как вы открыто признаёте, состоит в том, чтобы узнать истину и получить наставления от нас, кто принадлежат к совершенно иному миру, чем тот, к которому вы имеете отношение.) Они эгоистичны, потому что вы должны осознавать, что главная цель Теософского общества состоит не столько в удовлетворении личных устремлений, сколько в служении своим ближним, и реальная ценность этого термина «эгоистичный», который может резать вам ухо, имеет особое значение для нас, которого он не может иметь для вас; поэтому для начала вы не должны понимать его иначе, как в первом смысле. Возможно, вы лучше поймёте, что мы имеем в виду, когда вам будет сказано, что, с нашей точки зрения, самые высокие устремления к благополучию человечества становятся запятнанными эгоизмом, если в сознании альтруиста таится тень устремления к собственной выгоде или склонность поступать несправедливо, даже если он может этого не осознавать. Вы же всегда в дискуссиях лишь умаляли идею Всеобщего Братства, ставили под сомнение её полезность и советовали переделать Теософское Общество по принципу колледжа для специального изучения оккультизма».

Эти первые письма адептов, как и все остальные последующие, не оставляют сомнений в отношении основных намерений оккультного братства. Адептов заботил только великий этический идеал человеческого братства. Они будут учить, помогать и демонстрировать свои оккультные способности только тем, кто в своих сердцах считает первым дело братства, и кто будет упорно трудиться для его реализации в мире людей. Таковы были условия, которым придавалось большое значение, для всех тех, кто обращался за наставлениями к теософским Учителям.

А. О. Юм, который присоединился к Синнетту в предложении сформировать общество, в котором они должны были стать ведущими светскими фигурами, также получил письмо, в котором ещё более чётко излагаются условия достижения успеха в оккультной философии. Юм был человеком исключительного ума и самодисциплины, но, как и большинство жителей Запада, ему было трудно понять, почему учителя Е.П.Б. не согласились на *его* условия,

вместо своих условий. Письмо к Юму длинное, в нём даются ответы на несколько вопросов. Оно начинается с рассмотрения идеи особого общества, объяснения того, что может быть осуществимо в этом направлении, а также с одобрения интересов столь образованного и талантливого англичанина. После этого снова описывается пропасть, отделяющая оккультизм от западных понятий:

«Вы говорите, что существует ряд отраслей науки, с которыми вы совершенно не знакомы, и что, по вашему мнению, вы сможете сделать немало добра, имея возможность ознакомиться с ними, посвятив их изучению долгие годы. Несомненно, так оно и есть. Но позвольте мне описать вам более ясно в общих чертах разницу между методами естественных наук, называемых точными, часто просто из вежливости, и метафизических наук. М-р Тиндаль ставит метафизические науки, которые, как вы знаете, не доступны подтверждению со стороны разнородной публики, в один ряд с поэтическим домыслом. С другой стороны, реалистическая наука, основанная на фактах, совершенно прозаична. Но для нас, бедных безвестных альтруистов, ни одна из этих наук не представляет интереса, за исключением степени её потенциального результата в отношении нравственности и коэффициента полезности для человечества. А что может быть более безразличным ко всем и вся в своем гордом одиночестве и привязанным исключительно к эгоистическим потребностям для своего распространения, нежели материалистическая и реалистическая наука фактов? Позвольте мне спросить, не подвергаясь обвинению в пустом «выставлении науки напоказ», какое отношение имеют законы Фарадея, Тиндаля и прочих учёных к альтруизму, в их абстрактных отношениях к человечеству, рассматриваемому как единое целое? В какой степени они интересуются человеком, как отдельным атомом этого великого и гармоничного целого, даже если и могут порою приносить этому атому практическую пользу?

Точная экспериментальная наука, не имеет ничего общего с нравственностью, добродетелью и альтруизмом; следовательно, она не может претендовать на нашу помощь, пока не придёт в гармонию с метафизикой. Будучи всего лишь холодной классификацией фактов *вне человека,* – фактов, которые существовали до него, и будут существовать после него, её область полезности прекращается для нас на внешней границе этих фактов; поскольку её мало волнует, какими окажутся для человечества выводы и результаты данных, полученных её методами.

Если бы солнцу, великому питающему отцу нашей планетной системы, пришлось бы завтра «в условиях эксперимента» высиживать гранитных цыплят из каменной глыбы, то они (люди науки) приняли бы это как научный факт, не размениваясь на сожаления по поводу того, что каменные цыплята – не живая птица, и ими нельзя накормить голодающих и умирающих от голода людей. Но если бы какой-нибудь *шаберон* в голодное время перешел через Гималаи и своим способом воспроизвел в большом количестве мешки с рисом, чтобы спасти множество людей, умирающих от голода, – ваши судьи и сборщики налогов наверняка засадили бы его в тюрьму, чтобы заставить признаться, чьи амбары он ограбил. Такова точная наука и ваш прагматичный мир. И хотя, как вы говорите,

на вас производит большое впечатление огромная степень невежества мира по любому вопросу, которую вы метко называете, как «несколько очевидных фактов, собранных и грубо обобщённых, и специальный жаргон, изобретённый для того, чтобы скрыть людское невежество во всём, что лежит за этими фактами»; хотя вы говорите о своей вере в бесконечные возможности природы, вы, тем не менее, согласны потратить свою жизнь на работу, которая идёт на пользу лишь всё той же точной науке».

В ответ на вопрос Юма о том, чего хорошего он может извлечь от изучения оккультизма, его корреспондент написал:

«Когда местное население увидит, что англичане и даже некоторые высшие чиновники британской администрации в Индии проявляют интерес к науке и философии их предков, они и сами открыто возьмутся за их изучение. А если они придут к пониманию того, что древние «божественные» феномены были не *чудесами*, а научными эффектами, то *суеверия* ослабнут. Таким образом, со временем исчезнет величайшее зло, угнетающее индийскую цивилизацию и препятствующее её возрождению. Нынешняя тенденция в образовании ставит своей целью сделать индийцев материалистами и искоренить духовность. При правильном понимании того, что хотели передать наши предки с помощью своих писаний и учений, образование стало бы благословением, тогда как сейчас оно зачастую является проклятием…

Те же причины, которые внедряют материализм в сознание индусов, в равной степени воздействуют и на всё мышление Запада. Образование возводит на престол скептицизм, но закрепощает духовность. Вы могли бы принести огромную пользу, помогая народам Запада обрести надёжную основу для восстановления их гибнущей веры. Им нужны доказательства, которые может дать только азиатская психология. Дайте их, и Вы даруете счастье умам тысяч людей. Эра слепой веры миновала, воцарилась эпоха исследования. Исследования, разоблачающие лишь заблуждения, но не обнаруживающие ничего, на чем могла бы душа созидать, создают только борцов с предрассудками. Такого рода борьба из-за своей разрушительной деятельности ничего не может дать; она способна лишь разрушать. Но человека не может удовлетворить одно голое отрицание. Агностицизм – всего лишь временная остановка.

Сейчас наступил подходящий момент для того, чтобы задать направление периодически возвращающемуся импульсу, который уже на подходе и который либо заставит нашу эпоху двигаться в сторону крайнего атеизма, либо потащит её назад, к крайней власти духовенства, если его не обратить к изначальной удовлетворяющей душу философии арийцев. Тот увидит эти тенденции, кто наблюдает за тем, что происходит в наши дни, с одной стороны, среди католиков, которые плодят чудеса с такою же легкостью, как термиты свое потомство, а с другой стороны, среди вольнодумцев, которые в массовом порядке превращаются в *агностиков*. Наш век кутит на пирушке феноменов. Те же чудеса, на которые спиритуалисты ссылаются в противовес догмам о вечной погибели и искуплении, католики кучами приводят, как самые веские доказательства их веры в чудеса. А скептики высмеивают и тех, и других. Все слепы, и некому их вести!

Вы и ваши коллеги можете помочь в предоставлении материала столь необходимого для универсальной религиозной философии – философии, неуязвимой для нападок со стороны учёных, поскольку она сама по себе является завершением абсолютной науки, и религии, воистину достойной этого названия, поскольку она будет включать в себя отношения человека физического с человеком психическим, а их обоих – с тем, что выше и ниже их. Разве ради этого не стоит принести небольшую жертву?

И если после размышлений Вы решитесь предаться этой новой деятельности, то Вам следует знать, что ваше общество – это не лавка чудес, не клуб, устраивающий званые обеды, и оно не предназначено для изучения феноменов».

Переписка, начатая этими письмами, продолжалась в течение ряда лет, и хотя предыдущие отрывки могут служить для иллюстрации общего характера писем Махатм, более поздние послания превратились в длинные трактаты по оккультной философии – изложение теософского учения, на основании которых г-н Синнетт написал свою вторую книгу «Эзотерический буддизм». Хотя Синнетт проявлял глубокую человеческую привязанность и почтение к своему далекому наставнику, и какое-то время безоговорочно способствовал работе Теософского движения, его антагонизм и несправедливость по отношению Е.П.Б. сгубили его. В конце концов, он вернулся к спиритическим практикам, потеряв всякую связь с истинными вдохновителями теософского движения. Юм разочаровался в 1882 году, а позже совсем покинул Общество. Он никогда полностью не отдавался Теософскому движению, и оставление за собой какого-то права в своей переписке с адептами, привели к отчуждению, якобы вызванному философскими разногласиями с ними, а на самом деле его безмерным тщеславием, делавшим невозможным учиться у кого угодно, кроме как у самого себя.

Однако в первые несколько лет интерес этих высокопоставленных англичан был важным фактором распространения теософии, как в Индии, так и в Европе.

Книга Синнетта «Оккультный мир» привлекла к себе внимание на Западе, и когда он вернулся в Англию, он стал активным членом лондонского отделения Теософского общества. Юм, хотя он окончательно отделился от теософского движения, продолжал заниматься правами человека, став одним из главных участников движения

по созданию Индийского национального конгресса. В книге Ганди «Хинд Сварадж» об самоуправление Индии советы Юма индийским патриотам не раз цитируются как мудрые слова отца-основателя. Нет никаких сомнений в том, что, каким бы ни был окончательный результат их принадлежности Обществу, Теософское движение поддерживалось как м-ром Синнеттом, так и м-ром Юмом в период их активного участия в его работе.

ГЛАВА VI

ТЕОСОФЫ ИНДИИ

ВЕЛИЧАЙШИМ СОБЫТИЕМ пребывания мадам Блаватской в Индии, с точки зрения будущей работы Движения, было учреждение ею журнала «Теософ» в октябре 1879 года. Это издание стало основными анналами теософской литературы, напечатав многие важные статьи, как по философии, так и по образовательной деятельности теософов. Первые выпуски сразу же определили тон редакции, который должен был сохраняться в журнале до тех пор, пока Е.П.Б. оставалась в Индии. Первый номер содержал четыре статьи, в которых категорически высказывались суть и цели теософского движения. Статья «Что такое теософия?», которая следует за вводной редакционной статьей, ясно даёт понять, что теософия ни новое «откровение», ни созданное руками человека вероучение, но, по сути, *дух беспристрастного исследования*, исходящий из основных философских принципов, которые можно найти в каждой великой религии или метафизической системе. Теософия, однако, оказывается чем-то намного большим, чем просто умозрительным исследованием, она охватывает глубокие понятия ведической философии и буддизма, учения египетских иерофантов, Пифагора и Платона, неоплатоническую систему, гностический мистицизм, метафизические идеи Лейбница, Спинозы, Гегеля и Фихте, а также каббалистические доктрины и средневековые учения об алхимической регенерации и, наконец, трансцендентализм Ральфа Уолдо Эмерсона – все они объединены в этой статье и рассматриваются как прямые или косвенные выражения «древней *религии Мудрости*». Обрисовав в общих чертах эти различные исторические источники теософии, мадам Блаватская добавляет:

«Таким образом, каждый теософ, придерживающийся теории о божестве, «в основе которой лежит не откровение, а его собственное вдохновение», может принять любое из вышеперечисленных определений или принадлежать к любой из этих религий, но при этом оставаться строго в рамках установленных теософией границ. Теософия же является верой в божество, представляющего ВСЁ, источник всего сущего, бесконечное, которое не может быть ни постигнуто, ни познано, одна лишь вселенная раскрывает ТО, или, как некоторые предпочитают говорить, Его, тем самым придавая этому ВСЕМУ пол, очеловечивание которого является *кощунством*».

Эта статья также касается учения о реинкарнации, указывая на то, что многие великие мыслители Запада, от Пифагора до Дэвида Юма и Шелли, склонялись к такому понятию относительно эволюции души.

Вторая статья, «Кто такие теософы?» говорит о целях Теософского общества, «самая важная из которых – возродить дело Аммония Саккаса и сделать так, чтобы разные народы помнили, что они «дети одной матери». Мадам Блаватская теперь занимается вопросом, во что теософы «верят»:

«В таком случае, с какой частью этой естествоиспытательной, богопознавательной науки древних арийских и греческих мистиков ... согласно Общество? Наш ответ – со всем этим. Но если спросить, во что оно верит, то ответ будет таков: «Как организация – ни во что». «Общество, как организация, не имеет веры, поскольку вероучения являются лишь оболочкой духовного знания; а теософия в своём воплощении – это само духовное знание, самая суть философского и богословского исследования. Будучи видимым представителем всеобщей теософии, оно не может быть более сектантским, чем географическое общество, которое представляет всеобщее географическое исследование, не заботясь о том, исповедуют ли исследователи то или иное вероисповедание. Религией Общества является алгебраическое уравнение, в котором, пока не опущен знак равенства, каждому члену уравнения разрешается подставлять вместо своих величин, которые лучше соответствуют климатическим и другим требованиям его родной страны, менталитет своего народа или даже самого себя. Не имея общепринятого вероучения, наше Общество всегда готово отдавать и брать, учиться и учить путём практических экспериментов, в отличие от простого пассивного и доверчивого принятия навязываемых догм… Самая основная идея Общества – это самостоятельное и бесстрашное исследование.

В целом Теософское Общество считает, что все истинные мыслители и исследователи скрытой стороны природы, будь то материалисты, видящие в материи «обетование и могущество всей земной жизни», или спиритуалисты, открывшие в духе источник всей энергии и материи, – все они были и остаются, собственно говоря, теософам… Теперь становится понятно, что хотя таких людей причисляют к теистам, пантеистам или атеистам, они – близкие родственники друг другу. Кем бы он ни был, как только исследователь оставляет старый проторенный путь рутины и вступает на одинокую тропу независимого мышления (в направлении божества) он становится теософом, истинным мыслителем, искателем вечной истины с «собственным вдохновением» для решения всеобщих задач».

Теософия, пишет мадам Блаватская, является другом и сторонником научных исследований, пока ученые избегают

догм в области психологии и метафизики. Ей также близко всякое усилие, направленное на понимание проявлений божественного начала. Верное своему девизу «Нет религии выше истины», Общество было задумано как средство осуществления абсолютной религиозной свободы:

«Родившееся в Соединённых Штатах Америки, Общество было создано по образцу своей родины. Последняя, опустив имя Бога в своей конституции, чтобы не дать в один прекрасный день предлога для государственной религии, предоставляет своим законом абсолютное равенство всем религиям. Все религии поддерживают государство и каждая, в свою очередь, охраняется государством. Общество, построенное по образцу этой конституции, справедливо можно назвать «Республикой совести».

Вряд ли нужно делать акцент на важности этих фундаментальных понятий теософского движения в неспокойные годы двадцатого века. Было множество реформаторских движений и организаций, выражавших на словах приверженность несектантским идеалам, но со временем почти все они перешли в ту или иную форму догматизма или вероучения, или стали академическими дискуссионными обществами. Однако принципы теософского движения, столь ясно выраженные в годы его основания, содержат подразумеваемые гарантии от обычной участи таких благожелательных организаций или обществ. Изучающие теософию, если они когда-нибудь достигнут подлинного понимания этих принципов, обнаружат, что они неспособны на сектантскую привычку мышления.

Прежде всего, цель формирования ядра Всеобщего братства является движущей силой, пробуждающей в людях духовные ресурсы, которыми не может управлять ни один менее значительный идеал. Во-вторых, идея получения знаний через опыт (из «Книги природы») категорически противоположна духовной и умственной пассивности, характеризующей западную религию и являющейся первопричиной сектантства. Наконец, соединение метафизического исследования с мистической религией вводит фактор постепенного развития *мышления*, делая прогресс в теософии делом определённых шагов, которые должны быть сделаны самим исследователем. Более того, этим прогрессом нельзя пренебрегать, не теряя духа теософского идеала, и теософию, как она определена в этих ранних статьях мадам Блаватской, необходимо изучать, практиковать и *жить* по ней, чтобы её понять. Именно эти требования отличают теософию от любой конкретной религии или «веры» и устанавливают высокую степень ответственности для тех, кто берёт на себя обязательство идти по теософскому пути».

Ближе к концу статьи «Кто такие теософы?» Мадам Блаватская пишет:

«В заключение мы можем констатировать, что, будучи более широкими и более универсальными по своим взглядам, чем любое существующее простое научное общество, оно имеет, помимо науки, веру во всякую потенциальную возможность и решительную волю проникнуть в те неизведанные духовные области, относительно которых точная наука делает вид, будто её приверженцам нет дела до их исследования. И оно обладает ещё одним качеством, которого нет у любой другой религии, оно не делает различия между язычником, евреем или христианином. Именно в этом духе Общество было основано на фундаменте Всеобщего Братства.

Не интересуясь политикой, враждебно относясь к безумным мечтам о социализме и коммунизме, которые оно ненавидит, поскольку оба они всего лишь замаскированный заговор грубой силы и косности против честного труда, Общество мало озабочено внешним человеческим управлением материальным миром. Все его устремления направлены на оккультные истины видимого и невидимого миров. Будет ли физический человек под властью империи или республики, касается только человека материального.

Его тело может быть порабощено, что же касается его души, он вправе дать своим правителям гордый ответ Сократа, данного его судьям. У них нет власти над внутренним человеком».

Здесь подразумевается, что Теософское движение пытается отбросить любое поверхностное «решение» жизненных проблем и подойти к ним с позиций их сущностной природы. Теософия нетерпима к научному правилу, согласно которому человеческое знание зависит от свидетельств, воспринимаемых физическими чувствами. Она постулирует реальность внутренних чувств, которые могут быть использованы с научной точностью теми, кто их развивает.

Безразличие к политике, выраженное мадам Блаватской, связано с осознанием того факта, что простое манипулирование социальными отношениями, будь то насильственное свержение установленного правительства или посредством обычных законодательных процессов, не может принести долговременного блага, если оно отделено от более высоких целей нравственного воспитания. Успехи в политике, задуманные как стремление к власти, всегда будут разочаровывать гуманистов, выбравших этот метод реформ, по той причине, что перестройка социальной организации никогда не может сама по себе привести к улучшению людей в каком-либо реальном смысле; улучшение человека – это улучшение человеческого понимания, и когда это будет достигнуто, трудности социальной организации разрешаться сами собой или, по крайней мере, перестанут быть явно неразрешимыми проблемами, как

сегодня. Заинтересованность в политике отвлекает от реальных процессов нравственных и социальных изменений, которые должны стать предметом изучения добросовестных людей.

Критика социализма мадам Блаватской может озадачить современного либерала, за исключением того несомненного факта, что она горячо одобряла этический принцип абсолютного участия и не принимала укоренившийся эгоизм экономической системы частной собственности. В этом отрывке она явно осуждает концепцию жестокой классовой борьбы, присущую европейской социалистической доктрине. В другом месте, говоря о местном американском социализме Эдварда Беллами, она называет организацию общества, изображенную им в книге «Взгляд назад», утверждением того, «что должно стать первым большим шагом на пути к полной реализации всеобщего братства». Она называет Будду и Иисуса «ревностными филантропами и практическими альтруистами, безошибочно проповедующими социализм самого благородного и высшего типа, и самопожертвование до последней капли крови». Ясно, что социализм такого рода не связан с какой-либо специальной экономической или политической теорией, но воплощает в себе тот благородный дух человеческого братства, который является главным источником вдохновения теософского движения.

Две оставшиеся статьи из четырёх упомянутых носят названия «Дрейф западного спиритуализма» и «Древность Вед». Первая подтверждает теософское отношение к спиритуалистическим феноменам, вторая исправляет ошибки христианских учёных и западных востоковедов, которые пытались доказать недавнее историческое происхождение священной литературы Востока. Ещё больше дискуссий на эти важные темы должно было появиться в более поздних номерах журнала «Теософ».

По мере того как возрастал интерес к теософии в Индии, публикации в «Теософе» отражали прогресс Общества. Они содержали глубокомысленные обсуждения индийской метафизики, комментарии и переводы священной литературы. Европейские авторы представляли статьи, посвящённые различным аспектам западной метафизики и мистицизма, что делало журнал самым космополитическим философским изданием своего времени; и ведомый Е.П.Б. он был пронизан живой преданностью истине, которая вдохновляла и побуждала к действиям теософов во всём мире.

Так как у Общества среди индусов были сторонники, это вскоре вызвало согласованное сопротивление христианских миссионеров, находившихся в Индии. В то время как эти враги Общества ничего не могли добиться путём прямой критики теософских идей, то пострадала сама мадам Блаватская из-за ложных фактов относительно её жизни и деятельности, которые распространялись миссионерами. Она, конечно, открыто осуждала все попытки отвратить индусов от их исконной религии, рассматривая это как наглое вторжение в личные дела индийского народа. Такое её отношение к христианам, а также её большое почитание ведической философии Индии, естественно, способствовали её популярности среди учёных индусов, на которых миссионеры не могли оказать никакого влияния.

Чувствуя опасность, которую Теософское общество представляет для их прозелитической деятельности, миссионеры привезли из Соединённых Штатов некоего преп. Джозефа Кука, который якобы приехал посмотреть страну, но, на самом деле, был занят проведением публичных лекций, искажающих теософию. Ему неоднократно предлагали встретиться с теософами для участия в дебатах, но он всегда избегал столь убедительной проверки своих утверждений. После того, как офицер британской армии публично обвинил его, он покинул страну. Нападки христианских миссий на работу Теософского движения, которые начались с клеветнической кампании против основателей Общества, но достигли апогея в связи с делом, известным теософам как «заговор Кулонов», были бы относительно безобидным делом, если бы не слабость и колебания самих теософов.

Е.П.Б. и Олкотт продолжали жить в Бомбее до декабря 1882 года, пока штаб-квартира Теософского общества постоянно не обосновалась в Адьяре. В течение этих первых лет в Индии оба основателя много путешествовали, приключения одного из их путешествий, которое включало посещение пещер Карли, стали основой для книги Е.П.Б. под названием «Из пещер и дебрей Индостана» (первоначально это было собранием писем, опубликованных в русской газете). В этой книге также упоминается посещение Раджпутаны. В 1880 году они отправились на пароходе на Цейлон, где проходили теософские собрания, а 25 мая Олькотт и Е.П.Б.

«приняли *pansil*[6]» и были официально признаны буддистами. Оба, как говорит Олкотт, ранее неоднократно объявляли себя буддистами, однако они были приверженцами исконного учения Гаутамы Будды, которое совпадает с религией мудрости Упанишад, а не какой-либо буддийской секты. Позже Олкотт один вернулся на Цейлон, чтобы содействовать более эффективному образованию буддийской молодежи и помогать в создании Национального фонда образования. Во время своего второго визита он составил буддийский катехизис и получил одобрение первосвященника Сумангала из колледжа Видьодая за это краткое изложение южного буддизма. Олкотта побудило написать эту работу общее незнание буддизма и абсурдные искажения учения Будды, распространяемые христианскими фанатиками на Цейлоне и в других местах. Он обнаружил, что восемь из одиннадцати школ острова Цейлон полностью находятся в руках миссионеров, и написал «Катехизис», чтобы помочь молодым буддистам справиться с ложными заявлениями этих врагов их религии.

В 1882 году Олькотт снова посетил Цейлон, вдохнув новую жизнь в кампанию, проводимую за буддийское и национальное образование. Ему было пятьдесят лет. Именно в это время, находясь в Галле, городе Цейлона, Олькотт впервые применил месмерическое лечение, которым он позже прославился. Католики пытались превратить колодец около дома одного из своих причастников в исцеляющую святыню по образцу Лурда. Заботясь о развитии своего образовательного фонда, Олкотт опасался, что невежественные буддисты могут быть обращены в католицизм в надежде излечиться от своих болезней. Вскоре после того, как возникла эта проблема, Олкотт, встретив наполовину парализованного буддиста из Галле, почувствовал внутреннее внушение попробовать излечить больного с помощью месмеризма. Результат был потрясающим, так как паралитик вскоре смог подписать заявление, свидетельствующее о его излечении, рукой, которая была прежде совершенно парализована. Через несколько дней Олкотт оказался в окружении толпы больных просителей, и в течение многих лет, пока теософские адепты не посоветовали ему остановиться, чтобы сохранить свое здоровье, он продолжал использовать свою месмерическую силу, чтобы приносить облегчение людям, которым врачи были не в состоянии помочь.

Среди индуистов, привлечённых к Обществу, были два брамина исключительных способностей. Первым был Дамодар К. Мава-

[6] В буддизме 5 обетов для мирян

ланкар, который стал членом Общества в августе 1879 года. Дамодар был подобен Уильям К. Джаджу в своей верности Е.П.Б.. Общение с ней и изучение теософии совершили внезапную революцию в его жизни до такой степени, что это привело его к разрыву с ортодоксальной семьей браминов, хотя и не с его женой, которая понимала и поддерживала его в этом плане. Дамодар отдавал все свои силы служению теософскому делу, с утра допоздна трудясь ради Движения. В 1880 году он отказался от своего статуса в касте брахманов и объявил о своих действиях в статье, опубликованной в журнале «Теософ» под названием «Касты Индии». В этой статье Дамодар указывал на отсутствие братства вследствие всех кастовых различий и призывал своих братьев-индусов, последовав его примеру, отречься от пороков кастовой системы. Дамодар оставался неутомимым слугой Общества до тех пор, пока Е.П.Б. не уехала из Индии в последний раз.

Затем, через несколько месяцев, он исчез; говорили, что он уехал в Тибет по призыву теософских адептов.

Т. Субба Роу, также являвшийся брамином, был человеком выдающихся знаний и обладал большой философской утончённостью. Несмотря на сдержанность в отношениях с европейцами, как и почти всех индийских учёных, Субба Роу осознавал важность теософского движения, и какое-то время писал отличные статьи для журнала «Теософ». Он вступил в Общество в 1882 году, в то время как Е.П.Б. и Олкотт были в Мадрасе. Его талант, как рассказывает Олкотт в книге «Страницы старого дневника», был определяющим фактором обоих основателей создать штаб-квартиру Общества в Мадрасском президентстве. В 1883 году Субба Роу принял участие в споре, развернувшемся вокруг второго тома «Эзотерического буддизма» м-ра Синнетта. С одобрения Е.П.Б. он выпустил брошюру, в которой обсуждалась эта книга, в основном в её защиту, но с добавлением также некоторых исправлений, чтобы прикрыть определённые ошибки автора в объяснении оккультных догматов. То, что Субба Роу смог это сделать, само по себе свидетельствует о его большой учёности и, возможно, даже о его оккультном ученичестве. Самой известной его работой была серия публикаций под названием «Лекции по Бхагавад Гите», в которой раскрылось его мастерство знания восточной метафизики. Однако гордость брамина погубила его, и в 1887 году он начал спорить с мадам Блаватской о количестве «принципов» в человеческой конституции. Субба

Роу был ведантистом и настаивал на брахманском разделении, в то время как Е.П.Б. придерживалась семеричной классификации трансгималайской «эзотерической школы архатов». Вследствие этой разницы Субба Роу отказался от сотрудничества с Е.П.Б.

Отношения «Арья Самадж» с Теософским обществом, первоначально установившиеся в то время, когда основатели Общества находились в Нью-Йорке, какое-то время продолжались в Индии почти на той же основе – на основе сочувствия и сотрудничества без какой-либо живой связи между двумя организациями. Олкотт и Е.П.Б. несколько раз встречались с Даянандом Сарасвати, опубликовали серию автобиографических статей Свами в «Теософе» и рассказывали о его открытых стычках с христианскими миссионерами. Однако в 1882 году лидер «Арья Самадж» выступил против Общества, обвинив его основателей в отказе ради буддизма от своей «веры» в интерпретацию природы божества, данную Свами. После этих нападок Олкотт напечатал противоречивые утверждения самого Даянанды Сарасвати в параллельных колонках в «Теософе», и дружескому союзу между двумя движениями пришёл конец. Ожесточенность Свами против теософов, казалось, была основана главным образом на том факте, что они не приняли его богословское учение, заимствованное из ортодоксального индуизма. Он также обвинял теософов в отказе от Вед и в том, что они не приносят никакой практической пользы Индии. Когда об этих обвинениях стало известно, многочисленные индусы прислали в «Теософ» письма, отмежевываясь от критики обиженного Свами и выражая глубокую благодарность Обществу за его труды от имени арийской философии. Однако по случаю смерти Даянанда в октябре 1883 года «Теософ» опубликовал трогательную статью, как дань памяти его жизни, которая была потрачена на решительные усилия по устранению суеверий, ставшие ассоциироваться с ведической религией. Сегодня в справочных материалах говорится о нём как о предшественнике современного индийского национализма, который помог сдержать разрушающее влияние европейской культуры на образованную молодежь Индии.

Интерес к оккультным феноменам, который должен был иметь более поздние последствия, обнаружился в 1883 году в связи с публикацией книги «Оккультный мир». Летом того же года лондонский журнал спиритуалистов «Свет» напечатал рецензию на эту книгу,

в который от Генри Киддла, американского спиритуалиста, добивались письма с обвинением Гималайского учителя м-ра Синнетта в плагиате речи, произнесённой м-ром Киддлом в августе 1880 года в Лейк Плезанте, штат Нью-Йорк. В письме, адресованному журналу «Свет» Киддл воспроизвёл отрывки из своей речи для сравнения с выдержками из одного оккультного послания в качестве доказательства, подтверждающего его обвинение. Довольные этим очевидным доказательством обмана, спиритуалисты начали издавать торжествующие возгласы, стремясь дискредитировать «адептов» теософов. Сначала м-р Синнетт, и со временем Субба Роу написали для журнала «Теософ» подробный отчёт о том, что произошло. Англо-индийский член Общества генерал-майор Морган дал дополнительные подсказки, и, наконец, в четвёртом издании книги «Оккультный мир» м-р Синнетт напечатал подробное объяснение, предоставленное ему его адептом-корреспондентом.

Всё это имело отношение к скрытому процессу оккультного осаждения, включая также несовершенное восприятие молодым чела, который служил личным секретарём у автора письма. В целом, инцидент с «Киддлом» служил хорошей проверкой для духовно мыслящих теософов, считают ли они адептов теософии и всю их деятельность совершенно непогрешимыми. Он также служил теоретическим обучением оккультному методу передачи мыслей и осаждению, используемому адептами, который, несомненно, многими расценивался как своего рода теософское «чудо». Теософы в целом были скорее озадачены, чем встревожены этим делом, и были полностью удовлетворены, когда узнали объяснение, данное в Приложении к «Оккультному миру». Теософы уже были знакомы со значительной частью философских учений, опубликованных в «Эзотерическом буддизме», который появился в 1883 году, а также на страницах «Теософа», и то, что авторам этого учения нужно было списывать у лектора-спиритуалиста, казалось абсолютно нереальным любому знающему члену Общества.

Со времени первой публикации «Оккультного мира» в июне 1881 года всё больше европейцев стали разыскивать мадам Блаватскую в Индии. Штаб-квартира Общества вскоре стала центром притяжения для всех тех, чьи интересы выходили за рамки общепринятого мышления. Помимо такого влияния теософских публикаций, мадам

Блаватская, как секретарь по переписке Теософского общества, вела обширную переписку с исследователями во всех частях света. Хотя Олкотт и эгоцентричен в своих взглядах и чрезмерно болтлив в своей книге «Страницы старого дневника», нет сомнений в том, что оба основателя неустанно трудились на протяжении всех часов своего бодрствования для продвижения теософского дела. Некоторые посетители приезжали из простого любопытства, других влекло к Е.П.Б. внутреннее стремление узнать истину, и они, если могли, часто оставались, чтобы отдавать всё своё время и энергию делу. Таким образом, штаб-квартира всё больше превращалась в центр, где можно было найти добровольцев, каждый из которых помогал в соответствии со своими талантами и способностями.

Мадам Эмма Кулон, англичанка, которая подружилась с Е.П.Б. в Египте уже рано появилась на индийской сцене. В августе 1879 года она написала Е.П.Б. жалостливое письмо с Цейлона, где она и её муж оказались в затруднительном положении и без гроша в кармане. За Кулонами послали, и в 1880 году их устроили на работу при штаб-квартире в Бомбее, мадам Кулон помогала по хозяйству, м-р Кулон работал плотником и садовником. Этим двоим людям суждено было стать источником больших неприятностей для Е.П.Б. в последующие годы, поскольку, хотя они и дали клятву в качестве членов Общества, мадам Кулон была спиритуалисткой и фанатичной христианкой, а её муж был послушным орудием в её более позднем заговоре с целью отомстить за воображаемую несправедливость. Вздорный характер жены был источником частых ссор в теософском доме, что привело в 1881 году к уходу двух работников, которые сочли Кулонов невыносимыми товарищами. Однако Е.П.Б. терпеливо переносила их присутствие, памятуя об обязательствах, которые она взяла на себя в 1870 году в Каире, когда мадам Кулон взяла её к себе после ужасного кораблекрушения, в результате которого она временно осталась без личных вещей и денежных средств.

Когда Кулоны почувствовали, что их положение в Индии достаточно надёжно, и по мере того, как они познакомились с различными членами, посетителями и исследователями, они начали выражать неудовлетворенность своей относительно скромной участью. Вскоре мадам Кулон попыталась вымогать или выпрашивать деньги у богатых людей, заинтересованных в Обществе, особенно у местного принца Харисинджи Рупсинджи. Мадам Кулон нашёптывала истории о своих способностях и, особенно, о своей способности находить «спрятанные сокровища»,

иногда намекая, что способности мадам Блаватской исходят от «лукавого». Кулоны более или менее постоянно поддерживали связь с близлежащими заведениями миссионеров, и мадам Кулон, в частности, вела ожесточенные религиозные споры с постоянными членами Общества. Полковник Олкотт несколько раз привлекал её к ответственности за эти ненужные проблемы, но в целом Кулоны считались безобидными надоедливыми людьми. Из-за их бед к ним относились с состраданием, и известная всем признательность Е.П.Б. помогали теософам мириться с причиняемой ими надоедливостью и беспокойством.

Незадолго до отъезда Е.П.Б. и полковника Олькотта в Европу в феврале 1884 г. был назначен Совет, который отвечал за дела в штаб-квартире во время отсутствия основателей. Среди членов Совета были д-р Франц Гартман и м-р Сент-Джордж Лейн-Фокс, с которыми Кулоны вели почти постоянные споры. Они хотели вообще отказаться от Кулонов, но внимая мольбам мадам Кулон, Е.П.Б. разрешила этой паре остаться, и, чтобы максимально устранить источники разногласий, она дала Кулонам «права» заниматься хозяйством, нести ответственность за содержание помещения и содержать её апартаменты в порядке.

С отъездом Е.П.Б. и Олькотта Кулоны отказались подчиняться каким-либо приказам и инструкциям постоянных членов Совета; они препятствовали доступу в апартаменты Е.П.Б. и заявляли, что она предоставила им полный контроль над своим помещением и доверила ведение домашнего хозяйства. С другой стороны, члены Совета, жившие в штаб-квартире, совершенно не доверяющие

Кулонам, относились к ним более или менее сурово и презрительно, общались с ними только письменно и отказывались питаться с ними или есть еду, предоставленную мадам Кулон. Её обвиняли в сумасбродстве и расточительности и, подозревая, что она лично извлекала выгоду из пользования внутренними денежными средствами, поэтому они приступили к проверке её ежедневных расходов. Тщеславные, чувствительные и мучимые своими обидами, как реальными, так и воображаемыми, Кулоны задумали двойную месть. Они писали Е.П.Б. о своих ошибках, заявляя о своей лояльности и невиновности в каких-либо проступках и выдвигая различные обвинения против

членов Совета. В то же время члены Совета писали основателям, подробно рассказывая о действиях Кулонов и их нашептывании всяких измышлений по поводу добросовестности теософов и Е.П.Б. В то время как война обвинений и контробвинений велась по почте, можно не сомневаться в том, что Кулоны были заняты подготовкой к своему окончательному предательству, сооружая фальшивые двери и раздвижные панели в так называемой «оккультной комнате» в апартаментах Е.П.Б., чтобы были видны механические устройства, которые могли бы поддерживать обвинения в мошенничестве совершаемых в штаб-квартире феноменов. Кажется очевидным, что в это время Кулоны уже были в активном заговоре с миссионерами и тщательно следовали умным, но нехорошим инструкциям. Проявляя терпение к постоянным членам Совета, их письменным опровержениям и протестам, посылаемым Е.П.Б. и полковнику Олкотту, они выиграли время, необходимое для совершенствования обоснования своих последующих обвинений.

И Е.П.Б., и Олкотт писали Кулонам и Совету, пытаясь уладить ссору и призывая всех проявлять взаимное терпение и терпимость ради Общества и его дела. Попытка примирения потерпела неудачу, члены Совета вызвали Кулонов, чтобы те ответили на обвинения в недобросовестности, предательстве и распространении ложных слухов о Е.П.Б. и феноменах в штаб-квартире. Совет также обнаружил, что происходило в «оккультной комнате».

Кулоны не подтвердили и не опровергли заявления, сделанные в нескольких письменных показаниях относительно их поведения, зачитанных им. Когда они отказались представить какие-либо доказательства своих утверждений, их исключили из Общества и приказали покинуть помещение. Затем в суде угрожали изгнать их, и во время спора Сент-Джордж Лейн-Фокс ударил месье Кулона, за что тот был арестован и содержался под стражей за нападение и избиение. Кулоны во время споров и переговоров выразили желание покинуть страну и отправиться в Америку, если им выплатят 3000 рупий и оплатят проезд. В этом им было отказано.

Наконец, в конце мая 1884 года, с прямого одобрения Е.П.Б., к которой обратились и Кулоны, и члены Совета, и после того, как мадам Кулон пригрозила Е.П.Б. письмом, которое Франц

Гартман назвал «письмом шантажа», Кулоны были вынуждены уйти.

Обиженная пара сразу же направилась к миссионерам, и их приняли с распростертыми объятиями. Им дали деньги и обеспечили их проживанием. В последующие три месяца был разработан план штурма, призванный раз и навсегда омрачить репутацию мадам Блаватской и, как следствие, разрушить Теософское общество. Цель Кулонов стала ясна, когда в сентябре 1884 года журнал «Christian College Magazine» начал публиковать ряд статей, содержащих письма, якобы написанные мадам Блаватской мадам Кулон. Очевидная цель публикации этих писем состояла в том, чтобы представить Е.П.Б. бессовестной аферисткой, а её феномены – махинациями.

Незамедлительным результатом публикации обвинений мадам Кулон в журнале «Christian College Magazine» стало негодование всех сторонников традиционных религий, как Индии, так и Англии, у которых были причины не любить склонность Теософского движения уничтожать любых идолов и которые опасались привлекательности недогматической теософии. Они старались извлечь из обвинений Кулонов всевозможную выгоду, разумеется, с возобновлением всех прежних и разоблачённых обвинений против мадам Блаватской, её учителей и Теософского общества. Христианские секты, спиритические публикации, ежедневная пресса, которая приветствовала любую сенсацию как «материал для статьи», все использовали «откровение» миссионерского журнала.

Когда новости о нападках достигли мадам Блаватской в Англии, она сразу же предприняла шаги для защиты доброго имени Общества, предложив полковнику Олькотту, что она должна уйти с поста секретаря по переписке. Из-за давления со стороны ведущих английских членов он отказался принять такое решение. Е.П.Б. тогда написала следующее письмо в лондонскую газету «Таймс», которое было опубликовано в октябре:

«Уважаемый сэр,

Что касается предполагаемого разоблачения в Мадрасе позорного тайного заговора между мной и двумя людьми по имени Кулоны с целью ввести широкую публику в заблуждение оккультными феноменами, я должна сказать, что письма, якобы написанные мной, определенно не являются моими. Кое-где я узнаю предложения, взятые из моих старых заметок по разным вопросам, но они смешаны с вставками, которые полностью искажают их смысл. За этими исключениями все письма являются выдумкой.

Изготовители, должно быть, были совершенно не осведомлены об индийских делах, поскольку они заставляют меня писать о «махарадже Лахора», в то время как каждый индийский школьник знает, что такого человека не существует.

Что касается предположения о том, что я пыталась способствовать финансовому процветанию Теософического общества с помощью оккультных феноменов, я заявляю, что никогда и ни коем образом не получала и не пыталась получить от кого-либо деньги ни для себя, ни для Общества любыми такими способами. Я бросаю вызов любому человеку откликнуться и доказать обратное. Деньги, которые я получила, были заработаны моей литературной деятельностью, и этот заработок, и то, что осталось от моего наследства по приезде в Индию, всё было посвящено Теософскому обществу. Сегодня я беднее, чем была, когда вместе с другими занималась основанием Общества.

Ваша покорная слуга,

Е. П. Блаватская»

Газета «Pall Mall Gazette» 23 октября 1884 г. опубликовала длинное интервью с Е.П.Б., в котором она отрицала авторство писем, приписываемых ей Кулонами, привела факты недобросовестности Кулонов и обратила внимание на ещё один факт, что уже были доказана фальсификация двух писем, приписываемым Кулонами другим членам Общества.

Оба основатели немедленно стали готовиться к возвращению в Индию. Полковник Олькотт прибыл в штаб-квартиру в ноябре. Е.П.Б. сделала остановку в Египте, чтобы получить информацию о Кулонах, и приехала в Индию только в декабре. По прибытии её встретили и вручили ей Адрес, подписанный сотнями местных студентов христианского колледжа, выражавших свою благодарность за то, что она сделала для Индии, и отказываясь от какой-либо причастности или сочувствия к нападкам журнала «Christian College Magazine».

Съезд индийского отделения Общества собрался в штаб-квартире в конце декабря. С самого начала Е.П. Б. настаивала на том, чтобы привлечь к суду за клевету Кулонов и владельцев журнала «Christian College Magazine». Она заявляла, что будущее Общества, подлинность её учений были омрачены нападками на её репутацию, и если её доброе имя пострадает, то и Обществу, и теософии будет нанесён непоправимый вред. Она признавалась, что лично её ничего не беспокоит, но на самом деле яростное нападки были направлены против

её деятельности, и она не могла быть отделена в общественном сознании от неё самой как её ведущего представителя. Уничтожить одно означало причинить катастрофический вред другому.

Полковник Олкотт был явно нерешителен. Его давняя личная дружба и общее спиритуалистическое прошлое с м-ром У. Стейнтоном Мозесом и м-ром К. К. Мэсси, которые оба считали, что Е.П.Б. был посредником как подлинных, так и ложных феноменов, несомненно, сильно повлияли на него. Он знал, что м-р Синнетт имел схожие с его собственными представления о натуре Е.П.Б. По возвращении в Индию он обнаружил, что А. О. Юм, бывший важный правительственный чиновник и после м-ра Синнетта, самый влиятельный друг Общества в Индии, заразился сомнениями и подозрениями и считал, что, хотя некоторые из феноменов Е.П.Б. были несомненно подлинными, другие же совершались в результате сговора с Кулонами. Олкотт также обнаружил, что наиболее видные индийские члены Общества, хотя и были готовы вежливо высказаться в пользу Е.П.Б., были абсолютно против судебных разбирательств, в которых религиозные взгляды и священные для них предметы публично обсуждались бы и анализировались адвокатами ответчиков в иностранном суде. Олкотту со всех сторон советовали учесть, что психические способности и законы могут быть доказаны только путём фактического совершения феноменов в суде, что запрещено как их религиозным воспитанием, так и правилами оккультизма. Другие настаивали на том, что приговор, даже если он будет вынесен, окажется бесполезным для мира, поскольку зло уже было совершено; те, кто считал феномены мошенничеством, всё равно будут так думать, осуждая или не осуждая; те, кто считал их подлинными, продолжали бы придерживаться этой точки зрения, если бы дело было закрыто, в то время как отрицательное решение суда навсегда заклеймило бы Е.П.Б. и уничтожило бы Общество без всякой надежды на возрождение.

Но Е.П.Б. решительно выступала за судебное преследование клеветников, заявив о своей невиновности. Учителя, говорила она, не потерпят нелояльности и неблагодарности, и что, на худой конец, теософам лучше потерпеть неудачу, сражаясь за то, что они считают истиной, чем продолжать жить, уклоняясь от проблем. Раздираемый страхами и сомнениями, полковник Олкотт выбрал, несомненно, единственно возможный путь. Он предложил компромисс, который фактически был предательством; он потребовал, чтобы

Е.П.Б. передала дело Съезду и подчинилась его решению, пригрозив, если этого не будет сделано, то он и другие покинут Общество. Покинутая единственными друзьями, Е.П.Б. согласилась. Итак, Съезд назначил комитет, который единогласно принял решение:

«Решено – Письма, опубликованные в журнале «Christian College Magazine» под заголовком «Крах Кут Хуми», являются лишь предлогом для причинения вреда делу теософии. И поскольку эти письма непременно кажутся абсурдными тем, кто знаком с нашей философией и фактами, и поскольку те, кто не знаком с этими фактами, не могли бы изменить своего мнения, даже на основании судебного вердикта, вынесенного в пользу мадам Блаватской, следовательно, единодушное мнение комитета заключается в том, что мадам Блаватская не должна преследовать своих клеветников в суде».

Это заявление, единогласно принятое Съездом, было встречено индийской и сектантской прессой продолжительными насмешками. Подавляющее большинство публичных журналов и сообразительных обозревателей считали это решение молчаливым признанием теософами достоверности обвинений Кулонов.

Удар был почти смертельным для физического состояния Е.П.Б. В течение следующих трёх месяцев она редко поднималась с постели. В конце концов, к концу марта, уступив просьбам тех немногих, кто всё ещё оставался преданными ей, она стала готовиться покинуть Индию и отправиться в Европу. 21 марта она ещё раз подала в отставку с должности секретаря по переписке, завершив своё письмо следующими словами:

«Я посылаю вам, всем и каждому, и всем моим друзьям и сочувствующим мне, мое исполненное любви прощание. Если это будет моим последним словом, я умоляю всех вас, так как вы заботитесь о благополучии человечества и своей собственной карме, быть верными Обществу и не допускать, чтобы враг одолел его. По-братски всегда ваша – и в жизни, и в смерти.

Е. П. Блаватская».

Её отставка была принята Советом с чрезмерными комплиментами, в то время как трусливые действия Съезда и его комитета сопровождались бравурными словами.

Неспособность ближайших соратников Е.П.Б. в Индии оказать ей реальную поддержку, а не номинальную, обернулась катастрофой. К предвзятым и мстительным нападкам извне она привыкла, но от предательства изнутри, прикрытого словесной заботой, у неё не было защиты. Поведение Олкотта, Синнетта и индийских теософов поставило Общество в один

ряд со всеми другими связанными соглашениями организациями, которые предпочитают сомнительную «респектабельность» опасностям принципиальной активной позиции. Е.П.Б. приехала в Индию, чтобы заложить основы жизнеспособного, несектантского движения, а теперь союзники, которых она там нашла, свели Общество до уровня робкой церковной организации, не желая подвергаться публичной проверке своих убеждений. Это было первое настоящее испытание Теософского общества. Были и другие.

Если бы требования теософского учения не были простым многословием, тогда люди, которые приняли высокие цели Общества, могли бы ожидать, что они достойно встретят испытания, с которыми рано или поздно придётся столкнуться каждому исследователю оккультизма. Им говорили, что оккультизм – это школа не только теории и метафизики, но и *опыта*. Оккультист должен доказать свою способность полностью полагаться на свои силы в любой ситуации. Он должен быть верен принципам до самого конца. Однако немногие из членов Теософского общества были способны распознать оккультные испытания в банальном обличье девятнадцатого века. Они полагали, что истинное посвящение должно совершаться в подземных криптах в соответствии с литературными традициями, и что испытания будут проходить согласно некоему ритуалу. Угроза потери общественного престижа, безжалостная обезличенность публичных насмешек, вульгарный смех и презрение невежественных масс – все это были драконы более страшные, чем те, которых должен был победить отважный герой прошлого. И теософы Индии, неспособные понять, что их слабость носила психический и духовный характер, потерпели неудачу, даже не осознавая, что произошло. То, что они бросили Е.П.Б., имело дальнейшие последствия, подготовив почву для других, ещё более разрушительных нападок на Теософское движение.

ГЛАВА VII

ЛОНДОНСКОЕ ОБЩЕСТВО ПСИХИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

СЕГОДНЯ ЛОНДОНСКОЕ ОБЩЕСТВО ПСИХИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ – это хорошо известная и уважаемая организация, с более обширными отчётами о его исследованиях, чем у любой другой исследовательской организации в этой области. Менее известен тот факт, что оно было основано в 1882 году группой, в которую входили несколько видных членов Лондонской ложи Теософского общества. Ими были проф. Ф. У. Г. Майерс, У. Стейнтон Мозес, писавший под псевдонимом «М. А. (Оксон)», и Ч. К. Мэсси. Очевидно, что этих основателей Общества психических исследований больше привлекала в теософии её связь с психическими феноменами, чем этические принципы, которые в первую очередь рассматривались Е. П. Блаватской.

В любом случае предварительное объявление о новом Обществе провозглашало, что «настоящее время – самое подходящее для организованной и систематической попытки исследовать ту большую группу спорных феноменов, обозначаемых такими терминами, как гипнотические, психические и спиритуалистические». Должны были быть назначены комитеты для исследования и составления отчётов по таким вопросам, как телепатия, гипноз, транс и т. д., ясновидение, сенситивы, видения и т. д.. В заявлении говорилось, что «цель Общества будет заключаться в подходе к этим различным проблемам без предубеждений или предвзятости любого рода, и в том же духе тщательного и беспристрастного исследования, которое позволило науке решить так много проблем, когда-то не менее неясных и не менее горячо обсуждаемых». Новое Общество почти сразу же привлекло к себе несколько сотен мужчин и женщин с репутацией и способностями в различных областях. К 1884 году Общество провело многочисленные исследования, начало публиковать свои труды и завоевало доверие широкой публики как серьёзная научная организация.

Объявление о создании Лондонского общества психических исследований было тепло встречено журналом «Теософ». В редакционной статье обращалось внимание на схожесть

целей нового Общества с некоторыми теософскими целями и предлагалось тесное сотрудничество:

«Желаем всего наилучшего новому Обществу психических исследований, которое может рассчитывать на помощь наших тридцати семи азиатских отделений в проведении своих исследований, если не оно посчитает нашу помощь ниже своего достоинства. Мы будем только счастливы присоединить к этому движению, действующему на благо мира, дружеские услуги группы индусских, парсийских и сингальских джентльменов с образованием, которые имеют доступ к национальной, санскритской и палийской литературе и которые ещё ни разу не были привлечены ни правительством, ни частным агентством к сотрудничеству с европейскими исследователями-психологами. Давайте, во что бы то ни стало, организуем международное, а не локальное исследование самого важного из всех предметов человеческого исследования – ПСИХОЛОГИИ».

Нет никаких доказательств того, что лондонская группа приняла это приглашение к сотрудничеству. Лондонская Ложа в значительной степени находилась под влиянием м-ра Синнета, вернувшегося в Англию, и интерес большинства её членов был сосредоточен на феноменах «оккультизма». Таким образом, Лондонская Ложа была центром активных исследований и экспериментов, номинально соответствующих третьей цели Теософского Общества. Ходили слухи об «астральных феноменах», «оккультных письмах» и других явлениях, связанных с таинственными «братьями», которые, как предполагается, были невидимыми руководителями теософской деятельности.

Когда в начале лета 1884 года в Лондон прибыл полковник Олкотт, а чуть позже и Е.П.Б., интерес к ним перерос в настоящий ажиотаж. Этот ажиотаж в сочетании с тем фактом, что ряд членов Общества психических исследований были также членами Теософского общества, естественно и под благовидным предлогом привлекло внимание О. П. И. к благоприятным возможностям. Поэтому 2 мая 1884 года Совет О.П.И. учредил «комитет с целью сбора доказательств в отношении предполагаемых феноменов, связанных с Теософским обществом, которые могли быть предложены членами этой организации в то время в Англии, или которые могли быть собраны в другом месте». Из такого начинания выросло знаменитое «разоблачение», которое какое-то время грозило крахом Теософскому Обществу. Комитет О.П.И. первоначально состоял из профессоров Э. Герни, Ф.У.Г. Майерса, Ф. Подмора и Дж. Г. Стека.

К ним впоследствии присоединились профессор Генри Сиджвик, миссис Сиджвик и м-р Ричард Ходжсон, молодой выпускник университета.

В мае комитет расспросил полковника Олькотта, который подробно рассказал о различных феноменах, свидетелем которых он был за годы своего знакомства с Е.П.Б.. Также расспросили и Мохини М. Чаттерджи, молодого индуса, сопровождавшего обоих основателей по дороге из Индии. М-р Синнетт сообщил комитету о своих наблюдениях за феноменами, описанными в его книге «Оккультный мир». Летом Кембриджское отделение О.П.И. несколько раз приглашали полковника Олькотта, Чаттерджи и мадам Блаватскую на свои собрания. Согласно предварительному отчёту, посетители позволяли задавать себе вопросы по многим темам». Дополнительные отчёты были получены комитетом из многих источников, свидетельствующих о широком диапазоне и разнообразии феноменов за последние десять лет в Америке и Европе, а также в Индии. Все свидетели были уважаемыми людьми.

Осенью 1884 года комитет опубликовал «для личного и конфиденциального пользования» «первый отчёт», брошюру из 130 страниц, которую сейчас очень редко можно встретить. Она содержит описание принципов и характера исследований, комментарии и предварительные выводы комитета, а также две заметки, одна из которых касается Кулонов, а другая написана профессором Майерсом, дающим краткий обзор теософских взглядов и объясняющим рассматриваемые феномены. В этот отчёт также был включён ряд приложений, в которых суммируются доказательства, полученные от многих свидетелей.

Феномены, исследованные комитетом, были в основном: 1) «астральными явлениями» живых людей; 2) перемещением «оккультными» средствами физических веществ; 3) «осаждение» писем и других посланий; 4) «оккультные» звуки и голоса. В более ранней части отчёта комитет сообщает, что при рассмотрении свидетельств аномальных явлений он «вообще отказывался принимать доказательства оплачиваемых медиумов в отношении каких-либо аномальных явлений». Далее говорится, что «при рассмотрении этих вопросов необходима особая строгость, и очевидная мера предосторожности заключается в исключении всех грубых и низменных мотивов, ведущих к обману или преувеличению. Но что касается подозрений относительно мотивов сторонников теософии,

в нём говорится: «мы можем сразу сказать, что никаких достоверных доказательств, подтверждающих такое мнение не было доведено до нашего сведения».

Хотя свидетели подчеркивали, что теософские феномены не относятся к тому типу, который хорошо известен как медиумизм, и хотя мадам Блаватская отказалась представить какие-либо феномены комитету для рассмотрения, так как её целью было распространение определённых доктрин, а не доказательство своих оккультных способностей, методы комитета и его гипотезы для объяснения феноменов были уже знакомыми по спиритическим исследованиям. Комитет заявил, что существуют три момента, требующие с его стороны максимальной осторожности. Первый из них заключается в том, что «мошенничество использовалось, очевидно, лицами, связанными с Обществом».Это относится к обвинениям, выдвинутым Кулонами, членами Теософского общества, против мадам Блаватской, к «инциденту с Киддлом» и к некоторым «доказательствам, переданным нам в частном порядке м-ром Ч. К. Мэсси». По этому поводу комитет утверждает, что, согласно его мнению, «во всяком случае, для западного ума, никакая осторожность не может быть чрезмерной при работе с доказательствами такого рода».

Второй вопрос, поднятый комитетом, заключается в том, что «теософия привлекает оккультные личности и методы. Привыкшему иметь дело с медиумами и медиумистическими манифестациями, когда духовные и философские факторы не имеют значения, привыкшему полагать, что там, где есть скрытность, должно быть мошенничество, комитету не нравилась идея, постоянно излагаемая Е.П.Б., что предмет оккультных феноменов, их совершение и законы нельзя подвергнуть научному рассмотрению, но они могут стать известными только тем, кто соответствует самым строгим требованиям секретности и ученичества. Наконец, комитет признал, что теософия делает заявления, которые, хотя откровенно основаны на оккультной науке, на самом деле в конечном итоге охватывают гораздо больше, чем просто научную область.

Это также не устраивает комитет, который отмечает:

История религий была бы написана напрасно, если бы мы всё ещё думали, что некий Иуда или Джо Смит были единственными апостолами, нуждающимися в наблюдении... Подозрения такого рода обязательно несколько расплывчаты, но не наше дело придавать им определённость. Мы должны отметить, что наш

долг, как исследователей, при рассмотрении доказательства теософских чудес, предположить возможность преднамеренной комбинации с целью обмана со стороны неких теософов. Мы не можем рассматривать эту возможность как исключенную из-за того факта, что мы не находим оснований приписывать кому-либо из лиц, свидетельства которых мы должны рассматривать, какой-либо вульгарный или грязный мотив для такой комбинации.

Но несмотря на подозрения комитета, его сомнения, страхи и предубеждения, вызванные незнанием законов, управляющих метафизическими феноменами; решительным отказом Е.П.Б. раскрыть процессы практического оккультизма; атмосферой таинственности, окружающей тему скрытых «Братьев» и их способностей; обвинением в мошенничестве, приписываемом Кулонами Е.П.Б .; нераскрытыми «доказательствами, переданными в частном порядке м-ром Ч.К. Мэсси» – несмотря на все эти тревожные моменты, собранные комитетом свидетельские показания относительно *факта* предполагаемых феноменов были настолько ошеломляющими, что комитет был вынужден сделать определённые признания:

Очевидно, что если бы мы могли объяснить все описываемые феномены просто предположением об умных фокусах со стороны мадам Блаватской и Кулонов с помощью какого-то числа слуг-индусов, то мы вряд ли при нынешних обстоятельствах могли бы считать себя имеющими достаточное основание для дальнейшего расследования. И это предположение никоим образом не соответствовало бы данной ситуации. Заявление Кулонов о предполагаемом мошенничестве касалось только мадам Блаватской. По их мнению, все остальные теософы – просто простофили. Доказательства, приведённые в Приложении, по нашему мнению, делают невозможным избежать какого-либо из двух альтернативных выводов – либо некоторые из зафиксированных феноменов подлинны, либо какие-то другие люди, занимающие хорошее положение в обществе, но со скрытой репутацией, участвовали в умышленном обмане.

Соответственно, комитет пришёл к следующим заключениям:

В целом, однако (хотя и с некоторыми серьёзными оговорками), кажется неоспоримым, что есть достаточно веские доказательства, по крайней мере, в какой-то части сделанного заявления, которое, нельзя, согласно логике, игнорировать, когда расследование Общества психических исследований продвинулось до такой степени. Комитет решил отправить одного из своих членов в Индию для расследования обвинений, выдвинутых Кулонами, для опроса многочисленных свидетелей феноменов, о которых сообщали индусы и европейцы, находящиеся в Индии, и для отчёта о результатах такого расследования. Выбор пал на м-ра Ричарда Ходжсона.

Его доклад является основой и надстройкой «знаменитого разоблачения», реализованного в третьем томе Трудов Общества психических исследований.

Ходжсон прибыл в штаб-квартиру в декабре, провёл там три месяца, занимаясь расследованием, и вернулся в Англию в апреле 1885 года. Таким образом, он находился в Индии в период ожесточённых нападок и был свидетелем нерешительности защиты. Он видел наглую уверенность обвинителей и заметил робкое, осторожное, сомневающееся и боязливое отношение полковника Олькотта и других ведущих теософов. Если бы на него не было оказано никакого другого воздействия, то этого было бы достаточно, чтобы убедить его в том, что теософия, Теософское Общество, «Братья-адепты» и их учения вместе с феноменами Е.П.Б. были не чем иным, как спланированным и осуществлённым грандиозным обманом с какой-то тайной целью.

Отчёт м-ра Ходжсона о его расследовании был представлен комитету О.П.И., который был одобрен, и на общем собрании Общества 24 июня 1885 г. профессор Сиджвик, член комитета, зачитал его заключения. Возникли некие трудности, и следующие шесть месяцев м-р Ходжсон потратил на пересмотр своего отчёта. Со временем все поняли, что отчёт комитета О. П. И.был абсолютно враждебно настроен против теософских феноменов. Но, как и в случае с Кулонами, подготовка к более «респектабельному» нападению велась втайне и молча. Теософам не была предоставлена возможность ознакомиться с отчётом м-ра Ходжсона, чтобы сделать какие-то исправления, критические замечания, возражения или контр-заявления. И во время такой длительной задержки слухи о заключениях комитета позволили создать предвзятое общественное мнение до того, как были представлены какие-либо доказательства. Между тем теософы могли только ожидать предъявления обвинений, о конкретном характере которых они ничего не знали и на которые, следовательно, невозможно было ответить.

Заключения комитета и полный текст отчёта м-ра Ходжсона были, в конце концов, включены в «Труды О. П. И.», Т. III, стр. 201-400, опубликованные в декабре 1885 года.

Основные заключения комитета изложены в следующих выдержках:

Тщательно взвесив все представленные доказательства, комитет единогласно пришёл к следующему заключению.

1) Письма, представленные мадам Кулон, по крайней мере, те, которые комитет имел возможность самостоятельно изучить и представить на рассмотрение экспертов, несомненно, написаны г-жой Блаватской; и этого достаточно, чтобы доказать, что она была вовлечена в долго существовавший союз с другими людьми, чтобы совершать обычными средствами ряд очевидных чудес для поддержания теософского движения.2) В частности, находившийся в Адьяре реликвариум, через который передавались письма, якобы пришедшие от Махатм, был тщательно спланирован с целью тайного вложения писем и других предметов через раздвижную заднюю панель, и регулярно использовался для этой цели мадам Блаватской или её агентами.

3) Следовательно, вполне можно предположить, что все удивительные рассказы, выдвинутые в качестве доказательства существования и оккультной силы Махатм, можно объяснить либо а) преднамеренным обманом со стороны мадам Блаватской или по её наущению, либо б) спонтанным обманом чувств или галлюцинациям, либо бессознательным искажением фактов или выдумкам со стороны свидетелей.

4) После изучения отчёта м-ра Ходжсона о результатах его личных расследований, пришли к заключению, что свидетельства об этих чудесах ни в коем случае не являются достаточными, принимая во внимание их количество и характер, чтобы противостоять силе общей презумпции, приведенной выше.

Соответственно, считается, что затягивание расследования было бы пустой тратой времени.

Что касается самой мадам Блаватской, комитет заявляет:

Со своей стороны, мы не считаем её рупором скрытых провидцев или просто вульгарной авантюристкой; мы думаем, что она заслужила вечную память как одна из самых талантливых, изобретательных и интересных самозванок в истории.

Предварительный и заключительный отчёты комитета следует рассматривать вместе. Внимательное изучение этих документов как ничто другое может доказать чудовищную несправедливость расследования и отчёта О.П.И.. Во-первых, расследование было совершенно односторонним. Комитет изложил свой собственный порядок действий, определил свою собственную основу, признал то, что он выбрал, отклонил то, что он выбрал, сообщил о том, что он выбрал из доказательств – без всякого контроля, без каких-либо гарантий для обеспечения беспристрастности или возмещения ущерба в случае предвзятости. По собственной инициативе и по своему решению он объявил себя судом, судьей и присяжными;

наконец, по своему усмотрению, он взял на себя роль прокурора, не дав тем, кого он сделал «подсудимыми», какое-либо право на встречные вопросы или опровержение. То, что началось якобы как простое расследование имеющихся свидетельств о теософских феноменах, вылилось в нечто очень похожее на уголовное преследование, в котором Е.П. Блаватской был вынесен обвинительный приговор – без выслушивания, без апелляции, без права обращения за помощью. Если бы комитет был должным образом и законно сформированным судом, его процедура была бы подобна процедуре Комитета общественной безопасности Французской революции.

Но на самом деле комитет принадлежал к конкурирующему обществу, чьи цели, методы и цели радикально отличались от тех, которые провозгласили Блаватская и Теософское общество за десять лет, предшествовавших этому расследованию. Общество психических исследований интересовалось исключительно феноменами и руководствовалось просто научным любопытством. Оно определённо отрицало какой-либо интерес к философским исследованиям, к оккультным законам и духовным факторам. Теософское Общество и Е.П.Б., напротив, прямо заявляли, что первой целью его существования был духовный фактор Всеобщего Братства, его второй целью было серьёзное изучение и сравнение религий и философий, а его третьей целью – исследование законов и сил, пока ещё необъяснимых или неправильно понятых, а вовсе не феноменов, за исключением тех случаев, когда они могли бы быть иллюстрациями в качестве дополнения. Эти различия были признаны комитетом.

В предварительном отчёте говорится:

Задачи Теософического общества и Общества психических исследований… почти диаметрально противоположные. Общество психических исследований существует просто как исследовательский механизм. Теософское общество существует в основном для провозглашения неких уже сформулированных доктрин, причём эти доктрины подкрепляются феноменами, которые явно предназначены и адаптированы для воздействия на отдельные умы, а не для всеобщего обучения научного мира. Отношение комитета к «неким уже сформулированным доктринам», для распространения которых Теософское Общество «в основном и существует», подтверждается его собственными отчётами. В предварительном отчёте говорится, что «Теософское общество было основано для неких альтруистических и литературных целей,

которыми мы сейчас не интересуемся». В заключительном отчёте делается заявление: «Теософское общество было основано, по-видимому, для неких альтруистических и литературных целей... этими доктринами (или так называемой «религией мудрости») комитет, конечно же, не интересуется».

Приведённое здесь слово «по-видимому» следует понимать, что не было представлено ни малейшего доказательства того, что Теософское Общество имело какие-либо другие цели, кроме тех, которые оно провозгласило.

Комитет уделил достаточно внимания теософским доктринам, чтобы признать их обширное значение:

Это учение… включает в себя космогонию, философию, религию. В настоящее время нас не интересует ценность этого учения как такового. *Но очевидно, что, если бы оно было широко признано, в человеческом мышлении почти во всех сферах произошли бы большие изменения. Если взять только один момент, то духовные и интеллектуальные отношения Востока и Запада в данное время в значительной степени изменились бы. «Ex oriente lux»*[7] *– это больше, чем метафора или воспоминание; это – выражение актуального факта современности*. (Курсив добавлен.)

Почему комитет «не интересовался» достоинствами этого учения? Было ли это потому, что Запад или комитет уже обладали обширными знаниями о существовании сверхъестественных феноменов, а также знаниями о законах и процессах, посредством которых такие феномены создаются? Вот что провозглашалось в проспекте О.П.И. в 1882 г.:

Основатели этого Общества полностью осознают исключительные трудности, которые окружают эту сферу исследований, но они, тем не менее, надеются, что терпеливыми и систематическими усилиями можно будет достичь некоторых результатов, имеющих непреходящую ценность.

И сам комитет заявляет в предварительном отчёте, что доказательства этих феноменов «относятся к тому типу, который особенно трудно распутать или оценить. Выдвинутые утверждения настолько огромны, а нити свидетельских показаний сходятся и расходятся таким образом, что почти одинаково трудно сказать, какие утверждения следует принять, а какие выводы относительно других заявлений не следует принимать вовсе».

Чтобы серьёзно заниматься учением мадам Блаватской, исследовать и изучать принципы и процессы, которые она насаждала, требовалось то же само-

[7] С Востока свет (лат.)

пожертвование, которого ожидали от самих теософов. Не было золотой середины. Отказ от этого пути оставил комитет на берегу общепринятого мнения. Его члены избрали «безопасную» политику избегания любых сложных задач «космогонии, философии и религии» этого времени. Они никоим образом не подвергали сомнению преобладавшую идею о совершенном превосходстве Запада в «духовных и интеллектуальных отношениях» между Западом и Востоком. По всей видимости, у комитета не было побуждения проводить исследование в направлении, которое могло бы привести к тому, что «*ex oriente lux* мог превратиться в нечто большее, чем метафора или воспоминание».

Следующий вопрос касается компетенции комитета исследовать теософские феномены. Вся история спиритуалистических феноменов без исключения показывает, что проявления являются непроизвольными со стороны медиума, как с точки зрения их совершения, так и с точки зрения управления ими, и что их логическое обоснование и процессы не понимают ни медиумы, ни исследователи. С другой стороны, все доказательства, собранные комитетом, показывают, что теософские феномены были сознательными, то есть сознательно производились и сознательно контролировались исполнителями, и сами эти исполнители утверждали, что объяснение законов и процессов можно найти *только* в теософском учении.

Тем не менее, комитет и м-р Ходжсон заняли позицию, согласно которой теософские феномены имеют тот же характер, что и спиритуалистические манифестации, и к ним следует подходить таким же образом. Их рассуждения всё больше приобретали оттенок подозрительности, их серьёзные гипотезы относительно феноменов сводились к гипотезам, основанным на презумпции мошенничества. Предварительный отчёт показывает, что обвинение Кулонов, «инцидент с Киддлом» и «частные показания м-ра Мэсси» значительно повлияли на суждения членов комитета. Тем не менее, какие-то феномены были настолько убедительны, что комитет вынужден был заключить: «либо какие-то другие люди, занимающие хорошее положение в обществе, но со скрытой репутацией, участвовали в умышленном обмане».

Следует понимать, что в заключительном отчёте нельзя найти никаких доказательств для опровержения этого свидетельства или осуждения «людей, занимающих хорошее положение в обществе, но со скрытой репутацией».

По крайней мере, таким свидетелям не вменяется «участие в умышленном обмане».

Как же тогда комитет объясняет феномены, о которых свидетельствует подавляющее большинство? В нём говорится, что они были вызваны «спонтанным обманом чувств или галлюцинациям, либо бессознательным искажением фактов или выдумкам со стороны свидетелей». Но никаких доказательств, подтверждающих это исчерпывающее «объяснение», представлено не было.

Ни члены комитета, ни м-р Ходжсон не могли сами совершать какие-либо феномены, и, за одним или двумя исключениями, они не были свидетелями каких-либо теософских феноменов. Они не требовали от себя каких-либо собственных знаний относительно того, как такие феномены можно или нельзя совершать. Всё, что они изначально намеревались сделать, это *получить* показания свидетелей, которые видели эти феномены. Эти два отчёта показывают, что, за исключением обвинения Кулонов и показаний одного или двух других лиц, таких как майор Хендерсон, начальник секретной службы Индии, более ста человек, чьи показания были получены, все свидетельствовали о том, что феномены совершались при обстоятельствах, исключающих любые другие выводы, кроме того, что они были подлинными.

На чём же тогда комитет строил свои заключения? Он строил их на Кулонах; на «инциденте с Киддлом»; на «частных показаниях» м-ра Мэсси; на «экспертных оценках» почерка, представленных Нетерклифтом и Симсом; и в первую очередь, на «мнении» м-ра Ходжсона.

Кулоны и их обвинения уже обсуждались. Их рассказ не имел какого-либо непредубеждённого подтверждения; он был открыто опровергнут мадам Блаватской и категорически опровергнут свидетельствами множества реальных свидетелей этих феноменов. Уильям К. Джадж, прибывший в Индию вскоре после того, как Кулонов выпроводили из штаб-квартиры, подробно изучил фальшивые двери, которые месье Кулон построил в «оккультной комнате» мадам Блаватской. Он продемонстрировал результат прерванных трудов Кулона примерно трём сотням свидетелей, которые подписали свои имена под описанием места. Затем он убрал «реликварий», в которой Кулоны пытались подложить доказательства мошенничества. Ходжсон никогда не видел этих предметов «доказательств» своего дела, но полагался на отчёты врагов Е.П.Б. из вторых рук.

Джадж рассказывает, что после того, как Кулонов застали за их работой и прогнали, директор христианского колледжа посетил штаб-квартиру, попросив показать ему оккультную комнату. М-р Джадж пишет: «Затем его [миссионера] в моём присутствии спросил д-р Ф. Гартман, сколько он заплатил Кулону за его работу, и тот несколько неожиданно ответил, что он заплатил ему где-то около ста рупий». Сам Гартман говорил, что Кулон приходил к нему и говорил, что у него бы было десять тысяч рупий, если бы он смог разрушить Общество, что, несомненно, было преувеличением суммы, предложенной ему. Очевидно, Кулоны надеялись таким образом вымогать больше денег за своё молчание.

Очевидно, что незаконченная работа Кулонов была дополнена воображением миссионеров и ложью первых, и что Ходжсон предпочитал показания этих свидетелей наивным и сбивающим с толку заявлениям многих теософских свидетелей. В частности, индусы были потрясены самой идеей «расследования», а Ходжсон не пытался понять их позицию.

Что касается Ходжсона, однако, нельзя оправдать его неспособность провести более критический анализ писем, которые мадам Кулон якобы получила от Е.П.Б.. Он не отправлял *эти* письма на экспертизу почерка для определения их истинного авторства. Утверждая, что они подлинные, он проигнорировал неграмотный французский язык, на котором были написаны некоторые выражения, как будто знающая несколько языков мадам Блаватская могла бы их написать! Ходжсон, похоже, поддался своей предвзятости считать мадам Блаватскую виновной в мошенничестве; его беспристрастность уступила место предрассудкам, он стал самодовольным представителем традиционного общества, его защитником от любого нарушителя статус-кво и устоявшихся убеждений.

Ходжсон также считал необходимым заклеймить «Письма Махатм» как фальшивые. По возвращении в Англию он оказался в затруднительном положении на этом этапе своего отчёта. Ходжсон и комитет заявляли, что, согласно их мнению, мадам Блаватская сама писала письма вместо адептов м-ру Синнетту и м-ру Юму. Но когда некоторые письма отправили м-ру Симсу из Британского музея, и Ф.Дж. Нетерклифт, лондонскому эксперту по почеркам, вместе с образцами

почерка Е.П.Б., оба эти «эксперта» независимо пришли к выводу, что письма Махатм не были написаны Е.П.Б.. Но если *не* она их писала, *то кто*?

После этого расследователь Общества психических исследований представил экспертам «новые доказательства», и они согласились, изменив своё мнение и решив, что письма *были* написаны мадам Блаватской! Необходимость такого изменения мнения экспертов была одной из причин задержки публикации отчёта м-ра Ходжсона. (Дополнительное доказательство ошибочности такого «экспертного» заключения было представлено м-ром Нетерклифт несколько лет спустя в деле Чарльза Парнелла против лондонской газеты «Таймс», когда он категорично утверждал, что подпись под знаменитыми «письмами Пиготта» была сделана почерком Парнелла; позже Пиготт открыто признался в суде, что он подделал подписи.)

Был описан «инцидент с Киддлом», и какое бы мнение ни сложилось по этому поводу, нет никаких доказательств мошенничества в нём или какой-либо недобросовестности со стороны м-ра Синнетта, Е.П.Б. или любого другого теософа. «Частные показания» м-ра Мэсси приведены на странице 97 отчёта О. П. И. и любой, кто это прочитает, может решить для себя, что, какими бы загадочными и необъяснимыми ни были «показания» в связи с этим вопросом, *нет никаких доказательств какого-либо мошенничества со стороны Е.П.Б.*. Как и в других случаях, происходило то, чего м-р Мэсси не мог понять; у него возникли сомнения; Е.П.Б. категорически отрицала какие-либо правонарушения, но так же категорически отказывалась объяснять тайны, следовательно, она была «виновна в мошенничестве».

«Судебное преследование» мадам Блаватской со стороны Общества психических исследований было предпринято из-за преступления неподчинения «принятым» методам девятнадцатого века. Наука, как заявляли авторитеты того времени, должна сохранять абсолютный этический нейтралитет. «Факты», утверждали они, могут быть обнаружены безотносительно их духовного значения. Этот элемент теории научного метода был категорически отвергнут Е.П.Б., которая говорила, что основные жизненные факты, по сути, духовны по своей природе, поскольку человек по своей сути есть духовное существо, и что поиск истины никогда не может быть отделён от изучения и практики естественного духовного закона. Она не подчинялась

методам «психического исследования», разработанным в соответствии с теориями западной науки, но требовала от исследователей принятия принципов и методов оккультной науки.

Для среднего жителя Запада выбор был трудным. Либо он должен признать, что его каноны знаний неадекватны для оккультных исследований, и смиренно принять условия, предписанные Е.П.Б., либо игнорировать оккультизм как предмет, недостойный его внимания.

Последний путь был бы легким, если бы не теософские феномены. Эти экстраординарные явления, *когда они были реальностью*, нельзя было игнорировать. Оккультные феномены вторглись в обстоятельный мир знакомых фактов и опыта; они есть, и их нельзя объяснить никакой из известных теорий. Таким образом, мошенничество было единственным «удобным» объяснением этих фактов, а альтернативой было принятие революционных взглядов теософов. Итак, отношения Лондонского общества психических исследований с Теософским движением представляли собой гораздо большее, чем просто «исследование» неких феноменов и оккультных способностей мадам Блаватской; это было столкновение двух радикально противоположных и принципиально несовместимых теорий познания. Яркий характер феноменов ускорил испытание теорий, а сила предубеждений (духовная инерция века) предопределила результат.

Пожалуй, ничем так неминуемо не выдаёт себя недостаток расследования О. П. И., как объяснение мотивации «преднамеренного обмана со стороны мадам Блаватской или по её наущению».

Объяснение, что человек должен в течение десяти или более лет приносить бесконечные личные жертвы в виде труда, времени, денег, здоровья и репутации на трёх континентах просто для того, чтобы обмануть тех, кто ей доверял, без какой-либо выгоды для себя; чтобы преуспеть в обмане сотен умных мужчин и женщин, чтобы они убедились в реальности её способностей, её учения, её миссии, а также её феноменов, только для того, чтобы их разоблачил исследователь, который после опроса некоторых свидетелей и выслушивания их рассказов, был способен безошибочно понять то, что они не могли понять, подозревать то, в чём они не могли найти повода для подозрений, обнаружить достаточную мотивацию вдохновения Е.П.Б. для самой грандиозной карьеры

всяких хитростей и увёрток во всей мировой истории – вот что нужно проглотить, чтобы придать достоверность сложной ткани предположений и подозрений, сотканной м-ром Ходжсона, и уравновесить веские доказательства того, что феномены были подлинными.

В чём же тогда заключалась мотивация, которую м-р Ходжсон и комитет приписали Е.П.Б., чтобы сделать убедительным заключение о том, что она была «одной из самых талантливых, изобретательных и интересных самозванок»? Она была русской шпионкой, и её мотивацией было уничтожение британского правления в Индии!

Интересно понаблюдать за последовательными этапами напряжённых усилий комитета относительно возможной мотивации Е.П.Б. В предварительном отчёте комитет поднимает вопрос о «всех грубых и низменных мотивах мошенничества или преувеличения» и отклоняет их: «*Мы можем сразу сказать, что не заслуживающие доверия доказательства, подтверждающие такую точку зрения, не были доведены до нашего сведения*». Затем комитет рассматривает возможность наличия «хороших» мотивов для плохого поведения: «*Теперь мы действительно понимаем, что подозрения, которые поначалу питали англо-индийские власти в отношении политических целей Теософского общества, были отброшены как беспочвенные*». Далее комитет говорит: «Но мы можем *представить* себе планы и намерения патриотического характера... мы должны быть начеку относительно *высших* человеческих инстинктов в такой же степени, как и их низших».

В заключительном отчёте м-р Ходжсон обсуждает возможные мотивы: «Теперь неизбежно встаёт вопрос: *что побудило мадам Блаватскую провести столько утомительных дней, занимаясь таким фантастическим жульническим трудом*? Я должен считать этот отчёт *неполным*, если не предложу того, что я сам считаю *адекватным объяснением её десятилетнего труда во имя Теософского общества*».

Был ли это эгоизм? «*Более близкое знакомство с её характером покажет, что такое предположение совершенно несостоятельно*».

Была ли она просто откровенной мошенницей? «*Она действительно является редким психологом, почти таким же редким, как «Махатма»! Она была весьма сурова, когда выражала неотступную мысль, что, возможно, вся её «двадцатилетняя» работа могла быть перечёркнута из-за мадам Кулон*».

Была ли это религиозная мания, болезненное стремление к известности? «Я должен признаться, что проблема, связанная с её мотивацией ... *вызвала у меня немало недоумений*. Низменный мотив корысти

был бы решением ещё менее удовлетворительным, чем предположение религиозной мании... *Но даже эту гипотезу я не смог принять* и согласовать с моим пониманием её характера».

Что же тогда было убедительным мотивом, который мог побудить на подвиги Геракла, на жертву Христа и который побудил идти путём обмана, достойного самого Князя лжи? «*Наконец-то случайный разговор открыл мне глаза.* Я не могу не сознаться себе, после моего личного опыта с мадам Блаватской, что испытываю большие сомнения в том, что её *настоящей целью была поддержка интересов России*. *Я предлагаю это здесь только как предположение, которое, кажется, лучше всего отражает известные эпизоды её жизни за последние 13 или 14 лет*».

Е. П. Блаватская жила и умерла как мученица физически, психически и относительно всего, что дорого людям; она оставила родственников, друзей, праздное и высокое социальное положение, стала эмигранткой и натурализованной гражданкой чужой страны на другом конце земного шара; она основала Общество, которому была предана неослабно, не ожидая благодарности; она написала «Разоблаченную Изиду», «Тайную доктрину», «Голос безмолвия», запрещенные в России; она стала настоящим странствующим евреем, посвятившим себя распространению учений и идей, ненавистных миру «реакционных сил»; она избегала всякого интереса к политическим проблемам любого рода, всякой привязанности к «расе, вероисповеданию, полу, касте или цвету кожи», а также сформировала и поддерживала своей жизненной силой Общество, поклявшееся тем же идеалам; она жила и умерла, не имея личной собственности – оклеветанная, опороченная, преданная и непонятая; она никогда больше, с 1873 года до дня своей смерти, не ступала на русскую землю, находясь в изгнании вдали от семьи и страны.

Почему она это делала? «*В поддержку интересов России»!*

ГЛАВА VIII

ПРОЩАНИЕ С ИНДИЕЙ

МАДАМ БЛАВАТСКАЯ отплыла из Индии 30 марта 1885 года. Она была тяжело больна, и её пришлось вносить на борт судна. В сопровождении врача и слуги она отправилась в Неаполь, где пробыла несколько месяцев. В августе она поехала в Вюрцбург, Германия, где её навестили и поддержали Гебхарды, преданные поклонники, живущие неподалеку в Эльберфельде, с которыми она познакомилась во время своего визита в Европу годом ранее. К Е.П.Б. позже присоединилась в Вюрцбурге графиня Вахтмайстер, вдова шведского посла в Англии, которая стала членом Лондонской ложи в 1884 году. По пути в Италию летом 1885 года графиня остановилась в Эльберфельде, чтобы провести там некоторое время с Гебхардами и, узнав о болезни и одинокой жизни Е.П.Б. в Вюрцбурге, поехала к ней. То, что она увидела и почувствовала, заставило её остаться и стать компаньонкой, секретарем, другом и добровольной служанкой Е.П.Б. Здесь, в Вюрцбурге, где она прожила почти год, мадам Блаватская приступила к огромной задаче по написанию «Тайной доктрины», которая должна была стать методическим трактатом теософических учений.

В мае 1886 г. врачи настойчиво советовали ей найти место с более благоприятным климатом, если она хочет выздороветь. Следующим её местом жительства стал Остенде, Бельгия, где менее чем через год она чуть не умерла. Весной 1887 года она уступила мольбам небольшой группы английских теософов, которые перевезли её в Англию. Она провела лето в небольшом коттедже в Норвуде, а осенью поселилась в доме по адресу 17 Лансдаун-Роуд, Холленд Парк, Вест-Энд, где и жила до самой смерти[8]. Эти последние пять лет жизни Е.П.Б. была окружена тёплой заботой английских теософов, которые были её домочадцами и оказывали ей помощь, необходимую для завершения «Тайной доктрины».

С отъездом Е.П.Б. из Индии, движение там всё больше скатывалось к тому уровню малодушия и робости, который сложился во время «защиты» Общества от нападок

[8] Видимо, автору не был известен последний адрес Е.П.Б..

Кулонов. Олкотт, которого вернули из поездки из-за тяжёлой болезни мадам Блаватской, в начале 1885 года, перед её отъездом, обнаружил, что многие индийские ложи впали в спячку, а другие угрожали распасться. Некоторые члены, исполненные растущего осознания несправедливости, причинённой Е.П.Б. съездом 1884 года, были склонны обвинять Олькотта во всё возрастающей слабости Движения в Индии. Олкотт обнаружил, что его автократическое правление делами Общества подвергается сомнению всё большим числом членов, и только поддержка Е.П.Б. позволила ему устранить недовольство и восстановить безопасность своего положения. Тем временем он пытался загладить вину Е.П.Б., хотя его попытка убедить Ходжсона занять более беспристрастное или дружелюбное отношение вряд ли могла вызвать доверие у молодого исследователя Общества психических исследований.

Теософы Индии созвали съезд в декабре 1885 года, который прошёл весьма сдержанно. Делегаты приняли резолюцию предложить Е.П.Б. возобновить работу секретаря по переписке, когда позволит здоровье, подтвердив, что обвинения против неё не доказаны, и отказались рассматривать выход Олькотта в отставку с поста президента-основателя. Критики Олкотта в Обществе подвергали сомнению его компетентность в этой должности, и действия съезда помогли восстановить доверие к нему. Е.П.Б. составила завещание, оставив Олкотту проценты с журнала «Теософ». Она отдала ему весь доход от публикации и продолжала присылать ему из Европы статьи для журнала. Эти несколько проявлений братского единства укрепили Общество и ускорили возрождение работы в Индии.

Движение там, однако, так и не обрело ту силу, которой оно обладало в первое время. Очевидно также, что Олькотт не смог полностью морально оправиться от своих колебаний во время нападок Кулонов. Как его статьи в журнале «Теософ», так и ремарки в книге «Страницы старого дневника» показывают, что вдали от Е.П.Б., он ещё больше дорожил своим личным авторитетом и защищал свой престиж в качестве главы организации, вместо того, чтобы отдавать все свои силы сотрудничеству с той, кто была его учителем и самым близким другом с самого начала.

Понимание катастрофических последствий позиции Олькотта дают некоторые записи, оставленные Е.П.Б. в виде записки «на память», содержащей

беседу с одним из адептов теософии. Согласно этой записке, написанной Е.П.Б. карандашом, Учитель говорит:

«Общество освободилось от нашей хватки и влияния, и мы отпустили его – мы не делаем никого подневольными рабами. Он (полковник Олкотт) говорит, что спас его? Он спас его тело, но позволил душе вследствие явного страха… покинуть его, и теперь это бездушный труп, механизм, пока хорошо работающий, но который развалится на части, как только он уйдёт. Из трёх целей внимание уделяется только второй, но это уже не братство и не тело, над лицом которого нависает дух из-за пределов Великого Хребта. Его доброта и миролюбие велики и поистине в духе Гаутамы, но он неправильно применяет эту доброту; такая [его] политика причинила больше вреда духу Общества и его росту, чем могли бы сделать несколько Кулонов».

История Общества в Индии после 1885 года становится монотонной записью политики религиозных организаций, личных трений и юридических споров. Эти разногласия отражены на страницах Приложения к журналу «Теософ», которые были посвящены деятельности Общества. Живой дух теософского движения Олкотт подменил Теософским обществом как предметом своего поклонения, и был склонен отождествлять Общество с собой как президентом-основателем. Его последующие конфликты с Е.П.Б. всегда были результатом того, что он ошибочно принимал человеческий институт «Общества» за живое дело, которому служила Е.П.Б.. Она всегда подчиняла простые механические мероприятия «организации» более глубоким целям, ради которых организация и была создана. Олкотт, однако, истолковывал её политику как взбалмошное поведение капризной женщины и находил бесконечное количество поводов, чтобы высказаться относительно этого, как прямо, так и косвенно. Его оппозиция Джаджу в более поздние годы была вызвана, прежде всего, той же причиной. В то время как основные понятия философии постепенно превращались в догмы Олькоттом и другими, кто хотел формул и правил, Джадж продолжал воплощать изначальный дух учения и следовать курсом, который, по контрастности, нарушал выкристаллизовавшиеся идеи Олькотта и делал его яростным и самодовольным врагом Джаджа.

Два сочинения мадам Блаватской – одно письмо, адресованное индийским теософам, а другое – статья, опубликованная в «Люцифере» в 1889 году, содержат краткое описание индийского периода

Теософского движения девятнадцатого века. В письме, адресованном «Моим братьям из Арьяварты», Е.П.Б. объясняет, почему она так и не вернулась в Индию после 1885 года. В статье «Наши три цели» перечислены некоторые достижения, которые могут быть приписаны работе Движения в Индии.

Письмо, написанное в 1890 году, через пять лет после того как Е.П.Б. покинула Индию, начинается с упоминания сердечных сообщений, которые она получила от индийских теософов.

Вследствие такого проявления дружеских чувств, согласно её словам, она чувствует себя обязанной рассказать, почему она не возвращается в Индию. По её словам, плохое здоровье не является единственной причиной.

«Существует гораздо более серьёзная причина. Здесь для меня наметилась линия поведения, и я нашла среди англичан и американцев то, что до сих пор тщетно искала в Индии. Я встретила сотни мужчин и женщин, у которых хватило смелости заявить о своей убежденности в реальном существовании Учителей и которые работают для теософии по Их принципам и под Их руководством, данным через моё скромное «я».

В Индии же, с другой стороны, с момента моего отъезда, истинный дух преданности Учителям и мужество признаться в этом неуклонно угасали. В самом Адьяре между отдельными личностями разгорелась всё усиливавшаяся вражда и постоянные конфликты; неуместную и совершенно незаслуженную враждебность (почти ненависть) проявляли по отношению ко мне некоторые сотрудники. Похоже, что в последние годы в Адьяре происходило что-то странное и сверхъестественное. Как только европеец, наиболее склонный к теософии, наиболее преданный делу и мой личный друг или друг президента ступал на землю штаб-квартиры, он сразу становился личным врагом кого-нибудь из нас, и что ещё хуже, всё заканчивалось обидой и уходом от дела».

О нападках Кулонов и отчёте О.П.И. она пишет:

«Послушайте, если бы в тот критический момент члены Общества, и особенно его лидеры в Адьяре, индусы и европейцы, стояли бы вместе как один человек, твёрдо убеждённые в реальности и силе Учителей, теософия вышла бы победительницей, как никогда прежде, и ни одно из опасений членов Общества никогда бы не реализовалось, как бы хитро ни были расставлены правовые ловушки для меня, и какие бы ошибки и оплошности в суждениях я, их скромный представитель, ни допустила при административном ведении дела. Но лояльность и отвага властей Адьяра и нескольких европейцев, которые полагались на Учителей, не могли сравниться с испытанием, когда оно наступило. Несмотря на мои протесты, меня

поспешили увезти из штаб-квартиры. Как бы я ни была больна, по правде говоря, почти умирала, как говорили врачи, тем не менее, я протестовала бы и до последнего вздоха сражалась за теософию в Индии, если бы нашла преданную поддержку. Но одни опасались юридических проблем, другие – правительства, в то время как мои самые близкие друзья верили опасениям врачей, что я умру, если останусь в Индии. Поэтому меня отправили в Европу для восстановления сил с обещанием скорейшего возвращения в мою любимую Арьяварту.

Затем в Европе ...

В письме, полученном от Дамодара в 1886 году, он уведомил меня, что влияние Учителей в Адьяре с каждым днём ослабевает. Наконец, он очень решительно призвал меня вернуться, написав, что, конечно, Учителя проследят, чтобы моё здоровье не пострадало от этого. Я написала об этом полковнику Олькотту, умоляя его позволить мне вернуться, и пообещала, что при необходимости я смогу жить в Пондичерри, если мое присутствие в Адьяре нежелательно. На это я получила нелепый ответ, что как только я вернусь, меня сразу отправят на Андаманские острова в качестве русской шпионки, что, конечно же, как впоследствии выяснил полковник Олькотт, оказалось совершенно неверным. Готовность, с которой ухватились за такой несерьёзный предлог, чтобы удержать меня от Адьяра, демонстрирует в истинном свете неблагодарность тех, кому я отдала свою жизнь и здоровье. Более того, как я поняла, Исполнительный Советом под совершенно абсурдным предлогом утверждал, что в случае моей смерти мои наследники могут потребовать долю в собственности Адьяра, и президент прислал мне на подпись юридический документ, в котором я формально отказалась от каких-либо прав в штаб-квартире и даже от права жить там без разрешения Совета. И это несмотря на то, что я потратила несколько тысяч рупий из своих личных денег и отдала свою долю прибыли от издания журнала «Теософ» при покупке дома и мебели. Тем не менее, я подписала отказ без единого слова протеста. Я поняла, что я никому не нужна, и осталась в Европе, несмотря на горячее желание вернуться в Индию. Как же я могла поступить иначе, когда понимала, что все мои труды были вознаграждены неблагодарностью, когда мои самые настоятельные желания вернуться были встречены надуманными отговорками и ответами, вдохновленными враждебными мне людьми?

Результат этого вполне очевиден. Вы слишком хорошо знаете положение дел в Индии и мне не надо останавливаться на подробностях. Одним словом, после моего отъезда там не только постепенно ослабла деятельность, но и те, к кому я испытывала самую глубокую привязанность, относясь к ним как мать к своим сыновьям, обернулись против меня. Находясь на Западе, не успела я принять приглашение приехать в Лондон, как нашла людей (несмотря на отчёт О.П.И., дикие подозрения и гипотезы,

свирепствующие во всех направлениях), которые верят в истину великого дела, за которое я боролась, и в мои *bona fides*[9].

Действуя по приказу Учителя, я начала новое движение на Западе по первоначальным направлениям; основала журнал «Люцифер» и Ложу, носящую мое имя. Признавая замечательную работу, проделанную в Адьяре полковником Олькоттом и другими членами по исполнения второй из трёх целей Т. О., а именно, содействия изучению восточной литературы, я была полна решимости исполнить здесь две другие цели. Все знают, с каким успехом это исполнилось. Дважды полковника Олькотта просили приехать, и тогда я узнала, что меня снова разыскивают в Индии, по крайней мере, некоторые. Но приглашение пришло слишком поздно; ни мой врач не позволил бы этого, ни я не могу, оставаясь верной своей жизненно важной клятве и обетам, жить в Штаб-квартире, из которой были фактически изгнаны Учителя и Их дух. Наличие Их портретов там не поможет; это мёртвая буква. По правде говоря, я никогда не смогу вернуться в Индию ни в каком другом качестве, кроме как в качестве Их верного посредника. И поскольку, если только Они не появятся в Совете *in propria persona*[10] (чего Они определенно никогда не сделают сейчас), никакие мои советы по оккультному учению, похоже, не будут приняты, поскольку факт моих отношений с Учителями подвергается сомнению, и даже некоторыми полностью отрицается; и так как у меня самой нет никаких прав в штаб-квартире, тогда зачем мне жить в Адьяре?

Дело в том, что, на мой взгляд, полумеры хуже, чем ничего. Люди должны либо полностью верить в меня, либо честно не верить. Никто, ни один теософ, не обязан верить, и хуже, чем бесполезно, когда люди просят меня помочь им, но не верят в меня.

Следовательно, единственная претензия, которую Индия могла бы когда-либо предъявить мне, имела бы силу только пропорционально активности тамошних сотоварищей по теософии и их лояльности Учителям. Письмо заканчивается призывом к теософам Индии «открыть новую страницу в истории Теософского движения» и присоединиться к другим верным теософам, бросив вызов «всем клеветникам и тщеславным недовольным людям, как вне Теософского общества, так и внутри него».

Это послание, как ничто другое, раскрывает трагическое состояние теософского движения в Индии после 1885 года. Его члены хотели оставаться теософами, но боялись поддержать Е.П.Б. в трудную минуту. Их попытки пойти на компромисс, используя «полумеры», поставили их в странное положение, поскольку они фактически уступили оппозиции в том, что Е.П.Б. нельзя было полностью доверять (что она была

[9] Честные намерения (лат.)
[10] Собственной персоной (лат.)

только наполовину честной!), при этом они всё ещё притворялись последователями движения, живым вдохновителем которого она была и остаётся. Общество с таким типом руководства было хуже, чем при его отсутствии, поскольку его политика была политикой полусознательного лицемерия, оправдываемого страхами. Можно добавить, что с того дня и по сей день в Адьярском обществе не произошло заметных перемен. В 1929 году, когда выдержки из процитированного выше письма, наконец, впервые появились в журнале «Теософ», все выдержки, содержащие упрёки в адрес членов общества в Индии, были тщательно вырезаны. По сей день читатели журнала «Теософ» не в курсе об истинных чувствах Е.П.Б. к Адьярскому обществу и о том, чем оно стало после её ухода.

Но какими бы ни были неблагодарность и предательство Е.П.Б., с которыми она столкнулась в Индии, она оставалась бескомпромиссной в своей защите индийского народа, особенно когда его осуждали по сравнению с европейской цивилизацией. В 1886 г. м-р Синнетт послал ей статью о месмеризме, которую он опубликовал в «Июльских протоколах» лондонской ложи. В этой дискуссии он случайно высказал мнение, что народ Индии «находится на несколько более низком уровне космической эволюции», чем народы Европы. Ответ Е.П.Б. был характерно экспрессивным:

«Спасибо за «Протоколы». Очень интересно о вашем месмеризме. Только почему вы никогда не можете писать об Индии или индийцах, не позволив перу уклоняться к вашим не искоренившимся предрассудкам в ущерб правде и фактам?.. Вы хотите писать об эзотерических фактах, а вместо этого даёте предрассудки английской нации. Поверьте, я говорю серьезно. Вы не можете переделать *эзотерическую* историю в соответствии с вашими маленькими симпатиями и антипатиями... Сколько раз я говорила вам, что если они как народ ниже европейцев, то это только *физически* и в отношении цивилизации или, скорее, того, что вы сами согласились считать цивилизацией – сугубо внешний, поверхностный глянец или «окрашенный гроб» Евангелия с гнилью внутри. Индусы духовны с точки зрения разума, а мы духовны с точки зрения тела. Духовно они намного выше нас. Физической точки эволюции мы достигли только сейчас, а они, возможно, достигли её 100000 лет назад. И то, чем они являются сейчас *духовно*, вы, возможно, ещё и не надеетесь достичь в Европе раньше, чем через несколько тысячелетий. Вы, должно быть, писали свои «Протоколы» *в дурном настроении*. Как бы то ни было, мне очень жаль, что я вынуждена противоречить вам в «Тайной Д.». Я писала об этом давно (диаметрально противоположно тому, что вы говорите) и так, как было мне *продиктовано*».

В статье «Наши три цели» рассматриваются достижения теософского движения в Индии под заголовками «Братство», «Изучение арийской литературы» и «Оккультная наука». Наблюдения Е.П.Б. за работой Общества во имя Всеобщего Братства иллюстрируют как дух её начинания, так и его практический результат. Она писала:

«Когда мы прибыли в Индию в феврале 1879 года, не было ни единства между народами и сектами полуострова, ни чувства общих социальных интересов, ни предрасположенности найти взаимопонимание между несколькими школами древнего индуизма или между ними и вероучениями ислама, джайнизма, буддизма и зороастризма.

Между брахманскими индуистами Индии и их родственниками, современными сингальскими буддистами не было религиозных связей с давних времён. И опять же, между несколькими кастами сингальцев (поскольку, верные своему архаичному индуистскому происхождению, сингальцы всё ещё цепляются за касту, несмотря на букву и дух своей буддийской религии) было полное разобщение, никаких смешанных браков, никакого духа патриотической однородности, но злобное сектантство и кастовая неприязнь. Что касается любого международного взаимопонимания, будь то в социальных или религиозных делах, между сингальцами и северными буддийскими народами, то такого никогда не существовало. Все были абсолютно безразличны к взглядам, желаниям или стремлениям другого народа.

Наконец, между народами Азии и народами Европы и Америки совершенно отсутствовало понимание относительно религиозных и философских вопросов. Труды востоковедов, от сэра Уильяма Джонса и Бюрнуфа до профессора Макса Мюллера, вызывали у учёных философский интерес, но не в массах. Если к вышесказанному мы добавим, что все восточные религии без исключения были задушены ядовитым газом западной официальной науки, через посредство образовательных агентств европейских администраций и миссионерских пропагандистов, и что местные выпускники университетов и студенты старших курсов Индии, Цейлона и Японии в значительной степени превратились в агностиков и критиков древних религий, то вы поймёте, насколько сложной задачей было сделать что-то вроде гармонии из этого хаоса и добиться терпимого, если не

дружеского, чувства, изгнав эту ненависть, злые подозрения, дурные чувства и взаимное невежество.

Прошло десять лет, и что мы видим? Рассматривая всё по порядку, мы обнаруживаем, что во всей Индии единство и братство заменили старую разобщенность; сто двадцать пять отделений нашего Общества появились только в Индии, каждое из которых является ядром нашей идеи братства, центром религиозного и социального единства. В их состав входят представители всех лучших каст и всех индийских школ, и большинство из них принадлежит к классу потомственных учёных и философов, брахманов, обращение которых в христианство было тщетной борьбой миссионеров и самопровозглашенной задачей отчаянной надежды высшего класса – Оксфордской и Кембриджской миссий. Президент нашего Общества полковник Олкотт несколько раз объехал всю Индию по приглашению, обращаясь с речью к огромным толпам людей на теософские темы и сея семена, из которых со временем вырастет хороший урожай нашей благой вести о братстве и взаимозависимости.

Рост этого доброго чувства был доказан множеством способов: во-первых, беспрецедентным собранием представителей разных народов, каст и школ на ежегодных съездах Теософского общества; во-вторых, быстрым ростом теософской литературы, отстаивающей наши альтруистические взгляды, основанием различных журналов на нескольких языках и быстрым прекращением сектантских противоречий; в-третьих, внезапным зарождением и феноменально быстрым ростом патриотического движения, централизованного в организации, именуемой Индийский национальный конгресс.

Этот замечательный политический орган был спланирован некоторыми нашими англо-индийскими и индийскими членами по образцу и принципам Теософского общества, и с самого начала им руководили наши коллеги, одни из самых влиятельных людей в Индийской империи. В то же время между Съездом и его родительской организацией, нашим Обществом, нет никакой связи, кроме как через отдельных людей. По всей вероятности, этого никогда бы не произошло, если бы полковник Олькотт позволил себе соблазниться на побочные пути человеческого братства, политики и т. д. социальные реформы и т. д., как многие от него добивались. Мы пробудили дремлющий дух и

согрели арийскую кровь индусов, и отдушиной новой жизни стал Съезд. Все это простая история и принимается без возражений.

Перебравшись на Цейлон, взгляните на чудеса, которые сотворило наше Общество, о чём свидетельствуют многие речи, отчёты и другие официальные документы, которые до сих пор доводились до сведения наших читателей и широкой публики. Присоединились представители разных каст; почти стерлось сектантское недовольство; на острове сформировалось шестнадцать отделений общества; можно сказать почти все сингальское общество обращалось к нам за советом, назиданиями и руководством; комитет буддистов отправился в Индию с полковником Олькоттом, чтобы посадить кокосовую пальму (древний символ любви и доброй воли) на территории индуистского храма в Тирунелвели, и кандийская знать, которая до сих пор держалась в стороне от жителей равнин с высокомерным пренебрежением их феодальных традиций, становилась президентами наших филиалов и даже путешествовала в качестве буддийских лекторов.

Цейлон был *фойе*, из которого религия Гаутамы хлынула в Камбоджу, Сиам и Бирму. Что в таком случае может быть более подобающим, чем то, что из этой святой земли было отправлено послание братства в Японию! Как это послание было воспринято, как было передано нашим президентом и с какими великолепными результатами, слишком хорошо известно всему западному миру, чтобы повторять эту историю здесь. Достаточно сказать, что это событие входит в число самых драматических событий в истории и является достаточным, неопровержимым и неоспоримым доказательством жизненной реальности нашей схемы, порождающей чувство Всеобщего Братства среди всех народов, рас, племён, каст и людей другого цвета кожи».

Так, теософское движение, вдохновлённое Е.П. Блаватской, стремилось преодолеть разделение сектантства в организованной религии не только путём критики, но и путём предоставления философских истин, которые могли бы убрать все поверхностные различия доктрин между религиями мира, показывая, что все они имеют общую основу в древней религии мудрости.

А теперь обратимся к Соединённым Штатам, где новый цикл деятельности начался примерно в то время, когда мадам Блаватская покинула Индию.

ГЛАВА IX

ТЕОСОФИЯ В АМЕРИКЕ

ПО-НАСТОЯЩЕМУ Теософское движение в Соединённых Штатах начало действовать в 1886 году, когда Уильям К. Джадж основал независимый теософский журнал «Путь». До этого времени не так много было сделано для популяризации Общества в Америке. Ещё до отъезда Олкотта и Е.П.Б. в Индию в конце 1876 г., как говорит Олькотт, «Теософское общество как организация было сравнительно бездеятельно; его Устав превратился в мёртвую букву, его собрания почти прекратились». Когда было принято решение о путешествии обоих основателей в Индию, генерал Эбнер Даблдей был временно избран президентом в Америке, а Джадж назначен секретарем-регистратором.

Хотя Джадж поддерживал тесную связь с Е.П.Б. и Олкоттом через письма, последующие несколько лет организационная деятельность практически не велась. Трудности, с которыми он столкнулся в тот период, хорошо иллюстрирует небольшой биографический очерк, написанный миссис Арчибальд Кейтли и включенный ею во вторую книгу «Письма, которые мне помогли». Это было время, когда мадам Блаватская (та, которая тогда была единственным великим истолкователем учения) пропала из поля зрения, и любопытство, и интерес, возбуждаемые её первоначальной и поразительной миссией, угасли. Отныне Т. О. должно было существовать на своей философской основе, и это, после долгих лет тяжёлого труда и неуклонного упорства, было достигнуто м-ром Джаджем. С двадцати трёх лет и до самой смерти все его усилия и вся пламенная энергия его неустрашимой души были отданы этому труду. У нас есть яркое описание того, как он открывал собрание, читал главу из «Бхагавад Гита», вёл протокол со всеми подробностями, как если бы кроме него присутствовал ещё кто-нибудь; и так он делал, раз за разом, решив продвигать общество.

В то время м-р Джадж был молодым практикующим юристом, которому приходилось зарабатывать на жизнь. Он женился в 1874 году, незадолго до знакомства с Е.П.Б. Был только один ребенок, девочка, которая умерла ещё маленькой. Занятие бизнесом привело его в Южную Америку в 1876 году, где он

подхватил лихорадку «чагрес», и от этой мучительной болезни он всё время страдал. Другие этапы его южноамериканского опыта описаны в его трудах, часто аллегорических, что предполагает характер оккультных контактов, которые могли быть установлены во время этого путешествия. В 1883 году м-р Джадж вместе с некоторыми другими членами учредил дочернее общество, Арийское теософское общество Нью-Йорка, учредителем которого был полковник Олкотт. В последующие годы под руководством Джаджа Арийское общество должно было подать пример всем другим американским отделениям в эффективном распространении теософии. В первом номере журнала «Путь» м-р Джадж описал Арийское общество как отделение, «созданное ради сплочения нью-йоркских членов, вступивших в родительское Общество, пока там находились полковник Олкотт и мадам Блаватская». Однако он добавляет, что «было обнаружено, что многие вступили в [родительское Общество] под впечатлением того, что оно является некой новой разновидностью спиритизма, а затем ушли. Настоящая деятельность арийского отделения началась в 1886 году с издания журнала «Путь».

В 1884 году по предложению Джаджа полковник Олкотт организовал Американский контрольный совет для управления Обществом в Соединённых Штатах. Этот исполнительный орган заменил должность президента, занимаемую Эбнером Даблдеем. В начале 1884 года Джадж отправился в Лондон, где встретился с Синнеттом и другими английскими членами. Через несколько недель он отправился в Париж, где 28 марта к нему присоединились Е.П.Б. и Олкотт, приехавшие из Индии. Джадж оставался в обществе мадам Блаватской в течение нескольких недель во Франции — для него это была приятная смена нравственной атмосферы Лондона, которая показалась ему крайне угнетающей. На самом деле этот период в начале 1884 года, по-видимому, был решающим моментом в подготовке м-ра Джаджа к предстоящей ему работе. Переписка с друзьями из Лондона, а также некоторые из его парижских писем показывают, что он страдал от чрезвычайного уныния, которое длилось несколько недель или месяцев. Это было время, как объяснял он своим близким, когда из далекого прошлого вернулись некие энергии, чтобы нарушить его психическое равновесие. И простота, и сила молодого американца ирландского происхождения показаны в одном из его парижских писем:

«Эти последние дни (12) были для меня испытанием. Очень живо встал вопрос о том, стоит ли крепко держаться или отпустить. Я считаю,

что меня оставили одного, чтобы испытать меня. Но я победил. Я не сдамся; и, несмотря на досаду или горечь, я выстою. Вчера вечером я открыл журнал «Теософ», который есть у мадам, и почти сразу наткнулся на статьи о челах, их испытаниях и опасностях. Они, казалось, подтверждали мои мысли, и хотя картина в каком-то смысле была довольно мрачной, она укрепила меня».

В апреле 1884 года в Париже были получены сведения о заговоре Кулонов, и Джадж был отправлен в Индию, как он выразился, наделённый «полной властью президента общества поступать так, как сочтёт нужным для нашей защиты от нападок (о которых нам сообщили), связанных с миссионерами, руководящими христианским колледжем в Мадрасе». Он прибыл в Адьяр вскоре после изгнания Кулонов и сразу же принял руководство на себя. Он вызвал ряд свидетелей, чтобы они увидели дело рук Кулонов, а затем закрыл помещение Е.П.Б.. В качестве интересного примечания относительно нападок миссионеров на Е.П.Б. Джадж делает следующее заявление:

«Уже на следующий день пришёл для осмотра помещения миссионер Паттерсон, эксперт Гриббл и Ко. Но было слишком поздно. Закон уже вступил в действие; а м-р Грибби, приехавший как «беспристрастный эксперт», однако с полным отчётом против нас в кармане, должен был удалиться, полагаясь на своё собственное воображение в отношении компрометирующих фактов. Затем он и черпал только из этого источника».

М-р Джадж оставался в Индии лишь какое-то время, достаточное для выполнения своих обязанностей в связи с заговором Кулонов, и в этот период он укрепил братские узы с Дамодаром и другими индусами, которых он знал только по переписке. В 1885 году, после своего возвращения в Америку, он приступил к работе по возрождению Движения в Соединённых Штатах. Увидев, что Контрольный совет, созданный Олкоттом, предоставлял «отчасти отеческую и непредставительную власть» для американских отделений, он обратился к Олкотту и Е.П.Б. с просьбой сотрудничать с ним в создании «Американской секции» Родительского общества, в которой все отделения имели бы свой голос.

В конце концов, это было достигнуто на собрании Контрольного совета в Цинциннати в октябре 1886 года. Следуя указанию резолюции Генерального совета в Индии, американские теософы на этом собрании распустили Контрольный совет и «сформировали Американскую

секцию Генерального совета Теософского общества, но отложили вопрос о принятии официальной конституции и законов до какой-то другой даты, когда может быть обеспечено более полное представительство». В 1887 году было проведено второе собрание, и проинструктированные делегаты приняли конституцию Американской секции в соответствии с правилами.

Ко времени собрания Контрольного совета в 1886 году в Соединённых Штатах существовало двенадцать отделений Теософского общества. Они были в Рочестере, Чикаго, Бостоне, Молдене (Массачусетс), Цинциннати, Лос-Анджелесе, Филадельфии, Сент-Луисе, Сан-Франциско, Вашингтоне, округ Колумбия, и два – в Нью-Йорке. Всего членов этих отделений насчитывалось 264 человека. К съезду 1887 года, состоявшемуся в Нью-Йорке, насчитывалось ещё двенадцать отделений, и число членов увеличилось до 302. На втором ежегодном съезде Американской секции — её первом крупном собрании — в Чикаго, 22 и 23 апреля 1888 г., м-р Джадж, который был генеральным секретарем, сообщил о появлении десяти новых отделений и общем числе членов около 460 человек. Этот необычайный темп роста Общества в Америке продолжался несколько лет. К 1896 году в США насчитывалось 103 отделения.

Первый номер журнала «Путь» появился в апреле 1886 года. Его вступительная редакционная статья подчеркивала ключевую ноту политики, которую он должен был проводить в течение десяти лет под редакцией м-ра Джаджа. Статья началась с объяснения, что журнал не является официальным печатным органом Теософского общества, но независимым журналом, и «импульс к его созданию возник непосредственно из теософских учений и литературы». Основатели журнала, говорилось в ней, решили попытаться, с одной стороны, указать своим собратьям Путь, на котором они обрели надежду для человечества, а с другой — исследовать все этические и философские системы, претендующие на то, чтобы вывести исследователей непосредственно на такой вот путь, невзирая на возможность того, что широкий путь может, в конце концов, идти в другом направлении, а не туда, куда они смотрят. С их нынешней точки зрения им кажется, что истинный путь лежит на пути, указанном нашими арийскими предками, философами и мудрецами, чей свет всё ещё ярко сияет, хотя сейчас кали-юга или век тьмы.

Редакция заключает:

«Самый первый шаг в истинном мистицизме и истинном оккультизме состоит в том, чтобы попытаться постичь смысл всеобщего Братства, без

которого самые большие достижения в практике магии рассыпаются в прах.

Поэтому мы обращаемся ко всем, кто желает возвысить себя и своих собратьев — человека и зверя — из рутины эгоистичной повседневности. Немыслимо, чтобы утопию можно было построить за один день; но через распространение идеи всеобщего Братства можно открыть истину везде.

Конечно, если мы все скажем, что это бесполезно, что такие чувственные, сентиментальные понятия не могут получить распространения, то ничего никогда не будет сделано. Теософское общество должно положить начало. Хотя добрые и благородные мужчины и женщины постоянно учреждают благотворительные учреждения и проекты, пороки, эгоизм, жестокость и как следствие страдания, похоже, не уменьшаются. Богатства накапливаются в руках немногих, в то время как бедняки с каждым днём всё больше притесняются и их число увеличивается. Бродяги и бывшие проститутки заполняют тюрьмы и приюты гораздо быстрее, чем они возводятся. Все это безошибочно указывает на наличие какой-то существенной ошибки. Это показывает, что простое исцеление внешнего мира путем казни убийцы или предоставления приютов и тюрем никогда не уменьшит ни число преступников, ни полчищ детей, рождённых и выросших в очагах порока.

Требуется истинное знание духовного состояния человека, его цели и предназначения. Это достаточно определенно изложено в арийской литературе, и кто должен начать реформу, тем посчастливилось оказаться в мире, где они могут видеть и размышлять над проблемами, и все они прилагают большие усилия, даже если знают, что великий день может наступить только после их смерти. Такое исследование приводит нас к тому, что мы принимаем слова Праджапати, обращённые к его сыновьям: «Будьте сдержанными, свободомыслящими и милосердными»; это есть смерть эгоизма».

В то время как мадам Блаватская писала о теософии на основании большой эрудицией и своего огромного запаса оккультных знаний, м-р Джадж обращался к обычному человеку простым языком и просто с позиции здравомыслия. Журнал «Путь» с самого начала был свидетельством того, что он в этом нашёл себя и теперь был полон решимости развивать эту сферу своей наибольшей полезности для Движения. Его естественная заинтересованность в благополучии других сказывалась на всём, что он делал, а его статьи и теософские беседы были написаны языком обыкновенного человека. В м-ре Джадже не было никакого позёрства, и его простой, непринужденный стиль иногда скрывает его мудрость от тех, кто ожидает определённых манер или претенциозности в «оккультном» или «глубоком» сочинении. С годами м-р Джадж проявил себя как искусный организатор и

скромный администратор, который знал, как помочь другим людям развить свои таланты и способность брать на себя личную ответственность. Он писал для журнала «Путь» под разными псевдонимами, таким образом, скрывая от публики свою значительную личную роль в этом издании, хотя и подписывал своим именем все решающие политические заявления, за которые следует брать на себя личную ответственность.

Его знание теософии проявилось на страницах журнала «Путь» в виде бесконечно разнообразных приложений философии. Его метод наводит на многие размышления, он не догматичен. Всё, что он писал по метафизики, прямо или косвенно подтверждается работами мадам Блаватской. Он не стремился к новому «откровению», но иллюстрировал в своих работах идеальное использование понятий теософского учения. В заключение первого тома номеров журнала «Путь» он изложил свой взгляд на закон циклов, показывающий, что для него этот закон был не абстракцией, а принципом, имеющим прямое отношение к работе Движения, а также к психическим и духовным проблемам человечества в настоящее время. Он писал:

««Христианские» народы были ослеплены губительным блеском материального прогресса. Они не смогут подобрать ключи к Пути. Ещё несколько лет и они оставят дорогую для них систему, потому что их неудержимая гонка к совершенной цивилизации позволит им управлять силами, о которых они сейчас даже и не мечтают. Тогда наступит момент, когда им надо будет выбирать один из двух плодов. А пока хорошо бы проследить связь между новой и старой системами или, по крайней мере, выбрать зёрна истины. В уходящем году мы приободрились внутренне и внешне. Теософия значительно распространилась не только за 10 лет, но и за последний год. Новый век недалеко. Огромный неуправляемый цветок цивилизации 19 века почти полностью распустился и надо готовиться к новому чудесному цветку, который должен вырасти из старого. Мы не привязывали свою веру к Ведам или христианским писаниям, и другим этого также не желаем. Наша преданность арийской литературе и философии основана на убеждении, что миллионы умов, прошедших до нас, проложили тропу, по которой можно пройти с пользой, сохраняя способность к различению. Так как мы безоговорочно верим, что при этом повороте круга конечным авторитетом является сам человек. В прежние времена раскрытые Веды, а позднее учение великого Будды являлись авторитетами, где как в теории, так и на практике можно было найти необходимые шаги для того, чтобы Человек выпрямился во весь рост. Но великие часы Вселенной

показывают другой час, и сейчас Человек должен схватить ключ и сам – только сам – открыть врата. До сих пор он надеялся на великие души, чьи руки останавливали неминуемый рок. Так давайте вместе войдём в новый год, ничего не страшась, уверенные в силе единства Братства. Ибо, как мы можем бояться смерти или жизни, ужаса или зла в любом месте и в любое время, когда мы прекрасно знаем, что даже смерть является частью иллюзии, которую мы сплетаем перед своим взором. Наша вера может быть подытожена девизом Теософского Общества: «Нет религии выше Истины», и на деле мы не придаём никакого значения ни одному из авторитетов в вопросах религии и философии, кроме суждений природного характера, которые мы считаем истинными».

Эта редакционная статья была для Джаджа возможностью ещё раз заявить об утверждении, на которое даны намёки в «Разоблаченной Изиде» и которое прямо изложено в «Тайной доктрине» и в многочисленных статьях и письмах мадам Блаватской, что двадцатый век будет периодом огромных психических мутаций в истории человечества, во время которого способности человеческого ума будут развиваться, и значительно возрастёт психическая и чувственная восприимчивость всех людей. В этом грядущем цикле потребуется значительная духовная стойкость и уверенность в себе, основанная на здравом смысле, чтобы избежать катастрофических психических расстройств, которые поразят человечество, если такая стойкость не будет достигнута. В своей редакционной статье журнала «Путь» м-р Джадж изложил простыми словами учение, имеющее решающее значение для будущего западной цивилизации, учение без всяких ярлыков и какой-либо помпы для привлечения внимания читателей. Были изложены глубокие мысли, и читателям была предоставлена возможность самим осознать их значимость.

Вполне естественно, что за много лет м-р Джадж привлек к Движению в Америке ядро преданных людей, которые различными способами поддерживали и помогали ему в работе. Одним из них был Дж. Д. Бак, который стал членом Общества в 1878 году после того, как прочитал «Разоблаченную Изиду». Д-р Бак переписывался с Е.П.Б., пока она была в Индии. Полковник Олкотт назначил его членом Американского контрольного совета, который собрался в доме д-ра Бака во Фрегонии, штат Нью-Йорк, в 1884 году для рассмотрения планов возрождения теософии в Соединённых Штатах. Другие заседания Совета проходили в 1885 и 1886 годах в его доме в Цинциннати. Д-р Бак писал множество прекрасных статей для журнала «Путь» как под своим именем, так и под псевдонимом

«Хирадж». Его личная привязанность к м-ру Джаджу сделала его верным сотрудником, но после смерти Джаджа д-р Бак был сбит с толку различными претензиями на «духовный авторитет» и стал последователем «ТК», «оккультного» писателя, претендовавшего на высшие масонские знания.

Другим сотрудником была Джулия Кэмпбелл ВерПланк, позже миссис Арчибальд Кейтли, которая, вероятно, помогала Джаджу больше, чем кто-либо другой, в публикациях для журнала «Путь». Она писала для журнала под псевдонимами «Юлий», «Август Вальдензее» и «Джаспер Ниманд». Последнее имя она использовала в качестве псевдонима редактора собрания писем м-ра Джаджа, написанных ей, эти письма она опубликовала под названием «Письма, которые мне помогли».

Александр Фуллертон, епископальный священник, который был пастором миссис ВерПланк, был привлечён ею к теософии и отказался от своего положения в церкви. В 1890 году он стал членом Совета Американской секции Теософского общества. Он был высокообразованным человеком, мог хорошо писать и говорить, и предложение им своих услуг было с радостью принято в оживленной штаб-квартире Генерального секретаря. М-р Фуллертон вскоре стал известен как правая рука м-ра Джаджа. Он писал много статей для журнала «Путь», редактировал «Форум» — небольшой журнал, посвящённый теософским вопросам и ответам, — и следил за большей частью корреспонденции, поступающей в редакцию журнала «Путь» и в штаб-квартиру Американской секции. Другим выдающимся американским сотрудником был Джером А. Андерсон, работавший на Тихоокеанском побережье, автор популярных книг о реинкарнации и карме, бессмертии и семеричном строении человека.

М-р Андерсон был частым автором на страницах «New Californian», теософского ежемесячника, основанного в Лос-Анджелесе в 1891 году. Редактор этого журнала, мисс Луиза А. Офф, была одной из самых активных членов на Тихоокеанском побережье, она писала на теософские темы для калифорнийских газет, а также для журнала «New Californian». Она также проводила в своём доме еженедельные встречи для обсуждения разных вопросов по теософии. Хотя мисс Офф не была физически крепкой, прекратив участие в выпуске журнала после публикации двух томов, она усердно работала для теософии и продолжала писать, служа Движению вплоть до смерти в 1895 году.

Дух деятельности Движения в Америке лучше всего раскрывается в первых десяти томах журнала «Путь», в сборнике, составленном Джаспер Ниманд, «Письма, которые мне помогли», и в письмах Е. П. Блаватской к ежегодным съездам Американской Секции. Было пять таких посланий от Е.П.Б. американским теософам. В первом послании, которое было зачитано делегатам Съезда, проходившего в Чикаго в апреле 1888 года, она обращалась к м-ру Джаджу как к «брату и соучредителю Теософского общества». Это письмо представляет особый интерес по нескольким причинам, в том числе из-за того, что в нём содержится свидетельство позиции, занимаемой м-ром Джаджем по отношению к ней. Она начала с приветствия делегатам и членам Общества, добавив — «и лично вам [Джаджу] — сердце и душе этого Тела в Америке». Письмо продолжается:

«Нас было несколько, вызвавших его к жизни в 1875 году. С тех пор вы остались здесь один, чтобы сохранить эту жизнь при хорошей и дурной славе. Именно вам главным образом, если не полностью, Теософское общество обязано своим существованием в 1888 году. Позвольте мне тогда поблагодарить вас за это, в первый и, возможно, в последний раз публично и от всего сердца, которое бьётся только ради дела, которое вы так хорошо представляете и которому так преданно служите».

Остальная часть письма составляет практические советы по продолжению работы Теософского Движения. Е.П.Б. писала о различных проблемах, стоявших перед Обществом, отметив как благоприятные возможности, так и опасности, которые ждут его впереди. Она писала:

«Недавно теософия в Америке начала новый виток, что знаменует начало нового цикла в работе Общества на Западе. И политика, которую вы сейчас проводите, прекрасно подходит для того, чтобы обеспечить возможность самого широкого распространения нашего движения и создать на прочной основе организацию, которая, способствуя чувствам братской симпатии, социального единства и солидарности, в то же время оставляет широкий простор для личной свободы и приложения усилий в нашем общем деле — помощи человечеству.

Умножение местных центров должно быть первостепенной задачей, и каждый человек должен стремиться сам быть центром работы. Когда его внутреннее развитие достигнет определённой точки, он, естественно, будет распространять такое же влияние на тех, с кем общается; сформируется ядро, вокруг которого соберутся другие люди, образуя

центр, из которого будет исходить информация и духовное влияние, и к которому будут направляться высшие силы.

Но пусть никто не учреждает папство вместо теософии, так как это было бы самоубийством, это всегда заканчивалось самым роковым образом. Мы все сокурсники, более или менее продвинутые, и никто из членов Теософского общества не должен считать себя чем-то большим, чем, в лучшем случае, учащимся учителем — тем, кто не имеет права догматизировать.

С тех пор как Общество было основано, в духе времени произошли явные изменения. Те, кто дал нам поручение основать Общество, предвидели эту, теперь быстро растущую волну трансцендентного влияния, следующую за другой волной простого феноменализма. Даже журналы спиритуализма постепенно исключают феномены и чудеса, заменяя их философией. Теософское общество возглавляло это движение; но, хотя теософские идеи вошли во все формы развития, которые приняла пробуждающаяся духовность, тем не менее, чистой и простой теософии предстоит ещё жестокая борьба за своё признание. Прежние дни миновали, чтобы больше не возвращаться, и многие теософы, наученные горьким опытом, обязались больше не превращать Общество в «клуб чудес». Малодушные люди во все века требовали знамений и чудес, а когда их не предоставляли, они отказывались верить. Не таковы те, кто когда-либо постигнет теософию в чистом виде. Но среди нас есть и другие, которые интуитивно осознают, что признание чистой теософии — философии разумного объяснения вещей, а не догматов — имеет для Общества самое жизненно необходимое значение, поскольку только оно может быть тем самым маяком, который направит человечество на его истинный путь.

Никогда не следует забывать об этом, и нельзя упускать из виду следующий факт. В тот день, когда теософия выполнит свою святейшую и важнейшую миссию, а именно, прочно объединит группу людей всех народов в братство любви, стремящегося к чисто альтруистическому труду, а не к труду из корыстных побуждений — только в этот день теософия станет выше любого номинального братства людей. Это будет воистину чудом, осуществления которого человечество тщетно ждёт последние 18 столетий и которого до сих пор не удалось осуществить ни одному союзу».

Е.П.Б. писала пророческие слова в этом письме. Она также писала о пробуждающемся интересе к теософии в Англии. Помимо «Люцифера», журнала Е.П.Б., английские теософы поддержали новую организацию, Теософское издательское общество, которое выпускало литературу для широкой публики, выполняя, как говорилось в письме, «весьма необходимую работу по разрушению барьера предрассудков и невежества, которое оказалось

большим препятствием для распространения теософии». Она также писала, что «Тайная доктрина», её великий труд, которого с нетерпением ждали многие исследователи, теперь готов к печати. В конце она выразила намерение остаться в Англии — «где на данный момент приходится вести тяжелейшую борьбу с предрассудками и невежеством», — но добавляла, что «большая часть моих надежд на теософию возлагается на вас в Соединённых Штатах, где было основано теософское общество, и я горжусь тем, что являюсь гражданкой этой страны».

Эти ежегодные послания американским теософам от Е.П.Б. продолжались вплоть до её смерти в 1891 году. Все вместе они образуют вдохновляющее руководство по теософской работе, содержащее советы, исполненные энтузиазмом самого неутомимого труженика и проникнутые тем практическим знанием человеческих нужд, которым должны обладать все истинные альтруисты. «Пять посланий» рассматриваются большинством теософов как краткое изложение «направлений» теософской деятельности, которым надо внимательно следовать, чтобы сделать теософское движение максимально полезным для современного мира.

ГЛАВА X

«ЛЮЦИФЕР» И «ТАЙНАЯ ДОКТРИНА»

МАДАМ БЛАВАТСКАЯ приехала в Англию в мае 1887 года и несколько месяцев жила в коттедже «Мейкот», занимаемом Мейбл Коллинз, в Норвуде. Мисс Коллинз была медиумом в том же смысле, что и многие писатели, которая опубликовала в 1885 году книгу «Свет на Пути» — религиозное руководство, содержащее внутреннее свидетельство высокого духовного вдохновения. Когда Е.П.Б. поселилась у неё, она очень хотела быть полезной, и вскоре её небольшой коттедж превратился в рабочий центр теософии. Были запущены три проекта: пересмотр и окончательная подготовка к печати «Тайной доктрины»; издание ещё одного теософского журнала, «Люцифер», который должен был стать собственным печатным органом Е.П.Б., и формирование активной ложи для распространения теософии в Англии. Дом мисс Коллинз оказался слишком мал для этих масштабных мероприятий, и в октябре Е.П.Б. переехала в Лондон, основав штаб-квартиру в более просторном доме по адресу: Lansdowne Road, 17, Notting Hill Gate. Графиня Вахтмайстер прибыла из Швеции, захватив с собой двух служанок для ведения хозяйства. Оба Кейтли, Бертрам и Арчибальд, которые помогали Е.П.Б. переехать в Англию, были готовы продолжить работу по упорядочиванию рукописи «Тайной доктрины». Бертрам Кейтли пишет об образовании Ложи Блаватской в своих мемуарах, «Воспоминания о Е. П. Блаватской»:

«Е.П.Б. со дня приезда в «Мейкот» хотела «что-нибудь сделать» — что-нибудь активное и более или менее публичное. Итак, мы решили (поскольку лондонская ложа казалась безнадежно уснувшей, если не мёртвой), что сами создадим новую ложу Теософского общества, и, чтобы подчеркнуть наше положение и открыто высказать свои убеждения, мы решили назвать её «Ложей Блаватской».

Через некоторое время еженедельные собрания Ложи Блаватской стали привлекать большое количество желающих послушать Е.П.Б., рассказывающей о малоизвестных вещах, рассматриваемых в «Тайной доктрине». Её ответы на вопросы, предложенные на этих встречах, были позже опубликованы как «Протоколы Ложи Блаватской» и включают обсуждение сложных научных проблем, а также её комментарии по глубоким метафизическим вопросам.

Уникальную ценность «Протоколов» представляет большое приложение на тему сновидений, в котором психология сновидений объясняется в соответствии с теософской философией.

Английские друзья Е.П.Б. приютили её, заботились о ней и помогали в работе; она заметно восстановила свои силы и влила новую энергию в теософское движение. С мая 1887 года ей оставалось жить всего четыре года, но это были годы чрезвычайно усердной и плодотворной работы ради теософского дела. В этот период она завершила написание «Тайной доктрины» и опубликовала её, написала «Ключ к теософии», «Голос безмолвия» и «Теософский словарь». Первый номер журнала «Люцифер» появился 15 сентября 1887 года. Этот Теософский ежемесячник мадам Блаватская редактировала при содействии Мейбл Коллинз, и в нём был напечатан ряд важных редакционных статей, посвящённых современным событиям и социальному положению. Для «Люцифера» Е.П.Б. писала свои самые сложные статьи о современной цивилизации. Её вклад в журнал «Теософ» был в значительной степени связан с самой философией и деятельностью Движения. Теперь, в «Люцифере», её редакционные статьи перенесли борьбу теософского движения на «вражескую» территорию, поскольку они бросали прямой вызов фанатизму официальной религии и были рассчитаны на то, чтобы встряхнуть самодовольные состоятельные классы так, чтобы те осознали нравственные противоречия в своей жизни.

Одного только названия журнала было достаточно, чтобы вызвать негативные комментарии ещё до выхода первого номера, что дало Е.П.Б. возможность разоблачить отождествление «Люцифера» с «лукавым» как богословское заблуждение. Во вступительной редакционной статье было дано такое объяснение:

«Итак, первая и самая важная, если не единственная цель журнала выражена строкой из 1-го Послания к Коринфянам, помещённой на его титульном листе. Он должен принести свет, чтобы осветить «скрытое во мраке» (IV, 5); показать в их истинном виде и их первоначальном истинном значении вещи и имена, людей, их дела и обычаи; и, наконец, он должен бороться с предрассудками, лицемерием и притворством в каждом народе, в каждом классе общества, как и в каждой сфере жизни. Задача трудоёмкая, но не невыполнимая и не бесполезная, хотя бы в качестве эксперимента.

Итак, для эксперимента такого рода нельзя было найти лучшего названия. «Люцифер» — бледная утренняя звезда, предтеча полного сияния полуденного солнца — «Эосфор» греков. Он робко сияет на заре, чтобы

собраться с силами и ослепить взор после захода солнца, как родной брат «Геспер» — сияющая вечерняя звезда или планета Венера. Для предлагаемой работы не существует более подходящего символа — освещать лучами истины всё, что скрыто мраком предрассудков, общественными или религиозными заблуждениями, и особенно идиотским установившимся порядком жизни, когда некое действие, вещь или имя бывают заклеймены клеветническими выдумками, хотя и несправедливыми, заставляют так называемых порядочных людей отворачиваться в ужасе, отказываясь даже посмотреть на это с какой-либо другого угла зрения, кроме того, которое одобряется общественным мнением. Такой попытке заставить слабонервных людей посмотреть правде прямо в глаза, наиболее эффективно помогает название, принадлежащее к категории заметных имён».

Единственным «грехом» Люцифера или Сатаны, по словам Е.П.Б., было его «утверждение свободы воли и независимого мышления». Имя Люцифер означает «несущий свет», и, используя его для своего журнала, Е.П.Б. освещала «первым лучом света и истины нелепые предрассудки, которым не должно быть места в наш «век фактов и открытий»». Читатели «Люцифера» вскоре узнали, что объявленная политика журнала не была риторическим хвастовством. Его второй номер начинался с тщательного анализа гипноза, который тогда практиковался во имя «исследования». Описанные случаи показали неограниченные возможности для преступлений, предоставляемые гипнотическими экспериментами. Е.П.Б. писала:

«С нравственной точки зрения такие процессы и внушения оставляют неизгладимое пятно на чистой натуре субъекта. Таким образом, даже к невинному сознанию десятилетнего ребенка можно привить порок, ядовитый зародыш которого разовьётся в его последующей жизни. Достаточно сказать, что именно эта характерная черта гипнотического состояния (абсолютная отдача воли и сознания гипнотизёру), имеет такое значение в глазах юридических авторитетов, так как она ведёт к преступлению».

Отмечая попытку осуществить контроль над гипнозом во Франции, она пришла к выводу:

«Ключевая нота прозвучала, и это чёрное искусство может быть использовано многими способами, несмотря на законы. В том, что оно будет использовано таким образом, достаточным залогом являются низкие страсти, присущие человеческой природе.

Много странных романов будет ещё разыграно, поскольку истина часто бывает более странной, чем вымысел, а то, что считается вымыслом, ещё чаще оказывается правдой. Неудивительно, что оккультной литературы прибавляется с каждым днём. Оккультизм и колдовство витают в воздухе, а истинных философских знаний, с помощью которых можно было бы направлять экспериментаторов и тем самым сдерживать их пагубные результаты, нет.

«Сочинениями *фантазии*»[11] называются разные новеллы и романсы...

Это *не фантазии*, а истинные *предчувствия* того, что лежит в лоне будущего, и многое из того, что уже рождено, кроме того, подтверждается *научными* опытами. Знак времени! Окончание психического цикла! Прошло время феноменов медиумов или через медиумов, будь то профессиональных или нет. Дерево оккультизма сейчас готовится к «плодоношению», и дух оккультизма пробуждается в крови новых поколений. Если старики только «видят сны», то молодые уже видят видения и — описывают их в романах и других художественных произведениях. Горе невежественным и неподготовленным, и тем, кто слушает сирену материалистической науки!»

Эти редакционные статьи «Люцифера» сами были «видениями» будущего, закладывая основу для самообороны человечества от психических преступлений и злоупотреблений, которые появятся по мере созревания следующего цикла расовой эволюции на Западе.

Через месяц после такого анализа гипноза Е.П.Б. обсудила трудности, связанные с практической благотворительностью и работой в сфере социального обеспечения, пролив свет кармы и реинкарнации на эти вопросы. Теософы, писала она, «не могут изображать из себя группу благотворителей, хотя втайне они могут отважиться действовать на пути благих дел. Они претендуют на то, что они всего лишь группа учащихся, поклявшихся помогать друг другу и всему остальному человечеству, насколько это в их силах, а также лучшему пониманию тайн жизни и лучшему познанию того покоя, который лежит за её пределами». Она продолжала:

«Проекты всеобщего братства и искупления человечества могли бы в изобилии даваться великими адептами жизни, но оставались бы просто пустыми фразами, пока люди остаются в неведении и неспособны понять великий замысел своих учителей. Теософам мы говорим: давайте исполнять правила, данные нам для нашего общества, прежде чем просить каких-либо дальнейших проектов или законов. Мы говорим широкой публике и нашим критикам: постарайтесь понять ценность благих дел, прежде чем требовать их от других или опрометчиво браться за них самим. И всё же это абсолютно верно, что без благих дел дух братства умер бы в мире; но этого никогда не может быть. Поэтому необходима двойная деятельность – учиться и действовать; мы должны творить добро, но мы должны делать это *правильно*, со знанием дела.

Хорошо известно, что первым принципом общества является задача формирования ядра всеобщего братства. Практическое действие этого принципа объяснялось теми, кто его установил, следующим образом:

---

[11] Английское слово fiction переводится как вымысел, фантазия, так и художественная литература.

Тот, кто не практикует альтруизм; ТОТ, КТО НЕ ГОТОВ ДЕЛИТЬСЯ СВОИМ ПОСЛЕДНИМ КУСКОМ С БОЛЕЕ СЛАБЫМ ИЛИ БЕДНЫМ, ЧЕМ ОН; ТОТ, КТО ОТКАЗЫВАЕТ В ПОМОЩИ СВОЕМУ БРАТУ ЛЮБОЙ РАСЫ, НАЦИОНАЛЬНОСТИ ИЛИ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ, ГДЕ БЫ ИЛИ КОГДА БЫ ОН НЕ ВСТРЕТИЛ СТРАДАНИЕ И КТО ГЛУХ К ВОПЛЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ МУЧЕНИЙ; кто выслушивает клевету на невинного человека, будь то брат-теософ или нет, и не вступает на его защиту, как на свою собственную, — тот не является теософом»!

В декабре четвертый номер «Люцифера» Е.П.Б. опубликовал открытое письмо (написанное одним из сотрудников журнала) архиепископу Кентерберийскому, в котором исследовались претензии христианства, и лорду-примасу Англии предлагалось дать ответ. Это редакционное письмо свидетельствовало о том, что «учения церквей и обычаи христиан почти во всём *прямо противоречат учению Иисуса*». Архиепископ хранил молчание, но корреспонденция, вызванная открытым письмом, свидетельствовала о всеобщем одобрении и восхищении смелым курсом «Люцифера». Было выпущено пятнадцать тысяч оттисков статьи для привлечения всеобщего внимания к вызову, сделанному религиозным организациям Англии. В результате энергичной политики своего редактора «Люцифер» вскоре получил признание среди теософов и других людей, как в Англии, так и в Соединённых Штатах. Однако его финансовое положение оставалось нестабильным, пока не был сделан специальный призыв о помощи. В 1891 году, менее чем за месяц до своей смерти, Е.П.Б. написала американским теософам, благодаря их за поддержку:

«Упоминание о «Люцифере» напоминает мне, что нынешнее прочное положение этого журнала во многом обязано помощи, оказанной в критический момент американскими подписчиками. Так как он является моим единственным абсолютно неограниченным средством общения с теософами всего мира, продолжение его публикации имело огромное значение для всего Общества. На его страницах, месяц за месяцем, я даю по возможности популярное изложение теософских доктрин, и тем самым продолжаю самую важную часть нашей теософской работы».

Жизнестойкость, привнесённая в Движение «Люцифером», была кульминацией событий в Европе, которые происходили со времени отъезда Е.П.Б. из Индии. Её присутствие в Европе привело к возрождению мужественной и уверенной деятельности со стороны тех, кто оставался непоколебимым во время нападок Кулонов, расследования и отчёта О.П.И., а также нападок на Е.П.Б.

и Общество в прессе. С новым интересом началась работа в Германии и Франции, и в дополнение к существующим ложам образовались новые. В Общество вошло много новых членов, некоторые из которых имели известную репутацию. Были основаны два новых теософских периодических издания: «Сфинкс» в Германии и «Лотос» во Франции. После переезда Е.П.Б. в Англию дополнительные ложи были сформированы в Ирландии, Шотландии и нескольких английских городах.

Возрождению Движения в эти годы в значительной степени способствовала деятельность м-ра Синнета, который в начале 1886 г. опубликовал решительный ответ на отчёт О.П.И.. И это, и другие его сочинения в защиту Е.П.Б. во многом помогли остановить волну неблагоприятных комментариев в прессе в связи с отчётом О.П.И.. Публикация летом 1886 года его книги «Случаи из жизни мадам Блаватской» оказала дальнейшее конструктивное воздействие.

Здравый смысл и всепроникающая искренность этой книги помогли читающей публике увидеть Е.П.Б. как человека необыкновенного, но чрезвычайно человечного и горячо сочувствующего другим, неуклонно отдающей всю себя, душу, ум и сердце святому для неё делу. На его страницах она предстает как добродушный, а не мстительный борец, не испугавшийся потоков ненависти и клеветы, обрушившихся на неё, и такой, чья личная жизнь была наполнена удивительными феноменами с присущими им элементами таинственности. Эта книга произвела на всех читателей глубокое впечатление, что с лихвой оправдало любопытство, вызванное неблагоприятным отчётом О.П.И., и привлекло многих в ряды Общества.

«Тайная доктрина», над которой мадам Блаватская работала в течение многих лет, появилась в декабре 1888 года. Первое издание тиражом 500 экземпляров было немедленно распродано, были напечатаны другие издания, чтобы удовлетворить спрос на этот эпохальный труд. Его два тома общим объёмом около 1500 страниц систематизировали теософскую философию. Первый том посвящён космогенезу, второй — антропогенезу. Здесь, впервые в истории западной мысли, была представлена работа, в которой исчерпывающе рассматривалась проблема физического и человеческого происхождения с точки зрения, включающей как религию, так и науку. По форме «Тайная Доктрина» представляла собой расширенный комментарий к стансам чрезвычайно древнего трактата — «Книги Дзян».

Стансы представлены как составляющие оккультную историю земли, за которыми следует объяснение Е.П.Б. их значения. Показано, что символизм великих мировых религий восходит к архаичным учениям Книги Дзян, а открытия современной науки интерпретируются в свете тех же духовных учений.

Мадам Блаватская не питала иллюзий относительно приёма, который будет оказан её труду миром науки. В разделе, озаглавленном «Введение», она упомянула о некоторых тайных записях восточных адептов как об источнике своего учения.

По её словам, основатели всех великих религий «были передатчиками, а не первоначальными учителями». Все пили из одного источника духовного вдохновения:

«Они были авторами новых форм и интерпретаций, тогда как истины, на которых основывались последние, были стары, как человечество. Выбрав одну или несколько из этих великих истин (реальностей, видимых только глазу истинного мудреца и провидца) из многих истин устно открытых человеку в начале, сохранённых и увековеченных в святилищах храмов через посвящение, во время МИСТЕРИЙ и путём личной передачи, они открыли эти истины массам. Таким образом, каждый народ, в свою очередь, получил некоторые из вышеупомянутых истин под покровом своего местного и особого символизма». Говоря о себе как об авторе, мадам Блаватская пишет:

«Здесь она передает то, что получила и узнала сама, всем тем, кто примет это. Что касается тех, кто может отвергнуть её свидетельство, т.е., подавляющее большинство — она не будет таить злобу на них, поскольку они будут так же правы по-своему, отрицая, как она права по-своему, утверждая, поскольку и она, и они смотрят на ИСТИНУ с двух совершенно разных точек зрения. В соответствии с правилами критической науки востоковед должен априори отвергать любое свидетельство, которое он не может полностью проверить сам. И как может западный учёный принимать понаслышке то, о чём он ничего не знает? Действительно, то, что даётся в этих томах, взято из устных, так же как и из письменных учений. Первая часть эзотерических учений основана на стансах, представляющих собой летопись народа, неизвестного этнологии; утверждается, что они были написаны на языке, отсутствующем в номенклатуре языков и диалектов, с которыми знакома филология; говорят, что они исходят из источника (оккультизма), отвергаемого наукой; и, наконец, они предлагаются через посредничество, беспрестанно дискредитируемое перед миром всеми теми, кто ненавидит непрошенные истины или имеет какое-то своё особое увлечение,

требующее защиты. Поэтому можно ожидать отказа от этих учений, и это нужно принять заранее. Никому, именующему себя «учёным» в какой бы то ни было области точной науки, не будет позволено серьёзно относиться к этим учениям. Они будут высмеяны и отвергнуты априори в этом столетии, но только в этом. Ибо в двадцатом веке нашей эры учёные начнут признавать, что тайное учение не было ни выдумано, ни преувеличено, а, напротив, просто набросано; и, наконец, что эти учения предшествовали Ведам.

Это не претензия на пророчество, а просто утверждение, основанное на знании фактов. Каждое столетие делается попытка показать миру, что оккультизм — не пустое суеверие. Раз позволили держать дверь немного приоткрытой, с каждым новым столетием она будет открываться всё шире. Настало время для более серьёзных знаний, чем допускалось до сих пор, хотя пока ещё очень ограниченных».

Мадам Блаватская никогда не уклонялась от своей основной позиции, когда обращалась к миру с просьбой выслушать ее. Она открыто заявляла, что является ученицей — и представителем — мудрецов, скрытых от остального мира, которых она называла адептами. Желая использовать западные методы исследования, когда это возможно, она никогда не останавливалась в своих доводах на научных материалах. Она признавала основу научного скептицизма по отношению к теософским учениям в соответствии со специальными стандартами исследования, но сама отвергла академические ограничения в поисках истины и призывала своих читателей поступать так же. Наука, религия, философия — всё это есть в её трудах, но по существу она не была ни учёным, ни религиозным деятелем, ни философом; она была той, кто дала миру фундаментальные духовные учения, чтобы каждый человек мог сам судить о их достоинствах. В конце «Предисловия» она пишет:

«Излишне объяснять, что эта книга не является тайным учением в целом, а неким количеством избранных фрагментов её основных положений, причём особое внимание уделяется некоторым фактам, которые были подхвачены разными авторами и искажены до неузнаваемости.

Но, пожалуй, желательно недвусмысленно заявить, что учения, содержащиеся в этих томах, какими бы фрагментарными и неполными они ни были, не принадлежат исключительно ни к индуистской, зороастрийской, халдейской или египетской религии, ни к буддизму, исламу, иудаизму или христианству. Тайное учение является сущностью всех них. Происходящие из него различные религиозные системы теперь вновь сливаются в один

изначальный элемент, из которого выросли, развились и материализовались все тайны и догмы.

Более чем вероятно, что книга будет расценена значительной частью публики как самый дикий роман, ибо кто хоть раз слышал о книге Дзян?

Итак, автор полностью готова взять на себя всю ответственность за то, что содержится в этом сочинении, и даже смело посмотреть в лицо обвинению в том, что она всё выдумана от начала до конца. Она вполне осознаёт, что у сочинения много недостатков; и всё, на что она претендует, – это то, что, как бы романтичным оно ни казалось многим, его логическая обоснованность и строгая последовательность дают право этой новой Книге Бытия встать, во всяком случае, на один уровень с «рабочими гипотезами», столь легко принимаемыми современной наукой. Кроме того, сочинение требует рассмотрения не по причине обращения к догматическим авторитетам, а потому, что оно тесно связано с природой и следует законам единообразия и аналогии.

Цель этого сочинения можно сформулировать следующим образом – показать, что природа не является «случайным совпадением атомов», и отвести человеку его законное место в системе вселенной; спасти от извращения архаические истины, лежащие в основе всех религий; и раскрыть до некоторой степени фундаментальное единство, из которого все они исходят; наконец, показать, что наука современной цивилизации никогда не приближалась к исследованию оккультной стороны природы.

Если это в какой-то степени достигнуто, автор вполне доволен. Это сочинение написано как служение человечеству, и человечество, а также будущие поколения будут судить о нём. Его автор не признаёт никакого нижестоящего суда. К оскорблениям она привыкла; с клеветой она ежедневно сталкивается; на клевету она отвечает улыбкой и молчаливым презрением.

Е.П.Б.»

Название этого сочинения – «Тайная доктрина» намеренно выделяло идею, которая пронизывала все проявления теософского движения на протяжении всей истории человечества. Она была заявлением Е.П.Б. о реальности эзотерических учений. Иисус, когда ученики спросили его, почему он говорил с народом притчами, отвечал: «Потому что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано». Точно так же мудрецы из древних греков были «посвященными» в мистерии — теми, кто имел право получать от иерофантов тайное учение, передававшееся одним поколением адептов другому. Каждая великая религия несёт в себе свидетельства оккультных или скрытых знаний, объясняемых лишь немногим. Чтобы привлечь внимание к понятиям оккультизма и отождествить материалы её труда большей

частью как изложение до сих пор тайных учений, мадам Блаватская использовала название, точно определяющее книгу, которую она написала.

К 1888 году представление о тайных или эзотерических учениях отнюдь не было новым для членов Теософского общества. В пересмотренных правилах и уставе, опубликованных в журнале «Теософ» за апрель 1880 г., было объявлено, что «Общество состоит из трёх секций». Высшая или первая секция состоит исключительно из знатоков или посвящённых эзотерической науки и философии, проявляющих большой интерес к делам Общества.

Вторая секция включает в себя таких теософов, которые доказали своей верностью, рвением и отвагой, а также своей преданностью Обществу, что они стали способны рассматривать всех людей в равной степени как своих братьев, независимо от касты, цвета кожи, расы или вероисповедания, а также готовы защищать жизнь или честь брата-теософа даже с риском для собственной жизни. Управление высшими секциями в настоящее время не должно рассматриваться в своде правил, представленных широкой публике. Никакой ответственности, связанной с этими высшими степенями, не несут лица, которые хотят быть просто обычными членами третьей секции.

Третья секция – это секция стажеров. Все новые братья находятся на испытательном сроке до тех пор, пока не примут решение остаться в Обществе, пока не продемонстрируют свою полезность и способность преодолевать дурные привычки и неоправданные предрассудки. После 1880 года Е.П.Б. напечатала в «Теософе» несколько статей, в которых описывались требования к ученичеству и излагались законы ускоренной духовной эволюции, которым должны подчиняться все ученики. Давно известный в Индии термин «чела» постепенно стал известен европейским и американским теософам, как указание на особые отношения, существующие между стремящимся к оккультному знанию и его учителем-адептом. Более раннее обсуждение этой темы в статье «Чела и чела в миру» дало некоторые определения и дополнения:

«Чела»… это тот или та, кто предложил себя в качестве ученика для практического изучения «сокрытых тайн природы и психических сил, скрытых в человеке». Духовного учителя, которому он предлагает свою кандидатуру, называют в Индии гуру, а настоящий гуру – всегда адепт оккультной науки, человек глубоких знаний, экзотерических и эзотерических, особенно последних, и тот, кто подчинил свою плотскую природу

ВОЛЕ, кто развил в себе как способность (сиддхи) управлять силами природы, так и способность исследовать её тайны с помощью ранее латентных, но теперь активных сил своего существа – вот, настоящий гуру. Предложить себя в качестве кандидата в ученичество достаточно легко, а стать адептом — самая трудная задача, которую может взять на себя человек. Есть много «прирождённых» поэтов, математиков, механиков, государственных деятелей и пр., но прирождённый адепт — это нечто практически невозможное. Хотя мы и слышим очень редко о том, что кто-то обладает необычайной врождённой способностью приобретать оккультное знание и силу, тем не менее, даже он должен пройти те же самые проверки и испытания, и через то же самостоятельное обучение, что и любой менее одаренный соискатель. В этом отношении совершенно верно, что нет царской дороги, по которой могут пройти любимчики.

На протяжении столетий отбор чела (помимо наследственной группы внутри гон-па (храма)) производился самими гималайскими махатмами из разряда (в Тибете значительного по численности) природных мистиков. Единственными исключениями были западные люди, такие как Фладд, Томас Воган, Парацельс, Пико делла Мирандола, граф Сен-Жермен и пр., чьё бурное влечение к этой небесной науке в какой-то степени вынуждало далёких адептов вступать в личные отношения с ними, чтобы позволить им обрести малую (или большую) долю всей истины, какая была возможна в их социальном окружении».

Затем мадам Блаватская выдвигала семь требований для ученичества — требования настолько строгие, что, казалось бы, для обычного западного человека совершенно невозможно надеяться на то, чтобы его приняли. Однако она добавляла, что «с появлением Теософского общества, одной из труднейших задач которого было пробудить в арийском уме дремлющую память о существовании этой науки и этих трансцендентных человеческих способностей, правила отбора чела стали немного мягче в одном отношении». Некоторым членам Теософского общества было разрешено связать себя клятвой как чела. Далеко не обнадеживающие результаты заставили Е.П.Б. опубликовать эту статью для разъяснения и предупреждения. Она писала, чтобы объяснить многочисленные неудачи среди чела и чела в миру (женатых личностей) европейского происхождения, следующее:

«В природе действует беспощадный закон, который нельзя изменить и действие которого проясняет кажущуюся тайну отбора неких «чела», которые за последние несколько лет превратились в печальный образец нравственности. Помнит ли

читатель старую пословицу «Не ищи беды, беда сама тебя сыщет»? В ней скрыт глубокий оккультный смысл. Ни мужчина, ни женщина не узнают о своей духовной силе, пока не испытают её.

Тысячи проходят по жизни весьма достойно, поскольку никогда не попадали в беду. Это, несомненно, трюизм, но он наиболее уместен в данном случае. Тот, кто стремиться к ученичеству, тем самым пробуждает и доводит до отчаяния все дремлющие страсти его животной природы. Ведь это начало борьбы за власть, в которой неоткуда ждать пощады и нельзя давать никому пощаду. Раз и навсегда, «быть или не быть», победа означает АДЕПТСТВО; неудача — позорное мученичество, поскольку стать жертвой похоти, гордыни, алчности, тщеславия, эгоизма, трусости или любой другой низшей склонности, действительно неблагородно, если мерить меркой истинного мужества. Чела призван противостоять не только всем скрытым злым наклонностям своей природы, но, кроме того, всей массе пагубной силы, накопленной сообществом или народом, к которому он принадлежит. Ведь он составляет неотъемлемую часть этой совокупности, и то, что воздействует на отдельного человека или на группу людей (город или народ), вызывает обратную реакцию. И в этом случае его борьба за всё благое раздражает всё зло в его окружении и навлекает на него ярость. Если он согласен продвигаться по жизни вместе со своими ближними, и быть почти таким же, как они – может быть, немного лучше или немного хуже, чем средний человек, то никто, возможно, не заметить его. Но как только станет известно, что он сумел распознать пустую пародию общественной жизни, её лицемерие, эгоизм, сладострастие, алчность и другие дурные черты и решил подняться на более высокую ступень, тотчас же его возненавидят, и всякая дурная, или фанатичная, или злонамеренная натура пошлёт на него поток противодействующей силы. Если он сильный от природы, он стряхнёт её, как сильный пловец быстро плывёт по течению, которое унесло бы более слабого. Но в этой духовной битве, если у чела есть хоть один скрытый порок (что бы он ни делал), он будет обнаружен. Лак условностей, которым «цивилизация» покрывает всех нас, должен сойти до последнего слоя, и обнаружится внутреннее Я, обнажённое и без малейшего покрова, скрывающего его реальность».

Именно такое испытание привлекали к себе чрезмерно пылкие теософы, настаивая на том, чтобы теософские адепты приняли их в качестве «чела».

По мере того, как число неудач увеличивалось, становилось очевидным, что средний житель Запада не имеет представления о серьёзности этого первого шага на пути практического оккультизма. В теософских публикациях часто появлялись такие предупреждения, как статья «Чела и чела в миру», пока с течением времени не появился проблеск осознания

истинного значения ученичества у наиболее интуитивных членов Общества. Затем, в 1888 году, в октябрьском номере «Люцифера» появилось следующее объявление:

«В связи с тем, что большое количество членов Общества поняли необходимость в создании эзотерической группы на основе ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ, разработанных настоящими основателями ТО, президентом-основателем был издан следующий приказ:

I. Для поощрения эзотерических интересов Теософского Общества посредством более глубокого изучения эзотерической философии настоящим организуется группа, известная как «эзотерическая секция Теософского общества».

II. Конституция и единоличное руководство ею возложены на мадам Е.П. Блаватскую, в качестве её руководителя; она несет единоличную ответственность перед членами за результаты; секция не имеет официальной или корпоративной связи с экзотерическим обществом, кроме как в лице президента-основателя.

III. Лица, желающие вступить в секцию и желающие соблюдать её правила, должны общаться непосредственно к — мадам Е. П. Блаватской,

57 Lansdowne Road, Holland Park, London, W.

(подписано) Г. С. Олкотт

(заверено) Е. П. Блаватская

Президент Совета»

С образованием эзотерической секции в теософской истории стало ощущаться новое влияние. Хотя в теософских журналах о секции мало говорилось (вся её деятельность осуществлялась при строгом обязательстве секретности), эффект этой новой организации заключался в консолидации энергии и преданности самых ревностных членов Общества на благо деятельности Движения. В качестве главы секции Е.П.Б. была свободна от организационных процедур в отношении учащихся эзотериков, которых она считала своими учениками, и давала им такие индивидуальные наставление, которые могли бы послужить их внутреннему развитию. В декабре 1888 года мадам Блаватская писала одному из своих корреспондентов:

«Эзотерическая секция должна стать школой для серьёзных теософов, которые хотели бы узнать больше (чем они могут из опубликованных работ) об истинных эзотерических принципах. В ней нет места деспотизму или превосходству; нет денег, которые нужно платить или можно получать; нет прославления меня, но уже в ближайшем будущем будет ряд недоразумений, наветов, подозрений и неблагодарность: но если из...

тех теософов, которые уже принесли клятву, я могу наставить на правильный и истинный путь с полдюжины или около того, я умру счастливой. Много званых, мало избранных. Если они не последуют упоминаемому вами курсу, изначально начертанному Учителями, то они не смогут добиться успеха. [Человек, которому она писала, цитировал это письмо из Симлы в книге «Оккультный мир», выдержки из которой приведены в главе V этой книги.] Я могу указать путь только тем, чьи глаза открыты к истине, чьи души исполнены альтруизма, милосердия и любви ко всему творению и кто думает о себе в последнюю очередь... Эзотерическая секция не от мира сего, не земная; она не мешает экзотерическому управлению ложами; не оценивает критически внешнюю теософию; не имеет должностных лиц или персонала; не нуждается в залах или конференц-залах. Наконец, она не требует ни платы за подписку, ни денег, потому что «даром получил, даром отдавай», и что я скорее умру голодной смертью в канаве, чем возьму хоть один пенс за преподавание священных истин».

Хотя Олкотт сделал публичное заявление об эзотерической секции, но именно Уильям К. Джадж из Америки убеждал Е.П.Б. воплотить эту идею в жизнь. Сразу же после образования Американской секции Теософского общества, в апреле 1887 года, Джадж писал Е. П. Б.: «Так много людей спрашивают меня, как стать чела, что я должен что-то предпринять. Я знаю много хороших людей, которые преуспеют в этом и образуют ту скалу, о которую разобьётся враг».

Примерно через год м-р Джадж отправился в Лондон и там, по просьбе Е.П.Б., составил программу и написал правила для руководства предстоящей эзотерической секцией. Тем временем и «Люцифер», и «Путь», начиная с 1887 года и ещё ранее, печатали статьи, касающиеся ученичества. Статья «Практический оккультизм», появившаяся в «Люцифере» за апрель 1888 года, содержала «правила» восточной школы оккультизма, а в опубликованной через месяц статье «Оккультизм против оккультных искусств» было обращено внимание на опасность нечестного ученичества и ужасающие последствия использования в корыстных целях сил, полученных в результате оккультного обучения. М-р Джадж, в свою очередь, опубликовал статью «Жизнь на высшем уровне»[12] в журнале «Путь» за июль и август 1886 года. В марте 1887 года он напечатал статью «Размышления о магии», самое глубокое из всех его сочинений, посвящённых серьёзному изучению практического оккультизма. В статье «Кандидатам на ученичество», «Путь», июль 1888 г., даны

[12] Потом она называлась «Размышления об истинно теософском пути»

советы желающим вступить в более непосредственный контакт с адептами теософии. О качестве его сочинений на эту тему можно судить по отрывку из статьи «Оккультизм: что это такое?», опубликованной в журнале «Путь» за май 1890 года:

«Не только в Теософском обществе, но и за его пределами есть новички в оккультизме. Это – любители изобразительного искусства, могущественной науки, всего того, что представляет собой почти непостижимую тайну. Мотивы, приводящие их к исследованию, так же разнообразны, как и число занимающихся этим людей, и они столь же скрыты даже от них самих, как и центр земли скрыт от глаз науки. И всё же *мотив* важнее любого другого фактора.

Повсюду были дилетанты в этой науке. Ни одна эпоха или страна не обходилась без них, и они оставили после себя много книг, не представляющих особой ценности. Нынешние дилетанты тоже сочиняют их сейчас, поскольку непреодолимый порыв тщеславия толкает их на сопоставление более или менее несостоятельных гипотез их предшественников, которые, приправленные должным налётом таинственности, выдвигаются на суд толпы желающей приобрести мудрость по себестоимости книги. Между тем мир подлинных оккультистов, молча, улыбается и продолжает кропотливый труд по отсеиванию живых зародышей из массы людей. Ведь оккультистов нужно найти, взрастить и подготовить к грядущим векам, когда будут нужны способности, а претензии ни к чему не приведут».

Любая оценка оккультного положения Уильяма К. Джаджа — или любого другого человека — в теософском движении должна основываться на свидетельствах его жизни и деятельности. С 1875 года и до наших дней было много претензий и встречных претензий на оккультные или духовные «авторитеты», что привело к большому замешательству в сознании общества относительно теософии и ещё большему замешательству среди самих изучающих теософию. Если бы те, кто называет себя теософами, следовали примеру мадам Блаватской и вообще не предъявляли претензий, а просто бы полагались на присущие качества той философии, которую они преподавали, — на её обращение к здравому смыслу и аналогии, к естественному закону, — то вопрос об «оккультном статусе» или «апостольской преемственности» никогда бы не стоял в теософском движении. Принятая в настоящем томе точка зрения заключается в том, что вполне достаточно сравнить сочинения и деятельность м-ра Джаджа с сочинениями мадам Блаватской, чтобы показать, что на самом деле он был её истинным коллегой в оккультном смысле, при том, что она объявляла его таковым несколько раз.

Читателю важно прояснить этот вопрос по той причине, что после смерти Е.П.Б. между Олкоттом и Джаджем возникли серьезные разногласия, закончившиеся, в конце концов, расколом Общества. Чтобы понять этот период теософской истории, нужно провести тщательное исследование вклада в теософское движение и влияния, оказанное на него, как со стороны Олкотта, так и Джаджа. Именно Джаджа, например, Е.П.Б. призвала на помощь при формировании эзотерической секции. В июле 1886 года она писала Олкотту из Остенде, рекомендуя предпринять такие же шаги в Индии. «Вы должны, — писала она ему, — создать у себя внутреннюю оккультную группу. Говорю Вам, Олкотт, без Махатм и оккультного элемента у Вас не будет таких преданных товарищей, как... . Дамодар и некоторые другие». Однако Олкотт проигнорировал этот совет.

Хотя через год после образования Э.С. Е.П.Б. назначила Олкотта своим «конфиденциальным посредником и единственным официальным представителем эзотерической секции в странах Азии», он в душе оставался в стороне от эзотерического аспекта Движения. В своей книге «Страницы старого дневника», части 4, Олкотт довольно неучтиво объяснил причину, по которой он сделал официальное объявление об Э.С., а именно, что Е.П.Б. несет «единоличную ответственность перед членами за результаты». «Причина, — писал он, — почему я возлагаю всю ответственность за результаты на Е.П.Б. заключалась в том, что она уже раз потерпела неудачу в этом направлении в Адьяре в 1884 г., когда вместе с Т. Субба Рао[13], Оукли, Дамодаром и другими пыталась организовать закрытый класс или группу, члены которой должны были более тесно сблизиться с Учителями, но это ей не удалось, и я не хотел бы брать на себя ответственность за выполнение каких-либо особых обязательств, которые она может взять на себя с новой группой учеников, которых она теперь собрала вокруг себя при своём возбуждённом душевном состоянии». Далее он писал, что помог Е.П.Б. в подготовке некоторых из её оккультных тем, и что, когда он узнал, что те, кто вошли в Э.С. «были довольны тем, что получали», он «занял более определённую позицию в этом вопросе».

Однако его личное отношение ко всему этому было отношением участника, делающего что-то по принуждению, и главным образом озабоченного защитой экзотерического Общества от «неправомерного влияния» со стороны членов эзотерической секции.

[13] Рао или Роу – приставка к фамилии, означающая в Индии принадлежность к касте браминов.

ГЛАВА XI

ОБВИНЕНИЯ КУЭСА-КОЛЛИНЗ

К 1889 году, несмотря на многочисленные препятствия на своём пути, теософское движение достигло таких успехов, что слово «теософия» вошло в лексику каждого разумного человека. Теософское общество было создано в каждой цивилизованной стране и в каждом большом городе. Работа шла как в Англии, так и в Америке, и три теософских журнала давали достаточно материала для чтения и изучения. Именно в этом и следующем году мадам Блаватская подверглась ещё одним жестоким нападкам, как личность.

11 мая 1889 г. «Религиозно-философский журнал», ведущее спиритуалистическое издание Чикаго, напечатало письмо проф. Эллиотта Куэса, в котором содержалось письмо к нему от мисс Мейбл Коллинз, молодой женщины, в доме которой Е.П.Б. жила по прибытии в Англию в 1887 году. Письма Куэса-Коллинз и другие сообщения из того же источника в более поздних выпусках «Религиозно-философского журнала», содержали серьёзные обвинения против Е.П.Б. Суть утверждения мисс Коллинз заключалась в том, что Е.П.Б. убедила её написать проф. Куэсу, что один из адептов теософии продиктовал ей текст книги «Свет на Пути». Теперь она отрицала этот факт, и сообщала Куэсу, что её первоначальное заявление было сделано «просто для того, чтобы доставить удовольствие» мадам Блаватской. Одним словом, Мейбл Коллинз стремилась нанести удар по репутации Е. П. Б. точно такими же средствами, какие использовала мадам Кулон, — «признанием» что она сотрудничала с Е.П.Б. в теософском «трюке».

Эллиот Куэс, использовавший мисс Коллинз в неудавшимся разоблачении, был человеком с определённым положением в научных и литературных кругах. Его образования и эрудиции было достаточно, чтобы пригласить его редактировать ту часть «Century Dictionary» («Словаря века»), которая посвящена его специальностям. Его разнообразные интересы привели его в начале 80-х годов к проведению психических экспериментов, и вскоре он стал членом Лондонского общества психических исследований. Находясь в Лондоне летом 1884 года, он познакомился с

полковником Олкоттом и вступил в Теософское общество. Олкотт под впечатлением прошлых достижений Куэса и очевидных способностей писателя и оратора, назначил его членом Американского контрольного совета, председателем которого он со временем был избран. Проф. Куэс организовал «Гностическое» отделение Общества в Вашингтоне, округ Колумбия, организация, которая, по-видимому, служила главным образом резонатором для его основателя и председательствующего.

К 1886 году стало очевидно, что Контрольный совет, первоначально созданный полковником Олкоттом по просьбе м-ра Джаджа, чтобы избежать проволочек официальной рутины, находился в руках проф. Куэса просто в качестве замены автократии президента полковника Олкотта автократией проф. Куэса. Просьба м-ра Джаджа создать Американскую секцию привела к тому, что Олкотт прислал из Индии предложение заменить Контрольный совет Генеральным советом Американской секции.

По-видимому, недовольный таким развитием событий, Куэс вернулся в Вашингтон и опубликовал заявление, озаглавленное «Американский контрольный совет — канцелярия президента», в котором говорилось, что «Оккультное слово», журнал, издаваемый в Рочестере миссис Дж. У. Кейблс и Уильямом Т. Брауном (оба, как известно, были недовольны Обществом), отныне будет «официальным печатным органом Американского контрольного совета Теософского общества». Несколько месяцев спустя и миссис Кейблс, и м-р Браун открыто порвали с Обществом, чтобы вернуться в лоно «Господа Иисуса». Позднее в том же году Олькотт издал официальный приказ о создании Американской секции Теософского общества, и в апреле 1887 года в Нью-Йорке состоялся первый съезд новой секции.

Тем временем «оживлённый обмен письмами», как выразился Олкотт в книге «Страницы старого дневника», происходил не только между Е.П.Б. и полковником Олкоттом из-за угрожающего разрыва между ними по вопросам политики и предстоящей эзотерической секции, а также между проф. Куэсом, м-ром Джаджем, полковником Олкоттом и Е.П.Б. относительно дел в Америке. Олкотт, несомненно, с пониманием относился к позиции, занятой Куэсом. В письме к последнему Олькотт снисходительно отзывался о телеграмме Е. П. Б. «упразднить Контрольный совет», заявив, что он (Олькотт) «ни санкционирует то, что она сделала, ни что-либо из

того, что она может сделать в будущем». Заручившись поддержкой такого рода от президента-основателя и хорошо осведомленный о неодобрительном отношении м-ра Синнетта к Е.П.Б., Куэс, вероятно, думал, что сможет успешно произвести смену руководства Общества в Америке и заручиться поддержкой всех недовольных. Дерзкий и умный, он писал с одной стороны полковнику Олькотту, с другой — Е. П. Б., а с третьей — Джаджу.

Но, как и многие другие, он совершенно не знал, что Е.П.Б. и Джадж, работая вместе как одно целое, не предпринимали никаких важных шагов без взаимной консультации и никогда не писали писем по спорным теософским вопросам, не снабжая друг друга копиями. Представляется также очевидным, что Куэс предполагал, что оккультные способности Е.П.Б. и Джаджа являются либо некой формой медиумизма, либо просто поддельными. Собственные методы Куэса получили некоторую огласку в Чикагской газете «Tribune» после Чикагского съезда Американской секции в 1888 году. Не раскрывая источника своих «новостей», «Tribune» опубликовала текст и факсимиле предполагаемого «послания Махатмы» к проф. Куэс. Джадж написал Куэсу об этом деле, и в своём ответе Куэс, молча, признал, что опубликовал эту историю в прессе.

В другом письме он обвинил Джаджа в том, что тот стоит на пути его продвижения в Обществе. Его переписка с Е.П.Б. включала одно письмо, призывавшее её использовать свое влияние, чтобы избрать его президентом Американской секции. Его эгоизм достиг пика в письме от 17 апреля 1889 года, в котором он писал Е.П.Б.: «Знаете ли, что о Вас идёт дурная слава в этой стране, и, как вы думаете, почему? Потому что, что Вы *завидуете мне*!.. Вас не волнуют оскорбления, но вы хотите знать, что люди думают и что они говорят, а очень многие бурно выражают своё мнение о том, что Ваше молчание в «Тайной доктрине» относительно моих книг и отсутствие моего имени в «Люцифере» (как и в «Пути») означает, что Вы боитесь моей растущей популярности».

Не сумев заручиться поддержкой Е.П.Б., Куэс не присутствовал на съезде 1889 г., состоявшемся позже в том же месяце, и вскоре после того, как он получил от неё письмо, в котором она терпеливо, но прямо говорила о его заявлениях и поведении, и добавляла: «Вы говорите о Вашем стремлении «оказать защиту и помочь женщине, которая, к сожалению, подверглась преследованиям из-за того, что её неправильно поняли». Разрешите

мне сказать вам в последний раз, что ни один из моих заклятых врагов никогда не понимал меня так, как Вы не понимаете меня».

В мае, после того как рухнули его надежды на пост президента Американской секции, Куэс передал своё письмо с «признанием» Мэйбл Коллинз в «Религиозно-философский журнал». В номере от 1 июня была напечатана дополнительная корреспонденция с нападками на Е.П.Б.. В Англии бушевала аналогичная кампания, спиритуалистический журнал «Свет» приводил обвинения, впервые опубликованные в Соединённых Штатах. Проф. Куэс также нашёл союзника в лице ренегата-теософа Микеланджело Лейна, которого разоблачили как распространителя клеветнических историй о мадам Блаватской.

Куэс основывал свои обвинения против Е.П.Б. на неподписанной и недатированной записке, присланной Мейбл Коллинз, которую, как он утверждал, она отправила ему в 1885 году в ответ на его вопрос об авторстве книги «Свет на Пути». В этой записке, опубликованной Куэсом в «Религиозно-философском журнале» от 1 июня, говорилось:

«Автором книги «Золотые врата» является Мейбл Коллинз, которой она была, как и «Свет на Пути» и «Идиллия Белого Лотоса» продиктована одним из адептов группы, которая через мадам Блаватскую впервые стала общаться с западным миром. Имя этого вдохновителя назвать нельзя, так как личные имена Учителей уже достаточно опорочены».

Проф. Куэс утверждал, что после получения этого ответа на свой вопрос о книге «Свет на Пути» он не получал никаких известий от мисс Коллинз до 2 мая 1889 года, когда пришло её письмо, в котором она «отказывалась» от приведённого выше объяснения. С её телеграфного разрешения на публикацию этого второго письма Куэс поспешил напечатать его в «Религиозно-философском журнале» полагая, что доказал, что Е.П.Б. мошенница.

На самом деле он только уличил себя в клевете на Е.П.Б., поскольку она отказалась поддержать его в стремлении стать президентом Американской секции Общества. Говоря, что он получил приведённую выше короткую записку от Мэйбл Коллинз в 1885 году, он непреднамеренно продемонстрировал, что «строит козни» против Е.П.Б., поскольку «Золотые врата» не были написаны до 1826 года и были опубликованы в начале 1887 года. «Идиллия Белого Лотоса» была написана ещё до того, как Мэйбл Коллинз познакомилась с Е.П.Б., и мисс Коллинз рассказывала некоторым людям, что она была написана по «вдохновению». Первое издание «Идиллии» вышло с посвящением

«истинному автору, вдохновителю этого сочинения». В заметке, опубликованной в журнале «Теософ» за март 1885 года, Бертрам Кейтли сообщает, что написание «Идиллии» началось в 1877 году и что работа была возобновлена мисс Коллинз после того, как полковник Олкотт вылечил её от серьёзной болезни. Его доброте и поддержке она во многом приписывала «успешное восстановление прерванного общения с адептом, вдохновившим книгу».

Заявление 1889 года о том, что Е.П.Б.«продиктовала» ответ Мейбл Коллинз на предполагаемый вопрос Куэса в 1885 году был явно выдумкой, поскольку мисс Коллинз ранее во всеуслышание говорила, что считает своего вдохновителя членом оккультного братства. После того как обвинения Куэса-Коллинз были напечатаны в журнале «Свет», Е.П.Б. написала письмо в этот журнал, отметив:

«Когда я познакомилась с ней [Мейбл Коллинз], она только что закончила «Идиллию Белого Лотоса», которую, как она заявляла полковнику Олкотту, продиктовала ей какая-то «таинственная личность». По её описанию мы оба узнали нашего старого друга, грека, а не Махатму, хотя и адепта; дальнейшие события показали, что мы были правы. Этот факт, признанный ею... в посвящении, включённом в «Идиллию» исключает мысль о том, что сочинение было либо вдохновлено, либо продиктовано Кут Хуми или любым другим Махатмой».

Е.П.Б. не распространяла слух о том, что один из теософских Махатм (её собственных Учителей и корреспондентов Синнета и Юма) был вдохновителем книги «Свет на Пути». И только когда Мэйбл Коллинз встретилась с теософами и рассказала им о своих чувственных впечатлениях, она не имела ни малейшего представления о характере личности, от которой получала эти возвышающие сообщения. Все, что она могла сказать, это то, что они исходили от какого-то «таинственного человека». То, что таково было её впечатление относительно источника «Идиллии», было хорошо известно всем членам лондонской ложи Синнетта в 1885 году. Но в своём «признании» Куэсу она утверждала, что Е.П.Б. «умоляла и заклинала» её написать, что «Свет на Пути» исходил от «одного из Учителей, руководивших мадам Блаватской». Затем она заявила Куэсу, что солгала ему в своём первом письме, что «Свет на Пути» «никто не вдохновлял», но что она «видела его написанным на стенах одного места, которое посещает в духе».

Е.П.Б., комментируя посвящение «Идиллии», сказала следующее:

«Было ли посвящение *выдумано*, а также Учитель или вдохновитель», о котором мадам Блаватская догадалась ещё до того, как она увидела ту, что *писала под его диктовку* [Мейбл Коллинз]? Только для этого она превозносит себя в своём посвящении, говоря об «*истинном авторе*», которого, таким образом, следует рассматривать, во всяком случае, как *своего рода Учителя*. Более того, может появиться куча писем, написанных между 1872 и 1884 годами и подписанных Δ, хорошо известной печатью того, кто стал *адептом* только в 1886 году. Как могла Блаватская послать «мисс Мейбл Коллинз» эту подпись, когда ни одна из них не знала о существовании другой?»

По мере того, как накапливались улики, доказывающие, что «мошенницей» была Мейбл Коллинз, а не Е.П.Б., сестра первой написала в журнал «Свет» письмо, что мисс Коллинз слишком больна, чтобы постоять за себя, но что она ответит «через несколько дней». Прошли месяцы, но мисс Коллинз не делала никаких заявлений. Тем временем брошюры Джаджа и Е. П. Б., а также заявления двух Кейтли, которые оба были близко знакомы с мисс Коллинз в 1887 году, несомненно, доказывали безосновательность обвинений Куэса-Коллинз. Проф. Куэс был полностью разоблачён. Устав гностического отделения Общества был аннулирован, а Куэс исключён из числа членов Общества.

Мэйбл Коллинз подала иск против Е.П.Б. за клевету в Лондоне в 1890 году. Когда в июле дело было передано в суд, некое письмо, написанное мисс Коллинз, было показано адвокатом Е.П.Б. мисс Коллинз, которая после этого попросила суд прекратить дело, что и было сделано.

Следует напомнить, что Мэйбл Коллинз начинала как соредактор «Люцифера» вместе с Е.П.Б. в сентябре 1887 года, когда этот журнал впервые вышел в свет. В номере от 15 февраля 1889 года из журнала исчезло имя Мэйбл Коллинз. Никакого объяснения этой перемене не было предложено ни «Люцифером», ни мисс Коллинз, которая жила уединённо до тех пор, пока её письмо к проф. Куэсу не появилось в «Религиозно-философском журнале» в мае того года. Некоторое время спустя стало известно, что мисс Коллинз умоляла Е.П.Б. принять её в эзотерическую секцию, но Е.П.Б. не хотела этого. В конце концов, ей определили испытательный срок, и в течение четырёх дней, по словам Е. П. Б., она «нарушила свои обеты, став виновной в самом чёрном предательстве и неверности своему ВЫСШЕМУ Я. И когда я не могла

дольше разрешить находиться в Э.С. ни ей, ни её подруге, обе сотрясли всё Общество клеветой и ложью».

Естественно, эти события вызывают вопрос – как Мейбл Коллинз могла быть выбрана в качестве канала для высоких духовных учений, когда недостатки её характера были столь значительны? Прежде всего, в её случае следует подчеркнуть различие между *психическим* и *духовным* развитием. Быть «медиумом» — это просто быть человеком чувствительным к отпечаткам на тонком уровне восприятия, что делает возможными такие способности, как ясновидение, яснослышание, телепатия и тому подобное. Такой способностью Мэйбл Коллинз, несомненно, обладала. Вдобавок свойства её эго должны были такими, что позволяли ей быть восприимчивой к мысленным посланиям адепта — факт, который основывается на внутреннем свидетельстве книге «Свет на Пути». Но чувственная психика может быть не связана с духовной устойчивостью. Во очень многих случаях именно сильная духовная природа отсутствует у медиума по той причине, что тщеславие (гордость «даром», не проявляющимся у обычного человека) склонно делать личность медиума самодовольной, имеющей большое самомнение и предрасположенной к действиям легко возбудимого эгоизма.

С точки зрения теософского учения, похоже, что Мейбл Коллинз в прошлых воплощениях позволяла себе медиумические наклонности, в то же время, поддерживая некоторое общение с адептами оккультной школы. Во время цикла теософского движения девятнадцатого века у неё, возможно, была возможность восстановить равновесие и вернуться к дисциплинированной жизни кандидата на пути адептства. Философский трактат, для которого она служила инструментом передачи, мог бы сам по себе стать лучшим средством для исправления её личных недостатков, так как «Свет на Пути» был адресован особенно тем, у кого развита чувственность. Таким образом, она была в состоянии помочь не только другим людям аналогичного характера, предоставив канал для публикации этой книги, но и сама получить от неё помощь. Неудача в этом деле и череда отвратительных последствий иллюстрируют опасность любой попытки «смешивать» психические и медиумические практики с оккультными устремлениями.

Исключенный из Общества и дискредитированный среди теософов, проф. Куэс задумал отомстить Е.П.Б. Он использовал

свою репутацию учёного, чтобы получить доступ к страницам газеты «New York Sun», где в форме интервью с ним как с сотрудником Смитсоновского института в Вашингтоне он распространил самый полный набор клеветнических заявлений и инсинуаций, когда-либо адресованных мадам Блаватской. Нападки начались с предварительной передовицы в газете «New York Sun» от 1 июня 1890 года. Автор передовицы называет теософию «религией-обманом» и утверждает, что проф. Куэс «разоблачил ложь и обман женщины Блаватской после того, как в течение нескольких лет был одной из жертв её обмана». Остальная статья в том же духе. В воскресном выпуске от 20 июля эта газета напечатала на всю страницу интервью с проф. Куэсом под названием «История обмана», в котором он обвинял Е.П.Б. в безнравственности, мошенничестве, плагиате и систематическом одурачивании своих последователей.

Интервью Куэса занимает семь колонок, напечатанных мелким шрифтом. Выдвинутые обвинения и предполагаемые доказательства, полученные проф. Куэсом, содержали якобы разоблачающие факты жизни Е.П.Б., начиная с 1857 года. Они включают практически все из многих нападок на Е.П.Б. и теософию. На основании показаний медиума Д. Д. Хьюма и У. Эмметта Коулмана (автора злонамеренной клеветы на Е. П. Б., опубликованной в «Религиозно-философском журнале») проф. Куэс обвинил Е. П. Б. в том, что в 1857–1858 годах была одной из парижских женщин лёгкого поведения и любовницей русского дворянина, от которого, как он утверждал, она родила сына-калеку, который позже умер. Помимо этой и подобной лжи о её личной жизни, Куэс использовал события теософской истории в своих целях, цитируя отчёт О.П.И. Ходжсона и другие оскорбления относительно личности Е.П.Б.. Джадж также был объектом нападок, поскольку его представляли как орудие мадам Блаватской.

Вслед за статьями в газете «New York Sun» м-р Джадж сообщил в журнале «Путь» за август 1890 год всем, кого это могло касаться, что он подал иск за клевету. Очевидно, он сделал это только ради защиты Общества и доброго имени Е.П.Б., а также для предотвращения подобных нападок в других публикациях, поскольку его самого упоминали лишь случайно и скорее как жертву обмана или орудие, чем заклятого обманщика, и то же самое говорилось о полковнике Олкотте. В своём уведомлении м-р Джадж сделал важное заявление:

«Враждебность автора настолько явно обнаруживается, что вполне может послужить исчерпывающим ответом на нападки. Однако

поскольку определённые обвинения в безнравственности нельзя оставить безнаказанными, я подал иск за клевету... и жду указаний от мадам Блаватской относительно её собственной линии поведения».

В журнале «Путь» за сентябрь 1890 года напечатано письмо мадам Блаватской, тон и дух которого резко контрастируют с враждебным отношением её клеветников. В письме говорится:

«Хотя я полностью согласна с утверждением, что мы должны прощать наших врагов, тем не менее, у меня остаётся ещё право «требовать суда кесарева», и в этом требовании, которое теперь обращено к закону, а не к императору, я могу сохранить власть прощать, в то время как для защиты имени умершего друга и безопасности теософов в будущем я вызываю в суд страны тех, кто, не имея представления о том, что правильно и справедливо, считает нужным публиковать нечестивую и необоснованную клевету.

Около пятнадцати лет я спокойно наблюдала, как моё доброе имя подвергалось нападкам со стороны газетных сплетников, которым нравится смаковать личную жизнь хорошо известных людей, и трудилась над распространением наших теософских идей, будучи уверенной, что, хотя бы на меня напали мелкие умишки, которые изо всех сил стараются осыпать меня упреками, Общество, которое я помогла основать, выдержало бы нападки и, в действительности, окрепло бы под их влиянием. И последнее имело место. Некоторые члены Общества могут спросить, почему я никогда не отвечала на нападки, которые были направлены против оккультизма и феноменов. По двум причинам – оккультизм будет всегда, каким бы нападкам он ни подвергался, и оккультные феномены никогда не могут быть доказаны в суде в течение этого века. Кроме того, я никогда не распространяла сведений ни об одном из последних, но всегда возражала против распространения того, что непосвящённые не могут понять.

Но теперь ведущая ежедневная газета Нью-Йорка, не зная фактов по делу, широко распространяет множество обвинений против меня, большинство из которых опровергаются моей жизнью в течение более десяти лет. Но так как одно из них наносит удар по моему нравственному облику и порочит честное имя покойного старого друга семьи, то я не могу молчать, и поэтому попросила своих адвокатов в Нью-Йорке подать иск против газеты «New York Sun» за клевету.

Эта газета обвиняет меня в том, что я была женщиной лёгкого поведения в 1958 и 1968 годах, а также состояла в неподобающих отношениях с князем Эмилем Витгенштайном, от которого, как утверждает газета, у меня был внебрачный сын.

Первая часть обвинения настолько нелепа, что вызывает смех, но вторая и третья заслуживают порицания. Князь Витгенштайн, ныне покойный, был старым другом нашей

семьи, которого я видела в последний раз, когда мне было восемнадцать лет, и он, и его жена до самой его смерти вели тесную переписку со мной. Он был двоюродным братом покойной императрицы России и никак не думал, что на его могилу будут вылиты помои современной нью-йоркской газеты. Такое оскорбление, нанесённая ему и мне, я обязана отразить по велению своего долга, а также обязана защитить честь всех теософов, которые руководствуются в своей жизни учением теософии; отсюда мое обращение к закону и к присяжным заседателям, моих соотечественникам-американцам. Я отказалась от верности царю России в надежде, что Америка может защитить своих граждан; пусть эта надежда не окажется напрасной! Е.П.Б.»

В то время газета «New York Sun» была, пожалуй, самой популярной и влиятельной из всех американских газет. В её распоряжении были любые средства, рычаги влияния и деньги, и нельзя было предположить, что ей не известны тонкости законов штата Нью-Йорк, касающихся клеветы, или трудности на пути того, кто мог бы попытаться добиться приговора против неё в таком иске. Ей достаточно было доказать в суде свою добропорядочность или предъявить разумные основания для подтверждения распространения одного из своих основных обвинений, и как показывает вся история американской юриспруденции по подобным делам, газеты была бы оправдана.

Но одно благоприятствовало тяжбе Е.П.Б., а именно тот факт, что на этот раз, в отличие от обвинений Кулонов, отчёта О.П.И. и многочисленных предыдущих нападок на неё и её миссию, на этот раз обвинения были прямыми, поданы как констатация факта, а не являлись какими-либо мнениями, слухами, выводами, умозаключениями или инсинуациями. Если Е.П.Б. была бы действительно виновна в одном из инкриминируемых ей преступлений, то она была бы обесчещена, на ней бы поставили неизгладимое клеймо осуждённой мошенницы, а её враги торжествовали бы, её Общество было бы уничтожено, её последователи были бы преданы с позором забвению, её миссия и «теософия» стали бы предметом презрения и насмешек.

Приступили прямо к предмету тяжбы без возможности уклонения какой-либо стороны от процесса. На этот раз это была не одинокая и оклеветанная женщина, поставленная в положение, когда она должна молча страдать или взваливать на себя безнадежную задачу доказать свою невиновность из-за безответственных выдумок дурных и злонамеренных клеветников её доброго имени. Это была известная и влиятельная газета, перед которой стояла простая задача доказать, что эта женщина

виновна по одному из многочисленных обвинений просто представлением в суд от её имени всех живых «свидетелей», произведших на свет или распространявших «доказательства», которые в течение стольких лет усердно представляли широкой публике, чтобы «доказать, что Е.П.Б. мошенница, её феномены — подделка, её учение — воровство или плагиат. Конечно, если предположить, что в какой-то момент своей жизни Е.П.Б. была нескромна в отношениях с мужчинами, участвовала в сомнительных сделках, занималась чем-нибудь постыдным, участвовала в поддельных феноменах, наживалась на «обмане», то задача, стоявшая перед газетой, была простой.

Адвокаты Е.П.Б. настаивали на скорейшем слушании дела, но защита использовала обычные «законные отсрочки». В журнале «Путь» за март 1891 года было опубликовано заявление о статусе иска под заголовком «Иски за клевету против газеты «New York Sun» и Эллиотта Куэс». В статье говорится:

«Поскольку получено несколько писем с вопросами об этих исках и различных слухах о них, мы приводим факты. В Нью-Йорке невозможно очень быстро довести какой-либо иск до суда, так как график дел составлен и просителям приходится ждать своей очереди.

В Нью-Йорке невозможно отследить по газетам ход судебных исков за клевету против других газет, поскольку между различными редакторами существует соглашение о том, что такие публикации не будут помещаться. Отсюда и молчание по поводу вышеуказанных действий.

Дело приняло серьёзный оборот, ждём суда. Будем продолжать начатое дело до тех пор, пока не будет вынесен приговор или не дано опровержение.

Была одержана одна победа следующим образом. Газета «New York Sun» поместила длинный ответ на жалобу мадам Блаватской и её адвокатов, заявлявших процессуальный отвод юридической обоснованности защиты газеты. Этот правовой вопрос обсуждался в присутствии судьи Бич в Верховном суде, и по этому аргументу адвокаты газеты признали на открытом судебном заседании свою неспособность доказать обвинение в аморальности, на котором основан иск, и попросили разрешить им сохранить большую часть не относящегося к делу материала. Этот материал мог быть использован только для создания предвзятого мнения у присяжных. Но судья Бич поддержал возражение мадам Блаватской и приказал убрать нежелательный материал. Теперь единственным вопросом дела является размер убытков, и

всё должно оставаться в силе до тех пор, пока дело не будет рассмотрено в течение испытательного срока. Это решение по процессуальному отводу было существенной победой. Иск против д-ра Эллиота Куэс находится в точно в таком же состоянии».

Мадам Блаватская умерла в мае того же — 1891 года, и, согласно законам Нью-Йорка, с её смертью автоматически прекратилось действие иска, поданного ею против газеты. Однако м-р Джадж продолжал настаивать на своём иске, хотя первоначально выдвинутые против него обвинения были скорее насмешкой, чем клеветой. Наконец, 26 сентября 1892 года газета «New York Sun», которая к этому времени убедилась в великой несправедливости, совершенной на её страницах, добровольно опубликовала с частичными исправлениями редакционную статью, опровергавшую интервью с м-ром Куэс, и длинную статью м-ра Джаджа в дань уважения жизни и личности Е.П. Блаватской. В опровержении говорится:

«На другой странице мы печатаем статью, в которой УИЛЬЯМ К. ДЖАДЖ рассказывает о романтическом и экстраординарном пути покойной мадам ЕЛЕНЫ П. БЛАВАТСКОЙ. Мы пользуемся случаем, чтобы заметить, что 20 июля 1890 года мы были введены в заблуждение, допустив публикацию в колонках «New York Sun» статью д-ра Э. Ф. КУЭС из Вашингтона, в которой были выдвинуты обвинения против личности мадам Блаватской, а также против её последователей, которые, по-видимому, были безосновательными. Статья м-ра ДЖАДЖА разрешает все вопросы, касающиеся мадам БЛАВАТСКОЙ, представленные д-ром Куэсом, и мы хотим сказать, что его утверждения относительно Теософского общества и лично м-ра ДЖАДЖА не подтверждены никакими доказательствами и не должны были быть напечатаны».

«Эзотерическая Она», статья, написанная м-ром Джаджем о Е.П.Б. по предложению газеты, получила одобрение редакции, начинавшегося следующими словами: «Статья м-ра Джаджа разрешает все вопросы, касающиеся мадам Блаватской, представленные д-ром Куэс». Таким образом, эта статья и её поддержка редакцией означали полное изменение позиции газеты. Это можно объяснить только двумя причинами: 1) газета после энергичных и продолжительных усилий по поиску доказательств в поддержку хотя бы одного из обвинений обнаружило, что они были просто клеветой, и 2) её издатели были достаточно благородными людьми, чтобы добровольно загладить свою вину, опубликовав опровержение, даже после того, как смерть Е.П.Б. освободила их от всякого возмещения убытков.

Всем тем, кто каким-либо образом извлёк пользу из послания теософии, следовало бы полностью ознакомиться с

нападками Куэса-Коллинз и делом газеты «New York Sun», поскольку они охватывают все обвинения, когда-либо выдвинутые против Е. П. Блаватской, и представляют собой единственный случай, когда обвинения были предъявлены напрямую и через официальный канал. Результатом дела является абсолютное оправдание Е.П.Б. и столь же решительное разоблачение недобросовестности или невежества тех, кто с тех пор разносил такую клевету. Тем не менее, спустя многие годы оба обвинения Куэса-Коллинз- «New York Sun» были вновь выдвинуты и получили весьма широкую огласку из-за предполагаемой высокой репутации сторон, выдвинувших их, а именно, «Марго Теннант» (женой Герберта Асквита, экс-премьер министра Великобритании, в своём «Глубоко личном дневнике»), и покойного графа Витте, бывшего много лет одним из главных министров Российской империи при правлении последнего царя. Граф Витте был двоюродным братом Е.П.Б., но так как он был намного моложе её, то встречался с ней всего несколько раз, когда был ещё совсем мальчишкой. В его опубликованных «Воспоминаниях» обстоятельно повторяются прежние обвинения в безнравственности, впервые выдвинутые Куэсом и газетой «New York Sun». Он не претендует на то, что говорит из собственного опыта, но по тем же непостижимым причинам, которые побудили многих других, без колебаний повторяет эту гнусную клевету из вторых рук. Исход дела газеты «New York Sun» опровергает клевету Витте на умерших. Исследователям может быть интересно узнать, что собственная мать графа Витте, прихожанка православной церкви, до самой смерти оставалась верным другом и защитником Е.П.Б. Какими бы подлыми ни были характеры тех, кто выдвигает или распространяет непроверенные низменные обвинения против живых, они ещё достойны уважения по сравнению с теми, кто продолжает поносить беззащитных покойников.

После битвы газеты «New York Sun» и её последствий д-р Куэс бесславно бежал с поля боя; его гностическое общество растаяло, как тень, его престиж пошатнулся, и он умер в безвестности в 1899 году.

ГЛАВА XII

СМЕРТЬ Е. П. Б. И СОБЫТИЯ ПОСЛЕ

В МАЕ 1889 года, в том месяце, когда проф. Куэс начал свою публичную критику мадам Блаватской, общество получило нового члена, которому суждено было доминировать в его будущей истории на долгие годы. Этим новым членом была Анни Безант, уже известная во всей Англии как участник общественного движения за атеизм и свободомыслие. Миссис Безант стала социалисткой в 1885 году, после чего делила свою энергию между делом социализма и свободомыслия. К тому времени она была опытным оратором и автором, хорошо известной и весьма уважаемой в либеральных кругах. В течение следующих нескольких лет она начала сомневаться в философской обоснованности материализма. Она прочитала «Оккультный мир» А. П. Синнетта и была поражена глубокими понятиями законов природы, содержащимися в этой работе. Затем, в начале 1889 года, м-р Уильям Т. Стэд, редактор газеты «Pall Mall Gazette», дал ей для ознакомления два больших тома «Тайной доктрины». Озарение, которое она нашла в этом сочинении, глубоко взволновало её. Позже она говорила об этом опыте так:

«Я был ослеплена светом, в котором разрозненные факты казались частями одного могучего целого, и все мои загадки и проблемы, казалось, исчезли. Эффект был частично иллюзорным в том смысле, что всех их нужно было потом медленно распутывать; ум постепенно усваивал то, что быстрая интуиция схватывала как истину. Но свет был виден, и в этой вспышке озарения я поняла, что утомительные поиски окончены и найдена сама Истина».

Миссис Безант добилась знакомства с мадам Блаватской через м-ра Стэда, и вместе с Гербертом Берроузом, коллегой-социалистом, в качестве компаньона, она пришла по адресу Лэнсдаун-роуд, 17. Вскоре она пришла во второй раз, чтобы узнать о Теософском обществе. Е.П.Б. спросил её: «Вы читали отчёт обо мне Общества психических исследований?.. — Идите и прочитайте, а если, прочитав, вернётесь — тогда посмотрим». Интерес миссис Безант к теософии не угас после прочтения доклада Ходжсона. Наоборот, она нашла его обвинения «невероятными» и сразу вступила в Общество. Затем она вернулась на Лэнсдаун-роуд, 17, предложив

себя в качестве сотрудника теософии и ученицы мадам Блаватской. Это было 10 мая 1889 года, всего за два года до смерти Е.П.Б. Миссис Безант стала членом семьи Е.П.Б., была принята в Эзотерическую секцию и стала соредактором журнала «Люцифер». Через несколько месяцев её репутация, пыл и интеллектуальные способности сделали её правой рукой Е.П.Б.. В глазах всего мира и большинства членов Общества она была, после мадам Блаватской, самым способным человеком в Обществе. Во многом благодаря усилиям миссис Безант движение за установление Е.П.Б. во главе автономного общества в Европе было успешным в 1890 году, тем самым освободив английских и европейских членов от «политического» контроля Олькотта.

В начале 1890 года в парижском отделении Общества возникли трудности, и Олкотт вмешался, чтобы «уладить» спор. Различные европейские ложи, английские отделения и многочисленные независимые члены Британии и Европы завалили Е.П.Б. письмами, резолюциями и петициями, чтобы раз и навсегда прояснить ситуацию во избежание любых дальнейших «приказаний» из Адьяра. И 2 июля 1890 года Совет Британской секции провёл внеочередное заседание под председательством миссис Безант. После всестороннего обсуждения «было предложено составить прошение, отражающее следующие взгляды, и адресовать его президенту Общества»:

«Поскольку европейские ложи и отдельные члены выступили с обращением к Е.П.Б. с тем, чтобы поставить себя непосредственно под её руководство, Британская секция присоединяется к их требованию относительно того, чтобы конституционные полномочия, которыми в настоящее время пользуется полковник Г. С. Олкотт в Европе, были переданы Е.П.Б. и её Консультативному совету, уже назначенному для выполнения части таких функций в Соединённом Королевстве».

С присущим ему многословием Олькотт напечатал в приложении к журналу «Теософ» за август 1890 года «аннулирование» этой резолюции Британской секции как «узурпацию президентской прерогативы», но опубликовал также приказ, соответствующий просьбе, содержащейся в телеграмме Е.П.Б., что он принимает решение резолюции. В «Люцифере» за сентябрь 1890 г. Е.П.Б. объявила о своих новых обязанностях, которые она взяла на себя, «повинуясь почти единодушному мнению членов Теософского общества в Европе» и добавляла, что

в выполнении её президентских обязанностей ей помогал Консультативный совет, в который входили Анни Безант, Уильям Кингсленд, Герберт Берроуз, А. П. Синнетт, Г. А. У. Корин, Э. Т. Стэрди и Дж. Р. С. Мид. Она назначила этот совет, по её словам, «чтобы не было даже видимости *автократии*».

Приблизительно десять месяцев спустя, 8 мая 1891 года, Е. П. Блаватская умерла, оставив после себя запись своих колоссальных достижений в книгах, во всемирной деятельности Теософского общества и в духовной силе, высвобожденной в жизнях сотен и тысяч людей, которые стремились отдать свою энергию теософскому делу. Она умерла на шестидесятом году жизни только потому, что её тело больше не могло выдерживать напряжения и не позволяло ей продолжать свою деятельность. Она была уже ослаблена предыдущими болезнями, а 23 апреля у неё поднялась высокая температура, и врачи диагностировали грипп. Через несколько дней последовала ангина, а затем инфицировались бронхи. И 6 мая она сказала своему врачу, что умирает, а через два дня Е.П.Б. тихо покинула тело в присутствии Клода Фоллса Райта, Уолтера Р. Олда и Лоры Купер. Её последние минуты прошли в кресле, в котором она работала в последние годы жизни в Англии. Лора Купер так описала её уход: «... вдруг произошла дальнейшая перемена, и когда я попыталась смочить ей губы, то увидела, что милые глаза уже помутнели, хотя она до последнего вздоха сохраняла полное сознание. При жизни Е.П.Б. имела привычку шевелить одной ногой, когда напряжённо думала, и продолжала это движение почти до того момента, когда перестала дышать».

В это время м-р Джадж находился в Нью-Йорке, миссис Безант – в океане, возвращаясь домой из Америки, где она была представителем Е.П.Б. на съезде Американской секции, а полковник Олкотт – в Австралии. Услышав эту новость, Джадж телеграфировал, что немедленно прибудет в Лондон, и просил, чтобы вещи Е.П.Б. сохранялись в неприкосновенности до его приезда. Олкотт тоже приехал в Англию.

Смерть Е.П.Б., естественно, вызывала сомнения относительно будущего Общества и, в частности, Эзотерической секции. Хотя «официальной» должностью Е.П.Б. в Родительском обществе была почти номинальная должность секретаря по переписке, она была в действительности вдохновляющим гением его основания и направляла твёрдой рукой его продвижение

через множество сложных ситуаций. Члены Общества повсюду спрашивали, что будет теперь, когда она ушла.

Обстоятельства, с которыми столкнулся м-р Джадж в Лондоне, были связаны с этим важным вопросом, а также с другими осложняющими факторами. С одной стороны, полковник Олькотт, м-р Синнетт и другие испытывали зависть к влиянию Эзотерической секции. С другой стороны, возникла проблема с миссис Безант, открывшаяся перед ним из письма Е.П.Б. от 27 марта 1891 г., присланного незадолго до её смерти.

Несмотря на большие способности, силу волю и сильные чувства, миссис Безант была описана в этом письме как «ни в малейшей степени не душевная или духовная — один интеллект». Из убежденного материалиста в течение многих лет она стала ученицей теософии и была стажером в эзотерической секции всего два года, в то время как правила оккультизма, согласно учению Е.П.Б., требовали как минимум семилетнего испытательного срока, прежде чем можно быть принятой в чела. Испытания и тяготы ученичества миссис Безант, следовательно, были ещё впереди. Тем не менее, она была самым видным членом, как экзотерического общества, так и эзотерической секции, и английские и европейские члены рассчитывали на её лидерство.

Приехав в Лондон, Джадж в качестве вице-президента Общества созвал предварительное собрание членов Европейского и Британского советов, и было решено провести специальный съезд в лондонской штаб-квартире в июле. Он также созвал собрание Консультативного совета Эзотерической секции 27 мая. На этом собрании присутствовала миссис Безант, и она вместе с м-ром Джаджем, с одобрения Совета, выпустили меморандум для членов Э.С., заявив, что «высшими должностными лицами Школы в настоящее время являются Анни Безант и Уильям К. Джадж, и «вся ответственность и управление» Школы возлагаются на них обоих.

На этой конференции Консультативного совета м-р Джадж представлял Американских совет, а также «присутствовал в качестве представителя Е.П.Б., наделённый полной властью» — выражение «полная власть» содержалось в документе Э. С., написанном Е. П. Б. от 14 декабря 1888 г., в котором говорилось о том, что м-р Джадж имеет исключительную власть как представитель Е.П.Б. в Америке.

Циркуляр с этим общим объявлением о деятельности Эзотерической секции (теперь называемой Восточной школой теософии, или В.Ш.Т.) был подписан членами Консультативного совета. В циркуляре говорилось, что последними словами Е.П.Б. в отношении Эзотерической школы были: «СОХРАНЯЙТЕ СВЯЗЬ НЕРАЗРЫВНОЙ! НЕ ДАЙТЕ МОЕМУ ПОСЛЕДНЕМУ ВОПЛОЩЕНИЮ БЫТЬ НЕУДАЧНЫМ». Кризис в Школе, вызванный смертью Е.П.Б., был встречен решением, воплощённым в этом циркуляре, и её участники в объявлении заявили, что Школа, созданная Е.П.Б., будет впредь следовать «направлениям, установленным ею, и по материалам, оставленным ею в письменной форме или продиктованным до своего ухода».

Полковник Олкотт прибыл в Англию в конце июня, и м-р Джадж остался, чтобы встретиться с ним и принять участие в съезде Европейской секции, назначенном на 9 июля. Олкотт, хотя никогда и не был членом Эзотерической секции, был назначен Е.П.Б. в качестве её представителя в Азии по эзотерическим делам, и естественно, что он был в общих чертах проинформирован о том, что произошло в отношении дел Секции. Время было благоприятным для новых начинаний Общества.

Теперь, когда Е.П.Б. не было уже с ними, у теософов появилась возможность взять на себя большую ответственность, и мысли о будущем помогали смягчить трение, рассеять соперничество и пробудить дух братства — по крайней мере, на время. Поскольку в лондонской штаб-квартире собрались самые известные и наиболее уважаемые руководители Общества из Азии, Англии и Америки, съезд, состоявшийся 9 июля, был фактически первым общим съездом всего Общества с момента его основания.

Полковник Олкотт председательствовал в качестве президента-основателя. М-р Джадж присутствовал как вице-президент Общества и Генеральный секретарь Американской секции, а миссис Безант как президент Ложи Блаватской. Различные британские и европейские ложи были представлены делегатами или доверенными лицами. Кроме того, было много приезжих из Соединённых Штатов, Индии и Австралии. Лондонская ложа, однако, не была представлена ни м-ром Синнеттом в качестве президента, ни каким-либо доверенным лицом. Лондонская ложа держалась в стороне от общей деятельности Общества. Интересы м-р Синнетта всё больше и больше сосредотачивались на психических феноменах и в его Ложе проводились

только закрытые заседания. Образование Ложи Блаватской, издание «Тайной доктрины» с исправлением ошибок, присутствующих в его книге «Эзотерический буддизм», и другие вопросы, которых он не одобрял, стали охлаждать его симпатии к деятельности Движения в целом. Дружеские усилия Олкотта, Джаджа и миссис Безант привели только к получению сдержанного и официального письма Лондонской ложи к съезду, подписанному её секретарем Ч. У. Ледбитером. В письме кратко излагалась история Лондонской ложи, которая с самого начала была совершенно независимой. Она не вошла в Британскую секцию, организованную Е.П.Б. в 1889 году и лишь номинально была включена в Европейскую секцию, образованную под председательством Е.П.Б. в 1890 году.

Теперь она вернулась к своему прежнему статусу автономии и, как говорилось в письме, «Оставаясь искренне в полном согласии со всеми организациями, признанными как часть всемирного Теософского общества, основанного мадам Блаватской и полковником Олькоттом, Лондонская Ложа не будет принимать никакого участия в управлении или контроле каких-либо других отделений и будет по-прежнему нести ответственность в отношении ведения своих собственных дел только перед первоначальной властью, откуда она берёт начало».

Съезд завершил свою работу на решительной ноте продолжать миссию, начатую Е.П.Б.; полковник Олкотт, м-р Джадж и миссис Безант горячо говорили о необходимости единства и сотрудничества. Джадж предложил резолюцию, предусматривающую создание Мемориального фонда Е.П.Б. для издания публикаций, направленных на «содействие тесному союзу между Востоком и Западом, установлению которого была посвящена её [Е.П.Б.] жизнь». В заключительном выступлении Олкотт в качестве президента сказал следующее:

«Внешний мир с любопытством наблюдает, какое влияние смерть Е.П.Б. будет иметь на нас. Ответ должен быть получен в ходе настоящего съезда. После своей смерти Е.П.Б. говорит с нами даже убедительнее, чем она говорила при жизни. Изорванный в лохмотья покров личности был откинут, и индивидуальность, которую мы знали только как свет, сияющий издалека, теперь предстала перед нами, чтобы вести нас по нашему пути. • • • Для нас не могло быть большего потрясения, чем смерть мадам Блаватской, и если движение пережило это, то примите мое заверение, что ничто иное не может повлиять на нас, пока мы будем помнить о принципах, на которых основывается наше движение

и бесстрашно продолжать продвигаться к тому, что нам предстоит сделать...»

Журнал «Люцифер» за июнь, июль и август 1891 г. содержит большое количество статей о Е.П.Б., написанных ведущими членами Общества. Эти статьи были собраны в одну книгу, озаглавленную «В память Е. П. Б. от некоторых её учеников». Подобно материалам Совета эзотерической секции и Европейского съезда, эти статьи пропитаны самым лучшим и чистым духом, предвещающим возрождение чувства благодарности, верности и почтения к Е.П.Б. На тот момент ревность, амбиции, тщеславие, недоразумения всех видов оставались скрытыми. Как будто её освобождённый дух на время окутал их, отбрасывая в сторону мелкие чувства и сообщая всем и каждому некую меру вдохновения, которое столько лет горело в ней неугасимым пламенем.

После съезда миссис Безант взяла на себя полную ответственность за издание Люцифера, а м-р Г. Р. С. Мид помогал ей в качестве заместителя редактора. Сама она занималась непрекращающейся деятельностью, писала, читала лекции, ободряла и вдохновляла всех, окружавших её людей, отличавшихся энергией и преданностью, уступающими только ей самой. Это то, что касалось общественной работы экзотерического общества. В рядах эзотерической секции она была не менее серьёзной и неутомимой. Как со-руководитель секции вместе с м-ром Джаджем, она заботилась практически обо всех вопросах, связанных со Школы, в Британии, Европе и на Востоке. Её репутация, приобретённая ещё до того, как она вступила в теософский мир, делала её постоянным предметом газетных комментариев, а её присутствия на любом собрании было достаточно, чтобы привлечь к нему большую аудиторию. Теософская деятельность и прогресс удвоились и утроились в Англии под её влиянием и вследствие её примера, и добавочная польза от её присутствия ощущалась каждым сотрудником в каждой стране. Везде, где упоминалось её имя, теософия в равной степени была предметом обсуждения. Где бы ни говорили о теософии, на Анни Безант, естественно, смотрели как на непревзойденного представителя теософии, и её приветствовали как члены, так и посторонние, как великую и достойную преемницу Е.П.Б.

М-р Джадж вернулся в Америку и возобновил активную деятельность своего журнала «Путь». Работа Американской

секция отнимала у него много времени и сил. Членов в Американской секции Теософского общества в то время было больше, чем во всём остальном мире, и их количество быстро росло. Число американских членов Эзотерической секции составляло две трети от всего количества, что требовало неустанного внимания. После Е.П.Б. личная переписка м-ра Джаджа с членами по всему миру была, безусловно, самой оживлённой. Его здоровье было подорвано в течение последних лет, как непрекращающимися и постоянными приступами, так и антагонизмом внутри и вне Общества, но доброжелательность и хорошее отношение участников лондонских конференций, придали ему новую энергию и силы, достаточные для несения растущего бремени.

Полковник Олкотт, которому сейчас за шестьдесят лет, имел патриархальный вид, был сердечным по натуре, и рядовые члены Общества относились к нему с величайшим уважением и благоговением как к президенту-основателю Общества, самому раннему коллеге Е.П.Б. при её жизни, и к тому, кого Учителя избрали главой Общества, – всё это можно сказать, переполняло его чашу славы в эту эпоху. Путешествие восстановило его физическое здоровье; приём, оказанный ему в Лондоне, убедил его в том, что он занимает прочное место в сердцах членов Запада, как и Востока; заверения всех западных лидеров Общества в преданности Е. П. Б., делу, его любимому Обществу и ему лично выявили всё, что было в его натуре великодушного, сердечного и оптимистичного.

Повсюду он мог видеть деятельность Общества, которому он отдавал все свои силы на протяжении всех долгих лет лишений, часто с позором, теперь поддерживаемого способными и преданными помощниками, уважаемого там, где когда-то его презирали, встречаемого с лестными выражениями там, где когда-то и Общество, и он сам были встречены оскорблениями. Куда бы он ни пошёл, он был его Главой. Он решил вернуться в Индию через Америку, и его путешествие из города в город прерывалось встречами, на которых он был главной фигурой. Всё его путешествие в течение нескольких месяцев его отсутствия в Адьяре было своего рода триумфальным шествием, усыпанным свидетельствами любви и благодарности его коллег и членов Общества всего мира.

По возвращению в Индию его прибытие было отмечено индийскими членами с не меньшей теплотой и благодарностью за его услуги.

В декабре 1890 г., когда Е.П.Б. была между жизнью и смертью, миссис Безант опубликовала без её ведома громкую статью в «Люцифере», озаглавленную «Теософское общество и Е.П.Б.». Поводом для этой статьи послужила частная пропаганда, усердно распространявшаяся по умалению роли Е.П.Б. сторонниками полковника Олкотта и м-ра Синнетта из-за её действий по принятию на себя руководства вновь образованным Теософским обществом в Европе. В этой статье миссис Безант писала с большой силой убеждения в поддержку Е.П.Б.:

«Итак, касаясь позиции Е.П.Б. по отношению к Теософскому обществу и в Теософском обществе, следующее является кратким изложением того, как она видится многим из нас:

1) Либо она посланница Учителей, либо она мошенница.

2) В любом случае Теософское общество не могло бы существовать без неё.

3) Если она мошенница, то она женщина с замечательными способностями и большой учёности, приписывающая всё это некоторым несуществующим лицам.

4) Если Е.П.Б. является истинной посланницей, противодействие ей равносильно противостоянию Учителям, поскольку она является их единственным каналом связи с западным миром.

5) Если нет Учителей, Теософское общество — абсурд, и нет смысла его поддерживать. Но если Учителя есть и Е.П.Б. является их посланницей, а Теософское общество — их организацией, то Теософское общество и Е.П.Б. не могут быть отделены друг от друга перед миром».

Исходя из этих предложений миссис Безант делала вывод:

«Если членов Общества вообще беспокоит его будущее, если они хотят знать, что двадцатый век увидит его возвышающимся над борьбой партий, маяком во тьме для руководства людьми, если они верят в Учителя, которая основала его для служения человечеству, пусть они ныне пробудятся от ленивого равнодушия, утихомирят всякие разногласия из-за мелких глупостей в своих рядах и выступят твёрдо и мужественно, плечом к плечу для выполнения тяжёлой задачи, возложенной на них. Если теософия чего-то стоит, то ради неё стоит жить и ради неё стоит умереть. Если она ничего не стоит, оставьте её сейчас же и навсегда. Это не то, с чем можно играть, это не то, с чем можно шутить, пусть каждый теософ, и прежде всего, пусть каждый оккультист, спокойно пересмотрит свою позицию, рассудительно сделает свой выбор, и если этот выбор будет в пользу теософии, пусть он твёрдо определит для себя,

что никакие явные враги или вероломные друзья не смогут поколебать его верности на все времена, чтобы прийти к своему великому Делу и Вождю, которые суть одно».

Такое провозглашение, исходившее от той, кто был в глазах мира даже больше, чем в глазах Общества, главной силой движения после самой Е.П.Б., могло лишь выровнять ряды и заставить замолчать на время всякое тайное, как и открытое умаление Учителя.

После смерти Е. П. Б., когда не менее ясное заявление, сделанное в циркуляре Э. С., стало известным всему Обществу, решимость Совета, м-ра Джаджа и миссис Безант строго следовать целям, принципам и учению Е. П. Б. вызвало такое оживление деятельности, такое проявление общего Братства и верности первой цели и, и не менее Е.П.Б., как Учителю, какого она никогда не была свидетелем при жизни. За съездом Британской и Европейской секций с их обновлёнными заявлениями последовали многочисленные статьи почти от всех известных теософов, которые были пропитаны глубочайшим уважением и преданностью Е.П.Б. и её миссии.

А 30 августа 1891 г. миссис Безант попрощалась со секуляристами, с которыми, в сотрудничестве с м-ром Чарльзом Бредло, она работала много лет. Её обращение было озаглавлено «1875–1891 годы: фрагмент автобиографии». Эта памятная речь распространялась повсюду. После описания своей пятнадцатилетней борьбы и достижений, трудных шагов к обращению в теософию через написание рецензии на «Тайную доктрину», после встречи с Е.П.Б., изучения знаменитого отчёта О.П.И. с обвинениями Е. П. Б. в мошенничестве, миссис Безант поразила собрание, мир и членов Теософского общества следующим смелым и категорическим заявлением:

«В этом зале я известна вам уже шестнадцать с половиной лет. Вы никогда не слышали, чтобы я лгала вам. Даже мой злейший враг никогда не мог бросить тень на мою честность. Я говорю вам, что с тех пор, как мадам Блаватская ушла, я получала письма, написанные тем же почерком, что и письма, которые она получала. Если вы считаете, что покойники не могут писать, то это, безусловно, замечательный факт. Вы удивлены; я не прошу вас верить мне; но я говорю вам, что

это так. Все имеющиеся у меня доказательства существования учителей мадам Блаватской и так называемых аномальных способностей пришли через неё. Сейчас совсем не так. Если все чувства сразу меня не обманывают, если человек не может быть сразу разумным и безумным, то я точно так же уверена в истинности сделанных мной утверждений, как и в том, что вы здесь присутствуете. Я отказываюсь быть неверной знанию моего рассудка и восприятию моих способностей к рассуждению. Каждый месяц, прошедший после ухода мадам Блаватской, даёт мне все больше и больше света».

«Люцифер» за октябрь 1891 год содержал ещё одно недвусмысленное заявление миссис Безант в своей передовой статье «Теософия и христианство». Она писала:

«ТЕОСОФИЯ есть совокупность знаний, ясно и отчётливо сформулированных и провозглашенных миру. Члены Общества могут изучать, а могут и не изучать это знание, но, тем не менее, оно является надежным фундаментом, на котором Учителя построили Общество и на котором основано его центральное учение о Братстве человечества. Без теософии всеобщее Братство может быть провозглашено идеалом, но не может быть продемонстрировано как факт.

Итак, под теософией я подразумеваю «религию мудрости» или «тайное учение», и наше единственное знание о религии мудрости в настоящее время приходит к нам от посланницы её хранителей, Е. П. БЛАВАТСКОЙ. Зная, чему она учила, мы можем распознать фрагменты того же учения в других сочинениях, но её послание остается всегда для нас тестом на теософию. Только никто из нас не имеет права выдвигать свои взгляды как «теософия», если они противоречат её теософии, поскольку всё, что мы знаем о теософии, исходит от неё. Когда она говорит: «Тайная учение даёт», никто не может сказать ей «нет»; мы можем не соглашаться с учением, но оно остаётся «тайным учением» или теософией; она всегда поощряла независимую мысль и критику и никогда не возражала против различий во мнениях, но она никогда не колебалась и отчётливо провозглашала: «Тайное учение является» тем-то и тем-то.

На теософов возложена обязанность не сводить на нет тайное учение… Неуклонно, спокойно, без гнева, но и без страха, они должны стоять за тайное учение в том виде, как она дала его, решительно неся сквозь бури почти семнадцати лет факел Восточной Мудрости. Условие успеха — совершенная лояльность».

Эти несколько воззваний относились как к тем, кто в Обществе, так и за его пределами, которые считали своим долгом унижать Е.П.Б. или клеветать на неё. В последующие месяцы,

естественный импульс зарождающейся благодарности со стороны рядовых членов по отношению к Е.П.Б. получил чёткое выражение в утверждениях миссис Безант о статусе Е.П.Б.. Те, кто прежде принижал публично и в частном порядке личность Е.П.Б. как посланницу Учителей, теперь посчитал благоразумным хранить молчание.

Но после поездки полковника Олкотта и его возвращения в Индию стало ясно, что свидетельство уважения, оказанного ему и его положению президента-основателя, укрепило его чувство защищённости и силы. Точно так же из его поведения в прошлом было очевидно, что он ожидал, что со смертью Е.П.Б. она больше не будет оставаться живой силой в Обществе. Та часть его натуры, которая так часто восставала против Е.П.Б. при жизни, так как доминирующая сила в Обществе, истинным и компетентным главой которого он чувствовал себя, снова стала беспокоить и влиять на его действия. Ход его мыслей ясно прослеживается из его обращения к «Шестнадцатому съезду, посвящённому годовщине Теософского общества, проходившему в штаб-квартире, Адьяр, Мадрас», в Индии в конце декабря 1891 года. Он сделал это обращение поводом для предостережения против всякого «идолопоклонства» по отношению к Е.П.Б.:

«Как соучредитель Общества, как тот, кто имел постоянную возможность узнавать об избираемой политике и желаниях наших Учителей, как тот, кто под их руководством и с их согласия нёс наше знамя на протяжение шестнадцать лет битвы, я протестую против того, что кое-кто уже поддался искушению возвысить либо самих Учителей, либо их посредников, либо любых других живых или умерших личностей до божественного статуса, а их учение до уровня непогрешимой доктрины.

Если бы она [Е.П.Б.] была жива, она, несомненно, заявила бы свой протест против того, чтобы друзья делали из неё святую, а из её великолепных, хотя и не безошибочных писаний – Библию. Я помогал ей составлять «Разоблаченную Изиду», а м-р Кейтли и некоторые других поступали так же с «Тайной доктриной».«Конечно, мы знаем, насколько далеки от безошибочности наши фрагменты книги, не говоря уже об её. Она не открывала и не изобретала теософию, и при этом она не была первым или самым способным посредником, писцом или посланником скрытых Учителей Снежных Гор. Различные писания древних народов содержат все идеи, выдвигаемые ныне, и в некоторых случаях обладают гораздо большей красотой и достоинствами, чем любая из её или наших книг. Нам не нужно впадать в идолопоклонство, чтобы показать наше непреходящее почтение и любовь к ней, современному учителю, или оскорблять литературный мир, притворяясь, что она писала пером вдохновения. Никто из живущих не был более стойким и

верным её другом, чем я, и никто не будет хранить память о ней с большей любовью. Я был ей верен до конца её жизни, и теперь буду верен её памяти. Но я никогда не преклонялся перед ней, никогда не закрывал глаза на её недостатки, никогда не фантазировал, что она была таким же совершенным каналом для передачи оккультного учения, какими были некоторые другие люди в истории или каких Учителя были бы рады найти. Таким образом, как её испытанный друг, как тот, кто работал с ней очень тесно и заботится о том, чтобы потомство восприняло её по-настоящему высокую ценность; как её коллега; как один давным-давно признанный, хотя и скромный посредник Учителей; и, наконец, как официальный глава Общества и защитник личных прав его членов, я официально заявляю о своем протесте по поводу всех попыток создать школу, секту или культ Е.П.Б., или воспринимать её высказывания выше всякой критики. Важность предмета должна быть оправданием для меня того, что я так долго останавливаюсь на нём. Я никого не выделяю, чтобы никого не обидеть. Я уверен, что не проживу ещё долго, и то, что требует долг, я должен сказать, пока могу это сделать».

Голос м-ра Джаджа в то же время прозвучал в журнале «Путь» в другом ключе:

«Смерть Е. П. Блаватской должна повлиять на Общество, в смысле выполнения работы с ещё большей энергией и независимо от каких-либо личностей. Движение было создано не для славы какого-либо человека, а для возвышения человечества. На организацию не повлияла смерть Е.П.Б., поскольку занимаемые ею официальные должности были: секретарь по переписке и президент Европейской секции. В Уставе уже давно предусмотрено, что после её смерти должность секретаря по переписке останется вакантной. Относительно вакансии в Европейской секции будут проведены выборы в этой секции, так как это дело только европейских отделений. Елена П. Блаватская не занимала никакой должности в экзотерической американской секции и не имела никаких в ней юридических полномочий. Следовательно, здесь нет никакой вакансии, и не стоит беспокоиться о чисто юридической стороне американской работы. Работа здесь продолжается, как и всегда, благодаря усилиям её членов, которые теперь будут черпать вдохновение из книг и сочинений Е.П.Б. и собственной чистой мотивации. Всё, что сейчас нужно Обществу, чтобы сделать его той великой силой, которой оно должно стать, – это, во-первых, солидарность и, во-вторых, теософское образование. Они полностью в руках его членов. Солидарность даёт ту непреодолимую силу, которая есть только в единстве, а теософское образование даёт тот здравый смысл и мудрость, которые необходимы для правильного направления энергии и усилий. Прочитайте эти слова из «Ключа к теософии» Е. П. Блаватской:

«Если нынешняя попытка в виде нашего Общества, увенчается большим успехом, чем предшествующие, то оно будет организованной, живой и здоровой структурой, когда придёт время для деятельности в двадцатом веке. Общее состояние умов и сердец людей будет улучшено и очищено путём распространения его учений, и, как я уже сказала, их предрассудки и догматические иллюзии будут, по крайней мере, устранены до некоторой степени. К тому же, благодаря наличию обширной и общедоступной литературы, следующий импульс будет встречен многочисленной и единой организацией людей, готовых приветствовать нового факелоносца Истины. Он найдёт умы людей уже готовыми воспринять его послание; язык, готовый выразить новые истины, которые он принесёт; и организацию, ждущую его прихода, которая устранит с его пути все чисто механические и физические препятствия. Подумайте, сколько сможет достичь тот, кому будет предоставлена такая возможность. Это можно соизмерить путём сравнения с тем, чего действительно удалось достичь за последние четырнадцать лет Теософскому обществу, не имевшему ни одного из этих преимуществ и окружённому множеством препятствий, которые уже не смогут помешать новому руководителю. Поразмыслите над этим хорошенько и затем скажите мне, чересчур ли я оптимистична, когда говорю, что если Теософское общество выстоит и будет верно своей миссии, своим изначальным побуждениям в течение последующей сотни лет – скажите, слишком ли далеко я зашла, утверждая, что тогда в двадцать первом веке земля станет небом по сравнению с тем, какова она сейчас?»

В журнале «Путь» за август 1891 года появилась статья, которая в последующие годы должна была вызвать смятение в рядах Общества. Статья начиналась со следующей цитаты:

НЕБЛАГОДАРНОСТЬ – НЕ НАШ ПОРОК. МЫ ВСЕГДА ПОМОГАЕМ ТЕМ, КТО ПОМОГАЕТ НАМ. ТАКТИЧНОСТЬ, ПРОНИЦАТЕЛЬНОСТЬ И РВЕНИЕ БОЛЬШЕ, ЧЕМ КОГДА-ЛИБО НЕОБХОДИМО. САМОГО СКРОМНОГО ТРУЖЕНИКА ВИДЯТ И ПОМОГАЮТ ЕМУ.

Ниже идут такие слова:

К ученику-теософу, служащему, как и чем он может, совсем недавно — после ухода с этого плана Е. П. Блаватской — пришли слова высочайшего ободрения от того Учителя, чьей прилежной ученицей была Е.П.Б.. Засвидетельствованные Его подлинной подписью и печатью, они даны здесь для поощрения и поддержки всех тех, кто служит Теософскому обществу, а через него и человечеству настолько, насколько они это умеют делать; они даны с надеждой на то (как, вероятно, предполагалось), что получатель не должен наложить на них арест или поглотить их, молча, а скорее, что он должен понимать их как обращение к себе только в том смысле, что он может поделиться им со своими товарищами, что ему позволено быть той счастливой рукой, которая передаст их как общее право, всеобщее благословение всех и каждого.

Статья подписана «Джаспер Ниманд». К тому времени этот псевдоним стал известен и уважаем во всем теософском мире как адресат знаменитых «Писем, которые мне помогли» от «Ц.Л.Ц., величайшего из изгнанников». первоначально опубликованных в журнале «Путь» при жизни Е.П.Б., и многие теософы полагали, что они были написана ею. Только несколько лет спустя стало известно, что «Ц.Л.Ц.» – это псевдоним м-ра Джаджа, а «Джаспер Ниманд» — псевдоним миссис Арчибальд Кейтли (ранее Джулии Кэмпбелл Вер Планк). Процитированная выше статья была написана и опубликована во время отсутствия м-ра Джаджа, когда он приехал в Англию после смерти Е.П.Б. и без его ведома, поскольку миссис Кейтли редактировала журнал «Путь» в его отсутствии.

Статья, и особенно послание от Учителей, потрясли полковника Олкотта до глубины души. Он написал об этом письмо м-ру Джаджу в резкой форме, так как не видел в этом ничего, кроме попытки привлечь внимание к Е.П.Б., Учителям и самому м-ру Джаджу. М-р Джадж подробно ответил полковнику Олкотту, и его письмо позже было опубликовано в «Люцифере».

В последующих номерах журнала «Путь» особое внимание уделялось положению полковника Олкотта в Т.О. и отмечалось заявление миссис Безант о получении посланий после смерти Е.П.Б.. В январе 1892 года главной статьей журнала «Путь» была статья «Догматизм в теософии». Эта статья, очевидно, была написана м-ром Джаджем отчасти для того, чтобы прояснить реальную позицию, которую должны занимать все теософы, отчасти для того, чтобы укротить неумеренное рвение энтузиастов, которые имели привычку с торжествующим видом цитировать Е.П.Б. оппонентам, чьи взгляды на Е.П.Б. или её учение не были такими же, как их собственные; и отчасти в ответ на критику и публичные заявления полковника Олкотта. М-р Джадж писал:

«Теософское общество было основано для уничтожения догматизма. Это одно из значений его первой цели — Всеобщего Братства. В «Ключе к теософии», в главе «Заключение», Е.П.Б. снова обращается к этому предмету и выражает надежду на то, что после её смерти Общество не станет догматичным и не будет останавливаться на какой-либо фазе мышления или философии, а останется свободным и открытым, а его члены будут мудрыми и бескорыстными. И во всех своих письмах и замечаниях, частных или публичных, она постоянно повторяла эту мысль.

Если наши усилия увенчаются успехом, мы должны избегать догматизма в теософии так же, как и во всём остальном, поскольку в тот момент, как только мы начинаем догматизировать и настаивать на своём построении теософии, мы тут же теряем из виду Всеобщее Братство и сеем семена будущих проблем.

Несмотря на то, что девять десятых членов верят в реинкарнацию, карму, семеричное строение и всё остальное, и даже, несмотря на то, что его видные деятели занимаются распространением этих, а также и других доктрин, Общество должно всегда оставаться открытым, и никому не следует говорить, что он не традиционный или плохой теософ, потому что он не верит в эти доктрины.

Но в то же время весьма очевидно, что вступать в Общество, а затем, под предлогом нашей терпимости, утверждать, что теософию нельзя изучать или исследовать, не по-теософски, непрактично и абсурдно, поскольку это может свести на нет саму цель нашей организации.

А так как огромный корпус философии, науки и этики, предложенный Е. П. Блаватской и её учителями, несёт на себе печать исследования, разумности, древности и мудрости, он требует нашего первого и самого тщательного рассмотрения.

Итак, член Общества, какое бы высокое или низкое положение он ни занимал, имеет право распространять все философские и этические идеи, встречающиеся в нашей литературе, в меру своих способностей, и никто другой не имеет право возражать, при условии, что такое обнародование сопровождается чётким заявлением о том, что оно не уполномочено или не объявлено традиционным каким-либо заявлением юридического лица Т.О.».

ГЛАВА XIII

ОБЩЕСТВО ПРОТИВ ДВИЖЕНИЯ

ХОТЯ ДЕЛО Теософского движения было устремлено на самые высокие мыслимые идеалы, способные побуждать людей прилагать максимальные усилия в их бескорыстной деятельности, оно, тем не менее, было подвержено обычным слабостям и неудачам человеческой натуры. Снова и снова Движение терпело неудачи из-за неспособности теософов отличать реальную работу, которую они должны были *выполнять* (*популяризацию* фундаментальных идеалов братства, нравственного закона и циклов духовной эволюции) от просто случайных личных проблем или проблем организации. Е. П. Блаватская и Уильям К. Джадж представлены в настоящей книге как подлинные основатели теософского движения не из-за особого отношения к ним как к личностям, а потому, что их деятельность демонстрирует понимание и практическое применение принципов воспитания душ, а также знание потребностей расы и времени, которые они и удовлетворяли с самоотверженной преданностью и беспрецедентной отдачей.

Вплоть до своей смерти в 1891 г. Е.П.Б. несла на себе основную тяжесть внутренних и внешних протестов, порождённых духовной силой теософского движения. С самого начала обречённая страдать как вследствие вражды скептиков, так и от чувственного энтузиазма простых «сторонников», она выполняла свою работу, не считаясь ни с какими личными соображениями.

Она нашла Олкотта, обучила его всему, чему он мог научиться, и с его помощью основала Общество. В Джадже она взрастила семена внутреннего восприятия и сделала его своим коллегой в решении оккультных задач, которые она брала на себя. Она записала теософскую философию в систематической форме, восстановила на Западе школу для последователей религии мудрости и стойко переносила злобные нападки, которые, казалось, разрушали всё, что она пыталась осуществить, всегда возвращаясь к своим трудам с неустрашимой силой и бесконечным запасом энергии и вдохновения.

Е.П.Б. не заботились о номинальных достижениях большого «Общества». Её заботило только Теософское *движение*, которое для неё было живой силой в сердцах людей. Не раз она считала нужным заявлять Олкотту, что, если он и дальше будет мешать ей в работе или не будет поддерживать её в каком-то важном решении, она совсем покинет Общество и будет работать с теми, кто понимает, что она пытается сделать. Олкотт, со своей стороны, был фанатично предан Обществу как институту. От нападок Кулонов до махинаций профессора Куэса политика Олкотта всегда заключалась в том, чтобы сначала защищать Общество, в результате чего, если он считал, что Е.П.Б. поступала неблагоразумно по отношению к Обществу, то его защита Е.П.Б. была в лучшем случае половинчатой.

Преклонение президента-основателя перед «организацией», естественно, привело его к противостоянию тем действиям Е.П.Б., которые, по его мнению, могли нарушить гармонию Общества или уронить его престиж. Он неоднократно жалуется в своей книге «Страницы старого дневника» на «вмешательство» Е.П.Б. в практические дела Общества, и пытается создать у читателей впечатление, что он был многострадальной ломовой лошадью теософского движения, и терпеливо переносил результаты беспорядочной политики Е.П.Б., улаживая, как мог, конфликты и препятствия, возникающие из-за её ошибок.

Отношение Олкотта к Е.П.Б. в 1888 году видно из событий, последовавших за его визитом в Европу в том же году. Он приехал из Индии, чтобы урегулировать спор между парижскими членами, и, решая этот вопрос, он действовал вопреки желанию Е.П.Б..

Поскольку расхождения между ними становились все более очевидными для членов Общества, оба основателя сочли целесообразным выпустить совместную заметку, которая появилась и в «Теософе», и в «Люцифере»; в ней заявлялось, что «вражды, соперничества, раздора или даже холодности между нами никогда не было; мы также неослабны в нашей совместной преданности Учителям и нашей работе, исполнением которой они удостоили нас. Совершенно разные по темпераменту и складу ума, а иногда и с разными взглядами на методы распространения нашего учения, мы все-таки абсолютно единодушны в отношении этой работы».

В том же номере «Люцифера», в котором появилась «Совместная заметка основателей» (октябрь 1888 г.), Олкотт разрешил публикацию

выдержки из письма, которое он получил несколько недель назад от одного из адептов теософии. Это письмо, как он описывает в книге «Страницы старого дневника», было получено «в виде феномена» в его каюте на борту парохода «Шеннон», на котором он приплыл в Англию в 1888 году. К чести Олкотта, он разрешил опубликовать отрывки из письма, поскольку оно было прямым предупреждением ему относительно его чувств к Е.П.Б.. Спустя годы это письмо было полностью опубликовано в «Письмах Учителей Мудрости», небольшой книге, выпущенной Адьярским теософским обществом в 1919 году. В «Люцифере» были вырезаны строки, серьёзно критикующие президента, как разоблачающие слабость Олкотта. Часть письма приведена ниже, в скобках даны строки, опущенные при публикации в «Люцифере»:

[Обуздывайте свои чувства всеми средствами, чтобы поступать правильно в этой западной неразберихе. Следите за своими первыми впечатлениями. Ошибки, которые вы совершаете, возникают из-за того, что вы этого не делаете. Пусть не влияют на ваши действия ни ваши личные пристрастия, ни ваши привязанности, подозрения или антипатии.]

«Между членами отделений, как в Лондоне, так и в Париже возникли недоразумения, которые ставят под угрозу интересы движения. Вам скажут, что главным виновником большинства, если не всех, этих беспорядков является Е.П.Б.. Это не так; хотя её присутствие в Англии, конечно, имеет к ним отношение. Но наибольшая доля приходится на других, чье безмятежное неведение о своих собственных недостатках очень заметно и заслуживает порицания. Один из самых важных результатов миссии Упасики состоит в том, что она побуждает людей к самопознанию и разрушает в них слепое раболепие перед личностью. Возьмите, например, свой собственный случай. Но ваш бунт, милый друг, против её непогрешимости (как вы когда-то подумали) зашёл слишком далеко и вы были несправедливы к ней, о чём приходится сожалеть [и сказать, что вам придётся пострадать в дальнейшем вместе с другими. Только что на палубе ваши мысли о ней были мрачны и грешны и поэтому я нахожу этот момент подходящим, чтобы сказать вам – будьте начеку.]

Постарайтесь устранить недоразумения, как *только их обнаружите*, добрыми убеждениями и взыванием к чувству преданности Делу истины, если не нам. Дайте *всем* этим людям почувствовать, что у нас нет ни фаворитов, ни привязанностей к людям, а только их добрые дела и человечество в целом. И мы берём на служение посредников — лучших из имеющихся в распоряжении. Из них в течение последних тридцати лет главой была личность, известная миру как Е.П.Б. (но иначе нам). Без сомнения, она несовершенна и весьма недисциплинирована, как это может показаться некоторым; тем не менее, нет никакой вероятности, что мы найдём какого-то лучше в ближайшие годы — и надо вашим теософам

дать это понять. С 1885 года я не писал и не давал повода писать писем или записок кому-либо в Европе или Америке, кроме как через её посредничество, прямое или на расстоянии, а также не общался устно *с* какой-либо третьей стороной или *через* неё. Теософам следует знать это. Позже вы поймёте значение этого заявления, так что имейте его в виду. Её верность нашему делу постоянна, и всякие страдания обрушились на неё из-за этого, и ни я, ни кто-либо из моих братьев-товарищей не покинет её и не заменит её. Как я однажды заметил, *неблагодарность* – не наш порок.

Чтобы помочь вам в вашем нынешнем замешательстве, скажу, что Е.П.Б. почти не интересуется административными делами, и её следует держать подальше от них [насколько она может сдерживать свою сильную натуру]. Но вот что *вы должны сказать всем – к оккультным вещам она имеет самое непосредственное отношение*. Мы *не* бросили её; она *не* «передана челам». Она наш *прямой посредник*. [Я предостерегаю вас от того, чтобы ваши подозрения и недовольство «её многочисленными причудами» не оказали влияния на вашу интуитивную лояльность к ней.] При урегулировании этого европейского дела вам придётся учитывать две вещи — внешнюю или административную, а также внутреннюю или психическую. Держите первое под своим контролем или совместно с вашими наиболее благоразумными товарищами; *оставьте последнее ей*. Вам остаётся разработать практические детали…. Послушайте, только будьте осторожны и различайте между тем, что имеет чисто экзотерическое происхождение и последствия, и тем, что, начавшись на практическом уровне, имеет тенденцию порождать последствия на духовном плане, когда какое-то её внезапное вмешательство в практические дела направляется вам по просьбе. В первом случае вы лучший судья, а во втором – она...»

Важность этого совета для Олкотта невозможно переоценить [14]. Именно он, а не она, «вмешался» таким образом, чтобы помешать или подорвать реальную деятельность Е.П.Б.

В апреле 1886 г. Е.П.Б. написала длинное письмо Францу Гартману, который, как мы помним, был в Адьяре во время инцидента с Кулонами и был свидетелем того, как Индийский съезд фактически оставил Е.П.Б.. Гартман написал ей подробное письмо, задав ряд вопросов. Её ответ проливает свет на недостатки Олкотта: «Что же касается той части Вашего письма, где вы говорите об «армии» обманутых — и о «воображаемых» махатмах

[14] Еще в 1884 году Олкотт получил из того же источника ещё одно письмо, содержащее во многом тот же совет: «Вы *никогда* не понимали ни Упасики, ни законов, по которым её кажущаяся жизнь вынуждена была проходить с тех пор, как вы её узнали. Вы неблагодарны, несправедливы и даже жестоки, Вы принимаете *майю* за реальность, а реальность за иллюзию» (см. «Письма Учителей Мудрости», вторая серия, Адьяр, 1925, стр. 87, 89–90).

Олкотта, Вы абсолютно, к сожалению, правы. Разве я не видела этого в течение почти восьми лет? Разве я не боролась и не воевала с пылкой сентиментальной фантазией Олкотта, и не пыталась остановить его всякий день моей жизни? Разве ему не было сказано мной,... что если он не увидит Учителей в их истинном свете, и не перестанет говорить так, чтобы разжигать людское воображение, то он будет нести ответственность за всё то зло, которое падёт на Общество?..

Ах, если бы каким-то медиумическим способом Вам бы дали увидеть всю правду!.. Меня специально отправили в Америку и именно к братьям Эдди. Там я встретила влюблённого в духов Олкотта, как он позже был влюблён в Учителей. Мне было приказано сообщить ему, что спиритуалистические феномены без философии оккультизма опасны и вводят в заблуждение. Я доказала ему, что всё, что медиумы могут делать с помощью духов, другие люди могут делать по своему желанию, без каких-либо духов… Вот, я рассказала ему всю правду. Я рассказала ему, что знаю адептов… Назывались ли они розенкрейцерами, каббалистами или йогами, адепты всегда адепты – молчаливые, таинственные, склонные к уединению и никогда не раскрывающие себя никому, если только человек не сделает того, что я сделала – прошла семилетний и десятилетний испытательные сроки и представила доказательства абсолютной преданности и того, что буду хранить молчание даже под страхом смерти. Я выполнила все требования и являюсь тем, кем я являюсь; и этого ни Ходжсон, ни Кулоны… не могут отнять у меня.

Когда мы приехали [в Индию], и Учитель явился в Бомбей телесно, посетил нас…, то Олкотт сошёл с ума. Он был как ослица валаамова, когда она увидела ангела! Затем приехали Дамодар, Сервай и несколько других фанатиков, которые стали называть их «Махатмами»; и понемногу адепты превратились в богов на земле. Их стали призывать и совершать им *пуджу*, и с каждым днём они становились всё более сказочными чудотворцами… Что ж мне делать в такой ситуации с такими представлениями о Махатмах и восторженными речами Олкотта? Я с ужасом и гневом увидела ложный путь, по которому они все шли. «Учителя», как все считают, должны быть всеведущими, вездесущими, всемогущими… Учителя знали всё. Почему же они не помогали преданным им людям? Если в Обществе впадали в заблуждение или несли чепуху, то нас спрашивали в изумлении «Как Учителя могут позволить вам или Олкотту поступать так? Мысль о том, что Учителя были смертными людьми, ограниченными даже в своих великих способностях, никому не приходила в голову… Вина ли это Олкотта? Возможно, в некоторой степени. Моя? Я абсолютно отрицаю это и протестую против такого обвинения. Никто в этом не виновен. В основе этого только человеческая природа, и неспособность современного

общества и религий предоставить людям нечто более высокое и благородное, чем жажда денег и почестей. Положите на одну чашу весов этот промах, а на другую причинённый вред и смуту, произведённую в мозгах людей современным спиритизмом, и вы разрешите загадку. Олкотт и по сей день остаётся искренним, правдивым и преданным делу человеком. Он поступает наилучшим известным ему образом, а ошибки и нелепости, которые он совершил и совершает по сей день, происходят из-за чего-то, чего ему не хватает в психической части его мозга; и он не несёт за это ответственность. Бедняга, его карма перегружена и тяжела, но ему многое можно простить, потому что он всегда ошибался из-за отсутствия правильного суждения, а не из-за какой-то порочной склонности».

Таким образом, Олькотт понимал адептов — «теософских махатм» — как своего рода «чудотворцев». Ему не хватало рационального понимания природы адептов как продуктов эволюции, и в результате он стремился окружить свои заявления об учителях Е.П.Б. атмосферой чуда. Но деятельность и интересы мадам Блаватской касались как раз той области, которую Олькотт не мог понять, — реальных процессов духовной эволюции. Отстранённый от какого-либо реального сотрудничества с ней на этом плане, он полностью погрузился в работу Теософского общества. Такая концентрация его энергии была важным фактором в формировании его отношения к Е.П.Б.. В книге «Страницы старого дневника» он пишет о письме, которое получил от неё вскоре после её переезда в Лондон летом 1887 года:

«В Чупре среди писем из-за рубежа я получил одно от Е.П.Б., которое меня весьма огорчило. Она согласилась основать новый журнал на капитал, пожертвованный её лондонскими друзьями, оставаясь редактором и совладельцем журнала «Теософ» — весьма необычный и не деловой поступок. Помимо других причин, в том числе убеждений английских друзей, её побудило к этому то, что м-р Купер-Оукли, назначенный ею главным редактором журнала [«Теософ»], более или менее поддерживал Т. Субба Роу в споре, возникшем между ним и Е.П.Б. по вопросу о том, семь или пять «принципов» составляют строение человека. Субба Роу ответил на наших страницах на её статью по этому предмету, и её письма ко мне по этому поводу были самыми резкими и обличающими Купер-Оукли, которого она без разумных оснований обвиняла в предательстве. Это был один из тех непреодолимых порывов, которые иногда приводили её к крайним мерам. Она хотела, чтобы я лишил его редакционных полномочий, и даже прислала мне

дурацкий документ, вроде доверенности, уполномочивающий меня прекратить с ним всякое общение, так сказать, и не допускать, чтобы какие-либо гранки попадали в типографию, пока я не поставлю свои инициалы. Конечно, я решительно протестовал против её беспрецедентного решения учредить конкурирующий журнал, чтобы как можно больше сократить тираж и подорвать влияние нашего давно учреждённого печатного органа, на титульном листе которого всё ещё значилось её имя. Но протестовать было бесполезно; она сказала, что полна решимости основать журнал, в котором она могла бы говорить всё, что ей заблагорассудится, и в своё время «Люцифер» появился как её личный печатный орган, и я обходился без неё, насколько мог.

Тем временем между нами шёл оживленный обмен письмами. Тогда она в той или иной степени поссорилась с м-ром Синнеттом, и, прежде чем всё уладилось, несколько выходцев из его лондонской ложи организовали Ложу Блаватской и встречались у неё дома на Лэнсдаун-роуд, где её яркая личность и обширные знания оккультных вещей всегда обеспечивали полноценные встречи».

Здесь Олкотт предстаёт как терпеливый и рассудительный наблюдатель, пережидающий яростные бури Е.П.Б.. Дело в том, что брахманская гордость Субба Роу взяла над ним верх, и статьи, напечатанные Купером-Оукли в 1887 году в «Теософе», представляли собой фактическое предательство Е.П.Б., в отношении которого, по оккультным причинам, она могла сказать очень немногое, что можно было бы открыть. Однако она дружески ответила на его критику. Субба Роу продолжил полемику, приписав Е.П.Б. авторство «семеричной классификации», данной в книге Синнетта «Эзотерический буддизм», и возложил на неё аналогичную ответственность за утверждения в другом сочинении «Человек: фрагменты забытой истории». Е.П.Б. ответила на эти обвинения в журнале «Теософ» следующим образом:

«Это, конечно, несправедливо. Первое сочинение [«Эзотерический буддизм»] было написано совершенно без моего ведома, и какое мне дело, как автор понял эти учения из полученных им писем?.. В конце концов, книга «Человек: фрагменты забытой истории» была полностью списана одним из двух «чела» с тех же материалов, что использовал м-р Синнетт для «Эзотерического буддизма», причём оба поняли учение, но каждый по-своему. Какое мне дело до «состояния сознания» трёх авторов, двое из которых писали в Англии, пока я была в Индии?

Полагаю, что и это пройдёт. «Тайная доктрина», без сомнения, будет содержать ещё более *еретические* положения с точки зрения брахманов. Никого не принуждают к принятию моих взглядов или учений Теософского общества, одним из правил которого является взаимная терпимость к религиозным взглядам.

И Субба Роу, и Купер-Оукли, в конце концов, покинули Общество. Более поздняя попытка пригласить их вернуться в члены была предотвращена Е. П. Б., которая в декабре 1888 г. телеграфировала Олкотту, что вся Ложа Блаватской выйдет из Общества, если Купер-Оукли будет повторно принят в его члены.

Ричард Харт, автор знаменитой редакционной статьи в «Люцифере», адресованной архиепископу Кентерберийскому, осенью 1888 года вернулся в Индию вместе с Олкоттом, чтобы помогать в издании журнала «Теософ». Харт был давним другом полковника Олкотта, бывшим нью-йоркским газетчиком, который вступил в Общество в 1878 году. Роль, которую ему предстояло сыграть в Индии в качестве сторонника и помощника Олкотта, вскоре стала очевидной на страницах приложения к журналу «Теософ». Январский номер 1889 года, сразу после съезда 1888 года в Адьяре, содержал отчёт о «Пересмотренных правилах» Общества, включающий различные изменения в его стратегии. Детально разработанные «Вступительные разъяснения» были приложены к данным правилам, подписанным «Ч.Т.О.»[15]. За этим в феврале последовала статья за подписью «Ч.Т.О.», озаглавленная «Теософское общество» на тему, начатую в январе.

Вкратце, «Ч.Т.О.» писал вполне продуманно о подчинении жизненно важной стороны Теософского движения экзотерическому Обществу как организации. Как «Разъяснения», так и статья об Обществе пользовались правами редакции и выражали её авторитетное мнение, находя оправдание в том, что они написаны м-ром Хартом. В своих «Разъяснениях» «Ч.Т.О.» сознательно говорит о «явном антагонизме между эзотерическими и экзотерическими сторонами» Общества, и осуждает пренебрежение к «Родительскому обществу» со стороны членов отделений. «Высшим центральным органом» Общества по определению является Генеральный совет Адьяра.

В январской статье «Теософское общество» делается попытка создать впечатление, что развитие Движения было не чем иным, как «конституционной» эволюцией Общества, что создание «Всеобщего Братство», как первой цели Общества, зависело от его «правил». «Ч.Т.О.» сообщал о деятельности съезда 1888 года как о деятельности «на благо единства», чтобы «Общество, как «ядро Всеобщего Братства», было спасено от прискорбного и нелепого провала». Изложение

[15] Член Теософского общества

«эволюции» трёх целей, приведённое в этой статье, было таковым, что м-р Джадж во время апрельского съезда Американской секции 1889 года счёл необходимым отметить следующее:

«В статье, опубликованной в… журнале «Теософ» [за февраль], подписанной «Ч.Т.О.», была сделана попытка показать, что «цели никогда не были чётко сформулированы». В этой статье много ошибок и, следовательно, неправильных выводов, поскольку джентльмен, написавший её, не был знаком с фактами и не владел протоколами. Он ссылается на «Правила», издаваемые каждый год, и говорит, что в 1882 году они впервые появились в том виде, в каком они были напечатаны в прошлом году, но, просматривая свои протоколы, я нахожу не только то, что они всегда были одними и теми же (за исключением незначительных уточнений, не затрагивающих суть дела), но что они были первоначально сформулированы в той форме, когда это Общество было организовано в 1875 году, и в которой они публиковались до последнего съезда в Индии».

В июне 1889 года редакционная статья журнала «Теософ» снова предложила своим читателям «удобную» разновидность организационной теософии. Автор, опять же, вероятно, м-р Харт, сводит на нет как цель, так и философское содержание теософского движения. О первой цели (формировании «ядра Всеобщего Братства») он говорит, что «она становится неясной и запутанной, когда на неё направлено всё внимание, и для большинства членов эта цель практически эквивалентна формированию ядра ради возвращения Золотого века или восстановления сада Эдена[16]. Что касается всей совокупности идей, составляющих теософскую философию, то он пишет: «Кое-где за пределами Индии можно найти членов Общества, готовых признать восточных посвящённых, древних или современных, в качестве учителей; но большинство членов предпочитают думать и строить догадки самостоятельно, что, в конце концов, является лучшим способом обучения для любого мыслящего и логически рассуждающего человека. Эта статья называется «Прикладная теософия». Её автор, показав идею всеобщего братства как «расплывчатую», на деле «непрактичную», и заявив, что «большинство» членов предпочитают свои личные теории учению «восточных посвящённых», теперь готов выдвинуть свой собственный тезис, а именно, *практическая* теософия возможна только «через Общество». Редактор ударился в поэзию:

«Именно эта мистическая индивидуальность, «сумма всего», придаёт силу всем обществам и собраниям людей и становится

[16] В русском переводе сад Эдем.

реальной доминирующей силой, которой все отдают часть своей силы и которая стоит за каждой единицей и отдает ей всю свою силу.

Именно от Общества исходит «доминирующая сила»; именно от Общества члены должны получать средства к существованию и поддержку, а не от какого-либо учителя или философских принципов». Образец или пример для подражания теософам изображён в редакционной статье так:

«Кто говорит устами священника Римско-католической церкви, когда он произносит повеление? *Единая власть Римской церкви*. Кто говорит устами лишённого сана священника? *Ничтожество*. Кто говорит устами судьи, генерала, государственного деятеля? Государство» — в жизнь приходит великая и часто тираническая личность, когда составляющие единицы связываются посредством организации через общую волю и общую цель.

Долго приводятся аргументы в пользу идеи о том, что только «за счёт организации», за счёт превращения Общества в главный объект поклонения, с его «авторитетом» через голос его должностных лиц, верховенствующих над индивидуальным сознанием и действиями, «прикладная теософия» может иметь успех, и, наконец, эти аргументы достигают своей кульминации в предложении, что штаб-квартира Адьяра должна стать вторым Римом, а президент-основатель Общества теософским Папой! Редакция продолжает:

«АДЬЯР – это принцип и символ, а также местность. АДЬЯР — это имя, означающее на материальном плане штаб-квартиру международного или, точнее говоря, всемирного Общества. Каждый преданный член Общества хранит в своём сердце маленький АДЬЯР, ибо в нём есть искра духовного огня, что служит прообразом АДЬЯРА», который символизирует принцип единства, а также материальную жизнь Общества, и во всех смыслах верность АДЬЯРУ означает верность целям Общества и принципам теософии».

В том же номере журнала «Теософ» за июнь 1889 года Харт напечатал за подписью «Ч.Т.О.» ещё одну статью, озаглавленную «Ситуация». Совершенно очевидно, что цель этой статьи заключалась в том, чтобы утвердить в умах читателей определённые идеи в качестве «фактов». Вначале «Ч.Т.О.» предполагает, что формирование Эзотерической секции было обусловлено приказом президента-основателя и зависело от него, и что причиной её организации было *отделение* в Обществе «эзотерического элемента от экзотерического». Такое мнение подразумевает, что

влиятельное Общество должно иметь *светскую* основу и авторитет, чтобы «быть нравственной и духовной силой в мире». Оно должно использовать «такие методы в своих отношениях с этим миром, которые последний может оценить и понять или которые, во всяком случае, не будут возбуждать его предубеждений или вызывать у него яростную оппозицию при первом же «взрыве»». Поэтому были необходимы не основополагающие принципы и методы Е.П.Б., которые были нарушающим фактором, а принципы и методы полковника Олкотта, м-ра Синнетта и других видных представителей экзотерического Общества.

М-р Харт видит в послании адептов Олкотту на борту «Шеннона» мандат оккультного братства, настаивающий на том, чтобы Е.П.Б. «занималась своими делами» в отношении деятельности Теософского общества. В нём говорится об её обязанности воздерживаться «в будущем от любого *прямого* вмешательства в светское или экзотерическое управление Обществом». Такое разделение «функций», как говорится в статье, вызвало чувство облегчения «с обеих сторон».

Оккультизм [продолжает автор] есть, прежде всего, «правило» или «устав», на основании воли управляемых, что является единственно возможной основой народного правления, такого как правление Теософского общества. Попытка заставить две такие разные идеи действовать гармонично была похожа на попытку запрячь «священного быка» вместе с ломовой лошадью. Теперь, к счастью, произошло разделение труда, у каждого погонщика есть своё животное.

В целом эта статья позволяет сделать следующие выводы: 1) Е.П.Б. и Олькотт изначально находились на плане полного равенства по отношению к теософским адептам; 2) «вмешательство» Е.П.Б. в дела Общества было столь же неугодно адептам, как и Олкотту; 3) адепты поручили Олкотту «приказать» сформировать Эзотерическую секцию, чтобы установить определённые ограничения деятельности Е.П.Б., что привело к «сделке» между лидерами Общества о том, что Е.П.Б. следует оставить в покое в её эзотерическом подразделении, в то время как Олкотту не следует вмешиваться во всё Общество.

Собственное отношение м-ра Харта к Эзотерической секции становится очевидным из его описания:

«Глава эзотерического отдела вольна принимать клятвы, учреждать степени и предписывать упражнения и без всяких

препятствий давать инструкции и распоряжения тем, кто подчиняется её руководству».

К делам эзотерического секции эта статья не имеет никакого отношения. Этот секция, по-видимому, является своего рода приложением к собственно Теософскому обществу, имеющим две двери: одна ведёт на более высокие уровни, а другая ведёт вниз и наружу. Мало того, что продвинутые ученики ищут, как войти в неё, она кажется особенно привлекательной для многих духовно хромых. Хромые, увечные и слепые, блаженно не ведающие о своих немощах и не обращающие внимание на крайне необходимую подготовку, без промедления стучатся в дверь, и глава секции не всегда может отказать им в этом. При первом небольшом «испытании» эти слабые братья теряют голову и самообладание, падают плашмя и, скуля, уходят.

Затем различным секциям Общества замечают, что они «слишком высокого мнения о себе». Это адресовано в первую очередь Американской, Британской и Эзотерической секциям, члены которых обращались к философии, к личному примеру и руководству Е.П.Б. и Джаджа, а не к Олкотту и «Правилам и Уставу» Родительского общества. Читателям говорят, что всемогущий президент-основатель может с лёгкостью положить конец существованию любой местной группы, а именно:

«Они (секции и отделения) существуют только на основании уставов, изданных президентом Теософского общества. Именно факт обладания этими Уставами отличает их от других небольших коллективов изучающих теософию в других странах, и вследствие этого они пользуются доверием... Предположим, возникла необходимость отозвать уставы некоторых секций, но разве кто-нибудь хоть на мгновение подумает, что Теософское общество в конечном итоге пострадает? Если бы завтра были отозваны все существующие уставы секций и отделений Теософского общества, Общество, по всей вероятности, за короткое время стало бы более сильной организацией, чем сейчас, и уж точно оно не было бы слабее… Тогда Теософское общество существовало бы как однородное целое, состоящее из верных членов, воодушевлённых общим духом, и Адьяр был бы тем, чем он должен быть, — центром распространения теософских идей, литературы и организации деятельности теософского общества во всём мире».

Чтобы привести свою мечту о централизации власти к окончательной гармонии, м-р Харт напечатал в июльском номере «Теософа» письмо, присланное ему в частном порядке Бертрамом Кейтли, в котором последний, бывший секретарем Эзотерической секции,

отрицал любое намерение со стороны эзотериков управлять работой или политикой открытого Общества. М-р Кейтли писал:

«Мы все, и Е.П.Б. в первую очередь, так же преданны Теософскому обществу и Адьяру, как и полковник. Мне больше нечего сказать, могу только ещё раз заявить самым официальным и позитивным образом о своей уверенности в том, что нет ни слова правды в утверждении, что Эзотерическая секция имеет какое-либо желание или претензию распоряжаться какой-либо другой частью или секцией Теософского общества».

Чтобы в полной мере оценить силу и значимость передовиц и статей, напечатанных м-ром Хартом, следует помнить, что журнал «Теософ» был официальным печатным органом Общества, причём журналы «Путь» и «Люцифер» являлись теософскими изданиями, а не изданиями организации. Кроме того, «Теософ» был единственным из трёх журналов, имевшим какое-либо распространение в Индии и официально рассылавшимся во все отделения по всему миру и широко распространявшимся среди членов в Англии, Франции и Соединённых Штатах. Для значительной части членов он был единственным средством получения информации об Обществе, а в Индии — единственным каналом, как для теософии, так и для Общества. Таким образом, индийские члены полностью полагались на него в отношении точности, полноты и достоверности заявлений Общества.

Сразу же после съезда 1888 года полковник Олкотт отправился в путешествие по Японии, из которого не возвращался до второй половины 1889 года. Во время его отсутствия м-р Харт полновластно руководил журналом «Теософ» и был одним из трёх «уполномоченных», которым президент делегировал свои полномочия, двое же других были индийскими членами его «Генерального совета». Таким образом, Харт нёс ответственность как редактор за то, что появлялось в «Теософе» в то время. Как только корректуры двух приведённых статей попали в Америку, м-р Джадж подготовил длинное сообщение, в котором обсуждались факты, последствия, дух и тенденции, выражавшиеся таким образом при каждом проявлении власти и появлении директив президента в официальном печатном органе Общества.

М-р Джадж отправил это письмо лично полковнику Олкотту с просьбой о публикации его в журнале «Теософ» на том основании, что статьи, на которые поступили жалобы от читателей, были написаны без ведома полковника Олкотта и что он, не менее чем м-р Джадж,

поспешит исправить искажения и ложные предположения, содержащиеся в рассматриваемых статьях.

В сентябре 1889 года полковник Олкотт опубликовал в «Теософе» в качестве передовицы и за своей подписью статью, озаглавленную «Центры теософского движения». Он отказался напечатать статью м-ра Джаджа полностью, заявив, что «она содержит отрывки слишком личного характера, чтобы допустить их к печати. Я не принимал участия, и не буду участвовать в различных непристойных ссорах, открытых или частных, которые порождают и, вероятно, всегда будут порождать трения между нами, как «сильными личностями». В основном они неважны, не касаются великих принципов или жизненно важных вопросов и, следовательно, не интересуют тех, кто по существу придерживаются высоких целей и задач Общества».

Он называет критику м-ра Джаджа «маявическим заблуждением». Затем он цитирует м-ра Джаджа, говоря, что «центр» находится там, где Е.П.Б.; что первоначально он был в Нью-Йорке, затем в Бомбее, затем «ненадолго в Адьяре» (пока она была там) — так как там, где она находится, горит пламя, черпающее свою силу на «плане идей». Президент в Адьяре и наличие там библиотеки не делают это место нашим «Римом». Что стало бы с этим новым Римом — Адьяром, если бы полковник Олкотт и Е. П. Блаватская получили повеление снова отправиться в Америку и устроить там штаб-квартиру Теософского общества? Такое может случиться. Такое случалось и раньше, и каналом повелений была Е. П. Блаватская. Разве можно предположить, что действиям полковника Олкотта или Е. П. Блаватской будут препятствовать «Пересмотренные правила»?[17]

Этот вопрос заставляет полковника Олкотта задуматься о том, что он называет «несдержанными» вопросами и загадками своего коллеги. Он продолжает подробно доказывать, опираясь на записи различных протоколов и изменения уставов и правил, что президент-основатель является истинным источником власти в Обществе и истинным

[17] В оригинальной статье Джаджа (полностью напечатанной в журнале «The Theosophical Forum», за июль 1950 года) этот отрывок продолжается так: «И позвольте мне сказать автору «Прикладной теософии», что много лет назад, когда тогдашняя форма Конституции, как казалось, противоречила полученному нами «повелению», что вызывало колебания со стороны полковника Олкотта, то из того же источника мы получили следующее послание: «Если Конституция противоречит вашим обязанностям, изложенным в ваших приказах, то порвите её». Прогрессу этого движения, которое имеет дело с реальностью, с глубокими невидимыми источниками человеческой деятельности, не должно мешать ни слепое подчинение неизменным конституциям, ни давно выработанным и многословным правилам, пытающимся справиться со всеми вообразимыми непредвиденными обстоятельствами».

«Римом» было место жительства президента-основателя. Он не претендует на «духовную власть», по его словам, но утверждает, что ему «предоставлена абсолютная и неограниченная свобода действий в отношении практического управления нашими делами». Он никогда не вмешивался в дела Е.П.Б.,

«…которая обучала и знакомила меня с теми, кто меня посвящал, но именно я в прошлом году дал ей официальное разрешение на создание её Эзотерической секции. Между ней и мной никогда не было никаких разногласий по этим вопросам, она поддерживала мой экзотерический авторитет так же преданно, как я всегда признавал её высшую связь с «Основателями»…

Полковник Олкотт *не* переводил штаб-квартиру в Индию по чьему-либо повелению, его «приказы» исходили из глубины его собственного сердца...

Если в ходе развития Общества когда-нибудь возникнет необходимость в переносе штаб-квартиры, чего ни я, ни м-р Джадж не можем сейчас предсказать, я, несомненно, получу прямое извещение, и у меня будет достаточно времени, чтобы сделать все необходимые приготовления по-деловому и согласно конституции. Но когда речь идёт о папской непогрешимости и Риме, то с тем же успехом можно сказать, что именно я предложил создать Общество, и на мне с самого начала лежало всё бремя руководства его детскими шагами, а после краха первоначальной законодательной системы правил и уставов, как отмечалось выше, именно я взял на себя всю ответственность за исполнение задач».

Олкотт, как оказалось, совсем не отказывался носить одежды папской власти, предложенные ему м-ром Хартом.

В «Люцифере» за август 1889 г. была опубликована статья под заголовком «Загадка из Адьяра», в которой Е.П.Б., как и м-р Джадж, предполагает, что теософские статьи были написаны без согласия полковника Олкотта и без намерения помочь или посодействовать недругам. «В чём же, — спрашивает она, — заключается смысл этой выдающейся и *самой бестактной «вылазки»* уважаемого *исполняющего обязанности* редактора нашего «Теософа»? Что он тоже … как и наши (и его) недруги-редакторы через Атлантику, видит сверхъестественные сны и ложные видения? Позвольте мне напомнить ему сразу, что он не должен обижаться на эти замечания, так как он сам настоятельно их добивался.

ЖУРНАЛЫ «ЛЮЦИФЕР», «ПУТЬ» и «ТЕОСОФ» являются единственными печатными органами передачи информации членам нашего Общества, каждый в своей стране. Так как исполняющий обязанности редактора журнала «Теософ» решил дать широкую огласку в своём печатном органе ненормальным фантазиям, он не вправе ожидать ответа по какому-либо другому каналу, кроме «ЛЮЦИФЕРА». Более того, если он не понимает всей серьёзности своих мнимых обвинений

меня и некоторых уважаемых людей, то он может понять это лучше, когда прочитает настоящее».

Е.П.Б. затем перепечатывает «Отказ от ответственности» из приложения к июльскому номеру «Теософа» и анализирует несколько инсинуаций в отношении членов Э.С., которых, по её словам, «м-р Харт обвиняет... *«в произвольных и тайных разбирательствах*». Она спрашивает: «Разве такой приговор не является грубым оскорблением, брошенным в лицо уважаемым людям — гораздо лучшим теософам, чем любой из их обвинителей, — и мне самой?» Относительно прямого намёка на то, что Американская или Британская секции, или Ложа Блаватской, или Э.С. хотела «давать указания Адьяру», она пишет:

«То, что Э. С. никогда не претендовала на то, чтобы «*давать указания* Т. О.» вполне очевидно всем за исключением президента, полковника Олкотта; Эзотерическая секция не имеет ничего общего с Теософским обществом, его Советом или должностными лицами. Это секция совершенно отделена от экзотерической организации и существует независимо от неё, *Е.П.Б. одна несёт ответственность за своих членов*, как указано в официальном объявлении за подписью самого президента-основателя. Из этого следует, что Э.С. как организация не обязана никоим образом Теософскому обществу, как обществу, и менее всего Адьяру.

Затем она приводит ещё одно заявление из «Отказа от ответственности»:

«Совершеннейший вздор, говорить, что «Е.П.Б. предана Теософскому обществу и Адьяру» (!?). Е.П.Б. *предана до смерти теософскому ДЕЛУ и тем великим Учителям, чья философия одна может сплотить человечество в одно Братство*. Наряду с полковником Олкоттом она является главным основателем и созидателем Общества, которое должно было прежде и теперь представлять теософское ДЕЛО; и если она верна Г. С. Олкотту, то вовсе не потому, что он его «президент», а, во-первых, потому, что нет на свете человека, который больше трудился ради этого Общества или был более предан ему, чем полковник, и, во-вторых, потому что она считает его верным другом и сотрудником. Поэтому степень её симпатии к «Теософскому обществу и Адьяру» зависит от степени лояльности этого общества ДЕЛУ. Как только оно отойдёт от первоначальных принципов и проявит нелояльность в своей политике ДЕЛУ и первоначальной программе Общества, Е. П. Б., назвав Т. О. нелояльным, стряхнёт его, как прах с ног своих.

Ради всего святого, что значит «верность Адьяру»? И что такое Адьяр без этого ДЕЛА и *двух* (не *одного* основателя, если вам угодно), которые его представляют?.. Адьяр является нынешней штаб-квартирой Общества, потому что эта «штаб-квартира находится там, где находится президент», как указано в правилах. Если быть логичным, члены Теософского общества должны были быть верны Японии,

пока полковник Олкотт был там, а также Лондону во время его пребывания здесь».

Затем она делает памятное заявление о действительно существующем положении дел; «Родительского общества» больше нет; оно упразднено и заменено общей организацией теософских обществ, *автономных*, как Штаты Америки, находящейся под руководством одного главного президента, который вместе с Е. П. Блаватской будет отстаивать ДЕЛО перед всем миром. Таково реальное положение вещей.

Теория управления Обществом, которой придерживаются и которую практикуют и проповедуют полковник Олкотт и его податливые сторонники, затем раскрывается в её заявлении, сделанном также по этому поводу:

«Всякий раз, когда «Мадам Блаватская не одобряет» «действия Генерального совета» (или «комиссаров», одним из которых является м-р Р. Харт), она будет говорить об этом им прямо в лицо. Потому что а) мадам Блаватская не обязана ни в малейшей степени быть верной Совету, который в любой момент может издавать глупые и *не теософские указы*[18]; и б) по той простой причине, что она признаёт в Теософском Обществе только одного человека, кроме себя, а именно полковника Олкотта, как имеющего право проводить фундаментальные реорганизации в Обществе, обязанном им своей жизнью и за которое они оба несут *кармическую* ответственность. Если исполняющий обязанности редактора пренебрежительно относится к *священной клятве*, то ни полковник Олькотт, ни Е. П. Блаватская, вероятно, этого не делают. Е. П. Блаватская всегда преклонится перед решением большинства членов Секции или даже простого отделения; но она всегда будет протестовать против решения Генерального совета (даже если он будет состоять из самих архангелов и дхьян-чоханов), если его решение покажется ей несправедливым или не теософским, или оно не найдёт одобрения большинства членов Общества. Не больше, чем у Е. П. Блаватской, у президента-основателя есть право применять автократию или *папскую* власть, и полковник Олкотт будет последним человеком в мире, который попытается это сделать. Именно два основателя и особенно президент фактически присягнули на верность членам Общества, которых они должны защищать и учить тех из них, кто хочет учиться, а не тиранить их или властвовать над ними».

Здесь, как всегда, когда речь идет о недостатках, слабостях и проступках её коллег и учеников, Е.П.Б. пишет только по большому принуждению, с крайним нежеланием и в таких выражениях, чтобы предоставить полную возможность для возвращения к правильному действию с наименьшим возможным унижением гордости или тщеславия человеческой природы. Она резюмирует и в то же время обращается с призывом к лучшим из своих коллег в следующих выражениях:

[18] Это слово написано по-русски английскими буквами.

«И вот я сказала, скрепив своей подписью, то, что должна была сказать, и что давно уже следовало бы сказать – так много и так просто. Публика взбудоражена глупейшими историями о наших делах и предполагаемых и реальных разногласиях в Обществе. Пусть все узнают, наконец, правду, в которой нет ничего постыдного, и которая одна может положить конец самому мучительному чувству напряжённости. Эта правда настолько проста, насколько это возможно.

Исполняющему обязанности редактору журнала «Теософ» пришло в голову, что Эзотерическая секция вместе с Британской и Американской секциями либо замышляют заговор, либо готовятся к заговору против того, что он весьма любопытно называет «Адьяр» и его власти. Итак, поскольку он является самым преданным членом Т.О. и лицом, приближённым к президенту, его рвение разобраться в этой неразберихе привело к тому, что он стал ещё большим католиком, чем Папа. Вот и всё, и я надеюсь, что таким недоразумениям и галлюцинациям придёт конец с возвращением президента в Индию. Будь он дома, он, во всяком случае, возражал бы против всех тех тёмных намёков и завуалированных изречений, которые в последнее время непрестанно появляются в «Теософе», к великому удовольствию наших недругов.

Но мне пора заканчивать. Если м-р Харт продолжает действовать таким странным и не теософским образом, то чем скорее президент разрешит эти вопросы, тем лучше для всех заинтересованных сторон.

Из-за таких недостойных придирок Адьяр и особенно «Теософ» быстро становятся посмешищем, как у самих теософов, так и у их недругов».

И, чтобы её неизменное милосердие не было снова неверно истолковано и принесено во вред им самим и Делу, которому они, не меньше, чем она сама, присягнули, она заключает призывом к виновникам, смешанным с предупреждением:

«Я заканчиваю тем, что уверяю его [м-ра Харта] в том, что ему нет нужды изображать из себя ангела-хранителя при полковнике Олкотте. Ни ему, ни мне не нужна третья сторона, чтобы скрывать нас друг от друга. Мы работали, трудились и страдали вместе долгие пятнадцать лет, и если после всех этих лет взаимной дружбы президент-основатель был бы способен выслушивать безумные обвинения и обернуться против меня, что ж, мир достаточно велик для нас обоих. Пусть новое экзотерическое Теософское общество во главе с м-ром Хартом, занимается волокитой, если президент позволит им, и пусть Генеральный совет исключит меня за «нелояльность», если, опять же, полковник Олкотт окажется настолько слеп, чтобы не понять, что такое «настоящий друг», а также своего долга. Только если они не поторопятся с этим, то при первых же признаках их нелояльности ДЕЛУ — именно я сложу с себя пожизненную должность секретаря по переписке и покину Общество. Это не помешает мне оставаться во главе тех, кто пойдёт за мной.

Е.П. БЛАВАТСКАЯ»

ГЛАВА XIV

ПОЛКОВНИК ОЛКОТТ, АННИ БЕЗАНТ И У. К. ДЖАДЖ

В 1892 г. будущее Движения в значительной степени зависело от Анни Безант, от того, к кому она могла обратиться за советом, и от позиции, которую она занимала по отношению к Е.П.Б. Встанет ли она на сторону Олкотта и станет ли «ориентироваться на организацию», или она поддержит Джаджа, который считает, что Движение не может быть представлено ничем иным, а лишь духовной жизнестойкостью его членов? М-р Джадж, возможно, надеялся, что миссис Безант поймёт, в чём заключается подлинная деятельность Движения, но он мог только подать пример и поощрять её собственные усилия в правильном направлении. Между тем, он сам стал постоянной мишенью для всех тех, кто пришёл к тому, что можно было бы назвать «адьярской позицией» преданности организации, правилам и «официальной» власти.

Первое важное событие, которое должно было определить обстоятельства, при которых миссис Безант сделала свой выбор, произошло тогда, когда полковник Олкотт объявил о своей отставке с поста президента Общества. Сообщение об этом решении, появившееся в журнале «Путь» за март 1892 года, стало полной неожиданностью для всех, кроме горстки членов Общества. В то время как полковник Олкотт объяснял свой уход в отставку плохим самочувствием, настоящая причина заявления обнаружилась несколько лет спустя в письме Герберта Берроуза журналу «English Theosophist» в ноябре 1895 года. Объясняя свой уход из Общества, м-р Берроуз ссылался на «обвинения полковника Олкотта в ужасном аморальном поведении, представленные ему миссис Безант и м-ром Джаджем, в результате которых полковник подал в отставку с поста президента».

Миссис Безант планировала отправиться в Индию в конце 1891 года. Вместо этого она поехала в Нью-Йорк, чтобы обсудить с м-ром Джаджем обвинения против полковника Олкотта, которые были доведены до её сведения в Лондоне. Она повторила обвинения м-ру Джаджу в присутствии конфиденциальных свидетелей, одним из которых был Э. Август Нересхаймер, и потребовала немедленных действий, прося Джаджа как вице-президента Общества попросить полковника Олкотта уйти в отставку. М-р Джадж после этого написал письмо

полковнику Олкотту, не как вице-президент, а как старый друг, сообщая ему об обвинениях и подтверждающих их доказательствах. Он предложил Олкотту лучше уйти в отставку в том случае, если обвинения верны. Миссис Безант отправила письмо м-ра Джаджа в Индию со специальным посыльным. Получив его, полковник Олкотт отверг выдвинутые против него обвинения, но подал в отставку с поста президента Общества. Это, однако, не следует истолковывать как несомненное свидетельство «вины» Олкотта, а скорее его желание защитить Общество от малейшего намёка на скандал. По словам Ф. Т. Стэрди, который был доверенным лицом миссис Безант, обвинения относились к одному эпизоду из личной жизни полковника Олкотта.

На шестом ежегодном съезде Американской секции, проходившем в Чикаго 24–25 апреля 1892 года, члены Общества выбрали Уильяма К. Джаджа в качестве преемника полковника Олкотта на посту президента, но в то же время попросили полковника отозвать свою отставку. В соответствии с инструкциями съезда м-р Джадж телеграфировал эту резолюцию американских теософов Олкотту, который тут же ответил: «Я готов сделать всё, что справедливо и честно; я должен оставаться здесь [в Адьяре], пока не получу от вас окончательного ответа (по почте)». Полковник Олкотт также опубликовал в «Теософе» несколько кратких объявлений, намекающих на практические трудности его выхода на пенсию и на улучшение самочувствия.

Тем временем в майском номере «Люцифера»1892 года миссис Безант отметила действия, предпринятые Американским съездом, заявив, что его «резолюции, конечно, не связывают Общество, и никакое определённое соглашение не может быть достигнуто до тех пор, пока Европейская секция не добавит своего голоса к голосу других секций». Приветственное письмо от американских теософов, подписанное м-ром Джаджем, было направлено Европейской секции, созванной 14 июля 1892 года. В этом письме говорилось об отставке полковника Олкотта:

«На нашем съезде в апреле прошлого года мы попросили вас присоединиться к нам в просьбе к полковнику Олкотту отозвать свою отставку. Мы сделали это искренне и по-дружески, предоставив вам выбирать свой курс. Мы вспомнили, что так часто и так верно говорила Е. П. Блаватская о том, что эта организация (единственная в этом столетии) разделяла жизнь своих родителей. Один из них – полковник Олкотт. Было бы нелояльно по отношению к нашим идеалам торопиться с его отставкой, хотя мы знали, что можем обойтись и без его присутствия во главе.

Но если он будет настаивать на своём,

то наша просьба, переданная с любовью, наполнила бы его оставшиеся годы приятными воспоминаниями о братьях без всякой тени горечи».

Европейский съезд, однако, вместо того, чтобы последовать примеру Американской секции, избрал Уильяма К. Джаджа на пост президента и пояснил в резолюции, что «мы считаем, что ответ президента-основателя делает любые дальнейшие действия невозможными». Действия Европейской секции поставили Олкотта в затруднительное положение. Он решил эту проблему, поместив заметку в журнале «Теософ», объясняющую, что Лондонский съезд действовал в связи с неправильным представлением, что он якобы «определённо и окончательно отказался отозвать моё [своё] январское заявление об отставке». Он продолжал:

«Дело в том, что содержание моей майской записки по этому поводу... оставило вопрос открытым и зависящим от непредвиденных обстоятельств моего самочувствия, с уверением того, что моё возвращение в должность будет в интересах Общества.

Долгий отдых в горах восстановил моё здоровье и обновил мои умственные и физические силы, и поэтому, поскольку дальнейшая неизвестность навредила бы Обществу, настоящим уведомляю, что я отзываю своё заявление об отставке и возобновляю исполнение служебных обязанностей; также объявляю Уильяма К. Джаджа, вице-президента, моим конституционным преемником, имеющим право занимать должность в качестве *такового* после того, как он оставит любую другую должность в Обществе, которую он может занимать на момент моей смерти».

Эпизод с «отставкой» Олкотта мог бы закончиться без дальнейших последствий, если бы не необдуманные действия миссис Безант вскоре после того, как решение об отставке президента-основателя было впервые обнародовано. Оказав давление на м-ра Джаджа, чтобы он потребовал от Олкотта отставки, она вернулась в Лондон и там высказалась за избрание м-ра Джаджа на пост президента. 10 марта 1892 года она разослала всем членам Эзотерической секции циркулярное письмо с призывом выбрать Джаджа в качестве преемника Олкотта. Она сделала это без ведома м-ра Джаджа, исполненная рвения оказать влияние на других, чтобы они действовали в соответствии с её идеями. Джадж, узнав о циркуляре миссис Безант, быстро подготовил другой циркуляр, определяющий отношения между Э.Ш. и Обществом. Этот циркуляр от 29 июля содержал «Важное уведомление», которое гласило:

«Э.Ш.Т. не имеет официальной связи с Теософским обществом.

Когда секция впервые была организована, она была известна как часть Теософского общества, но так как было очевидно, что на абсолютную независимость и открытый характер Общества могли оказывать влияние, Е.П.Б. незадолго до своего ухода уведомила, что всякая официальная связь между ними должна быть прекращена, а затем изменила название на нынешнее.

Это предоставляет всем должностным лицам Т.О., состоящим в Э.Ш.Т. полную свободу на исполнение своих официальных обязанностей, а также позволяет её членам, если их спросят, сказать правду, что школа не имеет официальной связи с Теософским обществом и не является его частью.

Члены Общества, пожалуйста, имейте это в виду».

Это уведомление было подписано миссис Безант и м-ром Джаджем. В циркуляре далее говорилось:

«Члены должны хорошо запомнить, что школа не имеет официальной связи с Обществом [Т.О.], хотя принимаются только Ч.Т.О. [члены Т. О.]. Следовательно, члены школы не должны компрометировать Теософское общество. Мы все должны помнить, что Теософское общество является независимой и открытой организацией. Поэтому, если один из руководителей Общества также является должностным лицом Т.О., его или её слова или просьбы в качестве такого должностного лица не должны ни при каких обстоятельствах быть окрашены принципами этой школы или истолкованы на основании них.

Такое предостережение необходимо, поскольку некоторые члены говорили Генеральному секретарю Американской секции Т. О. [м-ру Джаджу] о том, что они расценили его слова как приказ от такого должностного лица. Это неправильно и может привести к проблемам, если члены не смогут понять своего простого этического долга, связанного с клятвой. Они, конечно, должны трудиться ради Т. О., но также должны сами здраво рассуждать *и никогда не позволять Т. О. становиться догматичным*».

После съезда Европейской секции сторонники и друзья полковника Олкотта выражали подозрение, что вся история с отставкой и отказом Европейской секции просить полковника Олкотта отменить своё решение были частью политического маневра м-ра Джаджа с тем, чтобы стать президентом. Циркуляр Э.Ш., опубликованный миссис Безант 10 марта с призывом к избранию Джаджа, по-видимому, подтверждал это предположение, поскольку было известно, что миссис Безант в то время весьма доверяла м-ру Джаджу. (Сам Олкотт, вероятно, разделял это подозрение, поскольку среди обвинений, выдвинутых против Джаджа в июле 1894 года, было обвинение в «отсутствии прямолинейности» со стороны м-ра Джаджа в связи со сроком пребыванием полковника Олкотта на посту президента.) Ещё один циркуляр, изданный миссис Безант и подписанный также м-ром Джаджем, был разослан всем членам Э.Ш. 1 августа

1892 года, в котором миссис Безант подтвердила, что её предыдущий циркуляр (от 10 марта), в котором выражалась надежда на то, что «выбор Общества падёт на Уильяма К. Джаджа в качестве президента», был составлен ею не как «одним из внешних руководителей» Э.Ш.. Таким образом, была предпринята попытка показать, что экзотерическое Общество не «управлялось» «частными приказами» Эзотерической секции. После этого вопрос о действиях Джаджа в связи с отставкой Олкотта оставался нерешённым до тех пор, пока два года спустя Анни Безант не выступила против м-ра Джаджа.

В эти смутные годы реальная работа Движения в Америке велась без серьезных помёх, связанных с организационными вопросами. К съезду Американской секции 1892 года количество местных отделений в Соединённых Штатах возросло до шестидесяти девяти, что являлось убедительным свидетельством того, что Американская секция стала теперь самой сильной из всех, с более активными отделениями и сотрудниками, чем Европейская или Индийская секции.

Собственно говоря, полковник Олкотт в своём президентском послании на Индийском съезде в декабре 1892 года считал обязанным сослаться на «интенсивные действия» Американской секции, отметив при этом «заметную усталость» в индийской работе.

Объяснить успех в Америке можно усилиями и объективными методами Уильяма К. Джаджа. Его журнал «Путь» исполнен духом, отличным от духа европейских и азиатских изданий, и даже отчёты съездов Американской секции отражают преданность Джаджа и его ближайших соратников истинным идеалам теософского движения. В Америке упоминание о братстве было не просто риторическим выражением, акцент делался на практическое распространение теософского учения, а не на организационную структуру. Тон журналу «Путь» задавали сочинения м-ра Джаджа. Не проходило и месяца, чтобы какая-нибудь нужная статья не выходила бы из-под его пера. Его стиль письма, хотя и непритязательный и даже обыденный, был ясным и проницательным, а темы, которые он выбирал для обсуждения, непременно всегда учитывали интересы читателей журнала «Путь». В 1892 году, например, он опубликовал статьи о практике хатха-йоги, метафизическом исцелении, месмеризме и лечении разных болезней. В том же году также было несколько статей о реинкарнации,

и сделан заметный вклад в дело теософии публикацией статьи в двух частях – «Синтез оккультной науки». Что касается Движения, он весьма проницательно писал о нём в статьях «Догматизм в теософии», «Будущее и теософское общество» и «О будущем: некоторые размышления». Его статьи «Месмеризм» и «Ножны души», вместе взятые, образуют исчерпывающий трактат об астральном теле, бесценный материал для изучающих теософию.

В этом году одни только статьи м-ра Джаджа, кажется, дают исчерпывающее освещение многих аспектов теософского учения, а его провоцирующая манера рассуждений поддерживала постоянный стимул к дальнейшим исследованиям у читателей журнала «Путь». Изучение публикаций этого журнала первых лет показывает, как ничто другое, разницу между теософией Уильяма К. Джаджа и «политической» деятельностью, отнимавшей так много времени у других секций Общества.

Прежде всего, в журнале «Путь» можно проследить постоянную верность Е.П.Б. и точное изложение её философских учений. Эта верность, однако, не была слепой или чувственной, и верность учению Е.П.Б. не была рабским повторением теософских «догм». Джадж был верен своей коллеге и соучредителю Движения, потому что, как показывает история этого Движения, он понимал характер её миссии и сам продолжал начатое ею дело. Делать из её утверждений догмы было бы предательством её великой образовательной цели; с другой стороны, пренебрежение записанным ею Посланием сделало бы её труды бесполезными.

Джадж не делал ни того, ни другого. Он просто продолжал делать то, что делал, пока Е.П.Б. была жива, защищал её, когда на неё нападали или унижали её, взывал к здравому смыслу, когда её с показным «благоговением» называли непогрешимым пророком, но всегда демонстрировал своё собственное убеждение в том, что она была учителем, представителем адептов, и той, кто подавал другим пример успешной деятельности во имя Теософского движения.

Джадж также продемонстрировал свое философское понимание учения теософии тем, что отмечал в журнале «Путь» искажения и заблуждения других теософских авторов. Он никогда не искал ссор, но и не допускал, чтобы серьёзные

ошибки в философии оставались без комментариев. Так, когда м-р Синнет опубликовал книгу о месмеризме, в которой утверждал, что высшее «Я» человека является действующей силой в загипнотизированных субъектах, проявляющих ясновидение и яснослышание, Джадж был вынужден возразить ему. «Высшее «Я», писал м-р Джадж, является частью высшего духа, и поэтому его нельзя заставить уходить и приходить по повелению месмеризатора». Он указывал, что грубая физическая сила месмеризма не может воздействовать на духовного человека или затрагивать его, а только может воздействовать на астральную и психическую природу. В аналогичном случае м-р Синнетт нашёл случай вновь объявить о своих разногласиях с Е.П.Б. относительно оккультного учения о планетарной эволюции. Здесь м-р Джадж снова счёл необходимым обратить внимание на тот факт, что взгляды м-ра Синнета на этот предмет, выраженные в «Эзотерическом буддизме», были исправлены Е.П.Б. в «Тайной доктрине», в которой многие страницы посвящены подробному обсуждению спорных моментов.

Эта полемика по поводу учения «Эзотерического буддизма» приобрела новую огласку благодаря брошюре У. Скотта Эллиотта в виде «Протоколов» Лондонской ложи м-ра Синнетта, в которой повторялась материалистическая версия «планетарных цепей» Синнетта. М-р Эллиотт также приводил другие «факты», которые, как утверждалось, теперь «предоставлены миру впервые». Александр Фуллертон, отвечавший за большую часть редакционной рутины в офисе журнала «Путь», совершил ошибку, напечатав восторженную рецензию на брошюру Эллиотта. М-р Джадж, который, вероятно, не видел гранки рецензии Фуллертона, ознакомившись с ситуацией, в следующем номере журнала «Путь» (июль 1893 г.) заявил в подписанной им редакционной статье следующее:

«В июньском номере журнала «Путь» была напечатана рецензия на брошюру, изданную Лондонской ложей Т.О., что может быть истолковано, как одобрение журналом всего, что содержится в этой брошюре, хотя личные инициалы рецензента были указаны в примечаниях. Брошюра, о которой идёт речь, возобновляет старый спор, который, как мы думали, был разрешен тем, что можно найти в «Тайной доктрине». Е.П.Б., единственная, находившаяся в реальном и постоянном общении с Учителями, исправила ошибку, допущенную м-ром Синнеттом. Исправление неправильного представления было сделано ею с письменного разрешения тех же Учителей, которые посылали через неё письма, на основании которых был написан «Эзотерический буддизм».

На основании компетентного мнения в отношении этого вопроса, о котором ни один из авторов-теософов не имеет никаких сведений независимых от того, что написали Учителя, мы должны заключить, что утверждение «Тайной доктрины» является окончательным. Если бы не было затронуто никакого другого предмета, не было бы необходимости продолжать этот разговор, но поскольку речь идёт о логичности всей философии, необходимо было снова вернуться к этому предмету».

М-р Синнет расценил это как прямой вызов, на который он ответил в сентябрьском номере журнала «Путь». После страницы вступления он писал: «… действительно важный момент, поднятый дискуссией, связан с вопросом: каково было действительное положение мадам Блаватской в оккультном мире и в какой степени компетентны труды, которые она оставила после себя?» Хотя м-р Синнет не даёт категорического ответа на этот вопрос, его собственное мнение вскоре становится ясным. Он признаёт, «что она [Е.П.Б.] действительно была в тесных отношениях с великими Учителями эзотерической мудрости», но просто как «одна из их частично посвящённых учениц». Затем, выразив свой «долг благодарности» Е.П.Б. за то, что она свела его с «адептами теософии», — он продолжает: «Не моё дело строить гипотезы, объясняющие странные неправильные представления, появлявшиеся у мадам Блаватской при написании «Тайной доктрины», не только в отношении этих вопросов о Марсе и Меркурии, но также и в отношении некоторых других предметов, которые ещё не привлекли к себе внимания». Он анализирует полемику относительно планет, а затем объявляет, что «в течение последних нескольких месяцев» он получал подтверждения от «самого Учителя».

И тут м-р Синнетт начинает утверждать, что даже при жизни Е.П.Б. он пользовался «частными или личными» каналами общения с Учителем, о которых Е.П.Б. ничего не знала. Его молчание в тот момент по поводу этих посланий объясняется в следующем отрывке:

«Мадам Блаватская не любила ничего, что имело привкус вмешательства в её права как основательницы Теософского общества, и пока она была жива, никому другому не было позволено говорить от имени Учителей перед Обществом в целом. Но по размышлении становится очевидным, что если весь замысел оккультного учения не является также иллюзией, неофиты с течением времени должны попасть в область личного учения Учителей. В этом отношении мы движемся вперёд к

новой эре... так как в прошлом моим долгом было изложить учение Махатм перед всем миром, следовательно, представляется вероятным, что такие задачи встанут снова, и именно поэтому я обязан при нынешнем кризисе говорить более прямо, чем предпочёл бы говорить при других обстоятельствах».

На эту просьбу м-ра Синнетта о признании его «каналом» Учителей в «новую эру» м-р Джадж ответил просто и кратко, указав:

«В своей «Тайной доктрине» с помощью тех же учителей, с которыми она познакомила м-ра Синнетта, Е.П.Б. исправила два заблуждения, в которые, по её словам, он впал, т. е. относительно дэвачана и наших планет-спутниц. Совершенно немыслимо утверждать, что Учителя не давали ей советов при написании «Тайной доктрины». Я, видевший многие письма Учителей в 1888 году, касающиеся «Тайной доктрины», конечно же, не могу отречься от свидетельств своих внутренних и внешних чувств. Я знаю так же твёрдо этот, как и любой другой факт, что те же учителя давали ей информацию для этой книги в 1887 и 1888 годах, как и раньше, в письменной форме и я уверен, что они диктовали исправления, данные в «Тайной Доктрине» по тем пунктам, которые мы сейчас имеем в виду».

В следующем номере журнала «Путь» м-р Джадж перепечатал письмо, полученное от Учителя полковником Олкоттом, когда он находился в океане по пути в Лондон в 1888 году. Один отрывок, в частности, служил комментарием к намёкам и заявлениям м-ра Синнетта:

«С 1885 года я не писал и не давал повода писать писем или записок кому-либо в Европе или Америке, кроме как через её посредничество, прямое или на расстоянии, а также не общался устно с какой-либо третьей стороной или через неё. Теософам следует знать это. Позже вы поймёте значение этого заявления, так что имейте его в виду».

Связь этого заявления с более поздними событиями имеет большое значение, так как спустя годы после него стало известно, что м-р Синнетт считал Е.П.Б. поставщиком фиктивных посланий от Учителей. В своём письме, опубликованном в 1895 году, он обвиняет её в фабрикации посланий для продвижения своей политики в Обществе, и утверждает, что обнаружил это примерно в 1887 году. Принимая во внимание такое мнение автора «Эзотерического буддизма», нетрудно понять, с какой лёгкостью он противоречил утверждениям «Тайной доктрины». Настоящее объяснение, однако, состоит в том, что м-р Синнетт сам впал в спиритуализм, а Лондонская ложа стала чуть не культурным кружком теософских спиритических сеансов с соответствующими результатами.

(См. книгу Синнетта «Ранние дни теософии в Европе», написанную в 1919 году, но опубликованную посмертно.)

В полемике между м-ром Синнеттом и м-ром Джаджем относительно эволюции планет миссис Безант предпочла «следовать учению Е.П.Б.», сказав, что «за учение, которое она нам принесла, мы глубоко ей благодарны, и мы не заботимся о том, чтобы извлекать пользу из этого послания, и постоянно придираться к посланнице и находить у неё ошибки». Полковник Олкотт, опубликовавший ответ м-ра Синнета м-ру Джаджу в журнале «Теософ», в качестве комментария лишь повторил свой старый рефрен о «человеческом факторе подверженности Е.П.Б. ошибкам» и предостережение о том, что «верность идее» не подразумевает слепоту в отношении достоинств или недостатков её представителей».

К этому времени привычка полковника Олкотта предостерегать теософов от чрезмерной веры в Е.П.Б. стала главной темой почти всех его письменных и устных высказываний. За год до этого, в «Теософе» за март 1892 года, он начал публиковать серию не связанных автобиографических статей под названием «Страницы старого дневника», в которых излагал свои личные воспоминания о Движении. «Страницы старого дневника» написаны лёгким, доходчивым и интересным языком, переполнены рассказами о чудесных и таинственных явлениях. Автор живо описывает человеческую и сюжетную сторону Движения — сторону, намеренно игнорируемую во всех трудах Е.П.Б. и У. К. Джаджа. Олкотт объяснял цель написания этих воспоминаний три года спустя, в 1895 году, когда первая серия «Страниц старого дневника» была выпущена в виде книги. В предисловии он писал:

Руководящим мотивом при подготовке этих статей было желание бороться с растущей в Обществе тенденцией обожествлять мадам Блаватскую, и придавать её самым обычным литературным произведениям как бы характер вдохновения свыше. Её очевидные ошибки слепо игнорировались, а между её действиями и законной критикой стояла имитация щита мнимого авторитета. Те, кому она меньше всего доверяла, следовательно, те, кто меньше всего знали об её характере, были величайшими правонарушителями в этом отношении. Слишком очевидно, что, если я не выскажу то, что знаю только я один, истинная история нашего движения никогда не будет написана, и действительные заслуги моей замечательной коллеги не станут известны. Поэтому на этих страницах я рассказал правду о ней и о начальном этапе Общества — правду, которую никто не может оспаривать. Я старался довести до конца

начатое дело, несмотря на то, что некоторые из моих самых влиятельных коллег (из-за того, что я считаю ошибочной преданность по отношению к «Е.П.Б.») тайно пытались уменьшить моё влияние, опорочить мою репутацию, сократить тираж моего журнала и помешать публикации моей книги.

Не дай мне карма причинить ей хоть малейшую несправедливость, но если бы когда-нибудь в истории существовал человек, который был бы ещё большим конгломератом добра и зла, света и тени, мудрости и неосмотрительности, духовной проницательности и отсутствия здравого смысла, то я не могу вспомнить ни его имени, ни обстоятельств, ни эпохи».

Олькотт продолжал писать свою серию «Страниц старого дневника», публикуя главы в «Теософе» из месяца в месяц, с редкими перерывами, вплоть до своей смерти в 1907 году. Защищаемый от открытой критики Е.П.Б. и Джаджем, почитаемый и уважаемый во всем Обществе за долгую службу и неоспоримые жертвы ради него, Олкотт, естественно, пользовался полным доверием большинства членов Общества, особенно в Индии и Европе. Поэтому заявления, сделанные в книге «Страницы старого дневника» безоговорочно принимались многими членами, чьё мнение относительно Е.П.Б. и Джаджа сформировалось в результате суждений Олкотта о них обоих. Когда Олкотт начал писать «Страницы старого дневника», ему было более шестидесяти лет, здоровье было подорвано, он был глубоко уязвлен в своих чувствах из-за обвинений, которые заставили его подать в отставку, и из-за кажущегося равнодушия, с которым его отставка была воспринята теософами в целом. Преданность Джаджа Е.П.Б. в тот период, несомненно, была занозой в боку Олкотта, поскольку Джадж, который, вероятно, казался полковнику всего лишь мальчишкой в то время, когда он сам нёс на себе основное бремя борьбы, был следующим по очереди на пост президента Общества, и Олкотт уже предчувствовал старость в полном одиночестве и забвении.

Нападки на Уильяма К. Джаджа, повергавшие Общество в смятение на протяжении 1894–1895 годов, начались с переписки между Олкоттом и Джаджем относительно отрывка из послания адепта, которое Джаспер Ниманд (миссис Арчибальд Кейтли) поместила в начале статьи, которую она опубликовала в журнале «Путь» в августе 1891 года (см. главу XII, стр. 169). Когда Анни Безант была в Америке зимой 1892-1893 годов, м-р Джадж показал ей свою переписку с Олкоттом, включая свой ответ на осуждение Олькоттом статьи Ниманд. Миссис Безант получила

разрешение Джаджа напечатать это письмо в «Люцифере», где оно появилось в апрельском номере 1893 года, как письмо, адресованное «индийскому брату», причём имя полковника Олкотта не сообщалось. В этом письме м-р Джадж говорил о важности доведения до широкой публики идеи существования Учителей. «Утверждение этого факта, — писал он, — столь часто делавшееся в Америке, открыло каналы в умах людей, которые остались бы закрытыми, если бы о существовании этих Существ продолжали молчать». Что касается самого послания, он писал:

«Правда, позже я имел честь видеть его [Джаспера] послание, но только прочитал текст, не читая подписи, и не помню, была ли вообще у него подпись. Подпись не важна. Подпись вообще не является средством определения личности. Если у вас нет средств определения личности такого послания, то подпись, печать, бумага, водяные знаки и т. д. бесполезны».

М-р Джадж выразил такое же безразличие к «печати», которой Олкотт придавал большое значение, и подчеркнул то, что Олкотт, похоже, проигнорировал — внутреннюю ценность этого конкретного послания:

«Качества, о которых говорилось, были более чем когда-либо необходимы в ту критическую ситуацию [смерть Е.П.Б.], и слова ободрения от Учителей, какими бы банальными они ни были, оказались полезными и вдохновляющими. Мы не хотим, по крайней мере, я не хочу, чтобы Учителя произносили завуалированные, мистические или высокопарные фразы. Обычные фразы устраивают меня больше и их легче понять. Возможно, если бы вы довольствовались простыми словами от Них, вы бы их получали. Кто знает?»

М-р Джадж исправил предположение Олкотта, что он (Джадж) был Джаспером Ниманд, и защитил с точки зрения стратегии публикацию послания:

«Когда мы приступаем к изучению деятельности и основ Теософского общества и его стратегии, я нахожу для себя совершенно правильным утверждать (что я и делаю) в соответствии с моими собственными знаниями и верой, что наш истинный прогресс заключается в верности Учителям как идеалам и фактам… Я вправе говорить то, что я думаю, а именно что неизменное доверие Учителям, как таким идеалам и фактам, (или и то, и другое) приведёт Т. О. к более великой деятельности.

Я принадлежу к тому классу людей Т. О., которые по своему собственному опыту знают, что Учителя существуют и действительно помогают Т. О.. Вы же принадлежите к классу, который (как я вижу из ваших писем и писем других членов, пишущих аналогично) выражает нерешительность по тому или иному вопросу, как бы ставя под сомнение целесообразность, уместность и мудрость мужественного проявление доверия Существам и веры в Них, которых многие не воспринимают, хотя

вы говорите (как и в своём настоящем письме), что верите и почитаете тех же Учителей, что и я. Какие же выводы я должен сделать? Разве я не должен сделать вывод, что (поскольку вы говорите, что верите в этих Существ) вы считаете неразумным с моей стороны открыто и смело отстаивать свою веру? Ну, тогда, если таково правильное изложение дела, то почему вам не продолжать свой путь веры и сокрытия её, а мне позволить продолжить мои декларации? У меня будет карма своих убеждений. Я никого не заставляю принимать мои утверждения».

Как только экземпляр «Люцифера», содержащий эту статью, дошёл до Индии, сторонники Олкотта поспешили дать ответ. В «Теософе» за июль 1893 года Н. Д. Кхандалавала, видный индийский деятель, сравнил утверждение Джаджа о важности «полагаться на Учителей как на идеалы и факты» с «ханжеством» христианских миссионеров, а также подверг критике мнение Джаджа о том, что способ определения личности Учителя подлинного послания долен быть «внутри» самого получателя. В том же номере «Теософа», в другой статье, Уолтер Р. Олд и Сидни В. Эдж осудили заявления Джаджа как догматизм. Эти авторы заявляли, что м-р Джадж должен предоставить «доказательства» своего общения с адептами, и они заклеймили его личное заявление о вере как «крайне враждебное духу нашего Общества».

Тем временем Олкотт в первых главах серии «Страниц старого дневника» провозглашал, что Е.П.Б. была «субъектом явной внутренней эволюции»; что она ничего не знала о реинкарнации до 1879 года, пока её не обучили этой доктрине в Индии. Несколько абсурдно оправдывая это мнение, Олкотт рискнул предположить, что, возможно, учитель-адепт Е.П.Б. сам ничего не знал о реинкарнации в первые дни Движения, «и что он [адепт], так же как и Е.П.Б., вероятно, изучил этот вопрос впоследствии.

В 1893 году Анни Безант приехала в Соединённые Штаты для участия во Всемирном парламенте религий, который проходил 15-16 сентября на Чикагской ярмарке.

В её группу входил Г. Н. Чакраварти, брамин, член Теософского общества, которого пригласили представлять религию браминов в парламенте. Профессор Чакраварти был учёным индусом, который произвёл большое впечатление на Бертрама Кейтли как обладатель оккультных знаний, и последний, находясь в Америке, настаивал на избрании Чакраварти представителем браминов. В

Чикаго индийский эмиссар вскоре поднялся до особого положения. Его участие в парламенте росло вместе с его престижем, и его пригласили принять участие в церемонии посвящения на открытии Конгресса религий. Теософская программа Конгресса имела заметный успех, и в ней профессор Чакраварти и миссис Безант занимали ведущее место. Влияние всего этого на широкую публику и на членов Теософского общества было незамедлительным и значительным. Возник огромный интерес ко всему теософскому. Весь теософский мир был в восторге. Быть названным «теософом» было равносильно «похвальному отзыву»; быть лично знакомым с Чакраварти и миссис Безант считалось особой привилегией.

Тем временем миссис Безант постепенно поддавалась восточному обаянию своего спутника-брамина. Она уже приняла внешние формы оккультизма (стала строгой вегетарианкой, даже брала с собой в поездки собственную столовую утварь) и интересовалась различными «практиками», пропагандируемыми на Востоке для «развития» человека. Когда она обнаружила, что Чакраварти обладает «сверхъестественными способностями», то фактически стала его ученицей.

Следует отметить, что профессор Чакраварти не был членом Эзотерической школы теософии. Д-р Арчибальд Кейтли в журнале «Путь» за июнь 1895 года довольно подробно описал психическое подчинение миссис Безант Чакраварти. Д-р Кейтли лично был свидетелем некоторых «психических переживаний» миссис Безант под влиянием брамина, который часто «гипнотизировал» её, заставляя слышать то, что она считала голосом «Учителя». Д-р Кейтли комментировал это так:

«Вскоре я увидел психические последствия этой абсолютной перемены взглядов миссис Безант по другим вопросам, помимо тех, что были у Е.П.Б. и м-ра Джаджа». Д-р Кейтли также сказал, что миссис Безант «признавала оккультные связи с группой браминов в Индии; такие связи запрещены правилами неофициальной организации, к которой мы и она тогда принадлежали».

Миссис Безант вернулась в Лондон с Чакраварти и немного позже последовала за ним в Индию. После декабрьского съезда она путешествовала по Индии до марта 1894 года, когда отплыла назад в Англию. Во всех анналах Теософского общества нет ничего такого, что можно было бы сравнить с визитом миссис Безант в Индию.

Туземцы и европейцы, члены Общества и не его члены окружали её вниманием. Восторженные индусы окрестили её *аватарой Аннабай*. Посещения священных мест для неё были религиозными праздниками. Она, посовещавшись с ведущими священнослужителями, провозгласила себя индуской в душе и приняла шнур брахмана. Олкотт на съезде 1893 года заявил, что Учителя послали ему *Аннабай*, чтобы разделить его бремя, и что этот новый помощник со временем «сможет сослужить службу, которую не могла оказать его Учитель [Е.П.Б.] своим несравненным красноречием и научной подготовкой». Он говорил о своём согласии с миссис Безант относительно Эзотерической секции, которая, по его словам, ранее была причиной «недоразумений», т. е. когда Е.П.Б. была жива — и надеялся, что миссис Безант посвятит часть своей будущей жизни работе в Индии. Затем Олкотт сослался на *недавние* заверения Учителей в будущем успехе Общества, а также предупредил, что нужно ожидать «новых неприятных сюрпризов», после которых Общество станет «чище и сильнее, чем когда-либо».

Первый из этих «сюрпризов» был не за горами. В начале февраля миссис Безант, полковник Олкотт и их группа приехали в Аллахабад — домой к проф. Чакраварти. Здесь, вполне уместно, миссис Безант вручила полковнику Олкотту следующее:

«Аллахабад, 6 февраля 1894 г.

Президенту-основателю Теософского общества

Дорогой сэр и брат,—

Некоторое время назад ко мне обратились члены Теософского общества, принадлежащие к разным отделениям, с просьбой успокоить их относительно обвинений, выдвинутых против вице-президента Общества, брата У. К. Джаджа, со ссылкой на некоторые письма и предложения в сомнительных посланиях Махатм. Поскольку распространение подобных обвинений, которые уважаемые члены Общества считают правдой, против видного должностного лица без опровержения и без расследования, наносит ущерб всему Обществу, я прошу вас, как президента Общества, предписать, чтобы предъявленные обвинения были сформулированы и представлены Комитету, как это предусмотрено ст. VI, разд. 2, 3 и 4.

С братским приветом,

Ваша АННИ БЕЗАНТ»

На следующий день полковник Олькотт написал следующее официальное послание м-ру Джаджу:

205 ————————УЛЬТИМАТУМ ОЛКОТТА ДЖАДЖУ

«ОФИС ПРЕЗИДЕНТА ТЕОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА

Агра, 7 февраля 1894 г.

Уильяму К. Джаджу, вице-президенту Т. О.

Дорогой сэр и брат!

Настоящим прилагаю заверенную копию официального письма Анни Безант ко мне из Аллахахада от 6 февраля. В нём она требует провести официальное расследование с помощью Комитета по делу о предполагаемом вами неправильном использовании имён и почерка Махатм.

В силу дискреционных полномочий, предоставленных мне по ст. VI «Пересмотренных правил», я предлагаю вам следующие варианты

1) Отказаться от всех должностей, которые вы занимаете в Теософском обществе, и предоставить мне простое официальное объяснение; или

2) Созвать судебный комитет, как это предусмотрено в ст. VI, разд. 3 «Пересмотренных правил», и опубликовать подробно всё разбирательство.

В любом случае, как вы можете заметить, официальное объяснение оказывается необходимым; в одном случае оно может быть максимально ограниченным и обычным; в другом – быть доскональным, включая все подробности.

Если вы решитесь созвать комитет, я предлагаю выбрать Лондон для встречи, как наиболее центральное и удобное место для всех заинтересованных сторон. Но независимо от того, выберете ли вы Нью-Йорк, Лондон или другое место, меня, по всей вероятности, будут представлять по доверенности, если только не возникнет чего-то непредвиденного, что сделает обязательным моё личное присутствие.

Так как будет гораздо лучше, если я узнаю о вашем решении раньше, чем Анни Безант покинет Индию (20 марта), я прошу вас телеграфировать мне слово «первый», если вы решите уйти в отставку, или «второй», если вы требуете созыва комитета.

С братским приветом,

Ваш Г. С. ОЛКОТТ,

Президент Теософского общества»

ГЛАВА XV

ДЕЛО ПРОТИВ УИЛЬЯМА К. ДЖАДЖА

ПИСЬМО ПОЛКОВНИКА ОЛКОТТА от 7 февраля было получено м-ром Джаджем 10 марта 1894 года. Он немедленно отправил следующую телеграмму президенту Общества. «Обвинения абсолютно ложные. Вы можете предпринимать любые действия, которые считаете нужными; собираюсь в Лондон в июле». (Поездка в Лондон была приурочена к ежегодному съезду Европейской секции.) А 15 марта м-р Джадж опубликовал заявление на четырёх страницах о нападках на него. В этом заявлении он начинает с объяснения того, что обвинения, представленные полковником Олкоттом, ранее распространялись в течение некоторого времени в форме «расплывчатых и замалчиваемых слухов» и что действия президента Общества теперь вынуждают его (м-ра Джаджа) говорить «до тех пор, пока все члены Общества и мои друзья во всех частях света не будут располагать фактами, чтобы предотвратить это неожиданное известие и, возможно, путаницу».

М-р Джадж продолжает: «В Индии утверждают, что я виновен в «неправильном использовании имён и почерка Махатм» и что об этом «официально сообщено президенту». Он вообще не упоминает имя миссис Безант в связи с действиями президента-основателя, а просто сообщает, что «требуется проведение официального расследования» и что полковник Олкотт, «считая себя обязанным и уполномоченным предпринять действия», повторил обвинения в официальном письме, предложив м-ру Джаджу «варианты» – отказаться от «суда» или предстать пред ним.

Затем м-р Джадж объясняет причину своей телеграммы от 10 марта и форму своего ответа:

«Обвинение выдвинуто против меня как вице-президента, я же ответил как физическое лицо, и буду продолжать в том же духе, поскольку в качестве вице-президента мои обязанности носят номинальный характер. Лишь тогда обвинения могут быть выдвинуты против вице-президента (будь то невыполнение своих обязанностей или злоупотребление служебным положением), когда в этой должности имеются какие-либо обязанности. Итак, на первый взгляд это очень расплывчатое обвинение, в нём нет ничего, относящегося к официальной должности вице-президента».

Затем он рассматривает обвинение, как относящееся к себе в качестве одного из самых активных членов Общества:

«Поскольку я был первым руководящим должностным лицом Теософского общества на его предварительном собрании в сентябре 1875 г. и его первым секретарём; был не только близким другом и непосредственным учеником Е. П. Блаватской, но и известным защитником теософского учения, а также вместе со многими друзьями во всех частях земного шара был защитником доброго имени Е. П. Блаватской, высоких мотивов и великих сил от насмешек мира и сильного противодействия со стороны некоторых членов Общества, которое она основала; был избран вместо полковника Олкотта на посту президента Общества и официально объявлен им его преемником, поэтому важно и необходимо, чтобы я предал гласности этот вопрос, что я и делаю сейчас, и заявляю своё безоговорочное, ясное, исчерпывающее опровержение указанного обвинения, решительно утверждая, что оно не имеет под собой абсолютно никакого основания».

Объяснив, почему он чувствовал себя обязанным выслушать и публично отвергнуть обвинения, м-р Джадж выносит на обсуждение конституционные соображения и завершает эту часть своего циркуляра следующими словами:

«Возможно, когда комитет будет созван, мне впервые предоставят сведения о лицах, датах и т. п. выдвинутых обвинений, ни одними из которых я до сих пор не обладаю, кроме слухов».

М-р Джадж ссылается на второй из двух «вариантов», предложенных ему президентом-основателем, и говорит, что он отказался телеграфировать слово «второй», как того требует письмо полковника Олкотта, по той причине, что это означало бы: «Я требую комитета». Он продолжает:

«Причина не в том, что расследования можно избежать. Такого расследования не избежать. Но по конституционному и исполнительному закону я буду возражать от начала до конца любому комитету Теософского общества, рассматривающему любое обвинение против любого лица, которое включает расследование и вынесение решения относительно существования, имён, полномочий, функций или методов «Махатм или Учителей». Я делаю это ради защиты Теософского Общества сейчас и в будущем, независимо от результата, касающегося меня. У Общества нет догмы относительно существования таких Учителей. Ведь обсуждение такого вопроса официальным комитетом Общества (а это первое расследование и принятие решения по нему, и это обязательно начинается с такого обсуждения) означало бы, что Теософское общество после более чем девятнадцати лет несектантской деятельности твёрдо намерено утвердить эту догму и добавить её к уставу Общества. На это я никогда не соглашусь,

но буду возражать и обвинять сам комитет в нарушении конституции, если он решает вопрос о существовании «Учителей» или Махатм; если он подтвердит существование «Учителей» — то нарушит закон; если он будет отрицать Их существование, результатом будет такое же нарушение; оба решения подтвердили бы догму, а отрицательное решение вдобавок нарушило бы положение нашего закона, ст. XIII «Пересмотренных правил», в которых считается правонарушением «умышленно оскорблять религиозные чувства любого члена» Общества, поскольку опровергаемое убеждение является твёрдым убеждением многих сотен членов Общества. Я намерен попытаться раз и навсегда решить этот важный вопрос и добиться официального решения, подтверждающего отныне и навсегда право на свободу в нашем Обществе.

Поэтому и альтернативы президента… являются ошибочными и начальными шагами к провозглашению догмата веры в «Учителей». Кроме того, первая альтернатива — предварительное осуждение, смехотворно само по себе, но вполне серьёзно, поскольку исходит от нашего высшего должностного лица. Это не позволяет ему заседать в комитете, и этот вопрос я также поставлю перед комитетом. Всё его предложение поднимает серьёзные и сложные вопросы оккультизма, касающиеся существования, сил, функций и методов тех «Учителей», в которых верят многие теософы, но в отношении которых Теософское общество настроено совершенно агностически и нейтрально, как организованное сообщество. По этой причине никто из занимающих официальное положение, никогда не думал предавать гласности многочисленные заявления, делаемые то здесь, то там членами Общества, относительно их личного общения с существами, которых они называют «Учителями, Махатмами», или публичные заявления видных членов Общества о том, что некоторые философские утверждения, недавно опубликованные в нашей литературе, исходили непосредственно от тех самых «Учителей», на которых ссылается полковник Олькотт, хотя эти утверждения противоречат другим, сделанным Е. П. Блаватской на основании признанного авторитета тех же «Учителей».

На всех этих основаниях я буду выдвигать возражения против комитета Теософского общества, в то время как, конечно, я никогда не возражаю против надлежащего расследования группой лиц, достаточно осведомлённых, как в оккультизме, так и в теософии, чтобы разумно исследовать эти вопросы».

Заключительные абзацы заявления отвечают на остальные вопросы, которые могут возникнуть, как на основании письма президента-основателя, так и ответа м-ра Джаджа. Вынужденный обстоятельствами говорить открыто о своих убеждениях, м-р Джадж сообщает:

«Но некоторые из вас могут задаться вопросом, не вызывает ли всё это сомнений в том, действительно ли я верю в «Учителей». Я верю, что Учителя существуют, что Они действительно помогают делу Т.О., что Они питают энергией и делают плодотворной работу всех искренних членов; понятно, что всё это я могу сказать себе, но доказать реально

другим, что такие существа есть, теперь невозможно, насколько подсказывает рассудок. «Письма Махатм» вообще ничего не доказывают, кроме как получателю, и то только тогда, когда в его внутренней природе есть критерий доказательства и сила суждения. Осаждение не доказывает существования Махатм по той причине, что простые медиумы, не являющиеся махатмами, могут производить осаждение. Это я всегда утверждал. Об этом может судить только душа, и только по действиям и поступкам можно судить сначала о том, является ли какой-либо человек посредником Учителей; и, следуя курсу, предписываемому во все века, можно пробудить внутренние способности, чтобы представить истинные веские доказательства. Я не утратил своей веры в этих существ, и больше, чем когда-либо, верю в Их существование и в Их помощь нам и внимание к работе Общества.

Наконец, я могу сказать, что моя личная вера в Махатм основана на более веских доказательствах, чем теософские аргументы или опыт других членов. Как известно некоторым теософам, я не остаюсь без руководства и помощи со стороны этих возвышенных друзей Теософского Общества. Форма, которую приняло всё это дело, теперь заставляет меня сказать то, чего я никогда раньше не говорил публично, а именно, что я не только получал прямые послания от Учителей во время и после жизни Е. П. Блаватской, но и что я в определённых случаях передавал их людям для их собственного руководства, а также то, что я руководствовался в некоторой своей деятельности предложениями из тех же источников, хотя и не упоминая об этом факте. — УИЛЬЯМ. К. ДЖАДЖ»

Это заявление м-ра Джаджа было разослано как можно большему числу членов Общества. Его экземпляры попали в Лондон и были замечены м-ром Дж. Р. С. Мидом, бывшим тогда редактором «Люцифера» при миссис Безант, и генеральным секретарём Европейской секции. М-р Бертрам Кейтли, в то время генеральный секретарь Индийской секции, находился в Лондоне и тоже читал циркуляр м-ра Джаджа. Оба были людьми лучших побуждений, и как бы они ни относились к намёкам и подозрениям в адрес м-ра Джаджа, их чувство справедливости было возмущено своеволием президента-основателя и несправедливостью его письма. Даже если м-р Джадж был виновен, он имел право на презумпцию невиновности до тех пор, пока его вина не была бы окончательно установлена. Более того, чем руководствовались в своих рассуждениях миссис Безант и полковник Олкотт, когда брали на себя ответственность проводить авторитарное судебное расследование с целью осуждения какого-либо члена или предлагать ему «варианты» «уйти в отставку» или быть «судимым» комитетом, когда само уже предпринятое необоснованное разбирательство, на самом деле, было нарушением

устава общества? Во всяком случае, очевидно, что и Мид, и Кейтли сразу же поняли, что миссис Безант и президент-основатель грубо нарушили все исповедуемые принципы, а также простые положения устава общества. Поэтому они опубликовали 27 марта 1894 года под своими официальными подписями в качестве генеральных секретарей двух секций, Европейской и Индийской, циркуляр, озаглавленный: «*Для сведения членов Европейской и Индийской секций Теософского общества*».

Авторы начинают с извещения о том, что они читали неофициальные копии писем миссис Безант от 6 февраля и полковника Олкотта от 7 февраля. Обращаясь к полковнику Олкотту, как к президенту-основателю, они настаивают на том, что дальнейшее разбирательство должно быть «строго конституционным и беспристрастным», и продолжают:

«Поэтому наша прямая обязанность как генеральных секретарей двух из трёх секций ТО и членов его Генерального совета официально обратить ваше внимание на следующие моменты с целью гарантирования 1) конституции, 2) несектантского характера и (3) беспристрастности, свойственной Теософскому обществу.

Во-первых, согласно статье VI, разделы 2 и 3, «Устава и Правил Теософского общества», официально утверждённых и обнародованных вами 31 декабря 1893 года, постановляется, что в случае предъявления обвинений президенту или вице-президенту, а) указанные обвинения должны быть изложены в письменной форме, и б) их копии должны быть «немедленно» направлены обвиняемому и «каждому члену Генерального совета».

Теперь мы хотим указать, что вы не следовали процедуре, изложенной в этих правилах, поскольку:

1. Ваше официальное письмо м-ру У. К. Джаджу, о котором говорилось выше, не содержит письменных копий каких-либо обвинений, не называет имён лиц, которые предъявляют такие обвинения, и даже не содержит конкретного заявления о том, какие именно обвинения выдвинуты.

2. Ни одна из официальных копий «письменных обвинений», ни даже вашего вышеупомянутого письма м-ру Джаджу не поступала ни к одному из нас, хотя прошло достаточно времени с тех пор, как ваше письмо было получено м-ром Джаджем в Америке, а его неофициальная копия получена в Англии.

Поэтому, как члены Генерального совета ТО, мы решительно протестуем против этого отступления от правил процедур, установленных в конституции, а также против

игнорирования вами своих официальных обязанностей как президента по отношению к своим коллегам по Генеральному совету общества.

Во-вторых, мы признаём, что, действуя в соответствии с общими дискреционными полномочиями, предоставленными президенту согласно статье VI, раздел I, вы, как президент, были правомочны принять меры по этому вопросу. Но мы твёрдо убеждены, что для того, чтобы защитить и сохранить ту самую конституцию, хранителем которой вы являетесь, вы должны были в своём *официальном* письме м-ру Джаджу решительно отстаивать следующие пункты:

1) независимая платформа Общества исключает любое *официальное заявление* Т.О. или любого представителя его комитета о том, существуют ли «Махатмы» или нет (см. ст. XIII, разделы 2 и 3, «Правонарушения»);

2) поэтому никакое расследование поведения какого-либо должностного лица Общества *в его официальной должности*, которое повлекло бы за собой заявление «да» или «нет» по вышеуказанному вопросу, не может быть проведено каким-либо *официальным* комитетом Т.О.;

3) соответственно пункты 2, 3 и 4 статьи VI не применимы к обвинениям, указанным в вашем письме м-ру Джаджу.

В-третьих, мы хотим далее указать, что, *официально* предоставив м-ру Джаджу альтернативу ухода со всех своих должностей в Т.О. или принятия предложенного расследования, вы снова отступили от процедуры, установленной конституцией.

Более того, поступая таким образом, вы *официально* ставите себя в положение, предрешающее это дело, и фактически заявляете, прежде чем будет проведено какое-либо расследование или даже будут сформулированы какие-либо *конкретные* обвинения, что вы считаете м-ра Джаджа виновным.

Нам кажется, что такое отношение несовместимо с той строгой беспристрастностью и справедливостью, которые должны характеризовать, по крайней мере, официальные действия президента Т.О., и что такое отношение рассчитано на то, чтобы дискредитировать Общество, поставив его главное исполнительное должностное лицо под обвинение осуждающего его коллеги, который даже не выслушал его.

В заключение мы настоящим заявляем о нашем самом решительном протесте против упомянутых выше отклонений от конституционной процедуры; и мы официально запрашиваем официального ответа и декларацию по этому поводу от вас как президента-основателя Т. О. и официального блюстителя его независимой конституции.

К этому мы призываем как генеральные секретари Европы и Индии соответственно и как члены того Генерального совета Теософского общества, от которого, как указано в ст. VI, разд. I, вы получили свои полномочия» в качестве президента Теософского общества, и перед которым, как это предусмотрено, вы «отвечаете за их применение».

Наконец, мы извещаем вас, что немедленно уведомим наши соответствующие отделы о настоящей корреспонденции и

также сообщим им ваш ответ, когда он будет получен, так как члены уже неофициально проинформированы относительно этого вопроса.

Дорогой сэр и брат, с братским приветом, ваши БЕРТРАМ КЕЙТЛИ, Генеральный секретарь Индийской секции Т. О. Дж. Р. С. МИД, Генеральный секретарь Европейской секции Т. О.»

Прежде чем полковник Олькотт успел осознать, что процедура, которой он следовал, вызвала крайнее неодобрение даже со стороны тех, кого он мог бы считать верными сторонниками, таких как Бертрам Кейтли, секретарь Индийской секции, он получил от м-ра Джаджа телеграмму, в которой говорилось, что обвинения ложные, а также игнорировались предложенные ему варианты. После этого Олкотт отправил м-ру Джаджу ещё два официальных письма. Первое письмо было официально адресовано ему как Генеральному секретарю Американской секции, в котором говорилось, что обвинения будут предъявлены перед судебным комитетом Общества, который будет заседать в Лондоне 27 июня. М-ру Джаджу было предложено попросить исполнительный комитет Американской секции назначить двух членов для работы в судебном комитете, и «заседать в качестве представителей Американской секции, чтобы рассматривать и отклонять обвинения».

Второе письмо было адресовано м-ру Джаджу как «вице-президенту Т.О.». В этом письме он объявлялся отстранённым от должности вице-президента и в нём также отмечалось: «Как обвиняемая сторона вы, конечно же, будете лишены права заседать и голосовать в комитете... но вы имеете право пользоваться любой возможностью опровергать выдвинутые против вас обвинения».

Первое из этих писем вынуждало м-ра Джаджа, как Генерального секретаря, представить обвинения и корреспонденцию на предстоящем съезде Американской секции, который должен был состояться в Сан-Франциско в апреле 1894 г., и, таким образом, заставить его занять оборонительную позицию перед его собственной секцией относительно обвинений, одобренных президентом-основателем и миссис Безант, двумя самыми важными и влиятельными членами Общества — теми, которые до сих пор выдавали себя за его близких друзей и коллег по Обществу и движению.

Второе из этих писем вынуждало Джаджа как вице-президента сообщить членам о том, что он отстранён от должности президентом-основателем, и, таким образом, самому стать посредником для передачи им информации о том, что президент

Общества был вынужден ввиду серьёзности дела отстранить вице-президента от должности до заседания судебного комитета. Восьмой ежегодный съезд Американской секции Теософского общества собрался в Сан-Франциско 23–24 апреля 1894 года. Отчёт о его заседаниях показывает, что в обращении м-ра Джаджа как Генерального секретаря не было и намёка на разногласия внутри Общества, в нём сообщалось о прогрессе теософского движения в Соединённых Штатах и от имени теософии с похвалой и признательностью упоминалась деятельность миссис Безант. Первое упоминание об обвинениях, выдвинутых против м-ра Джаджа миссис Безант, произошло при вручении американским делегатам письма от Дж. Р. С. Мида. В этом письме, адресованном м-ру Джаджу как секретарю Американской секции, м-р Мид просил, чтобы переписка между членами Генерального совета Общества была представлена Американскому съезду. Он приложил копию официального письма, написанного им самим и Бертрамом Кейтли президенту-основателю, в котором высказывалось возражение против методов, которым следовал полковник Олкотт при предъявлении обвинений м-ру Джаджу.

Члены Американской секции были уже знакомы с заявлением генеральных секретарей Европейской и Индийской секций, которое было распространено по всему Обществу в виде печатного циркуляра и было передано в комитет по резолюциям.

Затем м-р Джадж зачитал съезду письмо Эллиотта Пейджа, члена Американской секции, и свой собственный ответ, касающийся того же вопроса. М-р Пейдж высказывал своё собственное мнение о том, что Общество не должно проводить какое-либо исследование или расследование, чтобы определить, является ли «теософской отправка посланий, якобы исходящих от Учителя или Учителей». Такое действие, писал он, «будет только способствовать возникновению догмы в Обществе», и добавлял, что «было бы желательно, чтобы было сделано какое-то официальное заявление общего характера, определяющее позицию Общества по вопросам такого рода».

Ответ м-ра Джаджа на это письмо, который он представил делегатам, был следующим:

«Уважаемый сэр и брат! Я получил ваше письмо от 12 числа сего месяца, в котором вы сообщаете мне, что один из членов Т. О. (имя которого вы

передали мне в частном порядке) отправлял вам в разное время «письма и послания, якобы исходящие от одного из Учителей, о котором говорила Е.П. Блаватская, и предполагается, что он заинтересован в благополучии упомянутого Общества, а также что одно из писем подписано полным именем Учителя, чьим посланием оно должно быть, но что в письмах нет попытки подражать предполагаемому почерку Учителей и т. д.».

Вы также официально спрашивали меня, можно ли должным образом назначить комитет для рассмотрения этого вопроса на том основании, что такие действия указанного члена Общества не являются теософскими. Это может рассматриваться Обществом, действующим только через комитет, на том основании, что такое действие является правонарушением в соответствии с конституцией Т.О.. Этот вопрос сначала должен быть представлен Совету и президенту; по моему мнению, с вашей стороны правомочно поднять такой вопрос как один из информационных, запрашивающих решения или мнения соответствующих должностных лиц или Совета. Поэтому я официально изложу вам своё мнение, а затем направлю его президенту и Совету. Моё мнение таково:

Во-первых, изложенный вопрос не может рассматриваться Обществом или его должностными лицами; он строится на том же основании, что и утверждение какого-либо члена Общества о том, что он или она видели или слышали Махатму или что-то от него. По этому поводу смотрите публичные высказывания президента полковника Олкотта, миссис Безант, а также недавнее сообщение м-ра Синнета, президента Лондонской ложи, о том, что его (м-ра Синнетта) публикации были основаны непосредственно на письмах от выше упомянутых Махатм. Это не является правонарушением в Т.О. по той причине, что признаваемыми правонарушениями являются: клевета на членов; нарушение нейтралитета Т. О. в вопросах законодательства, политики, религии, кастовых и социальных правил; нарушение правила об отсутствии догм провозглашением чего-либо догмой или верой Теософского общества; умышленное оскорбление религиозных чувств членов на собрании отделения или секции; осуждение за преступление по законодательству страны и тому подобное. Нигде не упоминаются Махатмы, их способности, существование или функции. Это исключительно личное дело, сообщать или не сообщать о получении посланий от Махатм; это также личное дело, независимо от того, верят ему другие члены или нет.

Во-вторых, было бы нарушением конституции принимать отрицательное или утвердительное решение под официальным прикрытием комитета Т.О. о том, было ли у человека послание от Махатм или нет, а рассмотрение фактов, приведённых вами, предполагало бы предварительное утверждение или отрицание этого. Таким образом, Общество через свой комитет тем или иным образом закрепило бы догму – либо догму о том, что Махатмы существуют и их можно слышать, либо противоположное догматическое утверждение, что таких Махатм не существует.

В связи с этим я позволю себе сослаться на официальное заявление президента в его Исполнительном уведомлении от 27 мая 1893 года относительно конгресса Т. О. в Парламенте религий. Он писал:

«Конечно, следует ясно понимать, что никакие делегаты или комитеты Общества не должны говорить или делать что-либо, чтобы отождествлять его с организацией, имеющей какую-либо особую форму религии, вероисповедания, секты или какого-либо религиозного или этического учителя или лидера; наша обязанность состоит в том, чтобы подтверждать и защищать его безупречный совместный нейтралитет в этих вопросах».

Это относится прямо к делу и предназначалось, как сообщил мне президент, именно для того, чтобы скрыть существование Махатм под словом «учитель» и предотвратить любую привязку Т. О. к Е. П. Блаватской посредством использования слова «лидер». Следовательно, мы заранее имеем общее решение президента, с которым согласятся другие члены Совета, как это делаю я теперь заранее.

С братским приветом, ваш УИЛЬЯМ К. ДЖАДЖ,

Генеральный секретарь Американской секции и член Совета Т.О.»

Также были зачитаны два письма полковника Олкотта м-ру Джаджу от 20 марта, в одном из которых его отстраняли от должности.

На этом съезде Американской секции присутствовали делегаты и доверенные лица от всех шестидесяти одного действующего отделения. Обвинения против м-ра Джаджа и действия полковника Олкотта по их предъявлению были рассмотрены в серии резолюций. Члены проголосовали за то, чтобы расходы, понесённые м-ром Джаджем в печати и распространении его собственного заявления, были возложены на Американскую секцию, а также, что «съезд, после тщательного обсуждения, пришёл к выводу, что такое отстранение от должности вице-президента не имеет ни малейшего основания в конституции и полностью выходит за пределы дискреционных полномочий, предоставленных президенту этой конституцией, и, следовательно, недействительно»; и, кроме того, что «Секция, собравшаяся на съезде, настоящим выражает свой безоговорочный протест против указанного незаконного действия президента Общества и не видит необходимости в таком действии, и что даже если бы конституция содержала какое-либо положение об отстранении от должности, такие действия были бы совершенно ненужными и небратскими, поскольку по конституции вице-президент не имеет никаких обязанностей или полномочий, кроме как в случае смерти, отставки или обвинения президента».

Существующая ситуация по всему предмету Махатм и посланий от Махатм или Учителей, а также фактический

статус всей проблемы в соответствии с целями и уставом Теософского общества были объявлены в двух резолюциях, представленных д-ром Джеромом А. Андерсоном. Обе эти резолюции были приняты единогласно. Они настолько ценны и важны для практической формулировки вопросов, что мы их цитируем со всеми подробностями:

«ПРИНИМАЯ ВО ВНИМАНИЕ тот факт, что многие члены Теософского общества, включая покойную мадам Блаватскую, полковника Олкотта, У. К. Джаджа, миссис Анни Безант, А. П. Синнетта и других, в разное время и в разных местах выражали свою веру в существование определённых Махатм или Учителей и утверждали, что общались с ними; а также

ПРИНИМАЯ ВО ВНИМАНИЕ тот факт, что президент, полковник Олкотт, по просьбе одного из членов, миссис Анни Безант, недавно потребовал официального расследования через судебный комитет Теософского общества для того, чтобы вынести решение, находится ли У. К. Джадж в общении с указанными Махатмами, независимо от того, использовал ли указанный У. К. Джадж неправильно имена и почерк указанных Махатм»; а также

ПРИНИМАЯ ВО ВНИМАНИЕ тот факт, что в соответствии с уставом и правилами Теософского общества провозглашается, что Общество как таковое не несёт ответственности ни за личное мнение своих членов, ни за любое их выражение, и что ни один член, должностное лицо или Совет, Теософское общество или любая его секция или отделение не должны провозглашать или поддерживать любую доктрину, догму или веру как таковые, которые выдвигаются или отстаиваются Обществом (статья XIII); и президент официально и конституционно в своём указе от 27 мая 1893 года, касающемся Всемирного религиозного парламента, провозгласил этот нейтралитет. Поэтому, ПОСТАНОВИЛИ: Согласно мнению настоящего съезда, действия президента, полковника Олкотта, по созыву такого судебного комитета для рассмотрения указанного обвинения, были необоснованными, неконституционными, незаконными и ненадлежащими.

ПОСТАНОВИЛИ: Нынешний съезд искренне одобряет толкование правил и конституции Т.О., недавно изложенное в циркуляре для членов, подписанном Генеральными секретарями Европейской и Индийской секций, и в частном циркуляре от 15 марта 1894 г., изданном Уильямом К. Джаджем.

ПОСТАНОВИЛИ: Нынешний съезд настоящим подтверждает полную свободу платформы Т.О. и религиозных и иных мнений его членов, что даёт право всем и каждому из них заявлять, что они общаются, получают письма от них или действуют как посредники тех, кого выше называют Махатмами или Учителями; или, с другой стороны, выражать недоверие к любому члену, делающему такое заявление или заявление о неверии в существование указанных Махатм.

ПОСТАНОВИЛИ: Нынешний съезд заявляет о своей непоколебимой вере в добросовестность и честность вице-президента Т.О., У. К. Джаджа, и выражает ему самую сердечную благодарность от лица Секции за его безвозмездный и самоотверженный многолетний труд от имени Т.О. в целом.

ПРИНИМАЯ ВО ВНИМАНИЕ тот факт, что Секция считает официальное расследование существования и методов Махатм, а также догматический вердикт, выносимый по такому расследованию, не только незаконными в соответствии с конституцией, но и невозможными при отсутствии более глубоких знаний науки оккультизма, и, следовательно, абсурдными в данном случае, хотя такое исследование и расследование всегда являются надлежащими привилегиями отдельных членов как таковых.

ПОСТАНОВИЛИ, что, несмотря на протест и мнения данной Секции, будет проведено расследование, чтобы вынести решение, общался ли Уильям К. Джадж с указанными Махатмами, и «использовал ли он неправильно имена и почерк указанных Махатм», или были ли им опубликованы или переданы мнимые или реальные послания или повеления от указанных предполагаемых Махатм, то, согласно мнению настоящей Секции, следует также провести расследование, чтобы решить, передавали ли или обнародовали полковник Олкотт, А.П. Синнетт, Анни Безант и другие такие или любые послания от Махатм, будь то истинные или мнимые; и что им следует предъявить доказательства наличия у них полномочий от указанных Махатм и правдивости их утверждений, которые до сих пор часто делались или объявлялись ими публично.

РЕШЕНИЕ: По мнению данной Секции, только группа Махатм, присутствуя на заседаниях комитета, может решать, является ли какое-либо послание подлинным или поддельным посланием Махатм».

Журнал «Теософ» за май 1894 года содержит уведомление полковника Олькотта о том, что «Судебный комитет» для слушания обвинений против м-ра Джаджа соберётся в Лондоне 27 июня. Этот комитет, согласно правилам, пересмотренным в 1893 году, должен был состоять из 1) членов Генерального совета Общества, 2) двух дополнительных членов, выдвинутых каждой секцией Общества, и 3) двух членов, выбранных обвиняемым. (Генеральный совет, как это предусмотрено в конституции, принятой в декабре 1890 года, состоял из президента, вице-президента и генеральных секретарей секций Общества.) Созывая заседание судебного комитета, полковник Олкотт выразил сожаление, что

на заседание комитета уже нельзя было попасть «в частном порядке» из-за действий генеральных секретарей Европейской и Индийской секций, опубликовавших свою критику в адрес президента. Полковник Олкотт также заявил, что его собственные действия по выдвижению обвинений перед Генеральным советом были ответом на «письменное требование» миссис Безант (факт, который м-р Джадж не упомянул в своём четырехстраничном заявлении от 15 марта), и президент выразил сожаление по поводу того, что имя обвинителя не называется, «если вообще можно было посвящать в эти дела широкую публику на предварительном этапе».

Это «Исполнительное уведомление», опубликованное в журнале «Теософ», по-видимому, было попыткой полковника Олкотта создать впечатление, что высшая беспристрастность и строгая законность характеризовали его действия по организации заседания судебного комитета для совершения «суда» над м-ром Джаджем. Кроме того, оно предполагает, что м-р Джадж и м-р Мид с м-ром Кейтли допустили ошибку, опубликовав фактические факты действий, предпринятых в отношении м-ра Джаджа. Акцент, сделанный Олкоттом на том факте, что миссис Безант была обвинителем, клонил к тому, чтобы скрыть его собственную основную ответственность за обвинения — ответственность, которую он позже признал в подписанном заявлении, объясняя, что она действовала непосредственно по его подстрекательству и просьбе.

Президент-основатель незамедлительно прибыл в Лондон, но расследование не было проведено в назначенный день, 27 июня. Время до 7 июля было занято различными безуспешными попытками достичь компромисса, который устранил бы официальное решение, но м-р Джадж настаивал на нём, поскольку вся процедура до настоящего времени проводилась президентом-основателем официально. Джадж выступал в качестве ответчика по обвинениям в бесчестном поведении, и по вопросам, поднятым в ущерб Обществу, а также ему самому, и обвинение могло быть должным образом опровергнуто только официальными действиями. Соответственно, полковник Олкотт созвал заседание Генерального совета 7 июля. Полковник Олкотт председательствовал, м-р Бертрам Кейтли был избран секретарем собрания Совета, присутствовали также м-р Дж. Р. С. Мид и м-р Джадж, который не принимал участия в судопроизводстве. Полковник Олкотт зачитал собравшимся официальное письмо м-ра Джаджа, в котором говорилось, что 1) он никогда не *избирался* вице-президентом Общества и, следовательно, *юридически* не был вице-президентом Общества; 2) если он признан *де-факто* вице-президентом

Общества, то он *не* подпадает под обвинение в «неправильном использовании имён и почерка Махатм», поскольку, даже если бы он был виновен, такое правонарушение было бы совершено частным лицом, а не должностным лицом Общества; следовательно, в соответствии с конституцией дело не подлежит судебному разбирательству судебным комитетом Общества как официальное должностное правонарушение. Затем было зачитано юридическое заключение нью-йоркского адвоката м-ра М. Г. Фелпса, члена Общества, в поддержку утверждений м-ра Джаджа.

Затем этот вопрос был вынесен на обсуждение, но м-р Джадж хранил молчание. Полковник Олкотт сообщил собравшимся, что на Адьярском съезде 1888 года он сам «назначил» м-ра Джаджа вице-президентом в силу своей собственной «прерогативы» на такое назначение и занёс эту должность в официальный список должностных лиц Общества, это назначение было единогласно «подтверждено» голосованием на Генеральном съезде Индии 1890 года, хотя в «официальном отчёте» этого съезда «этот факт не зафиксирован». Следовательно, заявил он, м-р Джадж «был и остаётся вице-президентом де-факто и де-юре». Заслушав то, что сказал полковник Олкотт по первому вопросу, поднятому м-ром Джаджем, собрание Совета не приняло решения, а перешло ко второму вопросу. По этому поводу дискуссия возобновилась, но м-р Джадж по-прежнему хранил молчание. В протоколе написано:

«Затем этот вопрос *был* поставлен на обсуждение. Бертрам Кейтли сделал заявление, и Дж. Р. С. Мид поддержал его:

«Совет, выслушав аргументы по вопросу, поднятому Уильямом К. Джаджем, объявляет, что вопрос принят; что предполагаемые действия касаются его как личности; и что, следовательно, судебный комитет не имеет юрисдикции судить его как вице-президента по предъявленным обвинениям».

Президент согласился. М-р Джадж не голосовал. Ходатайство было объявлено принятым.

По предложению м-ра Мида проголосовали за то, чтобы вышеуказанный отчёт был передан на рассмотрение судебному комитету. М-р Джадж не голосовал.

Полковник Олкотт изложил перед собранием Совета ещё один вопрос, поднятый м-ром Джаджем, а именно избрание м-ра Джаджа Американской, Британской и Индийской секциями в качестве преемника президента в 1892 году (во время отставки полковника Олкотта) «было ipso facto[19] аннулировано после возобновления президентом своей должности». «По ходатайству, — говорится в официальном

[19] в силу самого факта (лат.)

протоколе, – Совет заявил, что вопрос принят, и приказал занести решение в протокол. М-р Джадж не голосовал».

Затем полковник Олкотт обратил внимание собрания на резолюцию съезда Американской секции, которая, по сути, провозгласила, что отстранение м-ра Джаджа от должности не имеет основания в конституции и выходит за рамки дискреционных полномочий президента. По этому поводу было сделано, поддержано и принято (м-р Джадж не голосует) заявление о том, что «действия президента были оправданы при существовавших тогда обстоятельствах» и что «резолюции протеста Американской секции не имеют силы».

Затем по выдвинутому предложению (м-р Джадж не голосует) «Совет просил президента созвать судебный комитет в лондонской штаб-квартире во вторник, 10 июля 1894 года, в 10:00. Затем Совет объявил перерыв по требованию президента».

Судебный комитет, как и требовалось, собрался 10 июля. Присутствовали все члены Комитета, а именно:

Полковник Олкотт в качестве президента-основателя на председательском месте; м-р Дж. Р. С. Мид и м-р Бертрам Кейтли в качестве генеральных секретарей Европейской и Индийской секций; м-р А. П. Синнетт и м-р Э. Т. Стэрди в качестве делегатов Индийской секции; м-р Герберт Берроуз и м-р У.М. Кингсленд в качестве делегатов Европейской секции; д-р Джиро Дью Бак и д-р Арчибальд Кейтли в качестве делегатов Американской секции; м-р Оливер Ферт и м-р Э.Т. Харгроув в качестве специальных делегатов, представляющих обвиняемого, — всё в соответствии с «Пересмотренными правилами», принятыми на Адьярском съезде в декабре прошлого года. М-р Джадж присутствовал в качестве обвиняемого, и не голосовал в качестве генерального секретаря Американской секции. Миссис Безант присутствовала в качестве обвинителя. Следует отметить, что из одиннадцати членов Судебного комитета председатель, полковник Олкотт, а также м-р Э. Т. Стэрди и м-р А. П. Синнетт были заранее полностью убеждены в виновности м-ра Джаджа; м-р Бертрам Кейтли и м-р Дж. Р. С. Мид были убеждены в виновности Джаджа, но в равной степени убеждены в том, что его нельзя «судить» за такое правонарушение; м-р Герберт Берроуз, м-р У. Кингсленд и м-р Оливер Ферт, были близкими друзьями миссис Безант и полковника Олкотта, но всё ещё сомневались в виновности м-ра Джаджа и в законности такого судебного разбирательства.

Из остальных членов Судебного комитета д-р Бак и д-р Арчибальд Кейтли были близкими друзьями, как обвиняемого, так и обвинителя, а также полковника Олкотта; м-р Ф.Т. Харгроув был молодым адвокатом из прекрасной семьи, как раз в то время приобретшим известность среди лондонских членов Общества, дружелюбным ко всем сторонам, но, как показали дальнейшие события, вполне уверенным, подобно д-ру Баку и д-ру Арчибальду Кейтли, как в том, что м-р Джадж невиновен в каких-либо правонарушениях, так и в том, что всё это мероприятие было колоссальной ошибкой, а также нарушением закона.

После того как президент-основатель открыл заседание Судебного комитета, он зачитал собравшемуся комитету официальное письмо м-ра Джаджа в качестве генерального секретаря Американской секции, в котором говорилось, что, по мнению Исполнительного комитета Американской секции, эта секция имеет право на дополнительное голосование в судебном комитете по причине того факта, что её Генеральный секретарь, будучи обвиняемым, не может голосовать в ходе судебного разбирательства. По ходатайству секции Джеймс М. Прайс, хорошо известный как в Нью-Йорке, так и в Лондоне, был включен в состав судебного комитета в качестве представителя Генерального секретаря Американской секции.

Затем полковник Олкотт, в качестве председателя, объявил судебный комитет должным образом сформированным и сразу же приступил к чтению следующего знаменитого обращения в качестве президента-основателя Общества. Мы приводим его полностью, опуская только те части, которые были уже освещены в различных документах:

«Господа и братья,

Мы собрались сегодня вместе как судебный комитет,... чтобы рассмотреть и опровергнуть некоторые обвинения в неправомерном поведении, выдвинутые миссис Безант против вице-президента Общества и датированные 24 марта 1894 года [следует отметить, что два письма, отправленные м-ру Джаджу с намерением предъявить «обвинения» и, как следствие, «отстранить» вице-президента от должности, датированы 20 марта 1894 года, за четыре дня до этой даты].

В соответствии с «Пересмотренными правилами» копии обвинений, выдвинутых обвинителем, были должным образом вручены обвиняемому и членам Генерального совета.

После получения от меня предварительного письма от 7 февраля 1894 года из Агры, Индия, м-р Джадж ошибочно принял его за первый шаг в официальном расследовании обвинений, из-за того, что я не отметил письмо как «частное», и естественно, ошибочно воспринял это как нарушение конституции, а также бурно

выразил протест в публичном циркуляре, адресованном «членам Теософского общество», и пять тысяч экземпляров были разосланы во все части света. В связи с отсутствием имени обвинителя, преобладало ложное впечатление, что я являюсь автором обвинений и в то же время намереваюсь заседать в качестве председателя суда, который должен был их расследовать. Я сожалею об этом обстоятельстве, так как оно вызвало недовольство всего Общества его руководителем, который был личным другом обвиняемого в течение многих лет, всегда ценил его за выдающиеся заслуги и неослабевающую преданность всему движению, и за то, что он всегда стремился поступать по-братски и справедливо по отношению ко всем своим коллегам, любой расы, религии и пола».

Следуя, таким образом, линии поведения, принятой в уведомлении от 27 апреля (которое мы приводили), полковник Олкотт в своём обращении к судебному комитету продолжает аргументировать и излагать свои собственное мнение и выводы по различным вопросам, поднятым м-ром Джаджем на заседании Генерального совета за три дня до этого, как было изложено, и завершает эту часть своего обращения следующими словами:

«Из приведённых выше фактов становится очевидным, что У. К. Джадж является с декабря 1888 г. постоянно как де-юре, так и де-факто вице-президентом Теософского общества. После того как факты были представлены Генеральному совету на его заседании 7-го числа сего месяца, моё определение было одобрено, и теперь с ним также согласен м-р Джадж. Таким образом, он предстанет перед этим судом по «представленному основанию».

Затем президент-основатель переходит ко второму вопросу, поднятому м-ром Джаджем. Интересно отметить, что при его рассмотрении он расширяет первоначальное обвинение, содержащееся в его письме от 7 февраля. Он говорит:

«Второй вопрос, поднятый обвиняемым, более важен. Если предполагаемые деяния вообще были совершены им (что до сих пор остаётся *sub judice*[20]) и он совершил их как частное лицо, то *он не может предстать перед каким-либо другим судом, кроме Арийской Ложи, Т.О., членом которой и президентом он является. Ничто не может быть яснее этого*. [Курсив добавлен.] Итак, каковы предполагаемые правонарушения?

Он практиковал обман, отправляя ложные послания, повеления и письма, как если бы они были отправлены и написаны «Учителями», а также в заявлениях мне об одной розенкрейцерской драгоценности Е.П.Б.

Он поступал лживо в различных других перечисленных случаях.

Совершаются ли эти действия исключительно из-за его личных качеств, или они или любое из них могут быть предъявлены ему как противоправные действия со стороны

[20] На рассмотрении

вице-президента? Это серьёзный вопрос, как в его нынешнем виде, так и в качестве прецедента для будущих непредвиденных обстоятельств. Нам нельзя ошибаться, принимая решение.

Вызывая м-ра Джаджа на этот суд, мне пришла мысль, что предполагаемые злые действия могут быть разделены на (а) сугубо частные действия, а именно предполагаемую лживость и обман, и (б) предполагаемое распространение обманчивых имитаций того, что считается посланиями Махатм, с намерением ввести в заблуждение; эти послания, благодаря его высокому официальному положению среди нас, имели вес, которого они не имели бы, если бы были переданы рядовым членом Общества. Это казалось мне гораздо более отвратительным нарушением, чем просто ложь или любое другое действие человека, и в случае доказательства это означает понижение его в должности. Теперь вопрос поставлен на рассмотрение, и вы должны принять решение согласно своей судебной компетенции.

Хотя первоначальным обвинением было «неправильное использование» (т. е. имитация) «почерка Махатм», тем не менее, полковник Олкотт продолжает высказывать своё мнение о том, что дело вовсе не в том, существуют ли Махатмы или нет, или есть у них распознаваемый почерк или нет, а также уполномочивали или не уполномочивали они м-ра Джаджа выставлять документы от их имени. «Я полагал, когда делал вызов, что этот вопрос можно было обсудить без проведения расследования, которое могло бы поставить под угрозу наш совместный нейтралитет. Обвинения, сформулированные и представленные мне миссис Безант, по моему мнению, могли быть рассмотрены без этого».

После этого экстраординарного признания и подтверждения полковник Олькотт спешит стать на свою защиту, оправдывая то, что довёл дело до этого момента и то, что он теперь вынужден сделать, то есть полностью изменить свою позицию:

«Я должен сослаться на свой официальный отчёт, чтобы доказать, что я был бы последним, кто помог бы нарушить конституцию, отцом которой я являюсь, можно сказать, и которую я постоянно защищал во все времена и при любых обстоятельствах. Встретившись с м-ром Джаджем в Лондоне и ознакомившись с намеченной им линией защиты, я нахожу, что, начиная расследование, мы, вероятно, поставлены перед дилеммой, а именно, мы должны либо отказать ему в общепринятом правосудием выслушивании его заявления и рассмотрении его доказательств (что было бы чудовищно даже в обычном суде — тем более в таком Братстве, как наше, основанном на принципах идеальной справедливости), или погрузиться в ту самую бездну, из которой мы хотим выбраться. Защита м-ра Джаджа заключается в том, что он не виновен в инкриминируемых ему действиях; что Махатмы существуют, связаны с нашим Обществом и находятся в личном контакте с ним; и

он заявляет о своей готовности привести множество свидетелей и документальных доказательств в поддержку своих заявлений».

Здесь можно отметить, что полковник Олькотт и, следовательно, миссис Безант, посредством этого заявления президента-основателя, вынуждены признать, 1) что конституционные вопросы, поднятые м-ром Джаджем, были подняты ради общества, а не для того, чтобы уклоняться от «суда»; и 2) что его «линия защиты» (что представляет настоящую «дилемму» для его обвинителей) состоит просто в том, м-р Джадж «утверждает», согласно полковнику Олкотту, не только то, что он невиновен, но и то, что он готов представить «доказательства» в свою защиту. И хотя эти самые конституционные вопросы и само признание м-ра Джаджа в невиновности, а также готовность вести расследование были заявлены в циркуляре м-ра Джаджа от 15 марта, и, несмотря на то, что полковник Олкотт шесть недель спустя (в уведомлении от 27 апреля) заявляет, что согласно «замечательной консультации», а также его собственного мнения, суд может надлежащим образом состояться, президент-основатель действительно оказывается перед дилеммой в Лондоне.

Не выслушать защиту м-ра Джаджа было бы настолько чудовищно, что даже самые глупые или самые предубежденные люди не могли бы не заметить несправедливости, как бы они ни были слепы к чудовищной несправедливости выдвижения в первую очередь этих построенных на слухах «обвинений». Как полковник Олкотт уклонился от реальной проблемы и в то же время фактически сделал то, что он только что охарактеризовал как «нечто чудовищное даже в обычном суде, тем более в Братстве, подобном Теософскому обществу», можно понять из его следующих слов:

«Как только мы приступим к этим вопросам, нам придётся нарушить самый важный дух нашего федерального договора, его нейтралитет на предмет убеждений. Итак, по вышеуказанной причине я выражаю своё мнение о том, что не следует продолжать расследования, и что мы не можем нарушать наши собственные законы ни по какому поводу. Кроме того, я считаю, что такое расследование, начатое какой-либо группой в составе нашего членства, не может продолжаться, если будет объявлена подобная линия защиты. Если, паче чаяния, виновное лицо останется безнаказанным вследствие этого постановления, мы ничего не можем с этим поделать; конституция — наш оплот, и мы должны сделать её символом справедливости, иначе наше Общество распадется».

Таким образом, в этом единственном абзаце содержится согласно собственным словам полковника Олкотта признание в неуместности и незаконности первоначального предъявления «обвинений»; в том, что все конституционные утверждения, выдвинутые м-ром Джаджем,

были правильными; что м-р Джадж был готов и хотел «предстать перед судом»; что такая «линия защиты» нарушила бы всю процедуру и что расследование «не могло бы продолжаться» — тем самым лишая м-ра Джаджа, обвинённого в бесчестном поведении, обещанной «любой возможности *опровергнуть* обвинения, выдвинутые против вас», как писал ему полковник Олкотт 20 марта, когда отстранил его от должности вице-президента в ожидании заседания судебного комитета.

Факты сложившейся ситуации заставили Олкотта продолжить:

«Откровенность заставляет меня добавить, что, несмотря на то, что я считал некоторыми предварительными придирками и несправедливой тактикой, м-р Джадж прибыл сюда из Америки, чтобы встретиться со своими обвинителями перед этим комитетом, и заявляет о своей готовности принимать участие в расследовании обвинений и выслушать решение по существу вопроса любого компетентного суда».

Эти заявления полковника Олкотта следует особенно отметить, поскольку позже читатель обнаружит, что и полковник Олкотт, и миссис Безант снова и снова серьёзно заявляют, что м-р Джадж «виновен», как если бы эта «вина» была *доказана*; что он *уклонился* от суда или *избежал* его, сославшись на то, что юристы называют процессуальным отводом.

После вышеизложенных замечаний полковник Олкотт в оправдание себе приводит доводы против резолюций, принятых съездом Американской секции, а затем отменяет те свои действия, к которым были предъявлены претензии:

«Мне стало ясно, что м-ра Джаджа нельзя судить по нынешним обвинениям, не нарушая норм нашей конституции, я не имею права продолжать отстранение его от должности и тем самым отменяю своё уведомление об отстранении от 7 февраля 1894 года [фактически, письмо об отстранении было официально отправлено 20 марта] и восстановляю его в должности вице-президента».

Остальная часть обращения президента-основателя к судебному комитету представляет собой наполовину извинение за «неудобства», причинённые членам и другим заседателям созывом комитета, и наполовину призыв к «братству».

Затем м-р Мид представил судебному комитету протокол заседания Генерального совета от 7 июля в том виде, в котором он был представлен. Затем судебный комитет принял следующие резолюции:

Решено: Предложить президенту представить комитету обвинения против м-ра Джаджа, упомянутые в его обращении.

Соответственно, обвинения были предъявлены комитету. После обсуждения было

Решено: несмотря на то, что установлено, что член, выдвинувший обвинения, т. е. миссис Безант, а также м-р Джадж, оба готовы продолжать расследование, комитет, тем не менее, считает, что обвинения не относятся к поведению вице-президента в его официальном качестве и, следовательно, не подпадают под юрисдикцию комитета».

Из вышеизложенного можно отметить, что в отчёте просто констатируется, что резолюции были «приняты» комитетом без предоставления голосов «за» и «против». Читатель должен понять, что делегаты, благосклонно относящиеся к м-ру Джаджу, предоставили другим заседателям решать, продолжать судопроизводство или нет.

В другой резолюции утверждалось, что подобное расследование нарушило бы нейтралитет Общества на предмет религиозных убеждений. По этому вопросу «четыре члена воздержались от голосования», — говорится в сообщении. Их имена не называются. Другая резолюция приняла обращение президента, а также была принята ещё одна резолюция с просьбой к Генеральному совету опубликовать и распространить отчёт о заседании. Затем был поднят вопрос о том, следует ли включать обвинения против м-ра Джаджа в печатный отчёт. В связи с этим м-р Берроуз предложил, а м-р Стэрди поддержал резолюцию о том, что, «если «Протоколы» вообще будут напечатаны, то обвинения должны быть включены. Однако когда собравшиеся заседатели увидели всю беззаконность официального распространения ряда обвинений после того, как обвиняемому было отказано в возможности выслушать и опровергнуть их, такое ходатайство было уж чересчур, и даже самые предубежденные заседатели не могли взять на себя ответственность за это. В протоколе сказано: «При голосовании резолюция не была принята». И опять же отчёт старательно воздерживается от упоминания о том, кто голосовал за и кто голосовал против этой гнусной резолюции. После этого в отчёте говорится: «Протокол был зачитан и утверждён, комитет распущен».

Следует отметить, что все резолюции, принятые Генеральным советом на заседании 7 июля, и все протоколы заседания судебного комитета от 10-го числа находились в

полном согласии с замечаниями президента-основателя из его обращения к двум органам. Не менее интересен тот факт, что во всех заседаниях, как Генерального совета, так и судебного комитета, м-р Джадж и его представители принимали совершенно пассивное участие. Когда в своих официальных письмах, адресованных этим двум органам, президент затрагивал необходимые юридические вопросы и заявлял о своей готовности непосредственно встретиться с любым судебным разбирательством по реальным вопросам, поставленным на карту, м-р Джадж всё время хранил молчание, предоставив своим обвинителям самим решать, какие шаги им предпринять.

ГЛАВА XVI

ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕЛА ДЖАДЖА

В СУЩНОСТИ ФИАСКО заседания судебного комитета 10 июля, созванного полковником Олькоттом, создало тревожную атмосферу в Теософском обществе. Обвинители м-ра Джаджа продемонстрировали свою праведность и «законность», выразив глубокую озабоченность благополучием Теософского движения в целом. И полковник Олкотт, и миссис Безант утверждали, что они чувствовали себя обязанными взять на себя неприятную задачу по возбуждению расследования, чтобы избавить м-ра Джаджа от клеветы и дать ему возможность напрямую ответить на обвинения и слухи, касающиеся его поведение, и по возможности, опровергнуть их. Но когда расследование, объявленное таким образом, достигло своего апогея в официальном «слушании», вся процедура рухнула под собственной тяжестью, и её сторонники в замешательстве удалились.

Лондонский съезд Европейской секции Общества должен был провести свою первую сессию 12 июля. Возможно, в надежде, что европейским делегатам будут представлены более убедительные результаты расследования, миссис Безант предложила д-ру Дж. Д. Баку созвать «почётных присяжных» для вынесения «обвинений». Она назвала имена Синнетта, Бертрама Кейтли, Стэрди, Берроуза и Ферта в качестве присяжных. В этом было отказано на том основании, что м-ру Джаджу ещё не были предоставлены заверенные копии документов, якобы содержащие «улики» его обвинения; что ему потребуется время, чтобы представить свидетелей и документы для опровержения; наконец, что большинство представленных имён были именами людей, о которых известно, что они уже были настроены против него, и что присяжные, если они будут избраны, должны состоять из членов, имеющих право взвешивать и передавать принципы, процессы и доказательства, обязательно связанные с «осаждением» и другими «оккультными» феноменами. Продолжалось обсуждение идеи «почётных присяжных», но, в конце концов, был принят курс на представление двух заявлений, одного миссис Безант, другого м-ром Джаджем, перед Европейским съездом.

Первая, излагая всё подробно, начала с краткого изложения «истории» «дела Джаджа». По её словам, явное выражение настроений против Джаджа началось с публикации в журнале «Теософ» (июль 1893 г.) статьи Уолтера Р. Олда и Сиднея В. Эджа под названием «Теософское свободомыслие» (см. главу XIV). С того момента, продолжала она, о м-ре Джадже стали распространяться злонамеренные слухи, заставившие её «вмешаться» в частном порядке в надежде, что этим преувеличенным обвинениям можно будет положить конец и «тому, что могло остаться от обоснованной жалобы, не прибегая к публичной полемике». Однако обвинения, как объясняла она, стали широко известны, когда лица, «которым было известны нечто о жалобах», нарушили «обещание хранить молчание», и миссис Безант, как она выразилась, предложила взять на себя «бремя формулирования обвинений».

Затем она описала события некоторых предшествующих дней, выразив личное согласие с решением судебного комитета о том, что он не может «судить» г-на Джаджа ни в качестве должностного лица Общества, ни как частное лицо. Остальная часть её выступления посвящена повторению и анализу обвинений, в которых миссис Безант решительно излагает свою собственную версию «правонарушений», совершённых м-ром Джаджем:

«И теперь я должна привести эти обвинения к их надлежащему соотношению, так как они были чрезвычайно преувеличены... жизненно важное обвинение заключается в том, что м-р Джадж издавал письма и послания в виде рукописного текста, легко узнаваемого как текст, написанный Учителем, с которым Е.П.Б. была тесно связана, а также в том, что эти письма и послания не были написаны и осаждены непосредственно Учителем, чей почерк они содержат; к этому прибавляются дополнительные обвинения в обмане, но они, конечно, никогда не стали бы основанием для какого-либо действия, если бы не их связь с главным пунктом.

Кроме того, я хочу, чтобы было ясно понято, что я не обвиняю и не обвиняла м-ра Джаджа в подлоге в обычном смысле этого слова, а только в придании обманчивой материальной формы посланиям, полученным медиумически от Учителя различными способами, не информируя получателей об этом факте.

Я считаю м-ра Джаджа оккультистом, обладающим значительными знаниями и глубокой и непоколебимой преданностью Теософскому обществу. Я верю, что он часто получал послания непосредственно от Учителей и Их чела, которые направляли и помогали ему в его работе. Я верю, что он иногда получал послания для других людей тем или иным способом,

о чём я упомяну через минуту, но не написанных почерком Учителя или через его осаждение; и что м-р Джадж тогда счёл себя вправе записывать почерком, принятом Е.П.Б. для сообщений от Учителя, полученное медиумическим образом послание и передавать его человеку, для которого оно предназначалось, оставляя это лицо ошибочно полагать, что это было осаждение или почерк непосредственно самого Учителя, то есть, что это было сделано *через* м-ра Джаджа, но сделано *самим* Учителем.

Итак, лично я считаю, что этот метод незаконен и что никто не может имитировать распознаваемый почерк, который считается авторитетным, когда он подлинный. А под подлинным я подразумеваю послание непосредственно написанное или осаждённое самим Учителем. Если послание написано осознанно, то так и надо заявлять; если оно написано автоматическим письмом, то так и надо заявлять. По крайней мере, мне так кажется. Важно понять ту очень незначительную роль, которую Учителя обычно играют в этих феноменах, чтобы люди не воспринимали послания как авторитетные только на том основании, что они написаны определённым почерком. За исключением очень редких случаев, Учителя обычно не пишут писем лично и не осаждают сообщение напрямую. Они могут посылать послания тем, с кем Они могут общаться голосом, раздающимся извне, или через астральные видения, или словами, воспринимаемыми медиумическим образом, или мысленными отпечатками, или другими способами. Если человек получает послание, которое, по его мнению, исходит от Учителя, для передачи кому-либо ещё, он считает долгом чести не добавлять к этому посланию никаких посторонних обстоятельств, которые придали бы ему вес в глазах получателя. Я полагаю, что м-р Джадж писал своей собственной рукой, осознанно или автоматически, я не знаю, и почерком, принимаемым за почерк Учителя, те послания, которые он получал от Учителя или от чела. Я знаю, что в моём случае я полагала, что послания, которые он передавал мне, и которые были написаны хорошо известным почерком, представляли собой послания, осаждённые или написанные непосредственно Учителем. Когда я публично заявляла, что получала после смерти Е. П. Блаватской письма, написанные тем же почерком, за который Е. П. Блаватскую обвиняли в подделке, я имела в виду письма, переданные мне м-ром Джаджем, и, поскольку они были написаны хорошо известным почерком, я никогда не думала ставить под сомнение их источник. Теперь я понимаю, что они не были написаны или осаждены Учителем, но что они были выполнены м-ром Джаджем, и я также полагаю, что суть этих посланий была воспринята медиумическим образом, и что ошибка м-ра Джаджа заключалась в том, что он передал мне эти послания, написанные известным почерком, но не сказал, что сделал это сам. Я считаю себя обязанной прямо сказать про эти письма, потому что, ошибаясь сама, я, в свою очередь, ввожу в заблуждение других... Если вы, представители Теософского общества, считаете, что публикация этого заявления, за которой последует заявление м-ра Джаджа, положит конец этому прискорбному делу, и, внеся

ясность, избавит хотя бы от такого множества бурлящих подозрений, среди которых мы живём, и, если вы сможете принять это заявление, то я предлагаю, чтобы оно заняло место почётного комитета, поставив вас, наши братья, на место этого комитета. Я предоставила самое откровенное объяснение, какое только могла. Я знаю, как сложны феномены, связанные с силами, действие которых большинству неизвестно, поэтому немногие способны точно судить о них, а те, через кого они действуют, не всегда в состоянии управлять ими. И я верю, что эти объяснения могут положить конец, по крайней мере, некоторым проблемам последних двух лет и предоставить нам возможность продолжать нашу работу ради этого мира, каждый по-своему. За любую боль, которую я причинила моему брату, пытаясь выполнить самое отвратительное задание, я прошу у него прощения, а также за любые ошибки, которые я, возможно, допустила.

АННИ БЕЗАНТ»

Читая только заявление миссис Безант, можно подумать, что во время Европейского съезда 1894 года она всё ещё была преданным другом м-ра Джаджа, даже в некоторых отношениях его поклонницей, и что она действовала исключительно из побуждений теософского долга. Однако существуют серьёзные доказательства недобросовестности, которые следует учитывать в связи с её заявлением. При рассмотрении обстоятельств, приведших к расследованию, она говорит, что согласилась «вмешаться в частном порядке» в попытке остановить кампанию слухов против м-ра Джаджа. На самом деле это «вмешательство» состояло из письма, написанного Джаджу 11 января 1894 года, в котором она сообщала ему, что у неё есть доказательства его «вины», и требовала в качестве платы за её молчание, чтобы он покинул Т.О. и Э.Ш., отказавшись от своих должностей в обеих организациях, «иначе улики, подтверждающие совершенное зло, будут представлены комитету Теософского общества».

Естественно возникает вопрос: почему миссис Безант с такой решимостью восстала против Джаджа, после того как менее двух лет назад с энтузиазмом поддержала его как преемника Олкотта на посту президента Общества? Ответ явно следует из разоблачения этого заявления, сделанного на Европейском съезде. Все члены Общества были знакомы со знаменательным публичным заявлением миссис Безант от 30 августа 1891 года, «что с тех пор, как мадам Блаватская ушла, я получала письма, написанные тем же почерком, что и письма, которые она получала», то есть дополнительные «Письма Махатм». Для многих членов Общества это означало, что смерть Е.П.Б. не означала перерыва в общении

лидеров Движения с теософскими адептами; это также означало, судя по внешнему виду, что миссис Безант теперь находилась в почти таких же отношениях с адептами, как и Е.П.Б. при жизни. То, чего не могли знать члены Общества, пока об этом не рассказала миссис Безант, так это то, что упомянутые послания поступали к ней через м-ра Джаджа.

Кажется очевидным, что её хорошо скрываемая озлобленность против Джаджа была вызвана подозрениями, переросшими в твёрдое убеждение, что эти «послания» не были подлинными. Не пытаясь слишком подробно воссоздать чувственную реакцию миссис Безант, можно предположить следующее: так как она придерживалась такого мнения в отношении этих посланий, это явилось непосредственной причиной того, что она обратилась против Джаджа, как очевидного виновника её опасного положения в оккультизме, и что она совершенно естественно встала на сторону Олкотта из-за его подобного недоверия по отношению к Джаджу. Олкотт, как мы помним, решительно возражал против публикации в журнале «Путь» (август 1891 года) статьи Джаспер Ниманд, начинавшейся с цитаты, приписываемой недавнему письму адепта, и шквал критики в адрес Джаджа, печатавшийся с того времени в журнале «Теософ», был в значительной степени вдохновлён Олкоттом и его верными сторонниками. Обсуждая дела Джаджа в докладе на декабрьском съезде 1894 года в Индии, Олкотт нашёл случай заметить: «Моё реальное общение с великими Учителями почти полностью прекратилось после смерти Е.П.Б.», подразумевая, что если он, президент-основатель больше не общался с адептами, то как можно было предположить, что м-р Джадж, более молодой и гораздо менее известный человек, пользовался такой великой привилегией?

Заявление м-ра Джаджа, более краткое, чем заявление миссис Безант, было следующим:

ЗАЯВЛЕНИЕ МИСТЕРА ДЖАДЖА

«С марта прошлого года против меня по всему миру распространяются обвинения, к которым привязано имя Анни Безант, без её согласия, как она теперь говорит, что я виновен в подделке имён и почерка Махатм и в неправильном использовании указанных имён и почерка. Также появилось обвинение в том, что я скрыл имя Анни Безант как инициатора этого дела из страха перед нею же. Всё это доставило большие неприятности и переживания всем заинтересованным сторонам, т. е. всем нашим

членам. Настало время покончить с этим раз и навсегда, если это возможно.

Итак, я заявляю следующее:

1. Я исключил имя Анни Безант из опубликованного мою циркуляра по просьбе моих друзей из Т.О. в то время близких мне, чтобы спасти её и предоставить другим поставить её имя под обвинением. Теперь оказалось, что если бы я тогда назвал её имя, то это противоречило бы её нынешнему заявлению.

2. Я повторно заявляю об отрицании упомянутых слухов относительно обвинения меня в подделке названных имён и почерка Махатм или в их неправильном использовании.

3. Я признаю, что получал и передавал послания Махатм и утверждаю их подлинность.

4. Я заявляю, что слышал и продолжаю слышать Махатм и что являюсь посредником Махатм; но я отрицаю, что когда-либо пытался убеждать других поверить в Них, и, насколько мне известно, я первый раз делаю подобное заявление. Меня вынуждают к этому. Я прилагал усилия, чтобы отвлечь внимание от того, что это как-то связано со мной. И у меня нет никакого желания утверждать (обвинение, которое я отвергаю), что являюсь единственным каналом связи с Учителями; я считаю, что такое общение доступно любому человеку, который, стремясь служить человечеству, создаёт для него необходимые условия.

5. Какие бы послания от Махатм ни были переданы мной как таковые (а их крайне мало) в настоящий момент я заявляю, что они были и являются подлинными посланиями от Махатм, насколько простираются мои знания; они были получены через меня, но как они были получены или произведены, я не могу сказать. И теперь я снова говорю, как и публично заявлял ранее, и как часто говорила Е.П. Блаватская (я всегда считал это общеизвестным мнением среди усердных теософов), что осаждение слов или посланий не имеет никакого значения и не представляет собой доказательства связи с Махатмами; это лишь феномен и не имеет ни малейшей ценности.

6. Что касается методов получения и передачи посланий от Учителей, то их много. Мои собственные методы могут расходиться с мнением других теософов относительно них, и я признаю за ними право критиковать их, если они того пожелают; но я отказываю кому-либо в праве говорить, что он знает или может доказать, что такие послания мне или через меня не являются подлинными, если только он не способен видеть на этом плане. Я могу только сказать, что я делал всё возможное, чтобы передавать (в тех немногих случаях, когда я вообще это делал) точно и правдиво те послания, которые, как я думаю, получал для передачи, и никогда, насколько мне известно, не пытался при этом обмануть какое-либо лицо или какие-либо лица.

7. И я заявляю, что в 1893 году Учитель прислал мне послание, в котором благодарил меня за всю мою работу и усилия в области теософии и выражал удовлетворение ею, заканчивая мудрым советом беречься от неудач и безрассудств моей низшей природы; это послание миссис Безант безоговорочно признаёт.

8. Наконец, и только из-за распространения абсурдных утверждений, я с готовностью заявляю о том (чего никогда не отрицал), а именно, что я являюсь человеком, исполненным ошибок, склонным к ошибкам, и ничуть не непогрешимым, но таким же, как любой другой человек, как и я сам, и из того же класса людей, к которому и я принадлежу. Я открыто, полностью и искренне прощаю всех тех, про кого можно было бы подумать, что они причинили или пытались причинить мне зло.

УИЛЬЯМ К. ДЖАДЖ»

Сравнение заявления миссис Безант с заявлением м-ра Джаджа выявляет точки соприкосновения и различия, как в вопросах фактов, так и в манере заявления. Что касается реального вопроса, связанного с тем, поддерживал ли м-р Джадж связь с адептами теософии и получал ли от них послания, Безант делает два важных признания:

«Я верю, что он часто получал послания непосредственно от Учителей и Их чела… Я верю, что он иногда получал послания для других людей».

Что же тогда было предполагаемым правонарушением, которое заставило её выдвинуть обвинения против м-ра Джаджа? Миссис Безант повторяет это несколько раз:

«Я полагаю, что м-р Джадж писал своей собственной рукой, только не знаю, писал ли он осознанно или автоматически подчерком, принятым за почерк Учителя, те послания, которые он получал от Учителя или от чела…

Теперь я понимаю, что они не были написаны или осаждены Учителем, но что они были выполнены м-ром Джаджем, и я также полагаю, что суть этих посланий была воспринята медиумическим образом».

Миссис Безант добавляет:

Итак, лично я считаю, что этот метод незаконен и что никто не может имитировать распознаваемый почерк, который считается авторитетным, когда он подлинный. А под подлинным я подразумеваю непосредственно написанное или осаждённое самим Учителем. Если послание написано осознанно, то так и надо заявлять; если оно написано автоматическим письмом, то так и надо заявлять. По крайней мере, мне так кажется.

Предыдущий отрывок выделен курсивом по той причине, что он содержит суть жалобы миссис Безант. Кроме того, это показывает, что, несмотря на все её последующие заявления и утверждения,

миссис Безант не имела реальных знаний об оккультном учении и работала в полном неведении даже о том, что было дано много лет назад Е.П.Б. и Учителями. Ведь в приложении к четвёртому и более поздним изданиям «Оккультного мира» м-р Синнет приводил длинное письмо непосредственно от Учителя «К.Х.» по самому предмету «осаждения» в связи с инцидентом, связанным с Киддлом, который показал, что сам Учитель признавался, что был «виновником» того самого «метода», который миссис Безант считает «незаконным». В чрезвычайно важной статье «Магические ложи» Е.П.Б., опубликованной в «Люцифере» за октябрь 1888 года (во время открытого формирования Э.С.) подробно рассматривается именно этот вопрос. И не зря, ведь м-р Синнетт и другие перешептывались об идентичных «обвинениях» её в «подлоге» и «ложных посланиях». Как и миссис Безант, члены Общества получали одни «послания» через Е.П.Б. которые соответствовали их идеям, и другие «послания», опровергавшие их предубеждения. Одни они назвали «подлинными», другие – «фальшивыми». Е.П.Б., намереваясь показать абсурдность такой позиции, писала:

«Один из корреспондентов спросил нас, почему бы ему не «заподозрить некоторые из так называемых «осаждённых» писем в подделке», назвав в качестве причины то, что, хотя некоторые из них несут на себе печать неоспоримой подлинности (для него), другие по своему содержанию и стилю кажутся имитациями. Это равносильно утверждению, что он обладает такой безошибочной духовной проницательностью, что способен отличить ложное от истинного, хотя он никогда не видел Учителя и ему не давали никакого ключа, с помощью которого можно было бы проверить его предполагаемые послания. Неизбежным следствием его неподготовленного ума в таких случаях будет склонность к тому, чтобы объявлять ложным то, что было подлинным, и подлинным то, что было ложным. Итак, по какому же *критерию* следует отличать «осаждённое» письмо от другого такого же письма? Кто, кроме их авторов или тех, кто *пишет под их диктовку* (*чела* или учеников), может рассказать про это? Ведь едва ли одно из ста «оккультных» писем когда-либо было написано рукой Учителя, от имени и по поручению которого они посылаются, поскольку у Учителей нет ни нужды, ни времени для их написания; и что, когда Учитель говорит: «Я написал это письмо», это означает только то, что каждое слово в нём было продиктовано им и запечатлено на бумаге под его непосредственным наблюдением. Как правило, они поручают своему ученику, вблизи или на расстоянии, записывать (или осаждать) письма, запечатлевая в его сознании мысли, которые они хотели бы выразить, и, если необходимо, помогая ему в процессе осаждения в виде отпечатков.

Насколько точно могут быть переданы мысли и воспроизведена модель письма, полностью зависит от уровня развития *чела*. Таким образом, получатель, *не являющийся адептом*, стоит в неуверенности перед дилеммой: если одна буква фальшивая, то не все ли они таковы, поскольку, что касается внутреннего свидетельства, все они исходят из одного и того же источника и доставляются одними и теми же мистическими средствами. Но можно предположить и другое, и гораздо худшее обстоятельство. При всём том, что может знать получатель «оккультных» писем, и, исходя из простых соображений вероятности и обычной порядочности, невидимый корреспондент, допустивший *одну-единственную фальшивую строчку от своего имени*, закрыл глаза на бесконечное повторение такого обмана».

Миссис Безант продолжает спорить, как если бы это было чем-то до сих пор неизвестным, и «должно быть понятым всеми, что письма и послания могут быть написаны или могут быть осажденным любым почерком, без получения при этом каких-либо правомерных полномочий». Рассуждая таким образом, она всего лишь повторяла то, чему Е.П.Б. и м-р Джадж учили много лет; но если бы она знала, что это является свершившимся фактом, то зачем ей приписывать такую важность «почерку Махатм», осаждённому «в материальной форме» через м-ра Джаджа или кого-либо ещё? Если «источник посланий можно определить только посредством духовного знания», и *если бы она обладала этим знанием*, тогда бы она знала, как она утверждала, что послания м-ра Джаджа были подлинными, тогда почему же она *не подтвердила их подлинность* перед сомневающимися членами Общества вместо того, чтобы обвинять м-ра Джаджа в «подлоге»? Или если об источнике можно судить только «умом по характеру их содержания», то почему она не обсуждает *содержание* вместо *формы* спорных посланий? И если «любой человек должен использовать свои собственные силы и действовать под свою ответственность, принимая или отвергая их», то какой повод или право есть у кого-либо обвинять человека в «подделке» в связи с какими-либо «посланиями»?

Эти соображения, однако, были далеко не понятны подавляющему большинству теософов, присутствовавших на Лондонском съезде. Каждая «сторона» высказала своё «мнение», и теперь все ожидали, что снова воцарится гармония и взаимная снисходительность. В отчёте съезда говорится:

«Заслушав приведённые выше заявления, м-р Бертрам Кейтли, поддержанный д-ром Баком, предложил следующую резолюцию и принял её *nem. con.*[21].

[21] Сокращённо от nemine contradicente; против нет (лат.).

Решено: что это собрание охотно принимает урегулирование, достигнутое Анни Безант и Уильямом К. Джаджем, как окончательное урегулирование вопросов, нерешённых до сих пор между ними как обвинителем и ответчиком, с надеждой, что его можно предать забвению, а также

Решено: что мы будем действовать сообща с ними, чтобы продвигать дело подлинного Братства, в которое мы все верим».

По завершении официальных заседаний третьей сессии съезда Европейской секции, завершившейся принятием вышеупомянутых *резолюций*, неожиданный всплеск братских чувств воодушевил всех делегатов и приезжих членов Теософского общества. Те, кто был раздираем предвзятыми чувствами, и те, кто старался оставаться нейтральным и беспристрастным, как лидеры, так и последователи, все они присоединялись к взаимным поздравлениям по поводу того, что казалось полным восстановлением единства.

Официальные сообщения о съезде в различных теософских публикациях представляли дело Джаджа как «улаженное», но из трактовки этого предмета, как в «Люцифере», так и в «Теософе» было очевидно, что недруги м-ра Джаджа были далеко не удовлетворены тем, чтобы оставить это дело в покое. Оба журнала содержали слегка завуалированные поучения с намерением предположить возможность извлечения уроков из «ошибок» м-ра Джаджа. Пламя разногласий, возможно, на какое-то время угасло и скрылось из виду, но последующие события показали, что огонь продолжал тлеть с нарастающей интенсивностью.

М-р Джадж уехал из Лондона в Нью-Йорк 18 июля 1894 года; полковник Олкотт после непродолжительного путешествия по Англии, Шотландии и Ирландии отправился в Индию. М-р Бертрам Кейтли также вернулся в Индию, чтобы возобновить свои обязанности генерального секретаря Индийской секции и быть рядом с Чакраварти, учеником которого он стал. Миссис Безант сразу же отплыла в Австралию, чтобы сформировать там отделения и основать Австралазийскую секцию Теософского общества в соответствии с *карт-бланшем*, данным ей президентом-основателем. Она также была уполномочена Европейским съездом представлять эту секцию в качестве её делегата на «парламенте Адьяра», который должен был состояться в декабре.

М-р Уолтер Р. Олд, соавтор статьи Сиднея Эджа в журнале «Теософ», содержавшей нападки на м-ра Джаджа («Теософское свободомыслие»), прибывший из Индии в апреле, остался в

Англии после съезда. Олд был отстранён от участия в Э.Ш. (членом Совета которой он был) с августа 1893 года из-за заявления в статье «Теософское свободомыслие», нарушавшей правило оккультной секретности, которому он присягнул. Он был отстранён по совместному приказу миссис Безант и м-ра Джаджа. Однако есть веские доказательства того, что миссис Безант, прибыв в Адьяр в декабре 1893 года, советовалась с м-ром Олдом и выслушала его рассказ с намеками на нечестность Джаджа. Поездка Олда в Англию в начале 1894 года, якобы предписанная его лечащим врачом, как было объявлено в журнале «Теософ», позволила ему подготовить английских теософов к восприятию обвинений против м-ра Джаджа.

После завершения расследования Олд, по-видимому, был уязвлён упоминанием миссис Безант в своём выступлении на съезде «лиц, во многом движимых ненавистью к м-ру Джаджу», поскольку Олд явно подходил под это описание, и он определённо был одним из тех, кто, если говорить словами миссис Безант «обрушили на него (Джаджа) лавину обвинений». Поскольку и Олд, и Эдж были названы в следующем абзаце заявления миссис Безант, Олд понял, что их отождествили с теми, кто «ненавидел» м-ра Джаджа. Соответственно, он написал Олкотту, возражая против такой данной ему характеристики, отметив, что и президент-основатель, и миссис Безант были хорошо знакомы с «отношением» Олда и Эджа к Джаджу. Это письмо, которое было напечатано в «Люцифере» по просьбе полковника Олкотта, однако не уточняет, какое именно «отношение» Олкотта и миссис Безант подразумевалось,. Последующая политика м-ра Олда оставалась неизвестной до тех пор, пока несколько месяцев спустя новые нападки, на этот раз извне, не обрушились со всею яростью на теософское движение.

В октябре 1894 года лондонская газета «Westminster Gazette» начала публикацию серии статей Эдмунда Гаррета, озаглавленных «Изида совсем без покрова; история великого обмана Махатм».

Эта серия вместе с редакционными статьями и перепиской по ней печаталась без перерыва в течение двух месяцев. Все прежние теософские бури, слитые в одну, были всего лишь апрельским дождиком по сравнению с опустошением, которое произвело в рядах Теософского общества «разоблачение» Гарретта. Его статьи были немедленно изданы газетой «Westminster Gazette» в виде книги

и распроданы огромным тиражом. Кто-то оплатил рассылку экземпляров во все ложи Теософского общества!

М-р Гаррет был чрезвычайно умным автором. Ни в одном «газетном судебном процессе» не было у истца более умелого адвоката. Более того, м-р Гаррет был откровенно честен. Он не скрывал ни источников своей информации, ни своего собственного отвращения к теософии и её Обществу, и ни того, что его целью было дискредитировать то, что он ненавидел. М-р Гарретт был близким другом м-ра Олда, и именно м-р Олд вдохновил его на написание серии статей и предоставил ему большую часть документальных материалов, использованных против Общества. М-р Олд был единственным из многочисленных персонажей, к которым серьёзная комедия Гаррета относилась с уважением. Все остальные были мишенью для его острого ума, особенно миссис Безант. Полковника Олкотта безжалостно высмеивали, Е.П.Б. и м-ра Джаджа выдавали за хитрых шарлатанов, которые надували и одурачивали миссис Безант, полковника Олкотта и остальных с помощью фальшивых феноменов и фальшивых посланий от таких же фальшивых Махатм. Судя по документам, которыми пользовался м-р Гаррет, было очевидно, что м-ру Олду помогали полковник Олкотт и миссис Безант, поскольку некоторые из цитируемых документов нельзя было получить как-то иначе. М-р Олд практически признал это в письме, напечатанном в «Люцифере», несмотря на его отрицание этого факта в том же письме. Он писал:

«Опубликованные факты — это только те факты, которые являлись уликами полковника Олкотта и Бертрама Кейтли, и на которых были основаны обвинения и построен иск; *кроме того, они являются частью* улик, которые *с самого начала было решено опубликовать*. Я беру на себя всю карму своих действий и утверждаю, что они совершенно не зависят от молчаливого одобрения или наущения со стороны кого бы то ни было». (Курсив добавлен).

В то же время м-р Олд отправил письмо в газету «Westminster Gazette», которое было опубликовано и которое также было включено в материалы книги м-ра Гаррета. Этой цитаты достаточно, чтобы установить или подтвердить уже приведённые ссылки:

«Автор этих статей совершенно правильно назвал меня тем, кто сделал первый шаг в форсировании расследования против м-ра Джаджа. За этот мой поступок я был отстранен от членства в Эзотерической секции по распоряжению за

обоеми подписями Уильяма К. Джаджа и Анни Безант, внешних руководителей Э.Ш.Т., и моё имя было обесчещено перед членами Э.Ш. среди которых у меня было много старых коллег и друзей.

После исключения меня из членства миссис Безант, конечно, была обязана выслушать моё оправдание. Это произошло в Адьяре зимой 1893 года. Первой реакцией миссис Безант после прочтения дела и изучения документов было следующее высказывание: «*Вы были полностью оправданы имеющимися перед вами фактами*».

В присутствии президента-основателя, полковника Олкотта, миссис Безант, графини Вахмайстер, м-ра Э. Т. Стэрди, вместе с м-ром Эджем и мной *было решено, что задача официального предъявления обвинений должна быть возложена на миссис Безант*, и что все улики должны быть *опубликованы*». (Курсив добавлен).

М-р Олд продолжает рассказывать об официальном требовании миссис Безант, предъявленном полковнику Олкотту, начать расследование, написать официальные письма м-ру Джаджу и провести заседание судебного комитета, «с уже известным неудачным и хитрым результатом». Затем он продолжает:

«А как насчёт «полной публикации всех подробностей»? Как насчёт нас, теософов, которые выдвинули эти обвинения против м-ра Джаджа? Не остались ли мы в положении лиц, предъявивших обвинения, не доказав их? Положение было, по-моему, недопустимым».

Итак, м-р Олд предоставил свои «улики» коммерческой прессе. Кажется, никогда не приходило в голову ни ему, и тем более ни миссис Безант или кому-то другому, что есть что-то «недопустимое» в распространении частным образом и публично клеветы, которая громко называлась «обвинениями» и «уликами». Но когда широкая огласка привлекла внимание к авторам «лавины обвинений», тогда их положение стало поистине «недопустимым» — сначала для м-ра Олда, а затем для миссис Безант и полковника Олкотта.

Утверждая, что его «долг» — снабжать боеприпасами м-ра Гарретта (которого он называет «филистимлянином»), чтобы «система истины» не «воздвигалась на остове мошенничества», м-р Олд говорит:

«Таким образом, всем членам Теософского Общества и обществу в целом будет ясно, что я несу ответственность за факты, встречающиеся в статьях м-ра Гаррета, *только в той мере, в какой они относятся к обвинениям, выдвинутым против м-ра Джаджа*. Я не упускаю из виду тот факт, что, как бы ни ошибались или ни были введены в заблуждение многие члены Теософского общества в отношении традиционных «махатм» и их предполагаемых «посланий», тем не менее, они так же искренни в

своих убеждениях, как и многие из их более ортодоксальных собратьев, и имеют такое же право на уважительное отношение. *Я особенно сожалею, что нынешнее разоблачение поставило миссис Безант в такое неудобное общественное положение*.

О мадам Блаватской я говорю, исходя из собственного опыта. В то время, когда я познакомился с ней, она уже отреклась от всяких «феноменов», так что я никогда не видел никаких оккультных феноменов. Я полагаю, что *для неё* (курсив м-ра Олда) Махатмы существовали, и я полагаю, что она *считала их* воплощёнными личностями. *У полковника Олкотта другая теория*, а у остальных — своя...»

Теперь, когда грязное «дело против Джаджа» было использовано в прессе, к позору и дискредитации всего Теософского движения, м-р Джадж предпринял решительные шаги. И 3 ноября 1894 года он издал циркулярное письмо Э.Ш., озаглавленное «По приказу Учителя», в котором он сместил Анни Безант с поста соруководителя эзотерической школы.

В этом циркуляре, разосланном всем членам Е.Ш., м-р Джадж говорит, что он «откладывал его написание с марта 1894 года», хотя «в марте это письмо казалось мне столь же необходимым, как и теперь», но что ему было «предписано ждать заключения по делу о предъявленном ему обвинении». Он говорит, что с тех пор он понял мудрость указания «ждать», потому что, если бы он написал его, когда «обвинения» ещё не были выдвинуты, Теософское общество оказалось бы «замешанным» в проблемы эзотерической секции, которая не имеет никакого официального отношения к Обществу. «Теперь нам нужно, — продолжает он, — разобраться с Э.Ш.Т. и с нашим долгом перед школой и друг перед другом; и, среди прочих, перед миссис Безант».

Затем он кратко рассказывает об основании Э.С., приводит её историю, историю внутренней группы, реорганизацию Школы после смерти Е.П.Б. Он раскрывает тот факт, что фактически формирование Школы началось с его письма к Е.П.Б. в мае 1887 года, за полтора года до публичного её объявления, и что она следует принципам, предложенным им. Он также уведомляет членов, что он сам никогда не приносил клятву Школы или внутренней группы, поскольку принёс свои обеты в 1875 году непосредственно Учителям, и все они подтверждаются записанными публичными и частными заявлениями Е.П.Б.. Затем он говорит о миссис Безант следующее:

«Миссис Анни Безант занимается этой работой всего пять лет, и не всё это время занималась оккультными исследованиями и практикой. У неё редкие

способности писателя и оратора, как среди мужчин, так и среди женщин, её преданность делу и искренность не могут быть подвергнуты сомнению. Она отдала много лет своей жизни делу угнетаемых, как она это понимала; несмотря на ужасные тлетворные материалистические убеждения, она трудилась без надежды на будущую жизнь и всячески доказывала свое альтруистическое намерение. С 1889 года она оказала большую услугу Теософскому обществу и посвятила себя ему. Но всё это не мешает искреннему человеку совершать ошибки в оккультизме, особенно когда он, как это делала миссис Безант, пытается заставить себя встать на путь практической работы в этой области. Искренность сама по себе не даёт знания, тем более мудрости. Е.П.Б. ...и вся история оккультизма говорит, что нужно как минимум семь лет обучения и испытаний. У миссис Безант прошло всего пять лет. Ошибки, совершаемые таким учеником, в конечном итоге будут обращены на пользу движению, а их непосредственные последствия будут смягчены для того, кто их совершает, при условии, что они не являлись злым умыслом с его стороны. И я хочу, чтобы ясно поняли, что у миссис Безант не было сознательного злого умысла; она просто вышла на какое-то время за пределы своей гуру Е.П.Б. и начала работать с другими, попав под их влияние. Мы не должны подталкивать её к еще более низкому уровню, но и истинное сочувствие, которое мы испытываем, не должно ослеплять нас, чтобы позволить ей продолжать действовать в ущерб всему движению».

М-р Джадж обсуждает недавние обвинения и проблемы в Обществе и Школе с точки зрения второй Секции, рассматривая их истинное происхождение, их стратегию и тактику, как имеющие своим источником вечную борьбу человеческой эволюции между противоборствующими силами светлой и тёмной стороны природы и бытия. Он завершает эту часть своего повествования, говоря, что проблемы Движения начались заново, «когда в январе или феврале [1894 года] Анни Безант, в конце концов, бессознательно поддалась заговору, который я здесь подробно описываю; но и до того (с августа 1893 г.) на неё уже начали воздействовать руководители этого заговора». Он находит источник заговора в Индии и говорит, что силы, противостоящие теософскому движению, преуспели в воздействии на некоторых брахманов в Индии через расовую гордость и честолюбие, так что они, ради своей собственной выгоды, хотят контролировать и управлять Т. О. через какого-нибудь посредника, а также через Э.Ш.Т.

«Они, конечно, пытались, по возможности, использовать одну из наших организаций и выбрали миссис Безант в качестве возможного проводника. Одной из целей заговора – остановить поток сведений и действий, начатых Е.П.Б.. . . заставив изменить направление мыслей обратно к современной Индии. Для этого

абсолютно необходимо разрушить традицию, сложившуюся вокруг деятельности Е.П.Б.. . .; её способности и знания следует умалять; её право говорить от имени Учителей нужно подвергать сомнению; этих Учителей нужно сделать холодной абстракцией; её верных друзей, желающих видеть настоящую работу и претворение в жизнь целей, следует поставить в такое положение, чтобы связать их по рукам и ногам, лишая возможности вмешиваться в планы заговорщиков; необходимо показать, что Е.П.Б. была мошенницей и фальсификатором. Эти люди не являются чела наших Учителей.

Именем человека, которого так обрабатывали, чтобы, по возможности, использовать его в качестве второстепенного агента... для воздействия на миссис Безант, является Гьянендра Н. Чакраварти, который был брамином из Аллахабада, Индия, приехавшим в Америку по нашему приглашению на Парламент религий в 1893 году. В первый раз, искренне желая помочь расе, он принёс американскому народу древние истины своих предков, но, тем не менее, как и многие до него, он позволил честолюбию пустить тонкие корни в своём сердце. Загоревшись амбициями занять положение в мире в качестве некого гуру, хотя, несомненно, считая себя по-прежнему последователем «Белого Братства», он больше не оставался в наших рядах; напротив, его медиумизм и недостатки делают его проводником и для других источников влияния».

М-р Джадж рассказывает о послании, полученном Чакраварти в отношении себя, в котором Учитель хвалит м-ра Джаджа и его работу, и пишет: «Я сообщил миссис Безант в сентябре 1893 года об этом послании». На это послание м-р Джадж ссылался в своём выступлении перед Европейским съездом в июле 1894 года, как на послание, не вызывавшего сомнений у миссис Безант. В циркуляре далее говорится:

«Но впоследствии, когда работа м-ра Чакраварти под моим началом была закончена и когда честолюбие, пробужденное этим визитом, усилилось, он пытался разрушить у миссис Безант впечатление от этого послания, хитро истолковав его так, что, хотя меня и одобряли во всём, последняя часть послания противоречила первой и подтверждала обвинение в подлоге и лжи. Это безумие, если это не сделано преднамеренно... Она приняла это хитрое толкование, позволив себе подумать, что Учитель может похвалить меня за всю проделанную мной работу, частью которой были бы мнимые действия подлога, и в то же время послать мне ложное послание, часть которого можно было немедленно использовать в качестве осуждения, если бы оно было представлено мной. Если бы я был виновен в том, в чем меня обвиняли, то было бы ясно, что Учитель потворствует подлогу и лжи, что совершенно невозможно. Ещё одна единственная возможность состоит в том, что м-р Чакраварти и я «сочинили» это послание. Но он и миссис Безант признавали его подлинность, хотя сама она совершенно не в состоянии решить,

подлинно оно или ложно. Но далее миссис Безант призналась некоторым людям, что видела, как сам Учитель приходил и говорил через моё тело, когда я был совершенно в сознании. И ещё, Е.П.Б... подарила мне в 1889 году фотографию Учителя, на которой написала: «Моему дорогому и верному коллеге, У. К. Джаджу». Итак, либо я несу вам истинное послание от Учителя, либо и Т. О., и Э. Ш. Т. ложь, под руинами которых должны быть погребены имена Е.П.Б. и Учителей. Это либо стоит всё вместе, либо падает всё вместе. Если докажут, что Е.П.Б. . . . лгунья и мошенница, то я брошу Т. О. и всё его имущество; но пока это не доказано, я останусь там, где меня поставили. Наконец, в качестве окончательного доказательства ложных представлений, действующих через этого человека и его друзей, я упомяну следующее: много лет назад (в 1881 году) Учителя послали аллахабадским брахманам (отделение Праяг Т.О.) письмо, которое было доставлено через Е.П.Б. . . . м-ру А. П. Синнету, который передал им копию, сохранив оригинал. Оно имело непосредственное отношение к брахманам. Это письмо не понравилось брахманам, и м-р Чакраварти пытался заставить меня думать, что это было благочестивой подделкой со стороны Е.П.Б. Ему удалось навязать своё мнение «миссис Безант, так что с тех пор при встрече с ним она неоднократно высказывала своё мнение, что Е.П.Б… составила его целиком, и оно не было от Учителя. Только заблуждение заставило миссис Безант занять такую позицию; обдуманное намерение заставляет других делать то же. От рассмотрения этого вопроса нельзя уклониться, потому что, если это письмо было подделкой, то все остальные, отправленные через нашего старого учителя, являются таковыми. Я остановлюсь на этом вопросе; мы все остановимся на нём.

Потом миссис Безант была вынуждена согласиться с этими людьми, полагая, что это одобрено Учителями. Она считала себя их слугой. Это было против правила Э.Ш.Т.. Когда правила нарушаются, человек обязан покинуть Э.Ш.Т. …Миссис Безант была поставлена в ужасное положение, ведь когда она писала мне весьма доброжелательно и работала со мной, она всё время думала, что я фальсификатор и что я хулил Учителя. Её вынуждали скрывать от меня, когда она бывала здесь, свои мысли о предполагаемых обвинениях. Только когда пришло время, она написала мне письмо в январе [1894 г.] из Индии с просьбой покинуть Э.Ш.Т. и всякое служение в Теософском обществе, говоря, что если я это сделаю и признаюсь в своей вине, всё будет прощено, и все опять будут работать со мной, как обычно. Но мне дали другие указания и полностью проинформировали. Её заставили поверить, что Учитель одобряет преследование, что он приказывает ей делать то, что она делает.

Во всём этом её руководителем был Чакраварти вместе с другими людьми». [1]

———————

[1] В этот же период (1893-1895 гг.) миссис Безант присоединилась к кружку м-ра Синнетта и также получала «послания через м-ра Ледбитера, в то время «медиума» м-ра Синнетта.

М-р Джадж закончил свой циркуляр от 3 ноября 1894 года следующим приказом:

«ПРИКАЗ ПО Э. Ш. Т.

Теперь я делаю ещё один шаг после решения Э.Ш.Т. 1891 года, и исключительно на благо Э.Ш.Т. я возобновляю в Э.Ш.Т. в полном объёме все функции и полномочия, переданные мне Е.П.Б., которые перешли ко мне в порядке преемственности после её ухода из этой жизни, и объявляю себя единоличным главой Э.Ш.Т. Следовательно, в связи с полномочиями, данные мне Учителем и Е.П.Б., и под руководством Учителя я объявляю прекращение руководства Э.Ш.Т. со стороны миссис Анни Безант».

Уведомление об этом приказе было немедленно телеграфировано миссис Безант в Австралию, где она тогда находилась; а экземпляр всего циркуляра был отправлен ей в Коломбо, на Цейлон, куда она прибыла 18 декабря 1894 года по пути на Адьярский съезд. Миссис Безант тут же составила встречный циркуляр, датированный Коломбо 19 декабря, который был как можно скорее разослан с лондонским штампом всем членам Э.Ш.Т. После вступления, посвящённого объяснению её задержки с отправкой заявления, она делает следующие комментарии:

«Я не знаю, были ли утверждения об участии м-ра Джаджа в основании Э.Ш.Т. верными или нет. Е.П.Б. никогда не упоминал мне о предполагаемых фактах, за исключением того, что м-р Джадж не приносил обычной клятвы, поскольку он уже приносил клятву прежде».

Такое утверждение едва ли можно принять за что-то иное, кроме удобного для миссис Безант провала памяти, учитывая, что именно она зачитывала на заседании Совета 27 мая 1891 г. ряд документов, подтверждающих правдивость заявлений м-ра Джаджа. Она продолжает:

«Идея «заговора», насколько мне известно, является глубочайшим заблуждением. *Я знаю*, что все высказывания о Чакраварти – ложь, и я только испытываю глубочайшее сожаление к тому, кто использует святое имя Учителя для прикрытия такого обвинения».

Попутно заметим, что, хотя миссис Безант тогда заявляла, что знает, что слова Джаджа о Чакраварти были «ложью», позже, после 1906 года, она говорила то же самое о самом Чакраварти.

———————

Миссис Безант заявляет, ссылаясь на приказ по Э.Ш.Т. м-ра Джаджа:

«Что касается приказа по Э.Ш.Т.... то я его отклоняю. Я буду спокойно продолжать свою работу с теми членами Совета, которых оставила Е.П.Б. и которые считают нужным работать со мной. М-р Джадж считает правильным расколоть Школу надвое, а я буду продолжать действовать неуклонно, как научилась. Мы подошли к развилке путей. Я не признаю авторитета м-ра Джаджа. Не из его рук я получила своё дело; не в его руки мне отдавать его.

А теперь, братья и сестры, вы должны выбрать свой путь, каким бы тяжким ни был этот выбор для вас. М-р Джадж порывает со мной, разрывает последнюю связь между нами».

Миссис Безант заканчивает свое отклонение приказа по Э.Ш.Т. м-ра Джаджа призывом к своим сторонникам «придерживаться мира и любви; не нападать ни на кого; никого не винить; не приписывать злых мотивов; не отвергать упрёков». По пути в Индию для участия в декабрьском съезде она написала длинную статью о нападках газеты «Westminster Gazette», которую передала в газету «Madras Mail» по прибытии в Адьяр. Эта статья была написана в защиту себя и содержала обвинения в адрес Джаджа. Съезд был в основном посвящён делу Джаджа. Полковник Олкотт начал своё обращение президента со слов о том, что «неспособность снять обвинения с м-ра Джаджа» вызвала «кризис, который является самым серьёзным в нашей истории с 1884 года» — со времени заговора Кулонов против Е.П.Б. Он сказал, что Общество разрывают разногласия по поводу того, что следует делать. Он признавал, что Американская секция почти единодушно поддержит м-ра Джаджа и даже отделится, если его заставят уйти в отставку, и сформирует независимое Американское общество. Олкотт ссылался на поддержку Джаджа некоторыми ирландскими и английскими ложами, а также другими ложами на континенте, хотя некоторые европейские члены и отделения были против него. Президент говорил о признании многими индийскими членами «огромных заслуг и неустанной деятельности Джаджа на своём посту», но сообщал, что Индия «не заявляла протеста в его [Джаджа] пользу».

Затем Олкотт призывал Джаджа уйти в отставку с поста вице-президента и баллотироваться на переизбрание. Он косвенно «предупреждал» членов, прежде чем они могли принять решение о том, что м-р Джадж был преднамеренно нечестен, и рассмотреть возможность того, что он действовал как введенный в заблуждение медиум под каким-то злым воздействием!

«В заключение я прошу вас понять, что, доказав, что некое сообщение сфальсифицировано и рассчитано на обман, вы должны затем доказать, что его автор действовал независимо, прежде чем навесить на него ярлык безнравственности. Возвращаясь к рассматриваемому делу, поскольку никакая третья сторона не может знать, во что м-р Джадж мог верить в отношении исходящих от него посланий Махатм, и какие субъективные факты он имел в виду, нельзя сказать, что доказательства о его недобросовестности являются убедительными, какими бы подозрительными они ни казались.

Эта часть обращения полковника Олкотта, похоже, была задумана как великодушный жест, который позволил бы м-ру Джаджу признаться в том, что он медиум, а не мошенник! Однако в печатной версии его речи это «великодушие» испорчено примечанием, данным в конце, в котором сообщается, что президент хотел, чтобы было известно, что он не обнародовал своих «личных взглядов на дело м-ра Джаджа», чтобы не нарушать «обязанности строгой беспристрастности» при составлении официального документа. Но даже с этой «парфянской стрелой» обращение Олькотта было более сдержанным, чем большинство других выражений. Потребовалось почти тринадцать страниц мелкого шрифта, чтобы сообщить в журнале «Теософ» о череде нападок на Джаджа со стороны различных лиц». Первой выступила миссис Безант, которая в заключение предложила резолюцию, согласно которой президент-основатель «немедленно отзывает м-ра У.К. Джажда» с должности вице-президента Общества. Большинство других ораторов согласились, и после нескольких умеренных возражений и некоторых дебатов резолюция была принята.

Следующим шагом против м-ра Джаджа стала публикация в «Люцифере» за февраль 1895 г. 27-страничного обсуждения миссис Безант, озаглавленного «Теософское общество и нынешние проблемы». Теперь она утверждала, что м-р Джадж «одурачил» её. Ссылаясь на его приказ о смещении её с поста соруководителя Э.Ш., она называла его заявления «нравственным злом», после этого вступления следовала перепечатка 1) её статьи, напечатанной в «Madras Mail», и 2) её обращения на декабрьском съезде 1894 года в Адьяре, закончившимся резолюцией об отставке Джаджа. Наконец, она обвинила м-ра Джаджа в использовании конфиденциальности Э.Ш., в попытке оклеветать её в своём приказе от 3 ноября и объявила этот приказ «открытым документом».

В апреле миссис Безант, вернувшись в Англию, выпустила брошюру на 88 страницах, озаглавленную «Дело против У. К. Джаджа». Она включала длинное письмо миссис Безант «членам Т.О.», содержавшее подробное изложение шести обвинений м-ра Джаджа и показания, которые, как утверждается, были подготовлены для представления на слушаниях в судебном комитете в июле 1894 года, а также другие «улики» и меморандум миссис Безант относительно «посланий», которые она получала через м-ра Джаджа.

Важным откровением в этой брошюре является заявление миссис Безант во вступительном «Письме к членам» о том, что она впервые узнала об «обмане» м-ра Джаджа примерно в сентябре 1893 года. Некоторые слова и поступки м-ра Джаджа, по её словам, вызывали у неё беспокойство. Она продолжала:

«В результате я обратилась напрямую к Учителю, оставшись одна, сказав, что испытываю некоторые сомнения относительно использования м-ром Джаджем Его имени, и моля Его подтвердить или опровергнуть послания, которые я получала через него. Он явился мне таким, каким я часто видела Его раньше, ясно, безошибочно, и затем я узнал от Него непосредственно, что послания были написаны не Им, а м-ром Джаджем».

Это означало, конечно, что уже в сентябре 1893 года миссис Безант считала на основании «высокого духовного авторитета», что Джадж обманывал её в отношении посланий от Учителя. В объяснение своего долгого молчания по поводу этого «открытия» она заявила, что Учитель сказал ей не предпринимать никаких открытых действий, которые она не могла бы «доказать», и что необходимые «улики» будут предоставлены, когда она доберется до Адьяра. Там, после встречи с Олкоттом, Уолтером Олдом и другими членами, по её словам, ей было приказано «положить конец умелому обману». Рассказ миссис Безант об инструкциях, которые, как она утверждала, были даны ей Учителем, завершается следующей инструкцией:

«Мне было велено смыть пятна с Т. О. «Возьмите на себя тяжелую карму Общества. Для этого вам дана сила». Как я, уверовавшая в Него, могла ослушаться?»

В этом письме к членам Теософского общества миссис Безант сообщает о двух посещениях её Учителем Е.П.Б.: первое посещение, по-видимому, было в Америке, примерно во время Парламента религий Всемирной выставки, на котором она присутствовала вместе с Чакраварти; второе – в Адьяре, либо в ноябре, либо в декабре. Она также заявляет, что первые послания, которые она получила через м-ра Джаджа, были теми посланиями, на которые она ссылалась в своём обращении «Чертог науки», в

августе 1891 года, и что ей в то время «не приходило в голову оспаривать их подлинность». Таким образом, более двух лет, согласно её собственным словам, этот «Учитель» позволял м-ру Джаджу систематически обманывать миссис Безант!

Хорошо цитируя мадам Блаватскую, когда это служит её цели, миссис Безант здесь казалось, совершенно забыла заявление Е.П.Б. относительно именно такого рода обмана. В статье «Магические ложи» Е.П.Б. писала: «При всём том, что может знать получатель «оккультных» писем, и, исходя из простых соображений вероятности и обычной порядочности, невидимый корреспондент, допустивший *одну-единственную фальшивую строчку от своего имени*, закрыл глаза на бесконечное повторение такого обмана». И всё же миссис Безант теперь утверждала, что в течение решающих двух лет после смерти Е.П.Б. Учитель Е.П.Б. «допускал» многие такие «фальшивые» строчки от своего имени, написанные м-ром Джаджем, который был ближайшим соратником Е.П.Б.!

Миссис Безант в своих интересах процитировала письмо, написанное Е.П.Б. м-ру Джаджу от 27 марта 1891 года, приводя оттуда заявление о себе самой. Е.П.Б. писала: «Она [миссис Безант) слышит голос Учителя, оставаясь одна, видит Его свет и узнаёт Его голос, но миссис Безант не процитировала из того же письма Е.П.Б. м-ру Джаджу дальнейшее заявление, также о ней самой, что она не была «ни в малейшей степени медиумом или духовным человеком — одним интеллектом». Если она была в тесных отношениях с Учителем после смерти Е.П.Б., как её почти сразу не предупредили о предполагаемом «обмане» Джаджа? Вместо этого записи показывают, что подозрения в отношении Джаджа у неё возникли во время встречи с Чакраварти летом 1893 года; и что именно он, как описано д-ром Арчибальдом Кейтли в журнале «Путь» (за июнь 1895 года), отвечал за вновь обретённую тесную связь миссис Безант с «Учителем», и что, наконец, тогда были изложены обвинения против Джаджа, и первое обвинительное письмо Олкотта Джаджу, датированное февралем 1894 г., было написано в Аллахабаде — дома у Чакраварти.

ГЛАВА XVII

ТЕОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО АМЕРИКИ

СЪЕЗД АМЕРИКАНСКОЙ СЕКЦИИ состоялся в Бостоне 28-29 апреля 1895 года, и все 89 действующих лож были представлены делегатами лично или через доверенных лиц. Кроме того, было много приезжих теософов со всех концов Соединённых Штатов и некоторых из-за рубежа. Д-р Дж. Д. Бак был избран постоянным председателем. Д-р Арчибальд Кейтли приехал из Лондона в качестве делегата нескольких английских отделений. Было зачитано письмо от ряда теософов из Австралии, а также официальное письмо от Дж. Р. С. Мида, Генерального секретаря Европейской секции. Ни от Индийской секции, ни от президента-основателя не было получено ни слова.

Отчёт м-ра Джаджа как Генерального секретаря содержал обычную информацию о работе за предыдущий год. В нём кратко изложены обвинения, выдвинутые против него, информация о заседании судебного комитета в июле 1894 года, статьи из «Вестминстерской газеты», информация о последующем судебном разбирательстве в Адьяре с резолюциями, требующими его «отставки» и «объяснения». Обо всём этом в его отчёте говорится:

«Я ответил отказом уйти с поста вице-президента [22]. А на нападки газеты я дал предварительный и частичный ответ, как того заслуживала такая лживая и сенсационная газета. Но у меня есть объяснение, и я возобновляю заявление о невиновности в совершении правонарушений. Как я уже говорил в Лондоне и впоследствии, те послания, которые я доставлял в частном порядке, являются подлинными посланиями от Учителя, полученными через меня как канал, и что в основе нападок на меня лежит неверие в то, что я являюсь таким каналом».

Когда все рутинные дела съезда были завершены, м-р К.А. Гриском-младший зачитал ряд резолюций, в преамбуле которых перечислялись трудности продолжения работы Движения при сложившихся тогда обстоятельствах. Основными резолюциями были:

«Во-первых, Американская секция, состоящая из отделений Теософского общества в Америке, собравшаяся на съезде,

[22] В другом месте он пояснил, что расценивает отставку как признание вины.

настоящим принимает и заявляет о своей полной автономии и о том, что она будет называться после этой даты «Теософским обществом Америки».

Во-вторых, управление его делами должно предусматриваться, определяться и осуществляться в соответствии с конституцией и уставом, которые в любом случае должны предусматривать следующее:

а) Федерация отделений

б) Уильям К. Джадж должен быть пожизненным президентом.

ПОСТАНОВИЛИ, что Теософское общество Америки настоящим признаёт долгое и плодотворное служение Теософскому движению со стороны полковника Г. С. Олькотта, и что ему принадлежит уникальное и почётное звание президента-основателя Теософского общества, и как в случае Е.П.Б., как секретаря по переписке, у него не может быть преемника в этой должности».

Затем первая сессия съезда завершилась. Вторая сессия обсудила эту резолюцию. Был представлен исторический очерк Общества, подготовленный Л. Ф. Уэйдом и Робертом Кросби, в котором прослеживаются основные события с 1879 года. С речами выступили м-р Фуллертон и д-р Дж. У. Б. Лапьер, президент Миннеаполисской ложи, — оба решительно выступали против принятия резолюций. Выступления оппозиции слушались с пристальным вниманием и полным уважением к ораторам. Выступление д-ра Лапьера включало письменный протест. На самом деле большую часть времени заняли выступавшие против резолюций, и их замечания полностью приведены в официальном отчёте съезда. В заключение был назван список отделений и членов Совета и проведено официальное голосование. Итоги показали 191 голос за резолюцию и 10 против.

Так «Американская секция Т.О.» прекратили своё существование, реорганизовавшись в «Теософское общество Америки».

После закрытия второй сессии 28 апреля д-р Кейтли зачитал подробный ответ м-ра Джаджа на обвинения в неправильном использовании имён и почерка Махатм. Этот ответ был впоследствии напечатан в виде брошюры.

А 29 апреля были проведены две сессии уже Т.О.А.. Были приняты конституция и устав, а также избраны должностные лица и исполнительный комитет. Следующее письмо от исполнительного комитета только что организованного Теософского общества Америки, подписанное м-ром Джаджем как его президентом, было направлено съезду Европейской секции:

От Теософского общества Америки европейским теософам, собравшимся на съезде «Европейской секции Теософского общества».

«БРАТЬЯ И СЁСТРЫ, мы посылаем вам наш братский привет и выражаем полное согласие относительно всех действий, которые мы искренне стремимся совершать на благо человечества. Хотя нас разделяет огромное расстояние, мы тем не менее уверены, что вы и мы, а также все другие собрания людей, любящих Братство, являемся частями того великого целого, которое именуется Теософским движением, начавшимся задолго в ночь времён и с тех пор продолжающим свой ход через множество различных людей, мест и обстоятельств. Эта великая работа не зависит от форм, церемоний, отдельных лиц или учреждённых организаций: «Её единство во всём мире не заключается в существовании и деятельности какой-либо отдельной организации, но зависит от сходства действий и устремлений тех, кто во всём мире трудятся ради этого». Поэтому организации теософов могут различаться и изменяться в соответствии с местом, временем, требованиями и людьми. Считать, что трудиться для всего мира можно только в одной-единственной организации или через неё, было бы мальчишеским представлением и не соответствовало бы человеческому опыту или законам природы.

Признавая вышеизложенное, мы, бывшие когда-то организацией под названием Американская секция Теософского общества, решили сделать нашу организацию или просто внешнюю форму правления и администрации полностью свободной и независимой от всех остальных организаций, однако сохраняя наши теософские идеалы, стремления, цели и задачи и продолжая оставаться частью теософского движения. Это изменение было неизбежным, и, возможно, вскоре оно будет сделано вами и другими. Таковое изменение было вынуждено как бы самой природой, подчиняясь непреодолимому закону человеческого развития и прогресса.

Но хотя это изменение могло произойти много лет тому назад как неизбежное и логичное развитие, мы должны признать, что оно было ускорено по причине того, что мы считаем враждой, горечью и гневом, существующими в других секциях теософского мира, что мешало нам трудиться наилучшим образом в области, предназначенной нам кармой. Чтобы быстрее освободиться от этих препятствий, мы осуществили изменения в этом, а не в каком-то более позднем году. Таким образом, это просто вопрос формы правления и не имеет ничего общего с теософской пропагандой или этикой, за исключением того, что это позволит нам трудиться больше и лучше.

Поэтому мы приходим к вам как товарищи и сотрудники в области теософской деятельности и, протягивая руку дружбы, мы снова провозглашаем полное единство всех теософских тружеников во всех частях мира. Этого вы, конечно, не можете и не должны отвергнуть ни из-за горячих, опрометчивых советов, ни из-за личностей, которым кто-то потакает, ни из-за какой-либо иной причины.

Отвергнуть это предложение означало бы, что вы отвергаете и сводите на нет принцип всеобщего Братства, на котором единственно основана вся истинная теософская работа. И мы не могли бы ни предаваться этим размышлениям, ни выдвигать эту причину, если бы не знали, что некоторые влиятельные и выдающиеся лица в ваших рядах поспешно высказали удовлетворение тем, что смена нашей формы правления, о которой говорилось выше, освободили их почти от всех этих тысяч серьёзных, прилежных и полных энтузиазма тружеников нашей американской группы теософских обществ. Такое неразумное и нетеософское отношение мы не можем отнести ко всем или к какому-либо большинству ваших тружеников.

Давайте вместе продвигаться, участвуя в великой работе истинного Теософского движения, которому помогают действующие организации, но которое стоит над ними всеми. Вместе мы сможем придумать более разнообразные и лучшие способы распространения света истины по всей земле. Взаимно помогая друг другу, и ободряя друг друга, мы сможем научиться применять теософию на практике, чтобы иметь возможность на собственном примере учить ей других и применять её в жизни. Тогда мы все будем членами этой всемирной ложи свободных и независимых теософов, которая охватывает всех друзей человечества. И на всё это мы просим вашего общего официального ответа ради нашей более определённой и достоверной информации, и с тем, чтобы это предложение и ваш положительный ответ могли оставаться в качестве доказательства и памятного документа для всех нас.

С братским приветом,

ваш УИЛЬЯМ К. ДЖАДЖ

Президент»

Приём, оказанный этому письму Европейским съездом, показал, что раскол в Обществе сохранится. Полковник Олькотт уже был в Лондоне, присутствовал на заседании Генерального совета 27 июня и мог председательствовать на заседаниях съезда, которые начались 4 июля. Олкотт сообщил делегатам о письме Джаджа, но отказался представить его на том основании, что его «неучтивая форма обращения» представляет собой «оскорбление» для Общества. Но почему он считал его «оскорблением» в докладе съезда не говорится. Сторонники м-ра Джаджа оспорили его решение, и по предложению миссис Безант письмо было прочитано и «снято с обсуждения» без дальнейших комментариев. После этой процедуры делегаты восьми европейских лож, поддерживающих м-ра Джаджа, покинули зал собрания, и, как говорится в отчёте, «после этого дела пошли гладко». Было одобрено назначение м-ра Синнета на пост вице-президента вместо м-ра Джаджа. Несколькими днями ранее на заседании Генерального

совета полковник Олкотт назначил на эту должность м-ра Синнетта, а также поручил Александру Фуллертону, одному из немногих американских теософов, выступавших теперь против Джаджа, помочь в формировании новой Американской секции. А 5 июля Олкотт официально признал вновь сформированную «лояльную» Американскую секцию, генеральным секретарем которой стал Фуллертон. Олкотт заявил, что бывшая Американская секция отделилась от Теософского общества, отменив тем самым его устав, и утверждал, что Теософское общество Америки, сформированное в Бостоне, было «дополнительной организацией в результате стечения обстоятельств и при отсутствии реальной всеобщей власти над своими отделениями».

После этого полковник Олкотт, миссис Безант, м-р Синнетт и все, кто находился под их влиянием, постоянно говорили или писали об «отделении» Американской секции и о своих бывших соратниках как об «отделившихся». О м-ре Джадже говорили как о некогда преданном теософе, с которым «что-то случилось», а также как о «фальсификаторе». Те, кто верил в него, были «заблуждавшимися». Первая половина 1895 года была тем временем, когда все до сих пор скрываемые спорные вопросы дела Джаджа стали достоянием гласности. Самым важным из них было «Письмо Праяга», опубликованное м-ром Джаджем в мартовском номере журнала «Путь».

Это письмо было представлено м-ром Джаджем как послание, отправленное в 1881 году Махатмой через мадам Блаватскую А. П. Синнету, который должен был передать его индийским членам Праягского отделения Теософского общества. Олкотт, Синнетт и миссис Безант, однако, придерживались мнения, что письмо Праяга было подделкой, тем самым ставя под сомнение добросовестность Е.П.Б., учителя всех троих. Опубликовав письмо в журнале «Путь», м-р Джадж выставил этот вопрос на всеобщее обозрение.

Отделение «Prayag Psychic T.S.» Аллахабада было одним из первых отделений, образованных после приезда Е.П.Б. и Олкотта в Индию в 1879 году. Гьянендра Н. Чакраварти был одним из первых его членов, а Синнетт и Юм играли видную роль в его деятельности. В его состав входили в основном брамины высшей касты, и в течение многих лет оно было одним из самых влиятельных индийских отделений. Оно было одним из немногих — если не единственным — отделением Общества, которое формально не приняло «первую цель» основной организации. Его общепризнанной целью были «медиумические исследования». В первые дни Общества в Индии брамины-члены отделения «Праяг Т. О.» жаловались на то, что, хотя

представители «низшей касты» или «млеччха» (иностранцы), такие как Синнетт и Юм, и другие «англичане, питающиеся говядиной и пьющие вино», получали послания от адептов теософии, ими же — цветом индийской учености и образованности — пренебрегали. Ответ на эту жалобу, записанный Е.П.Б., по её словам, под диктовку своего Учителя, был переписан в виде письма Е.П.Б. к Синнетту и, наконец, зачитан праягским браминам. Послание было прямым и по существу:

«Послание м-ру Синнетту от одного из братьев, *пишущих через мадам Б*[лаватскую], необходимо донести до местных членов отделения «Праяг» Теософского общества.

«Братья» хотят, чтобы я сообщил всем и каждому из *местных членов*, что если человек не готов стать истинным теософом, *то есть,* чтобы сделать то, что сделал Д. Маваланкар – полностью отказаться от касты, старых суеверий, и показать себя истинным реформатором (особенно в случае детского брака) – то он останется просто членом Общества, без надежды на то, что когда-либо что-то услышит от нас. Общество, действуя непосредственно в соответствии с нашими наставлениями, *не заставляет никого становиться теософом Второй Секции*. За каждым остаётся право на выбор. Бесполезно какому-либо члену утверждать: «Я веду чистую жизнь, я трезвенник, я воздерживаюсь от мяса и порока, все мои стремления к добру, и т. д.» и он в то же время своими действиями и поступками создаёт непреодолимый барьер на пути между ним и нами. Какое дело нам, ученикам *архатов* эзотерического буддизма и Сангье (Будды) до шастр и традиционного индуизма? Есть 100 тысяч факиров, санньяси или садху ведущих более чистые жизни и в то же время из-за того, что они идут по пути *заблуждения*, никогда не имеют возможности узнать, увидеть или даже услышать нас. Их предки выгнали из Индии последователей единственно истинной философии, и теперь не последние должны прийти к ним, но они пусть придут к нам, если хотят. Кто из них, готов стать буддистом, настиком, как они называют нас? Никто. Те, кто верили и следовали за нами, уже получили награду. М-р Синнетт и м-р Юм – исключения. Их убеждения не являются барьером для нас, потому что у них нет их. Они, возможно, имели влияние на окружающих в виде вредных магнетических эманаций, как результат алкоголя, вращения в обществе и неразборчивых физических связей (даже таких, как рукопожатие с нечистыми людьми), но всё это физические и материальные препятствия, которым мы можем противодействовать и даже совсем убрать без особых усилий. Не так дело обстоит с магнетическим и невидимым влиянием, исходящим из ошибочных и твёрдых убеждений. Вера в богов или Бога и другие суеверия привлекают миллионы чуждых влияний, живых существ и

мощных их посредников, для изгнания которых нам пришлось бы применить больше усилий. Мы не хотим этого делать. Мы не считаем необходимым или полезным терять своё время на войну с неразвитыми планетариями, которые получают удовольствие от того, что выдают себя за богов, а иногда и за известных личностей, живших на земле. Есть дхьян-чоханы и есть «чоханы тьмы». Их лучше называть не дьяволами, но несовершенными «разумами», которые никогда не рождались на этой или любой другой Земле или глобусе так часто, как «дхьян-чоханы», и которые не будут принадлежать к «строителям вселенной» или чистым планетарным разумам, руководящим миром каждую манвантару, тогда как тёмные чоханы руководят пралайей».

К тексту письма Праяга м-р Джадж добавил следующий комментарий в журнале «Путь»:

«Итак, это подлинное послание – от Учителя, оно, возможно, имеет незначительные ошибки из-за переписывания. Кроме того, ссылки на философию и оккультизм подтверждаются рукописью ещё не напечатанного третьего тома «Тайной доктрины». Мы также знаем, что Учитель К.Х. сообщил м-ру Синнетту и другим, что он является *эзотерическим буддистом;* Блаватская объявляла себя последовательницей буддизма; на мой вопрос ей в 1875 году, может ли она назвать вероисповедание Учителей, она сказала мне, что они, вероятно, «доведические буддисты». Но никто теперь не признаёт буддизм до Вед, так что я бы лучше считал их эзотерическими буддистами.

Мне сообщили, что миссис Безант несколько раз приватно заявляла, что по её мнению выше напечатанное письмо является «подлогом или шарлатанством», переданным через Е.П.Б. Я знаю, что м-р Чакраварти говорил то же самое, как он потом повторял мне в Нью-Йорке. Теперь дело за миссис Безант, она может опровергнуть то, что она сказала и подтвердить подлинность письма. Если она сделает это, мы все будем рады. Если она просто будет отрицать свои слова, то ей будет необходимо прямо высказать своё мнение, так как молчание подтвердит подлинность информации. Я утверждаю, что это письмо от одного из Учителей, а если будет доказано, что это мошенничество, то все претензии Блаватской на связь с учением и Учителями будут несостоятельными. Сейчас настало время прояснить этот важный вопрос.

УИЛЬЯМ К. ДЖАДЖ»

М-р Джадж отправил предварительные корректуры своей статьи, включая текст письма Праяга, журналам «Люцифер» и «Теософ». Миссис Безант ответила: «Я не считаю это письмо подлинным, *но я никогда не приписывала его Е. П. Б.*». [23] Она опубликовала это заявление в

[23] Письмо Е.П.Б. к Синнетту, содержащее текст письма Праяга», полностью появляется в «Письмах Махатм А. П. Синнетту», впервые опубликованных в 1923 г. (см. Приложение, 461). В нём Е.П.Б. заявляет, что она записывала послание под диктовку своего Учителя. В другом её письме, датированном 25 ноября 1881 г., обсуждается ажиотаж, вызванный посланием Праяга среди аллахабадских браминов, и исправляются

257 — БЕЗАНТ И ОЛКОТТ ОТРИЦАЮТ ПИСЬМО ПРАЯГА

«Люцифере» за июль 1895 года вместе с некоторой корреспонденцией м-ра Джаджа, так как он намеревался показать, что ранее не настаивал на том, что письмо было «подлинным». Основная мысль этой переписки с Индией, заключалось в том, что содержание письма Праяга полностью соответствовало учениям теософских адептов.

Олкотт в журнале «Теософ» утверждал:

«Послание [Праяга] — одно из самых откровенно неубедительных в истории сочинений Махатм. Налицо печать осуждения. Это невоздержанные нападки... нижеподписавшийся... объявляет послание ложным, и если это может подорвать часто провозглашаемую непогрешимость Е.П.Б. как передатчика только подлинных посланий от Учителей, пусть так и будет; чем скорее будет раскрыто чудовищное притворство, тем лучше для её памяти и для благородного дела… из этого не следует, что Е.П.Б. сознательно подделывала; теория медиумизма просто объясняла многие столь же обманчивые и даже более несносные послания из невидимого мира...»

М-р Синнет хранил публичное молчание до 1896 года, когда через месяц после смерти м-ра Джаджа в апрельском номере «Теософии» (м-р Джадж изменил название «Путь» на «Теософию», начиная с одиннадцатого тома) была напечатана последняя статья У.К.Д. «Е.П.Б. не была оставлена Учителями», в которой он обвинял м-ра Синнета в его заявление о том, что «ещё до написания «Тайной доктрины» она (Е.П.Б.) была оставлена Учителями и была добычей элементалов, а также мошенницей в других делах». После того, как появилась эта статья м-ра Джаджа, м-р Синнетт направил в «Теософию» категорическое опровержение, которое было напечатано в июле. «Я никогда, — писал он, — не говорил ничего подобного, и я никогда в жизни не называл мадам Блаватскую «мошенницей». Это заявление было опубликовано редактором «Теософии» с примечанием о том, что, насколько известно редактору, «Авторитетом м-ра Джаджа с самого начала была сама мадам Е. П. Блаватская».

неправильные представления о нём. Во втором письме, напечатанном в журнале «Теософ» за январь 1909 года (XXX, 368), Е.П.Б. говорит, что послание Праяга было «несколькими словами, которые нужно было прочитать на собрании, если я правильно помню». Она заканчивает свой комментарий об обиженных праягских браминах следующими словами: «Только религиозные фанатики или *атеисты* могут возражать против того, что было сказано Махатмой».

Ответ м-ра Синнета на статью м-ра Джаджа был публичным опровержением такого обвинения. Частным образом, в 1895 году, вскоре после публикации в журнале «Путь» «Письма Праяга», он прислал Александру Фуллертону полный отчёт о своих «подозрениях» в отношении Е.П.Б. Это письмо, которое было получено газетой «Boston Herald» и напечатано 27 апреля 1895 года, было следующим:

«Я уже много лет знаю, что многие письма, написанные рукой Махатм и переданные через саму мадам Блаватскую, были совсем не тем, чем казались.

Неприятности в этом отношении начались примерно в 1887 году, когда мадам Блаватская находилась в этой стране [Англии] и желала заключить с лондонским обществом множество договоренностей, которые я лично не одобрял. К моему удивлению, через неё я получал письма, написанные знакомым почерком Махатмы К.Х., который поддерживал её взгляды и ждал моего согласия. В то время эти письма весьма огорчали меня, хотя я сначала не подозревал о *bona fides* [24] их происхождения.

Их особый стиль не был похож на тот, к которому я привык в течение долгой предыдущей переписки с Махатмой, и постепенно, размышляя, я пришёл к убеждению, что послания не могут быть подлинными. Год или около того спустя, когда скандал с Кулонами на тот момент почти сокрушил влияние, оказываемое мадам Блаватской здесь, я навещал её, когда она уединилась в Вюрцбурге, и в откровенной беседе она призналась мне, что письма, о которых я упоминал выше, исходили вовсе не от Махатмы.

На самом деле она обеспечивала их производство, чтобы поддерживать то, что она считала правильной политикой общества в то время, — совершая роковую ошибку, делая зло во имя добра. Нет никаких оснований предполагать, что я ошибаюсь в своих воспоминаниях о том, что было. Они вполне ясные и точные, и были предметом многочисленных разговоров между мной и теософами в то время.

Более того, несколько позже, когда мадам Блаватская жила в Остенде, я снова упомянул об этом и сказал, что считаю, что к моим услугам почти не прибегали, поскольку мои глубочайшие чувства преданности Махатме использовались в целях, к которым он не имел никакого отношения. Помнится, мадам Блаватская ответила: «Ну, вы не очень-то обиделись, так как, в конце концов, вы никогда не верили, что письма были подлинными».

После публикации таких взглядов становилось очевидным, что после смерти Е.П.Б. из четырёх теософов с мировым именем — Г. С. Олкотт, А. П. Синнетт, Уильям К. Джадж и

[24] честные намерения, добросовестность (лат.)

Анни Безант — только один, Джадж, был верен ей и её идеалам. И Олкотт, и миссис Безант отвергали письмо, которое Е.П.Б. сама передала Синнетту как от своего Учителя. Перед смертью Синнетт обвинял её в подделке документов и мошенничестве. Только Джадж продолжал дело Е.П.Б. в том духе, в котором оно было начато и поддерживалось ею. Остальные трое, из-за тщеславия или амбиций, а также из-за других личных факторов, которые трудно определить, умаляли историческую роль Е.П.Б. в теософском движении и поднялись на собственные пьедесталы в теософском мире.

Если нападки на Джаджа нуждаются в дальнейшем объяснении, то объяснение заключается в том, что постоянная защита Джаджем Е.П.Б. оскорбляла его противников двояко. Во-первых, его верность той, которая была их общим наставником, была прямым упреком им в том, что они перестали уважать её. Если их порой мучила совесть из-за того, что они отстранили Е.П.Б. как учителя и отвергли её положение как посредницы адептов, то позиция Джаджа могла только увеличить внутреннюю боль, испытываемую ими по этому поводу, а также тайные угрызения совести. Поддержка Е.П.Б. Джаджем была также неприятна Олкотту, Синнетту и миссис Безант по той причине, что до тех пор, пока Е.П.Б. оставалась, прежде всего, учителем, они сами довольствовались лишь отражённой славой. Президентство Олкотта было его притязанием на славу; но из книги «Страницы старого дневника» и других заявлений Олкотта очевидно, что он считал, что его затмевало любое воспоминание об оккультном статусе Е.П.Б., с чем он боролся много лет. И Синнетт, и миссис Безант, с другой стороны, заявляли о собственном «оккультном статусе», и утверждение этих притязаний привело их к умалению роли Е.П.Б.. Как говорилось, источником «оккультного» вдохновения миссис Безант был брамин Чакраварти, который, исполнял роль Свенгали[25] по отношению к Трилби в лице миссис Безант, увидел в Джадже соперника, которого необходимо одолеть. Принятые меры составляют «Дело против У. К. Джаджа» миссис Безант.

Откровения Синнетта в его книге «Ранние дни теософии в Европе» показывают природу его особых достижений в «оккультизме» как до, так и после смерти Е.П.Б.. Одним словом, он стал своего рода теософским спиритуалистом, получая «послания», которые, как он предполагал, исходили от адепта,

[25] Трилби (англ. Trilby) — второй и имевший наибольший успех роман английского писателя и художника Джорджа Дюморье, вышедший в свет в 1894 году. Свенгали и Трилби персонажи романа.

с которым он ранее переписывался в Индии, но теперь получаемые через Ч. У. Ледбитера — своего «медиума».

Чарльз У. Ледбитер изначально был викарием в сельском приходе англиканской церкви. Он много лет интересовался спиритуализмом, потом прочитал две самые ранние книги м-ра Синнета. После этого он проводил сеансы вместе с м-ром У. Эглинтоном, известным медиумом того времени, который был в Адьяре во время пребывания там Е.П.Б.. Эглинтону, как и м-ру У. Стейнтону Мозесу (М. А. Оксону), помогала Е.П.Б.; они получали через неё различные доказательства существования Учителей и в 1884 году вступили Лондонскую ложу. М-р Ледбитер попытался через «духа-руководителя» Мозеса по имени «Эрнст» установить «общение с Учителями». Об этом говорится в письме VII из «Писем Учителей Мудрости», письме, полученном Ледбитером через Е.П.Б. много месяцев спустя, после того как он заявил о своем желании вернуться с ней в Индию.

Соответственно, м-р Ледбитер отправился в Индию с Е.П.Б. в конце 1884 года и находился в Адьяре во время расследования м-ра Ходжсона. Из Адьяра м-р Ледбитер был отправлен на Цейлон полковником Олкоттом, и, находясь там, он начал проявлять склонность к увлечению мальчиками. К. Джинараджадаса, нынешний президент Теософского общества, был одним из тех, кто привлёк к себе особое внимание Ледбитера.

М-р Ледбитер вернулся в Англию в 1889 году, взяв с собой мальчика Ч. Джинараджадасу. В Лондоне он близко познакомился с м-ром Синнеттом, сыну которого он служил наставником, как и Джинараджадасе и Джорджу Арундейлу. Он также был «медиумом», через которого м-р Синнетт поддерживал предполагаемое общение с «Учителями Е. П. Б.».

М-р Ледбитер никогда не был членом Э.С. и никаким образом не был связан с Е.П.Б. после своего возвращения в Англию. М-р Синнетт сделал его секретарем Лондонской ложи, когда он прибыл в Англию в 1889 году. Курс и практика, общественная и частная, Лондонской ложи полностью расходились с оккультным учением, которое преподавала Е. П. Б., — они фактически были идентичны медиумизму, исследованиям в этой области и хатха-йоге. При жизни Е.П.Б. не произошло ни одного открытого разрыва, но связь между Лондонской ложей и

членами ложи Блаватской была самой незначительной и чисто формальной.

Первая брешь в отношениях между миссис Безант и м-ром Джаджем произошла не только из-за влияния Чакраварти, но и из-за влияния м-ра Синнета. Будучи членом Э.Ш. и одним из её соруководителей, миссис Безант вступила в Лондонскую ложу и принимала участие в экспериментах м-ров Синнетта, Ледбитера и остальной их группы, тем самым нарушая клятву и следуя двум абсолютно противоположным системам «оккультного развития». Когда Чакраварти приехал в Лондон, почва для подкупа миссис Безант была уже вполне готова.

Один из парадоксов данной ситуации состоит в том, что, в конце концов, в 1907 году, м-р Синнетт отверг «адьярские манифестации» [26], организатором которых была миссис Безант, и которая была вынуждена присоединиться к «обелению» м-ра Ледбитера, чья практика с мальчиками была разоблачена осенью 1906 года, — и что миссис Безант была вынуждена вследствие острой необходимости обернуться против м-ров Синнетта, Чакраварти и Ледбитера, чтобы защитить себя от позора последнего, развеять сомнения в отношении «Адьярских манифестаций», и закрепить за собой заветную должность президента общества после смерти полковника Олкотта.

Позже нужда заставила миссис Безант примириться с м-ром Синнеттом, сделав его вице-президентом, и с м-ром Ледбитером, добившись его возвращения в Общество, из которого он вышел во время расследования в 1906 году. Вынужденная выбирать между двумя конкурирующими авгурами, она выбрала м-ра Ледбитера, а не Чакраварти, от которого уже не было пользы, и с того времени м-р Ледбитер стал «властью за троном» экзотерического и эзотерического суверенитета миссис Безант.

Возвращаясь к неприязни по отношению к м-ру Джаджу, следует отметить, что существовал и третий фактор, который восстанавливал против него Олкотта и миссис Безант, и, вероятно, также Синнетта.

---

[26] «Адьярские манифестации» были в 1907 году мнимыми «видениями ясновидящих» миссис Безант, миссис Мари Руссак (миссис Хотченер) и мисс Ренда, фактически утверждавшими, что миссис Безант была назначена «Учителями» сменить Олкотта на посту президента (Олкотт умер в начале 1907 года). Эти утверждения вызвали фурор в Обществе, против них выступили Синнетт, Дж. Р. С. Мид и даже Александр Фуллертон, но вопрос был решен подавляющим большинством голосов в пользу миссис Безант.

Спокойно и уверенно м-р Джадж был вынужден сделать публичное заявление о том, что он общается с Учителями и, в действительности, является Их посредником.

Очевидно, что когда делается такое заявление, тот, кто его делает, является либо бессовестным лжецом, либо тем, за кого себя выдает. Нет золотой середины, если человек не безумен. Вынуждая м-ра Джаджа к такому публичному заявлению своими обвинениями против него, его недруги должны были либо признать это заявление, либо осудить его окончательно. Они выбрали последнее.

После Бостонского съезда 1895 года деятельность Теософского общества Америки отличалась отсутствием оскорблений по отношению к другим обществам, с которыми оно было связано. На самом деле, во время бури, длившейся с начала 1894 года до середины 1895 года, работа теософского движения в Соединённых Штатах шла, как обычно, с увеличением числа отделений и лекторов, несшими весть учения во все части страны. Сам м-р Джадж, несмотря на огромную потерю сил, вызванную нападками, продолжал писать много статей для журнала «Путь», демонстрируя своё необычайное понимание философии и безмятежный дух перед лицом предательства со стороны своих бывших коллег. Именно в этот период или немного раньше был написан «Океан теософии» — книга, использовавшаяся в качестве учебника на многих учебных занятиях и признанная особенно ценной как краткое изложение «Тайной доктрины». Послужной список его деятельности во имя Движения до, во время и после «дела Джаджа» был достаточным опровержением обвинений против него, если вообще такое «опровержение» было необходимо. Американские теософы прекрасно знали об этом, что объясняет почти единодушную поддержку, которую он получил на Бостонском съезде. Благодарность м-ру Джаджа, написанная вскоре после его смерти одним из его ближайших друзей и сотрудников, Дж. Д. Баком, помогает пролить свет на позицию американских теософов. Доктор Бак писал:

«Люди по ту сторону океана никогда не понимали ни положения м-ра Джаджа в Америке, где он был хорошо известен в связи со своей работой, ни того, насколько невозможно было бы поколебать наше доверие к нему. Верно, что поднятые вопросы были, по-видимому, совершенно личными, и потребовалось некоторое время, чтобы разъяснить всему Обществу их истинную природу. Однако когда эти вопросы

прояснились, и у людей было время их обдумать, вердикт был ошеломляющим, и те, кто присутствовал в Бостоне в апреле прошлого года [1895 года], никогда не забудут сцену, разыгравшуюся там [когда формировалось Т. О. А.]. Мне довелось председательствовать на многих съездах, как медицинских, так и теософских, но я никогда раньше не был свидетелем такой сцены и никогда не думаю увидеть её снова. Шумной демонстрации не было, но сам воздух трепетал от сочувствия и признательности.

Он никогда не был человеком ограниченного мышления, никогда не был эгоистичным или тщеславным. Он моментально отказался бы от своего плана, если бы ему предложили лучший, и был бы рад, если бы кто-нибудь продолжил работу, им разработанную, и сразу же приступил бы к другой работе. Продолжать трудиться и помогать Движению, казалось, было его единственной целью в жизни...

Что касается меня, то зная м-ра Джаджа так, как я его знал, и, общаясь с ним день за днём — дома, в часы работы, в долгие дни странствий по необитаемым местам или по безбрежному океану, а также, пройдя с ним расстояние, равное двукратному пути вокруг земного шара — у меня нет ни тени сомнения о его связи с Великой ложей и служении ей».

В этой главе о Теософском движении засвидетельствован максимум личной преданности и верности м-ру Джаджу. Но этого было недостаточно. Неспособность решить, как это делал сам м-р Джадж, задачи Общества на основании установленных принципов философии, могла привести только к расхождению курсов, а не к согласованным и спокойным действиям, когда уже не было у руководства беспристрастной верности Движению и своим коллегам.

ГЛАВА XVIII

СМЕРТЬ УИЛЬЯМА К. ДЖАДЖА

М-Р ДЖАДЖ, НИКОГДА ПОСЛЕ СВОЕЙ ПОЕЗДКИ в Южную Америку не отличавшийся крепким здоровьем, стал резко сдавать осенью 1893 года после яростных нападок на него. Во время Бостонского съезда в апреле 1895 года состояние его здоровья было таково, что он не мог принимать в нём активного участия. Позже, в том же году он настолько ослабел, что по настоянию друзей и врачей отправился на юг в тщетной попытке выздороветь. Так как эта мера оказалась безрезультатной, и становилось все более очевидным, что попытки продлить жизнь ничего не дадут, он вернулся на север с частыми остановками, проведя две недели в Цинциннати с д-ром Дж. Д. Баком и другими теософами. Он добрался до Нью-Йорка в феврале и с тех пор начал быстро угасать. М-р Джадж умер в субботу, 21 марта 1896 года. Его последними словами, согласно бывшего у него Ф. Т. Харгроува, были: «Должно быть спокойствие. Держитесь. Идите медленно».

Теперь мы подходим к периоду крайней путаницы в истории теософского движения. Как и во время прежних кризисов в жизни Общества, внешние события, последовавшие за смертью м-ра Джаджа, лишь отражали возмущения, источником которых были тайные шатания и даже измена. Всё это должно было свести на нет значительные достижения Движения в Соединённых Штатах. Первое свидетельство того, что должно было произойти, пришло в виде уведомления Э.Ш., опубликованное в пятницу, 27 марта, в котором объявлялось об «Общем собрании Э.Ш.Т.» в штаб-квартире по адресу 144 Мэдисон-авеню, Нью-Йорк в воскресенье, 29 марта. Все, кто мог, присутствовали на этом собрании и были пассивными участниками того, что происходило. Главным событием встречи было чтение Э. Т. Харгроувом подготовленного одностраничного объявления, подписанного восемью ближайшими соратниками м-ра Джаджа — людьми, которые принимали активное участие в работе Арийской ложи Нью-Йорка, в Американском обществе в целом, в публикации журнала «Путь» и в чрезвычайно важной работе

Э.Ш.. В объявлении говорилось об озабоченности подписавших относительно будущего Э.Ш. и сообщалось, что изучение «личных бумаг» м-ра Джаджа показало, что будущее Школы не было оставлено ни на волю случая, ни на наше простое суждение. Они [бумаги] содержат поразительные откровения относительно нашего покойного внешнего руководителя и определённо показывают, что он был намного более великим, чем казалось на первый взгляд. «Мы считаем правильным сообщить вам сразу об этом факте и о том, что его положение в Ложе было выше, а его связь с Учителями была гораздо более тесной и постоянной, чем это обычно предполагалось большинством членов школы. Его документы также показывают, что он не был одинок в своей работе, но что никто кроме очень немногих не знал о том, что ему всегда помогали, и что он передал эту помощь после себя, и его смерть не могла её отнять. В связи с этим мы должны просить вас на данный момент помнить, что, как он доверял нам, так и вы должны доверять нам. И мы собираемся опубликовать дополнительное сообщение, как можно скорее, доказывая его собственными бумагами правильность всего изложенного выше.

Подписано: Э. Т. Харгроув, Джеймс М. Прайс, Джозеф Г. Фасселл, Г. Т.Паттерсон, Клод Фоллс Райт, Женевьев Ладлоу Гриском, К. А. Гриском-младший и Э. Август Нересхаймер.

Сложно себе представить, какие «документы» могли добавить значимости Уильяму К. Джаджу, и цель этого объявления нуждается в небольшом объяснении; нужно было установить «значимость» тех, кто подписал его, как компетентных людей, способных указать оккультного «преемника» м-ра Джаджа. Вышеизложенное заявление было разослано всем членам Э.Ш. в США и других странах. За этим последовала, в течение недели, брошюра на девятнадцати страницах от 3 апреля 1896 года, содержавшая сообщение, подписанное теми же восемью лицами, и то, что описывается как «стенографический отчёт» о встрече 29 марта. В этой брошюре говорилось, что м-р Джадж оставил «указания» для будущего управления Э.Ш., включая назначение нового «внешнего руководителя». Однако в объявлении говорится, что «имя и личность оккультного наследника и преемника У. К. Джаджа должны оставаться неизвестными для членов Общества в течение одного года». Другие вопросы, предусмотренные в предполагаемых «указаниях» м-ра Джаджа, касались формирования Совета, а также Консультативного совета. В них повторялось, что новый «внешний руководитель» был «практически неизвестен в Теософском обществе, поскольку

м-р Джадж доверял лишь очень немногим избранным и надёжным друзьям».

При таком развитии событий теософское движение вступило в фазу, которая угрожала разрушить тщательно продуманные планы Е. П. Блаватской и стереть с лица земли пример, поданный Уильямом К. Джаджем. «Пусть Общество, — говорил один из адептов теософии, — процветает только за счёт своей нравственной ценности». Но именно этого боялись сделать те, кто оставался после ухода м-ра Джаджа. Они не удержались. Они не шли медленно. Не прошло и недели после его смерти, как его ближайшие соратники по работе объединились, чтобы навязать «преемника» членам Теософского общества.

Положение, которое занимал Джадж в Движении, было обусловлено фактически тем, кем он был и чем занимался. Если Джадж занимал особое место в умах многих теософов, то не из-за каких-либо утверждений относительно его деятельности, будь то от него самого или его сторонников, а из-за его неизмеримых заслуг перед теософским делом. Всё, что можно было сказать о его возможных оккультных связях с Е.П.Б. и Учителями, *объяснялось* его явным величием и соответствовало ему, а не являлось основанием для признания его «теософским компетентным лицом» или «духовным лидером».

Эти отношения теперь изменились на противоположные в заявлениях, сделанных от имени мнимых «преемников» м-ра Джаджа. Теперь должны считать, что человек, «практически неизвестный Теософскому обществу», обладал высоким оккультным «статусом» только потому, что так провозгласила небольшая группа теософов. Не «нравственная ценность», а «притязания» теперь должны были быть признаны решающим фактором решения всех вопросов теософского лидерства. Поистине, оскорблением памяти Джаджа было то, что вскоре после его смерти была установлена процедура «преемственности», которая сокрушала всё, что он отстаивал всю свою жизнь. И менее чем за два года Общество неизбежно оказалось в полном замешательстве, и произошёл новый раскол.

Собрание Э.Ш.Т., состоявшееся в Нью-Йорке 29 марта, проходило под председательством Э. Т. Харгроува. М-р Харгроув зачитал присутствующим некоторые выдержки из дневника м-ра Джаджа, которые он назвал «доказательствами» «постоянной связи последнего с Учителями». Далее он прочитал «послание», которое якобы было от Е.П.Б. м-ру Джаджу (от 3 января

1895 года), в котором упоминается «Промис[27]» или «чела», предложенный теперь в качестве преемника м-ра Джаджа. В отчёте о собрании 29 марта есть несколько таких посланий, и ни одно из них не говорит о силе и нравственной глубине, характерных для сочинений Е.П.Б. «Каково бы ни было происхождение этих посланий, вряд ли можно оправдать их использование м-ром Харгроувом и его сообщниками. Прочитав эти «послания», — в заключении Харгроув сказал:

«Доверие — наше единственное спасение, но только здравый смысл может подсказать нам, что он [Джадж] не мог бы покинуть это тело, если бы у него не было оккультного наследника или преемника, который занял бы его место, поскольку таков закон Ложи. Этот оккультный наследник является связующим звеном между нами и им, и так далее от Раджи [«оккультное» имя Джаджа] до Е.П.Б., и до Учителей и великой Ложи. Должно быть такое звено; его документы показали нам, где его найти; мы нашли его, испытали и проверили его по одному и все вместе, чтобы не оставалось сомнений».

Другие члены Совета, находившиеся на сцене вместе с м-ром Харгроувом, подтвердили то, что он сказал. Джеймс М. Прайс выступил с письменным заявлением, подтверждавшим открытия Харгроува. Дж. Х. Фассел сказал: «Я знаю, исходя из собственного знания, что то, что сказал наш брат Эрнест Т. Харгроув, верно; что наш руководитель... не оставил нас со смертью своего изнурённого тела… он всё ещё работает в том же направлении, что и работал до сих пор; и будет продолжать так работать и вести нас». Г. Т. Паттерсон дал аналогичные показания, а Клод Фоллс Райт заявил, что Джадж послал его навестить «Промис» и что «этот чела впал в транс и многое рассказал мне о будущем». М-р Райт говорил о продолжавшейся «прямой опеке Учителей и Ложи» и добавлял: «Мы на этой сцене за последние несколько дней получили чудесные доказательства этому». М-р и миссис Гриском поддержали утверждения Харгроува, и, наконец, м-р Ф.А. Нересхаймер прочитал «послание от Учителей», которое, по его словам, он получил через «Промис» в марте 1895 года. Последнее предложение этого сообщения: «*Ни при каких обстоятельствах м-р Джадж не должен знать об этом*» — вызывает сомнение в его подлинности. М-р Нересхаймер также сообщил собравшимся, что Совет получит дальнейшие инструкции, «какие бы они ни были, от внешнего руководителя, с которым, как я уже говорил ранее, я знаком, как и другие».

[27] Обещание (англ.)

Поскольку восемь человек, присоединившиеся к утверждению, что «преемник» был им известен как посредством письменного указания м-ра Джаджа, так и посредством «оккультного» озарения и «посланий», были хорошо известными теософами, естественно, что их слово было принято почти всеми членами Общества. На самом деле речь шла либо о полном отрицании, либо о полном принятии того, что говорили м-р Харгроув и его сторонники; а отвергнуть то, что они говорили, означало бы объявить всё движение в Америке притворством и провалом. Кроме того, смерть м-ра Джаджа, несомненно, вызвала у членов особую тревогу повсюду и сомнения относительно будущего, так что заявления брошюры от 3 апреля можно было легко принять как гарантию новой деятельности.

Второй ежегодный съезд Т. О. А. состоялся в конце апреля 1896 года. К этому времени, хотя «оккультный наследник и преемник» м-ра Джаджа оставался неизвестным в течение года, стало известно, что это была миссис Кэтрин Тингли, человек, который две недели спустя после объявления Харгроува прошёл «обучение и подготовку ещё более строгую и всестороннюю, чем подготовка, которую прошли Е.П.Б. и У.К.Д.». Это последнее заявление появилось в семистраничном циркуляре, выпущенном Харгроувом 17 мая для членов Э.Ш.Т., в котором под заголовком «Жизнь оккультиста» он излагал то, что претендует быть отчётом о значительных событиях в жизни нового «внешнего руководителя». Миссис Тингли, которую в этом циркуляре всё ещё называют «Промис», описывалась как находящаяся под руководством «Учителя», и Харгроув утверждал, что м-р Джадж признавал её «истинный оккультный статус» за несколько лет до своей смерти и одобрял её деятельность в качестве «психометра».

На следующий день после появления этого циркуляра газета «New York *Tribune*» напечатала статью объёмом более двух полных колонок, раскрывавшую личность миссис Тингли в качестве «преемницы» и содержавшую длинное одобренное «интервью» с ней. Это публичное объявление было распространено среди членов Э.Ш.Т. в другом конфиденциальном циркуляре, выпущенном 21 мая, в котором «Промис» была представлена как миссис Тингли.

Харгроув, которого съезд избрал президентом Теософского общества Америки, взял на себя редактирование журнала «Путь», который

теперь назывался «Теософией», и назначил Дж. Х. Фассела своим личным секретарём.

Клод Фоллс Райт был «призван к более важной работе» в качестве личного секретаря «преемницы» м-ра Джаджа. Во время съезда м-р Райт обратился к собравшимся с планом «Учителей» по созданию «Школы утраченных древних мистерий», и миссис Тингли восторженно высказалась по тому же вопросу. Участники отреагировали с энтузиазмом, и была собрана крупная сумма денег для поддержки этого проекта.

Вскоре после съезда к членам Э.Ш.Т. обратились ещё с одним призывом, а именно, собрать средства для Теософского «крестового похода» по всему миру, которым «руководили Учителя». Были внесены тысячи долларов, и после многочисленных собраний в Нью-Йорке и Бостоне миссис Тингли отправилась в Европу со своей свитой, в которую входили Харгроув и Райт. Миссис Алиса Л. Клизер присоединилась к этой группе в Европе. С момента отъезда в июне 1896 года до возвращения в Сан-Франциско в феврале 1897 года м-р Харгроув снабжал журнал «Теософия» восторженными ежемесячными отчётами о ходе «крестового похода». Как ясно показывают эти и другие рассказы, «крестовый поход» был отмечен многочисленными знамениями и чудесами. И 15 июня посреди океана как сообщил Совет, крестоносцы получили «послание» от Е.П.Б..

Ещё одним ярким событием путешествия стало заявление миссис Тингли о встрече с «Учителем Е. П. Блаватской, на склоне горы близ Дарджилинга». Эта личность, по рассказам миссис Тингли, в тот момент, когда она увидела его, строгала деревянную пробку, чтобы починить ярмо воловьей пары, на которой чела пахал в поле неподалеку.

По возвращении в Америку краеугольный камень «Школы возрождения утраченных древних мистерий» был заложен миссис Тингли и её помощниками в Пойнт-Лома, недалеко от Сан-Диего, Калифорния; это место указано миссис Тингли во время пребывания за границей через незначительное «оккультное» совпадение. Летом 1897 года восхваление миссис Тингли как «преемницы» м-ра Джаджа и как «лидера Теософского движения по всему миру» достигло такого уровня энтузиазма, что все меньшие светила ушли в тень или засияли как простые спутники.

Однако по прошествии года стали проявляться признаки недовольства. Ф. Т. Харгроув ушёл с поста президента и с поста редактора «Теософии». Август Нересхаймер и миссис Арчибальд Кейтли (ранее миссис Джулия Кэмпбелл ВерПланк, которая под именем «Джаспер Ниманд» писала для журнала «Путь» ещё при жизни Джаджа), на совместное попечение которых м-р Джадж завещал журнал «Путь», поссорились из-за вопросов, связанных с редакционной политикой, так как миссис Кейтли поддерживала Харгроува, а м-р Нересхаймер был на стороне миссис Тингли. В циркуляре Э.Ш.Т. от 3 сентября 1897 года миссис Тингли сообщала, что она «предложила» м-ра Харгроува на пост президента, потому что, как она объясняла, «во время кризиса я понимала, что он был единственным человеком, который мог занять это место». Несколькими месяцами позже на съезде 1898 года м-р Харгроув должен был сделать признание гораздо более серьёзного характера.

Атмосфера соперничества между м-ром Харгроувом и миссис Тингли стала настолько напряжённой, что затронула всех членов Э.Ш.Т. и Т. О. А..Дата съезда была перенесена с апреля на февраль, не как обычно во все предыдущие годы. На съезде планировалось представить новую организацию под названием «Всеобщее братство». Теософское общество Америки должно было объединиться с «Всеобщим братством». Также и другие планы разрабатывались м-ром Харгроувом и его последователями.

Циркуляр собирал подписи в поддержку избрания Харгроува на пост президента Общества, с назначением м-ра Нересхаймера казначеем и возрождением старой должности Е.П.Б., секретаря по переписке для миссис Тингли. Нересхаймер сразу же снял свою кандидатуру с выборов. Харгроув возразил через циркуляр, заявив, что «в управлении обществом существуют серьёзные и очевидные недостатки», и, не называя имени миссис Тингли, выступил против её подавляющего влияния. Миссис Тингли, в свою очередь, опубликовала циркулярное предупреждение по Э.Ш.Т. против «абсолютной нелояльности» и планов, которые якобы «причиняют вред интересам Теософского общества».

Съезд 1898 года собрался в Чикаго 18 февраля. Делегатам раздали печатные экземпляры программы создания «Всеобщего братства». Почти единогласно они приняли план новой организации, согласно которому Т. С. А. стал отделом «Всеобщего братства». Миссис Тингли стала лидером и «официальным руководителем»

обеих организаций и получила право накладывать вето даже на поправки к конституции, которые предоставляли ей все мыслимые полномочия. Согласно новой конституции, она могла назначать или увольнять любых должностных лиц «Всеобщего братства» и имела верховный контроль над всеми отделениями и ложами, управляемыми новой организацией.

Тогда Харгроув и его последователи покинули зал съезда и перебрались в другой зал, чтобы провести собственный съезд. Они приняли резолюции, объявляющие Чикагскую конвенцию незаконной, подтвердили конституцию Т.О.А. 1895 года и избрали А. Г. Спенсера исполняющим обязанности президента. Что касается цифр, то Харгроув возглавил безнадёжное предприятие. Более 95 процентов членов одобрили действие Чикагского съезда, и только 200 из примерно 6000 членов присоединились к Харгроуву и его соратникам. Но м-р Харгроув ещё не закончил высказывать протесты против хода событий в Обществе под руководством миссис Тингли. И 19 марта 1898 года он опубликовал документальный отчёт о собрании, которое он созвал и на котором он председательствовал в Чикаго 19 февраля, где зачитал копии нескольких писем, адресованных им миссис Тингли.

Суть этой переписки состояла в том, что он, Харгроув, сделал миссис Тингли внешним руководителем, а теперь он понял, что совершил серьёзную ошибку. После этого он снял её с этой должности, заявив, что сделал это «по приказу Учителя». Он добавил, что «внешний руководитель, следующий за вами, уже назначен Учителем». В частности, что касается возведения миссис Тингли в статус «преемницы» Джаджа, Харгроув писал 30 января 1898 года:

«А теперь, мой дорогой друг, вы всё испортили — и это сущая правда. *Вас выдвинули* внешним [руководителем] как единственного человека в поле зрения, с которым можно было иметь дело в то время. Мы все были сердечно рады приветствовать вас, поскольку вы разрешили стоявшую перед нами проблему — кому быть В. Р.[28]; вы были чем-то вроде нейтрального центра, вокруг которого мы могли собраться. И большинство из нас просто кричали от восторга, так как вы решили нашу проблему, и у нас было достаточно доказательств того, что некоторые члены Ложи работали через вас и что вы обладали высокими и редкими медиумическими способностями и были ученицей Ложи. Так что какое-то время дела шли гладко. Наш энтузиазм и обеспокоенность тем, чтобы всё шло хорошо, завели некоторых из нас слишком далеко — завели меня слишком далеко, до такой степени, что…

[28] Внешний руководитель

я использовал мое личное влияние на людей, чтобы заставить их принять вас как В. Р. Я думал, что это было на благо дела, но с тех пор я узнал ещё кое-что». [Курсив добавлен.]

Переписка, опубликованная м-ром Харгроувом, и его комментарии о закрытых заседаниях Совета, проведённых после смерти м-ра Джаджа, делают вполне очевидным, что влияние Харгроува, а не какие-либо письменные инструкции м-ра Джаджа, побудили Совет объявить «Промис» или миссис Тингли «оккультным преемником» Джаджа. Дальнейшее свидетельство некоего фантастического подтасовывания фактов, будь то с помощью медиумического наваждения или преднамеренной, хотя и благочестивой, фальсификации (что как, вероятно, никогда не будет окончательно установлено), содержится в письме Джозефа Г. Фассела члену Общества из Новой Зеландии, преподобному С. Дж. Нилу. Это письмо написано собственноручно м-ром Фасселом и датировано 28 марта 1896 года, т. е. за день до того, как м-р Фассел вместе с шестью другими лицами торжественно подтвердил всё, что утверждал Э.Харгроув относительно «инструкций» м-ра Джаджа. В письме говорится:

«28 марта 1896 г.

144 Мэдисон Авеню, Нью-Йорк

Преподобному С. Дж. Нилу, Окленд, Новая Зеландия.

Дорогой брат Нил,

Я знаю, что вы захотите услышать о проблемах и состоянии дел Э.Ш.Т. после ухода из жизни внешнего руководителя школы. Насколько мне известно в настоящее время У.К.Д. не оставил указаний относительно продолжения работы школы. Конечно, если он это сделал, такие указания будут исполняться. В прошлое воскресенье днём (22 марта) в доме К. А. Грискома-младшего состоялась неформальная встреча, на которой обсуждались вопросы, касающиеся работы. Присутствовали К. А. Гриском-младший, Э. А. Нересхаймер, Дж. М. Прайс, Э. Т. Харгроув, К. Ф. Райт, Г. Т. Паттерсон, А. Г. Спенсер, Э. Б. Пейдж и Дж. Г. Фассел.

Что касается Э.Ш.Т., то был предложен следующий план. В случае, если м-р Джадж не оставил никаких указаний, будет разослано циркулярное письмо, подписанное вышеназванными и другими нью-йоркскими членами Школы всем членам Э.Ш.Т. в Америке с предложением сформировать Совет для выполнения рутинной работы школы, такой Совет должен заниматься исключительно этим и не иметь полномочий в качестве учителей или в решении строго эзотерических вопросов. Членов попросят подписать бланк, если они одобряют такой план организации и т. д.

Вышеизложенное является лишь примерным изложением идеи, но её цель состоит в том, чтобы держать всех членов вместе и координировать их усилия, а также для того чтобы мы могли поддерживать связь друг с другом.

Как только такой Совет будет сформирован, у нас появится основа для работы, и мы сможем сотрудничать с Советом Восточного отдела, назначенным м-ром Джаджем. Разумеется, этому не будет дан ход, пока мы не убедимся, что в бумагах руководителя нет никаких указаний.

Я буду держать вас в курсе всего, что может быть сделано или что может произойти в связи с этим делом.

С добрыми пожеланиями всем вам

По-братски ваш,

(подпись) Джозеф Г. Фасселл»

Именно Фассел 29 марта 1896 года торжественно заверил на собрании Э.Ш.Т. в Нью-Йорке: «Сначала я хочу сказать, о чём мне известно из собственного опыта, что заявление нашего брата Эрнеста Т. Харгроува является правдой. Харгроув недвусмысленно заявил об обнаружении «бумаг» м-ра Джаджа, предписывающих формирование Совета и указывающих на личность нового «внешнего руководителя». Но м-р Фассел 28 марта пишет, что Совет был предложен как «вариант», представленный членам Э.Ш.Т. на их усмотрение!

Кто говорит правду, и когда он говорит правду? Говорил ли Фасселл правду Нилу? Тогда почему он подписал брошюру от 3 апреля, утверждая, что м-р Джадж приказал образовать Совет? Если Харгроув говорит правду в своём письме миссис Тингли от 30 января 1898 года, то *он*, поддерживаемый семью другими членами Совета, просто использовал свое «влияние», чтобы сделать миссис Тингли «оккультной» преемницей Джаджа, хотя чётких указаний от м-ра Джаджа не было вообще.

Что касается личных вещей м-ра Джаджа, то известно следующее: почти сразу же после панихиды Э. А. Нересхаймер и К. А. Гриском подошли к миссис Джадж, попросили у неё ключи от стола м-ра Джаджа и от сейфа, в котором м-р Джадж хранил личные бумаги. Позже, когда миссис Джадж пришла в штаб-квартиру, она не нашла личных бумаг м-ра Джаджа в его столе, а подойдя к сейфу, обнаружила, что он пуст. Какие бы бумаги ни были вынесены из этих мест, их никогда не показывали и они не распознавались как

таковые. В любом случае м-р Фассел ничего не знал о каких-либо «указаниях» несколько дней спустя, 28 марта, когда он писал письмо преподобному С. Дж. Нилу.

Более поздняя история «Всеобщего братства» и Теософского Общества, основанных миссис Тингли [29], отмечена немногими событиями, за исключением аналогичных притязаний её «преемницы» на подобные оккультные исключительные качества. Миссис Тингли умерла в Висинго, Швеция, 29 июля 1929 года в результате последствий автомобильной аварии в Германии. В опубликованном письме от 29 июля 1929 года, адресованном как «экзотерическим» членам общества Пойнт-Лома, так и «членам его Э.С.», д-р Готфрид де Пурукер, который долгое время был связан с миссис Тингли, высказал свои претензии на оккультное правопреемство. В этом письме, в частности, говорилось:

«Все товарищи, находящиеся здесь, в высшей степени уверены в завтрашнем дне, поскольку они знают, что Дело под надёжной охраной, и слава бессмертным богам! они доверяют тому, кто теперь принимает бразды правления по линии преемственности от Е.П.Б., У.К.Д. и К.Т.

Принимая на себя тяжкое бремя ответственности, которое легло на меня в связи с назначением К. Т. меня её преемником.

Я понимаю, что благодаря труду нашей благословенной К.Т., даже большему труду, по сравнению с трудом двух её великих предшественников, члены нашего Общества были обучены, научились размышлять и иметь интуитивное понимание того, что Теософское Движение значит не только для нас самих, но и для человечества».

Д-р де Пурукер достигает беспрецедентной кульминации среди «преемников», информируя членов Общества о своём оккультном статусе и отношениях:

«Трижды за последнее время, до и после кончины К.Т., один из великих Учителей был у меня здесь, в Ломаленде. Я открою вам своё сердце и скажу вам кое-что. Два Учителя, которые основали Теософское общество и являются руководителями Э.С., до сих пор работают с Обществом, как внутри, так и внешне, и ради него. Каждый из них двоих далеко продвинулся по пути посвящения со времени Е.П.Б..

В последнем месяце я виделся и разговаривал с Учителем М., и дважды Учитель К.Х. был в моем кабинете, один раз один, а другой раз с челой».

Позднее в том же году, 1 сентября, д-р де Пурукер направил членам ещё одно письмо с просьбой о новой конституции,

---

[29] «Всеобщее братство», как часть названия общества было исключено после смерти миссис Тингли.

чтобы дать ему возможность, как он объяснял, лучше использовать «силы», сосредоточенные теперь на его скромной персоне. Описывая их, он говорил: «Духовные и душевные силы, изливающиеся через меня из великой Ложи, временами, как кажется, почти разрывают на куски плоть моего существа, настолько они сильны.» В ответ члены Общества предоставили новому «лидеру» безоговорочное право определять политику Общества, «предпринимать такие шаги или меры, которые, по его мнению, должны быть необходимыми для лучшей защиты интересов Теософского общества», а также право «смещать с должности любое должностное лицо Теософского общества, когда лидер сочтёт, что такие действия наиболее служат интересам Общества».

Второе письмо также содержало следующие заверения: «поскольку я являюсь посредником между великой Ложей Учителей сострадания и мудрости и всеми членами Теософического Общества, и, в частности, Э.С., и каналом, через который изливаются силы Ложи, поэтому и я, следовательно, являюсь учителем, и буду передавать то, что смогу тем, которые окажутся пригодными и готовыми принять это.

Следовательно, моим долгом будет, как только время и силы позволят мне это сделать, издать новое учение для Э.С., гораздо более глубокое и эзотерическое, чем то, что было издано даже Е.П.Б. или У.К.Д., или нашей любимой Кэтрин Тингли. Это я могу сделать по той простой причине, что эти трое моих великих предшественников никогда не имели возможности сделать то, к чему ныне побуждает и принуждает меня карма, чтобы осадить Врата судьбы и открыть путь в Мистерии, поскольку члены благодаря труду нашей любимой К.Т., теперь готовы услышать и, следовательно, принять то, что я могу им дать – возможность непредсказуемо великолепного обещания, которого не имели ни Е.П.Б., ни У.К.Д., ни даже К.Т.».

Такое утверждение оккультного преемника должно было стать основной темой д-ра де Пурукера на протяжении всего его пребывания на посту «лидера» Теософского общества Пойнт-Лома. Если не считать его попытки в 1931 году, в годовщину рождения Е. П. Блаватской, собрать членов других теософских обществ в «истинное» Общество в Пойнт-Лома (жест «братских отношений» и «воссоединения», который едва ли мог быть успешным до тех пор, пока миссис Безант в Адьяре и д-р де Пурукер в Пойнт-Лома оба претендовали на «истинную» теософскую преемственность), режим д-ра де Пурукера прошёл без особых событий. Не обладая способностями миссис Тингли производить эффект на окружающих,

лидер Пойнт-Лома был вынужден использовать различные методы сбора денег, чтобы сохранить целостность организации. В его третьем письме взносы Общества были объявлены в размере 12 долларов в год, а позже была предпринята попытка разместить ссуду в размере 400 000 долларов через трастовые сертификаты, проданные преданным членам. Наконец, в начале 1942 года Общество продало свои земельные участки в Пойнт-Лома и в июне переехало в Ковину, штат Калифорния. Собственность в Пойнт-Лома, приобретённая во времена миссис Тингли, первоначально составляла 330 акров, на которых было возведено несколько зданий для различной деятельности Общества, в том числе для «Теософского университета», и для предоставления жилых помещений должностным лицам и членам-резидентам. На момент продажи эти владения уменьшились до 78 акров. Следующим местом был участок площадью 41 акр недалеко от Ковины, но недавно Общество объявило о переносе своей штаб-квартиры в другое место. А 27 сентября 1942 года, вскоре после переноса штаб-квартиры в Ковину, д-р де Пурукер умер от сердечного приступа в возрасте 68 лет. Через несколько дней было объявлено, что делами Общества управляет «кабинет» из пяти человек, а 8 октября Айверсон Л. Харрис, председатель кабинета, выступил со следующим заявлением:

«Теософское общество с момента своего основания находилось под руководством непрерывной череды лидеров, и нынешняя ситуация, когда его возглавляют члены кабинета покойного лидера, является временной, нормальной процедурой в промежутке между уходом одного лидера и преемственностью следующего.

Д-р де Пурукер оставил своему кабинету полные и подробные инструкции относительно выполнения пожеланий в случае его смерти. Они осуществляются при полном одобрении и доверии членов Общества здесь и в других местах».

Три года спустя журнал «The Theosophical Forum», официальный печатный орган Общества, объявил, что полковник Артур Л. Конгер был избран вместо д-ра де Пурукера на посту лидера. Заявления, сделанные полковником Конгером, хотя, возможно, и были более сдержанными, ничем существенно не отличались от заявлений, сделанных миссис Тингли и де Пурукером или за них. Образец того, что говорится о полковнике Конгере, можно найти в рецензии журнала «The Theosophical Forum» за февраль 1948 года, в которой её автор, мисс Г. Ф. Кнохе, объясняет, почему ни миссис

Тингли, ни м-р де Пурукер, ни полковник Конгер не были ни давними, ни постоянными членами Э.С. Пойнт-Лома до их «назначения» в качестве «внешних руководителей». Объяснение таково:

«Что всё это нам раскрывает? Во-первых, насколько бы тесной не была скрытая связь между учителем и его преемником, сам учитель не всегда может полностью осознавать, кто станет его преемником. Во-вторых, достаточно показательно, что ни один из наших учителей никогда официально не назначал своего преемника. Если мы верим, как мы устно провозглашаем, что Т.О. находится под покровительством Учителей, разве не очевидно, что только Они пользуются правом такого назначения? Разве не столь же очевидно, что каждый из будущих преемников *де-факто* должен был проходить непосредственное обучение у Учителя?»

Ещё один интересный момент в этой статье мисс Кнохе связан с рецензируемой книгой, которая носит название «Диалоги Г. де Пурукера» и куда входят «частные записи группы, посвящённой памяти Кэтрин Тингли, эзотерической организации, созданной Г. де Пурукер вскоре после того, как он возглавил Теософское общество в 1929 году». По словам рецензента, полковник Конгер, сменивший лидера, был «уполномочен предать широкой огласке» эти записи «эзотерического учения». Эти откровения, утверждает рецензент, были обнародованы в соответствии с тем, что считается обычаем посвящённых, известных в истории. «Т. О., — заявляет она, — верно следовало древнему правилу». Далее в рецензии цитируются документы по Э.Ш. м-ра Джаджа относительно того, что следует считать экзотерическим, а что не подлежит разглашению, и продолжает вспоминать, что д-р де Пурукер учил «открыто» тому, что, по указанию Джаджа, должно было храниться в тайне. Можно предположить, что это предлагается в качестве доказательства того, что д-р де Пурукер имел такое же или, скорее, большее влияние, чем Джадж, на определение того, что может быть «открытым» учением. А полковник Конгер, следующий по очереди, был удостоен чести раскрыть ещё больше из публикаций тайных учений де Пурукера.

В связи со всем этим возникает естественный вопрос, и мисс Кнохе вполне уместно задает его: «Если опубликовать всё, что было эзотерическим, то, что тогда будет в Э.С.? Что останется тем ученикам, чьи сердца жаждут большего, чем дают экзотерические сочинения?»

Ответ состоит в том, что «высшие степени» хранят ещё большие секреты, и хотя группа, посвящённая памяти К. Т., была Э. С. де Пурукера, «возможно, существовала ещё более секретная

группа людей, способная укрепить и вдохновить группу, посвящённую памяти К. Т.». Но эти группы «умирают», как утверждается, со смертью каждого «преемника». Таким образом, настоящий учитель — это человек, а не «послание», которое этот учитель передает. После смерти лидера ученики могут надеяться, что их поведёт «сильный кармический проводник в новый эзотерический канал, открытый следующим Учителем».

Даже обычный «экзотерический» ученик Е. П. Блаватской и Уильяма К. Джаджа способен распознать широкую пропасть, отделяющую эти новые доктрины от первоначальных учений, касающихся оккультного ученичества и эзотерических наставлений.

Мало что можно рассказать о деятельности общества Ковина, за исключением, пожалуй, того, что оно заметно ослабло со времени яркого правления миссис Тингли и что примерно через год после войны некоторые постоянные члены из числа старейших и наиболее верных были вынуждены покинуть штаб-квартиру в Ковине, очевидно, чтобы предоставить более широкие возможности молодым членам. Среди ушедших были Айверсон Л. Харрис, упомянутый выше как председатель кабинета д-ра де Пурукера, м-р У. Эммет Смолл, долгое время занимавшийся изданием журнала «Theosophical Forum», и ряд других.

Полковник Артур Л. Конгер, третий из лидеров «преемственности» Общества Ковина, умер от сердечного приступа 22 февраля 1951 года, на семьдесят девятом году жизни. Через семь дней, 1 марта, было объявлено, что Джеймс А. Лонг, бывший советник и консультант Государственного департамента США, стал «новым главой» Общества, сменив полковника Конгера. М-р Лонг сообщил прессе, что штаб-квартира Общества переезжает в Альтадену, где приобретается собственность.

ГЛАВА XIX

ПОСЛЕДСТВИЯ В АМЕРИКЕ

Прежде чем переходить к другим этапам истории теософии двадцатого века, следует уделить некоторое внимание общим последствиям преемственности Тингли. Притязания на высокий статус миссис Тингли основывались, как мы видели, на мнимых «письменных инструкциях» м-ра Джаджа и «медиумических» отпечатках или сообщениях, полученных восемью видными членами во главе с Э. Т. Харгроувом, которые провели собрание Э.Ш.Т. в Нью-Йорке 29 марта 1896 года. Из этих восьми членов Харгроув был первым, кто изменил своё отношение к миссис Тингли и отверг её как преемницу Джаджа. В своей брошюре для Э.Ш. от 17 мая 1896 года под названием «Жизнь оккультиста» он косвенно поставил миссис Тингли даже выше Е.П.Б. и Джаджа в отношении её «обучения и подготовки». Он объясняет, что ему «предписали» сделать такие заявления относительно миссис Тингли. Но через два года ему снова «предписали», что пора отстранить миссис Тингли и «разоблачить» её. В обоих случаях он ссылался на «Учителя». Вместе со своими немногочисленными соратниками м-р Харгроув заново сформировал «первоначальное» Теософское общество и продолжал проводить небольшие «традиционные» собрания в Нью-Йорке.

Журнал «Theosophical Quarterly», издаваемый группой м-ра Харгроува, никогда особо не заботился о распространении чисто теософских учений, но с годами всё больше приобретал пастырский стиль англиканской церкви. Наконец, в июле 1935 года журнал «Theosophical Quarterly» объявил о приостановке публикации по той причине, что в то время приближался период «ухода». М-р Харгроув умер 8 апреля 1939 года. Следует, наконец, сказать, что среди тех, кто считал м-ра Харгроува «посредником Учителей», были одни из самых образованных умов Движения и некоторые из его самых известных авторов. Среди них были м-р К. А. Гриском-младший с супругой, м-р Чарльз Джонстон (которому мы обязаны лучшими переводами Упанишад и «Жемчужин мудрости» Шанкарачарьи), д-р Арчибальд Кейтли с супругой («Джаспер Ниманд»),

д-р Дж. Д. Бак и профессор Г. Б. Митчелл. За исключением д-ра Бака, который, в конце концов, присоединился к печально известной группе «К.Т.» и к её «великому труду», все эти люди остались верны Харгроуву и Обществу, которое он основал в Чикаго в 1898 году.

В число восьми «свидетелей» преемственности Тингли входили Харгроув и Грискомы. Джеймс М. Прайс, скончавшийся в Лос-Анджелесе несколько лет назад, не хранил верность миссис Тингли, и какое-то время находился в группе «Голубой звезды», основанной миссис Франчией А. Ла Дью («Голубая звезда») под названием «Храм народов» в Халкионе, Калифорния. Как и все другие «преемники», миссис Ла Дью утверждала, что представляет истинное направление оккультных сил и учений, которые, в свою очередь, она, как предполагается, передала своему преемнику, д-ру У. Г. Доуэру.

Последнего сменила после его смерти в 1937 году миссис Перл Ф. Доуэр. «Храм народов» по-прежнему существует в Халкионе, проводит собрания и издаёт небольшой журнал «Храмовый ремесленник». Однако м-р Прайс через некоторое время покинул «Голубую звезду» и стал независимым «оккультистом», издавая книги, которые после его смерти распространяет его престарелый брат Джон Прайс, всё ещё живущий в Лос-Анджелесе.

Клод Фоллс Райт отошёл от теософской деятельности вообще, и его уже нет в живых, как и Г. Т. Паттерсона, чьё влияние было незначительным по сравнению с другими. Э. Август Нересхаймер, умерший в 1937 году, был из тех, кто пережил м-ра Джаджа, самым любимым и самым уважаемым за своё бескорыстие. По-видимому, его каким-то образом привлекали оккультные притязания миссис Тингли и впечатляли её «медиумические» способности, и что это всё вместе с представлениями Харгроува побудило его поддержать преемственность Тингли.

К счастью, перед смертью м-р Нересхаймер записал под присягой свои воспоминания о событиях, последовавших за смертью Джаджа. Это заявление от 25 февраля 1932 года содержит следующее утверждение:

«Среди всех бумаг и других документов, оставленных м-ром Джаджем, мы не нашли ничего, написанное его почерком, что имело бы отношение к будущей политике общества после его смерти. Мы также не нашли в его записях ничего, где бы упоминалось имя миссис Тингли или кого-либо ещё,

прямо или косвенно, как его преемника по Теософскому обществу Америки или по его эзотерической секции, а также каких-либо указаний другого рода, которым необходимо было бы следовать в случае его смерти.

М-р Джадж, по-моему, не может нести ответственность за ошибки, допущенные другими после его смерти, поскольку он никогда ни устным, ни письменным словом не указывал на преемника, и даже не предполагал такового, и не давал каких-либо инструкций относительно руководства Обществом или «Эзотерической секцией» после его смерти».

Когда вспоминаешь, что м-р Нересхаймер был назначен м-ром Джаджем своим душеприказчиком и что в качестве такового он забрал все бумаги Джаджа, включая так называемый «дневник», который, как предполагалось, содержал письменное назначение «Промис», то это заявление, сделанное под присягой, должно было заставить тех, кто до сих пор претендует на назначение миссис Тингли м-ром Джаджем, представить недвусмысленные доказательства, опровергающие то, что говорит м-р Нересхаймер. С тех пор утверждалось, что м-ру Нересхаймеру позже показали другие записи из «дневника» и что он признал, что они были написаны Джаджем; и кроме того, он согласился в связи с этим пересмотреть своё заявление, но он этого не сделал, так что его заявление должно оставаться в силе, по крайней мере, до тех пор, пока эти «другие» записи не будут представлены для беспристрастного рассмотрения.

Единственный среди восьми свидетелей, а именно, м-р Джозеф Г. Фасселл, остался верен своим показаниям от 29 марта 1896 года, став неутомимым апологетом притязаний на «преемственность», будь то в пользу миссис Тингли или д-ра де Пурукера. В связи с предложением д-ра де Пурукера о воссоединении всех теософов под эгидой штаб-квартиры в Пойнт-Лома м-р Фассел утверждал, что «преемственность» является истинной сущностью всех теософских достижений, восклицая:

«Подумайте немного логически. Вот нынешнее Теософское общество является живым организмом, руководимым или направляемым живым учителем, продолжающим дело своей великой предшественницы, Е.П.Б. Откуда берётся жизнь в Т.О. сегодня?

Е.П.Б. несколько лет тому назад говорила, что её труд будет оправдан в двадцатом веке. Это уже подтверждается всё более и более действиями и методами её преемника, нынешнего лидера Т. О. Отсюда логический вывод – преемственность!»

Вплоть до своей смерти в 1942 году м-р Фассел продолжал почти одержимо доказывать правомерность теософских «преемников».

Он вёл объёмную личную переписку по этому вопросу, постоянно утверждая, что м-р Джадж назначил Кэтрин Тингли своей преемницей, но ему неизменно не удавалось представить ничего, кроме поверхностных описаний «доказательств» такого поступка со стороны м-ра Джаджа. Переписка м-ра Фассела также отмечена грубыми нападками и клеветой на других теософов, в то время как в своих публичных письмах он призывал к «единству» и приветствовал членов других обществ и ассоциаций как «братьев». Далее, в одном письме он упомянул о *предательстве* миссис Безант, в то время как публично добивался братских отношений с её обществом, несмотря на то, что упомянутое «предательство» не было признанным, заглаженным и повторялось снова и снова. Какое значение имеет «единство», которое ищут на таких противоречивых основаниях?

Споры о «преемственности» были открыто возобновлены в 1946 году членом общества Ковины м-ром Чарльзом Дж. Райаном (ныне покойным) в письме журналу «Canadian Theosophist». Эта публикация появилась в Гамильтоне, Онтарио, и в то время её редактировал покойный А. Ф. С. Смит, старый теософ, который почти полвека поддерживал ряд критических замечаний относительно поведения различных инакомыслящих обществ, называющих себя «теософскими».

Письмо м-ра Райана содержало возражения по поводу статьи, которую м-р Смит перепечатал из журнала «Теософия» за апрель 1946 года. В этой статье высказывалось возражение относительно заявления нетеософского автора из журнала «Harper's Magazine» о том, что м-р Джадж назначил миссис Тингли своей преемницей.

В своём письме в журнал «Canadian Theosophist» (за сентябрь 1946 года) м-р Райан обязуется отстоять два предмета спора: 1) преемственность того рода, на которую претендует миссис Тингли, соответствует оккультному закону, а также прецеденту и учению Е.П. Блаватской и Уильям К. Джаджа; и 2) м-р Джадж действительно намеревался сделать миссис Тингли своей «оккультной преемницей».

М-р Райан пытается опровергнуть заявление м-ра Джаджа по делу Фулке, утверждая, что м-р Джадж на самом деле не имел в виду то, что говорил, и что он, Джадж, писал «в пылу битвы», когда заявлял в своём письме в газету «Wilkesbarre Times»:

«У мадам Блаватской нет «преемника», не может быть, никто никогда не рассматривал, не избирал и не объявлял такового… все, кто пользовался её доверием, присоединятся ко мне в утверждении, что она никогда даже не намекала на «преемственность».

М-р Джадж, как утверждает м-р Райан, либо был небрежен в подборе слов, либо «на мгновение забыл некоторые факты». Вряд ли это было характерно для Джаджа. Спокойное обдумывание было его выдающимся качеством во всех ситуациях. Рассматриваемое письмо содержит категорическое отрицание преемственности и также предоставляет теософские принципы, на которых м-р Джадж основывает то, о чём говорит. Отрицание остаётся в силе, несмотря на любые попытки отмести его.

М-р Райан также находит ряд мимолетных упоминаний о «преемственности» в различных местах теософской литературы. В одном из них, из «Страниц старого дневника» (I, 462), полковнику Олкотту приписывают слова о том, что Е.П.Б. часто говорила с ним о возможных «преемниках». Вырванное из контекста выражение звучит впечатляюще. На самом деле, приведённый отрывок является одним из типично пренебрежительных упоминаний Олкотта о Е.П.Б., в котором он говорит: «Думаю, что мог бы назвать ряд женщин, которые хранят её (Е.П.Б.) письма, сообщающие, что они должны стать её преемницами в Т.О.. Олкотт чуть позже добавляет: «Я понимал, что все её панегирики ничего не стоят». Эти фразы, безусловно, бесполезны для аргументации м-ра Райана.

То, что Е.П.Б. время от времени использовала слово «преемник», не может быть никаких сомнений, но она нигде не придаёт ему того особого значения, которое приписывает ему м-р Райан. Таково, вероятно, было мнение Джаджа, иначе как бы он мог написать в 1892 году в письме в газету «Wilkesbarre Times», что «она никогда даже не намекала на «преемственность»»? Кроме того, все ссылки на преемников Е.П.Б., которые м-р Райан выкапывает на страницах журнала «Canadian Theosophist», взяты из номеров, появившихся в 1884 и 1885 годах — за несколько лет до создания эзотерической секции.

М-р Райан цитирует из высказываний графини Вахтмайстер заявление Е.П.Б., когда она называет Анни Безант своей «преемницей» и своей «единственной надеждой в Англии». Можно ли предположить что Джадж, всегда следовавший решениям Е.П.Б., сместил бы миссис Безант с поста внешнего со-руководителя Э.Ш., если такое употребление термина «преемник» понималось в смысле духовного или «оккультного» преемства?

Собственное учение Е.П.Б. о преемственности духовной власти появляется в «Разоблаченной Изиде», где она осуждает апостольскую преемственность как «грубый и явный обман». Это заявление, утверждает г-н Райан, не имеет никакого применения «вне Римской церкви». Римская преемственность от апостола Петра, считает он, ложна, но другие преемственности могут быть истинными. Если это является единственным значением осуждения Е.П.Б. об «апостольской преемственности», то в результате какого неудачного выбора д-р Готфрид де Пурукер в 1929 году привёл аналогию преемственности в «Христианской церкви», чтобы проиллюстрировать своё право на статус и авторитет «лидера» в Обществе Пойнт-Лома после смерти миссис Тингли? В церковной общине ранней Церкви, как рассказывал д-р де Пурукер, развивая параллель, «учитель сменял учителя или лидер сменял лидера». Он также добавлял, что в то время как «*духовный* аспект этой истинной системы очень быстро угас в христианской церкви,… он не вымер у нас».

Но Е.П.Б. ничего не говорит о «божественном свете», который, по утверждению де Пурукера, освещал ранние годы христианской церкви. Она просто говорит, что «апостольская преемственность — это грубый и явный обман». Во всяком случае, ей было бы легко сказать, что существует не только ложная, но и истинная апостольская преемственность, но она этого не сказала. Такие утверждения оставались невысказанными до тех пор, пока не появились д-р де Пурукер и м-р Фассел. Е.П.Б. как заметил Джадж, даже не «намекала» на теософскую преемственность.

Е.П.Б. говорила о факторах, которые будут определять будущее теософского движения. В заключительном разделе «Ключа к теософии» она упомянула о «беспристрастном и ясном суждении», которое потребуется «преемникам в руководстве Обществом». Она продолжала:

«Каждая такая попытка, как Теософское общество, до сих пор заканчивалась неудачей, поскольку рано или поздно оно вырождалось в секту, устанавливало свои собственные непреложные догматы и таким образом незаметно теряло ту жизненность, которая присуща только живой истине».

Первоначальное Общество в значительной степени *выродилось* не в одну, а в несколько сект, и догмат, который был главным образом ответственен за сектантство среди теософов, был догматом о преемственности духовной власти. Никакие другие требования никогда не раздирали

Общество, как это; никакое другое самомнение не предавало так великую безличность Движения.

Утверждение м-ра Райана о том, что Джадж «полностью признавал принцип и факт правопреемства» в своем циркуляре Э.Ш.Т. от 3 ноября 1894 года нуждается в проверке. М-р Джадж, как там сказано, после снятия миссис Безант возобновил «функции и полномочия», данные ему *до ухода* Е.П.Б. и которые потенциально принадлежали ему с 1888 года. Он «возобновил» эти «функции и полномочия в порядке преемственности» после смерти Е.П.Б., осуществляя их как облечённый полномочиями «представитель Е.П.Б.». Это не апостольская преемственность. М-р Джадж не претендует на какой-либо «божественный свет», который стал для него источником духовной власти в силу того факта, что Е.П.Б. покинула эту сцену. Тот свет, который у него был, был его собственным, приобретённым, говоря словами его письма в «Wilkesbarre Times», «в результате личных достижений посредством долгого периода строгой дисциплины и завоеваний». Если бы он был преемником Е.П.Б. в том смысле, в каком его понимает м-р Райан, или в том смысле, в каком миссис Тингли была представлена как преемница Джаджа, неужели сам м-р Джадж не упомянул бы об этом? Ни миссис Тингли, ни д-р де Пюрукер этого не сделали.

Теперь мы подходим к «доказательствам» того, что Джадж намеревался сделать миссис Тингли своей оккультной преемницей. «М-р Джадж, — пишет м-р Райан, — оставил по этому поводу записки, которые настолько ясно демонстрируют доверие к Кэтрин Тингли, что даже если бы не было других причин для действий, Совету следовало бы лишь разумно признать её законной преемницей по руководству Э.Ш.Т.». Упомянутые «записки» являются не чем иным, как расшифровками «медиумических» посланий, полученных через миссис Тингли в качестве медиума и предположительно адресованных Джаджу от развоплощённой Е.П.Б. Стиль этих «записок» в достаточной степени объясняет нежелание их нынешних владельцев делать их легкодоступными. Хотя они облечены в слабое подражание разговорному стилю Е.П.Б., они весьма напоминают всякую чушь спиритического сеанса.

Взгляд м-ра Джаджа на «документальное доказательство» такого рода раскрывается в его ответе на утверждение Фулке о том, что Е.П.Б. общается с ним с того света. «Он [Фулке] может утверждать, — писал м-р Джадж, — что у него несколько корзин, полных писем от мадам Блаватской, написанных перед смертью, и нам неинтересно ни отрицать это утверждение, ни желать видеть

эти документы». Если бы теософы, верящие в «преемников» и «лидеров», были бы так же усердны в изучении журнала «Путь», издаваемого м-ром Джаджем, как и в поисках загадочных значений в мнимом «оккультном дневнике», они могли бы найти в журнале «Путь» заявление м-ра Джаджа по вопросу об официальных «лидерах» Общества. Там он комментирует исполнительное уведомление полковника Олкотта, говоря, что одной из его задач, которую он (Джадж) одобряет, было «предотвратить любую привязку Теософского общества к Е. П. Блаватской посредством использования слова «лидер». Тем не менее, сторонники миссис Тингли, пренебрегая таким очевидным мнением Джаджа или не зная об этом утверждении, шли противоположным курсом, повторяя слово «лидер» до тех пор, пока оно не стало теософским фетишем.

В 1932 году, через несколько лет после смерти миссис Тингли, некоторые «записки» или страницы из «оккультного дневника» были обнаружены на страницах журнала «O. E. Library Critic». Д-р Г. Н. Стоукс, редактор этого журнала, выразил собственное мнение, что «записки» были сделаны рукой Джаджа, но предоставил читателю самому делать вывод, что такое отождествление доказывает не то, что миссисТингли была надлежащим образом избрана оккультным преемницей Джаджа по «истинной линии» Движения, но, скорее, что Джадж был введён в заблуждение, думая, что он получал спиритуалистические послания от Е.П.Б.! Итак, если д-р Стоукс подозревал, что Джадж был ненадёжным человеком, жертвой такого медиумического безумия, как мог м-р Райан цитировать Стоукса в поддержку преемственности Тингли? М-р Райан, по-видимому, приветствовал суждение Стоукса о том, что записи, полученные медиумическим путем, были написаны рукой Джаджа, но ценой, которую он заплатил за это оправдание, было низведение Джаджа до любителя спиритуализма, простого медиумического обманщика. Джадж, которого Е.П.Б. называла «частью меня на протяжении эонов», нуждался в медиуме или «помощнике», чтобы войти в контакт с Е.П.Б.!

Чего может стоить преемственность такому «лидеру»?

М-р Райан цитирует в качестве «одного из наиболее важных доказательств» письмо миссис Арчибальд Кейтли, опубликованное в журнале «Searchlight» за май 1898 г., в котором она утверждала, что назначение миссис Тингли «исходило от Учителя, и было предписано Им». Но миссис Кейтли быстро «изменила» свое мнение или своего Учителя, о чём совершенно ясно свидетельствуют резкие выражения, которые она употребляла, говоря о миссис Тингли на съезде в Чикаго 18 февраля 1898 года. М-р Райан также

упоминает письмо м-ра Нересхаймера, якобы хранящееся в архивах Ковины, в котором автор сообщает миссис Алисе Клизер, что от Джаджа получена «оккультная инструкция», назначающая миссис Тингли внешним руководителем и предписывающая включение миссис Клизер в «Совет». Миссис Клизер, сопровождавшая миссис Тингли в «крестовом походе», начала как горячий сторонник нового лидера, но несколько лет спустя дала весьма пересмотренную оценку «преемницы» м-ра Джаджа. Вопросы Элеоноры Г. Данлоп в январе 1900 г. повлекли следующие ответы миссис Клизер:

«Вы слышали, как «лидер» [миссис Тингли] умаляет Е.П.Б.? Да, неоднократно.

У вас есть доказательства того, что м-р Джадж назначил преемницу? Нет. Я никогда не видела ни одного из документов, которые существуют, как об этом утверждают.

Значит, вы приняли «лидера» просто на веру?

Всецело, и была крайне разочарована в результате. Насколько я могла наблюдать при довольно близком общении, она не демонстрировала настоящего знания эзотерической философии и постоянно нарушала оккультное учение».

Это часть интервью с миссис Клизер, опубликованного в журнале «Lamp» за февраль 1900 года, теософском журнале, которым в то время руководил м-р А. Ф. С. Смайт, позже редактор журнала «Canadian Theosophist». Много материала, относящегося ко всем этим вопросам, появилось в журнале «Lamp» в 1899 и 1900 годах.

М-р Нересхаймер, последний свидетель м-ра Райана, цитируется таким образом, что становится ясно, что ещё до смерти м-ра Джаджа он, наряду с другими членами, получал «послания» через миссис Тингли. Неудивительно, что эти «оккультные» послания должны были храниться в секрете от м-ра Джаджа. М-р Нересхаймер и другие обязались избегать любых подобных контактов.

Тщательный анализ доказательств притязаний миссис Тингли на оккультную преемницу Уильяма К. Джаджа, приводит к нескольким простым констатациям фактов:

После смерти м-ра Джаджа 21 марта 1896 года небольшая группа лиц, тесно с ним связанных, встретились наедине и пришли к выводу, что «лидер» или «преемник» необходим или желателен. Эти люди остановились на Кэтрин Тингли в качестве лидера и на собрании Э.Ш.Т. 29 марта сообщили присутствующим, что «знают», кто является новым лидером и преемником. Документы, которые, как утверждается, были написаны м-ром Джаджем, и устные показания

членов этой группы были предложены в качестве доказательства истинного «оккультного» характера преемственности.

Что касается этих фактов, становится очевидным, что большинство, если не все, «документальные доказательства» имели «медиумическое» вдохновение. Известно, что главная фигура «откровения» 29 марта, Э. Т. Харгроув, менее чем через два года после того, как он торжественно предложил его, отверг преемственность миссис Тингли, заявив, что её «выдвинули» внешним руководителем Э.Ш., «как единственного человека в поле зрения, с которым можно было иметь дело в то время». Э. Август Нересхаймер заявил под присягой в 1932 году, что среди личных вещей Джаджа не было обнаружено никаких доказательств такого назначения. Известно, что Джеймс М. Прайс характеризовал миссис Тингли как «любимого медиума» м-ра Джаджа и говорил, что знаменитый «оккультный дневник» был для него слишком «сентиментальным, расплывчатым и спиритуалистическим,… чтобы его осилить». Известно, что м-р Джозеф Х. Фасселл написал 28 марта 1896 года преподобному С. Дж. Нилу из Новой Зеландии: «Насколько мне известно в настоящее время У.К.Д. не оставил указаний относительно продолжения работы школы».

Таким образом, теософская «преемственность» миссис Тингли теряется в трясине медиумических заблуждений, требований и встречных требований. Если такие «доказательства» принять, то Джадж становится бесхитростным медиумом и в сущности «учеником» миссис Тингли. Если доказательства отвергнуть, то миссис Тингли становится в лучшем случае заблуждающейся женщиной, а в худшем — шарлатанкой, а значит, таковы и её ближайшие сторонники.

В последующие годы защитники преемственности Тингли признавали, что документальных доказательств этого не существует. В сентябре 1929 года д-р де Пурукер, который ранее в том же году «сменил» миссис Тингли на посту лидера Общества Пойнт-Лома, писал:

«Джадж никогда не назначал К.Т. каким-либо юридическим документом. Доказательства миссии К.Т. и того, что она была посланницей Ложи, были теми же, что и у Блаватской и Джаджа».

По-видимому, д-р де Пурукер осознал бесплодность настойчивых документальных доказательств. Но претензии на доказательства такого рода были выдвинуты в 1896 год, для того чтобы подготовить Э.Ш. и всё Т.О.А. к правопреемству миссис Тингли. Эта дама была в то время практически неизвестна

Обществу, а её вклад в Движение был настолько «оккультным», что был скрыт от всех, кроме нескольких доверенных лиц среди медиумов. Процедура, которой следовала миссис Тингли и её сторонники, завоевавшие для неё доверие и поддержку тысяч американских теософов, была полной противоположностью тому примеру, который подавали Е.П.Б. и Джадж. Доверие, которым пользовались эти два учителя, переросло в признание их пожизненного труда на благо теософии; верительные грамоты их оккультных знаний и ответственности за них были самоочевидны и не зависели от каких-либо заявлений или «должностей», подтверждённых медиумическими официальными сообщениями и личными откровениями.

Если теперь поклонники миссис Тингли предпочитают предать этот спорный вопрос огласке, тем лучше. Против этого не может возразить ни один теософ. Если бы такой была политика лидеров Теософского Общества в Америке на момент ухода Джаджа, теософия имела бы гораздо более незапятнанное имя в современном мире, и исследователей могли бы меньше смущать расколы в Движении, личные разногласия и притязания на особую власть.

ГЛАВА XX

АДЬЯРСКОЕ ОБЩЕСТВО

СМЕРТЬ М-РА ДЖАДЖА, менее чем через год после отделения Американской секции от родительского Общества и образования Т.О. А., поставила полковника Олькотта в уникальное положение единственного оставшегося в живых основателя из первоначальных трёх основателей Теософского общества. Полковник Олкотт был теперь «величественным старцем» Движения, по-прежнему стоящим во главе Общества, и на многих из тех, кто мог бы оставаться безразличными к заявлениям миссис Безант как «правопреемницы» Е.П.Б., несомненно, производило впечатление название – «Теософское общество» и связь с ним досточтимого президента-основателя. Все индийские и австралийские члены были верны этому Обществу. В Великобритании, в Европе и отчасти в Соединённых Штатах способности и репутация миссис Безант, второстепенное, но значительное влияние м-ра Синнета и других авторов и лидеров в сочетании с тем фактом, что фракция Безант-Олкотт была обвинителем, а не обвиняемым в полемике с м-ром Джаджем, давали первоначальному Обществу особое преимущество в привлечении и удержании внимания широкой публики.

Однако направление, которого придерживалось Теософское общество, вряд ли привлекало серьёзно настроенных людей к поддержке теософского Дела. Стареющий Олкотт всё чаще становился лишь подставным лицом, в то время как склонность миссис Безант к драматическим заявлениям и притязаниям постепенно стала доминировать в деятельности Адьярского общества. Летом 1899 года миссис Безант отменила клятву, меморандум и инструкции Е.П.Б. и предложила своим «эзотерических» ученикам новую «клятву». За этим последовали её собственные «исследования» и «инструкции», а также распространение в её «школе» литературных обработок «оккультных исследований», проводимых м-ром Ледбитером и ей самой. Последние в конечном итоге были опубликованы как «Оккультная химия» и «Мыслеформы».

В 1906 году м-ру Ледбитеру были предъявлены обвинения в сексуальных домогательствах и печально известном обучении мальчиков, доверенных его заботе. Полковник Олкотт провёл расследование этого дела в Лондоне. После признания достаточного количества обвинений, которые

шокировали членов следственной комиссии Олкотта и вызвали у них отвращение, Ледбитер вышел из Общества. Полковник Олкотт, который относился к м-ру Ледбитер как к «посреднику Учителей» был очень обеспокоен таким ходом событий, что, вероятно, ускорило его смерть. Между тем, стоял вопрос о том, кто «сменит» его на посту президента Общества. М-р Чакраварти и другие пытались добиться от полковника Олкотта одобрения Бертрама Кейтли в качестве следующего президента Общества, в то время как последователи миссис Безант добивались того же от её имени. После смерти Олкотта в начале 1907 года миссис Безант заявила, что «Учителя» приходили в штаб-квартиру Т.О. в Адьяре и «внушили» ей, что она должна стать «преемницей» Олькотта, точно так же, как она уже «наследовала» Е.П.Б.. При поддержке показаний двух «ясновидящих» женщин, миссис Хотченер (миссис Мари Руссак) и мисс Ренда, миссис Безант одержала победу и стала новым президентом Общества.

В самом начале м-р Синнетт отверг эти «адьярские манифестации», объявив их чем угодно, но только не тем, за что они выдавались, и Дж. Р.С. Мид также восстал против них. Во время последовавшей войны притязаний «за» и «против» миссис Безант выпустила брошюру «Е.П.Б. и Учителя Мудрости», подразумевающую защиту Е.П.Б. от обвинений Кулонов и О.П.И. более чем двадцатилетней давности. Однако, на самом деле, она представляла её автора в контексте мученичества и гонений Е.П.Б. Разве миссис Безант не обвиняли теперь в фабрикации доказательств «оккультных» связей, как это было с Е.П.Б.? Миссис Безант была избрана на пост президента большинством членов, которые считали, что она была «назначена Учителем».

Миссис Безант сразу же начала кампанию по восстановлению репутации своего коллеги, м-ра Ледбитера. Вскоре его пригласили вернуться в Общество, и с годами он всё больше становился «силой за троном» в крыле движения миссис Безант.

Со временем (в 1911 году) миссис Безант учредила «Орден Звезды Востока», чтобы возвестить о «грядущем Христе». За этим последовал ряд дополнительных и дочерних орденов и организаций, наиболее известным из которых было смешанное масонство, за которым последовала «либеральная католическая церковь».

То, что случилось с Теософским обществом за эти годы под руководством миссис Безант, стало вполне

ясно во время «звёздного» съезда, состоявшегося в Оммене, Голландия, в 1925 году.

То, что это событие должно было произойти в год пятидесятой годовщины основания Теософского движения и 11 августа, в годовщину рождения Е.П.Б., лишь подчеркивает почти неимоверный отход от первоначального духа Движения, к которому миссис Безант привела своих верных последователей. Целью съезда было продвижение культа «Кришнамурти», поскольку миссис Безант возложила на этого молодого индуса задачу «спасти мир». В своём вступительном слове, которое изобилует сверхъестественными откровениями и захватывающими дыхание упоминаниями таких особ, как «Безымянный» и «Владыки огня», она говорила своим слушателям:

«А теперь я должна передать вам по приказу Царя Его послание и некоторые послания Господа Майтрейи и Его великих братьев... и то, что я говорю относительно объявления, безусловно, является повелением Царя, которому я служу.

Он овладеет выбранным Им проводником... скоро. Затем Он изберет, как прежде, своих двенадцать апостолов... и их главу, самого Господа. Он их уже избрал, но я имею повеление назвать только семерых, достигших уровня архатов».

Кто же был этими «архатами»?

«Первые два архата [продолжает миссис Безант] – мой брат Чарльз Ледбитер и я,. . . Ч. Джинараджадаса,... Джордж Арундейл, Оскар Коллерстром,... Рукмини Арундейл.

Я пропустила одного и должна пропустить ещё одного. Естественно, наш Кришнаджи один из них, но он должен быть проводником Господа. А другой, кто очень дорог всем нам, как и всему Братству – епископ Джеймс Веджвуд. Он претерпел распятие до того, как его Царь наложил на него печать архатства.

Вот первые семеро из двенадцати, которых Он избрал, а сам Он — тринадцатый. «Вы называете Меня Учителем и Господом, и правильно говорите, ибо Я точно то».

Теперь вам может прийти в голову удивительная мысль – Е.П.Б. была единственной, кого действительно объявляли посланницей Учителя. С тех пор мир очень увеличился, и возможно, что (хотя немногих это оттолкнёт) многие тысячи потянутся к Христу... Каков бы ни был результат, поскольку Он сказал это, это уже сделано...»

Непрерывный поток такого рода «откровений» пронизывает анналы Теософского общества того периода. Например, в то время как в 1925 году Рукмини Арундейл, молодая жена Джорджа Арундейла, достигла степени «архата», к 1928 году она была готова к продвижению до почти невыразимого положения «Матери мира», воплощающей силу «Дурги, Лакшми и Сарасвати» — аспектов индийского божества Тримурти «в его женском проявлении». Однако м-р Джидду Кришнамурти (потенциально или фактически являвшийся «Владыкой мира» с 1909 года и открыто провозгласивший себя таковым в 1911 году), в конце концов, был уже не в состоянии участвовать в этих притязаниях, и в 1929 году он распустил «Орден Звезды Востока» и продолжал игнорировать как либеральную католическую церковь, так и Матерь мира. Он полностью упразднил свою собственную должность «Господа» и «Спасителя мира» и удалился, чтобы вести жизнь относительно безвестного обычного человека. С тех пор он занимался лекционными турами и приобрёл значительное количество поклонников, как в Соединённых Штатах, так и в Европе. Его главный совет своим слушателям заключался в том, чтобы они уповали на себя и ни на кого больше в отношении духовного образования.

Отступничество Кришнамурти могло немного притормозить деятельность миссис Безант, но вряд ли могло её остановить. Полтора года спустя она опубликовала статью, в которой намеревалась рассказать о том, что происходило на совете «иерархии, которая состоит из истинных правителей мира» по поводу решения, кто будет посланником в этом мире. В этом отчёте, который, как объясняла миссис Безант, был «отправлен» ей, в частности говорится:

«Вопрос, по-видимому, заключался в том, следует ли выбрать Е.П.Б. или Анни Безант. Если выбрать Е.П.Б., то акцент будет на оккультизме при конфликте с материализмом. Если выбрать Анни Безант, то акцент будет на братстве в целом, и в то же время с небольшим конфликтом с материалистическим подходом. Е.П.Б. сразу была доступна. Анни Безант не могла быть доступна так рано. Поэтому Общество, если бы она была главным медиумом, могло быть основано только много лет спустя, а не в 1875 году. Некоторые из старших Братьев были откровенно обеспокоены упором на оккультную сторону...

Е.П.Б. была... не менее героической, чем та, которая станет её великой преемницей... Она была замечательным каналом для Учителей и совершенно бескорыстной — во всех отношениях Их слугой не меньше, чем Анни Безант.

В любом случае, потребность мира была неотложной. Безопасно ли ждать до 1891 года, когда в перспективе грядёт мировая катастрофа (1914–1918 гг.)? С другой стороны, было бы разумно ждать, учитывая настоятельную необходимость подготовки мира к принятию своего Господа в первой половине двадцатого века?

... В этом заключался риск, на который не пошли бы... но в целях гарантии, предлагаемой нашими великими Учителями… эти два Великих предложили взять на себя личную ответственность за эксперимент, одновременно и опасный, и долгожданный. Они будут следить за ним с величайшей осторожностью, используя все доступные им средства, а также следить, чтобы оккультная сторона не превратилась в те ужасные преувеличения, которые в прошлом привели к таким великим бедствиям».

Любой, кто покопается в подшивках журнала «Theosophist» почти за любой год после смерти Олкотта, найдёт достаточно материала такого рода, чтобы уличить миссис Безант либо в бессовестном обмане, либо в «духовном» тщеславии, уводившим её далеко за пределы здравомыслия, до такой степени, что она могла верить тому, что говорила о себе. В приведённых выше «сообщениях» говорится о «материализме», но ведь честно сомневающийся материализм «научного» толка был бы гораздо желательнее, чем медиумическая бессвязная речь, выдававшаяся под именем «теософии» в Обществе миссис Безант почти в течение полувека. «Материализм» современного мира был, по крайней мере, защитой для многих людей от сентиментальной бессмыслицы, до которой опустилось Теософское общество под опекой миссис Безант.

Миссис Безант умерла в Адьяре, Мадрас, Индия, 20 сентября 1933 года. За её смертью вскоре последовала смерть Ч. У. Ледбитера, который с 1895 года оказывал определяющее влияние на её жизнь и на жизнь Теософского общества, президентом которого она была, а также на его «эзотерическую секцию», главой которой она была. М-р Джордж С. Арундейл стал президентом Общества, а м-р Ч. Джинараджадаса возглавил его эзотерическую секцию. Ни м-р Арундейл, ни м-р Джинараджадаса не пользовались такой славой, как миссис Безант, и это обстоятельство вряд ли можно считать несчастливым, учитывая странный набор самонадеянных заявлений, унаследованных ими от неё. В любом случае, были заявлены все возможные притязания ещё при жизни миссис Безант, так что всё, что было бы сказано от имени м-ра Арундейла, сочли бы разочаровывающим. Во время правления последнего время от времени появлялись свидетельства

возобновления интереса к трудам Е. П. Блаватской. Около сорока лет назад, в период расцвета режима Безант-Ледбитера, «епископ» Ледбитер опубликовал список книг, которые, как утверждается, подходят для обучения «надёжной» теософии. Из примерно тридцати рекомендуемых книг все, кроме одной, были сочинениями «архата» Ледбитера и «архата» Безант. Эти двое продолжали пополнять свои откровения до конца своей жизни, так что члены их общества едва ли имели какое-либо реальное знание первоначального изложения теософской философии. Однако в 1934 году м-р Арундейл объявил, что возобновляет своё знакомство с «Тайной доктриной», и такой опыт он после этого рекомендовал другим.

««Тайная доктрина», — писал он, — это вызов усилиям, а не навязывание авторитета. Каждая страница — это призыв к путешествию через открытия, и только тот, кто отправляется в путешествие, может надеяться начать понимать книгу».

Были и другие признаки того, что м-р Арундейл обдумывал разные ситуации. В редакционном разделе журнала «Теософ» он рассказал о разговоре с женщиной, недавно вышедшей из Общества. Когда он спросил её, почему она так сделала, она ответила, что большинство лекций в Ложе, которые она посещала, «были обо всём, кроме теософии». М-р Арундейл описал опыт этой женщины так:

«Она ожидала серьёзного изучения теософии, а также учебных занятий, чтобы получить более или менее всестороннее представление о нашей науке. Она сказала, что нашла учебную программу с темами по астрологии, финансовым схемам, Индии, археологии и т. д. — всё это интересно, но по большей части с ними более умело разбираются организации, специализирующиеся на таких предметах. Чего она хотела, так это теософии и последовательного курса по ней. По какой же причине, спросила она, она вступила в Теософское общество?.. Должен признаться, я был склонен согласиться с ней; и мне интересно, насколько она представляет среднего исследователя и нашу неспособность предложить ему то, ради чего он пришёл».

М-р Арундейл умер в Адьяре 12 августа 1945 года в возрасте шестидесяти шести лет. Его сменил на этом посту м-р Ч. Джинараджадаса, нынешний президент Теософского общества. Пока что правление м-ра Джинараджадасы было отмечено своеобразным «эстетическим» акцентом в его опубликованных работах и многочисленными ссылками на «Бога». Недавняя публикация Т.О., например, содержит краткий трактат о «Теософском

рае», и о том, как попасть в него. «Артистичность», по словам м-ра Джинараджадасы, является одним из необходимых условий. Как он выразился, например: «Почему я настаиваю на артистической натуре, как одном из условий для достижения теософских небес? Потому что теософские небеса — это не просто место праведности и преданности. Это также место, где божественный разум проявляется во всей полноте; это такое небо, которое представлял себе Платон, когда принимал без доказательств совершенную реальность как тройственное воплощение блага, истины и красоты. Итак, если, входя в рай, вы будете просто благочестивыми и сострадательными, но не интеллектуальными или артистичными, ваше понимание жизни будет ограниченным, и ваша эволюция будет односторонней. Ведь есть эволюция и на небесах; иначе небеса были бы унылым местом, и их великолепие через какое-то время перестало бы производить впечатление на вас».

В другом месте м-р Джинараджадаса объявлял, что «струящиеся горячие потоки жизни», которые изливаются через сердце и ум художника, «открывают качество красоты, которое было задумано для всех Богом». Не только «образцы красоты», но также, по словам м-ра Джинараджадаса, «все понятия теософии являются идеями Бога. Президент Теософского общества должен прислушаться к совету своего предшественника на этом посту, м-ра Арундейла, и «непременно познакомиться, по крайней мере, с духом «Тайной доктрины», поскольку он найдёт в этой книге категорическое утверждение мадам Блаватской о том, что «посвящённые никогда не используют эпитет «бог» для обозначения единственного и неизменного начала всей вселенной. Как человек, который в 1925 году был не просто «посвящённым», но, согласно откровению миссис Безант, сделанному в Оммене, был первоклассным «архатом», м-р Джинараджадаса обнаруживает поразительное незнание традиций своей «степени».

Оглядываясь назад на путь Анни Безант и её Общества (поскольку Адьярское теософское общество стало поистине «её», что бы она ни делала), ещё два других, не упомянутых пока инцидента, кажутся достойными описания. Во-первых, миссис Безант получила письмо от «адепта», предупреждавшего её о направлении, в котором движется Общество.

Несмотря на всю бессмыслицу, распространяемую миссис Безант от имени «Учителей», это сообщение, кажется, звучит достоверно. Следующий отрывок взят из печатной версии письма, появившегося в публикации Т.О. «Письма Учителей Мудрости», первая серия, и описываемого в этом томе как

«последнее письмо», написанное в 1900 году, которое было получено через девять лет после смерти Е. П. Блаватской»:

«Т.О. и его члены медленно создают некое вероисповедание.

В тибетской пословице говорится: «Легковерие порождает легковерие и заканчивается лицемерием». Как мало тех, кто может что-либо знать о нас. Разве нас нужно умилостивлять и делать из нас идолов… никто не имеет права претендовать на власть над учеником или его совестью. Не спрашивайте его, во что он верит… Гребень волны интеллектуального прогресса должен быть удержан и направлен на духовность. Её нельзя навязать через верования и чувственное поклонение. Сущность высших мыслей членов в своей общности должна направлять все действия в Т. О. «Мы никогда не пытаемся подчинить себе волю других людей»… Лицемерные речи об «Учителях» должны быть, молча, но решительно прекращены. Пусть преданность и служение будут только одному высшему духу, частью которого является каждый человек. Мы трудимся анонимно и молча, и постоянные упоминания о нас… создают беспорядочную ауру, которая мешает нашей работе… Т.О. предназначалось стать краеугольным камнем будущих религий человечества. Для достижения этой цели те, кто будут вести за собой, должны оставить в стороне свои слабые пристрастия к формам и церемониям любого конкретного вероучения и показать себя истинными теософами, как во внутреннем мышлении, так и в соблюдении внешнего…»

Даже с удалением, сделанным м-ром Джинараджадасой, тех частей письма, которые, по его словам, «относятся к оккультной жизни д-ра Безант», довольно просто понять его указание на ошибочный курс Т.О.. Каков бы ни был источник этого письма, если бы миссис Безант могла принять близко к сердцу совет, содержавшийся в нём, то она могла бы спасти себя и своих многочисленных последователей хотя бы от наиболее нелепого абсурда, до которого она дошла в более поздние годы, а также избежать презрения, по её милости, к термину «теософия» у тех, кто интересовался теософским движением только, читая газетные сообщения о деятельности Теософского общества.

Второй инцидент связан с обвинениями, выдвинутыми миссис Безант против Уильяма К. Джаджа. В 1920-х годах один уважаемый член Адьярского общества, человек, тщательно изучивший заявления и доказательства, представленные обеими сторонами в деле Джаджа, пришёл к миссис Безант, чтобы взять у неё интервью по этому вопросу. В ходе серьёзного разговора миссис Безант призналась, что то, что ей было представлено, а именно, что Джадж невиновен в предъявленных ему обвинениях, было на самом деле

совершенно верно, и она сказала, что некоторое время назад она пришла к выводу, что Джадж не совершал подлога и что полученные им послания были подлинными. На просьбу сказать только это, если не больше, теософской публике всего мира, миссис Безант возразила и заметила, что это старая и забытая тема: «Зачем её воскрешать?» А когда исследователь, который также был давним другом миссис Безант, попросил разрешения лично обнародовать её точку зрения, она наотрез отказала. Это повергло исследователя в шок, так как он был совершенно уверен, что в интересах исторической достоверности миссис Безант согласится сказать публично то, в чём она так охотно призналась ему в частной беседе, полностью сняв с м-ра Джаджа обвинение в изготовлении поддельных посланий Махатм.

Единственное, что можно сказать в оправдание позиции миссис Безант в этой связи, это то, что она, вполне возможно, действительно верила, что невиновность м-ра Джаджа больше не имеет значения, настолько далеко она отошла от основной работы и целей теософского Движения.

Отдавая должное миссис Безант как мировому деятелю, следует сказать, что она много лет трудилась во имя освобождения Индии, снискав этой работой уважение и восхищение индийских патриотов. Она принимала активное участие в Индийском национальном конгрессе и основала Лигу самоуправления, которая выступала за положение Индии как «равноправного партнера» в Британском Содружестве Наций. Из-за своей политической деятельности она была интернирована британским правительством в начале 1917 года, во время Первой мировой войны, но вскоре была освобождена. В том же году она была избрана первой женщиной-президентом Индийского национального конгресса.

Однако после резни в Амритсаре в 1919 году она выступила против программы гражданского неповиновения, возглавляемой Ганди, что послужило причиной потери для неё по большей части популярности среди индийского народа. Тем не менее, лидеры Индийского движения за независимость вспоминают о ней с уважением как о человеке, который без остатка отдавал своё время и энергию делу, близкому их сердцу.

Полковник Олкотт, как и миссис Безант, также пересмотрел своё мнение о м-ре Джадже, но, опять же, как и миссис Безант, высказался только в частной беседе. Поводом стал разговор с

299 —— РУКОВОДИТЕЛИ Т.О. ПРИЗНАЮТ СВОЮ ОШИБКУ ПО ОТНОШЕНИЮ К ДЖАДЖУ

Лорой Холлоуэй (одним из авторов книги «Человек: фрагменты забытой истории») в Нью-Йорке в 1906 году, во время последнего визита Олкотта в Соединённые Штаты за год до его смерти. Миссис Холлоуэй (тогда миссис Лэнгфорд) знала Олкотта уже давно, а также была знакома с его сестрой Беллой, которая на тот момент умерла. Олкотт написал миссис Холлоуэй из Бостона, прося её навестить его, когда он приедет в Нью-Йорк, чтобы прочитать лекцию в Карнеги-холле. Она так и сделала, и разговор зашёл о работе Теософского движения. Олкотт, как вскоре поняла миссис Холлоуэй, был одинок, скучал по дому и очень скучал по прежнему общению с Е.П.Б.. Он говорил о своей «дорогой старой коллеге», признавая значительность её утраты для «хода событий в Теософском обществе после её смерти». Более того, хотя Олкотт по-прежнему был «президентом-основателем», другие, более молодые сотрудники, по его словам, вели дела Общества. Миссис Холлоуэй напомнила ему, что был третий сотрудник с ним и Е.П.Б. в самом начале, к которому Олкотт позже стал относиться враждебно. Олкотт понял, что она говорила о Джадже, и, ободрённый гостьей, он взял её за руку и сказал «сдержанно и весьма внушительно»:

«Мы многому учимся и из многого вырастаем, и я многое пережил и ещё большему научился, особенно тому, что касается Джаджа... Теперь я понимаю, и вас утешит, если вы услышите, что я обидел Джаджа не умышленно или со злым умыслом; тем не менее, я сожалею о таком поступке».

Когда миссис Холлоуэй выразила свою радость по поводу этого признания, Олкотт ответил: «Никому другому я никогда не рассказывал так много, и, поскольку вы так довольны, я рад, что мог рассказать это вам».

Изложение этой беседы было опубликовано Гарольдом В. Персивалем в журнале «Слово» за октябрь 1915 года, как часть воспоминаний о главных деятелях Теософского движения. В дополнительном письме к редактору миссис Холлоуэй объяснила, что она «не добивалась признания от полковника Олкотта» и не хотела «от него каких-либо откровений, если бы они не были предоставлены добровольно». Она думала, что её собственная тесная дружба с Джаджем, которая была известна Олкотту, побудила его раскрыть сердечные чувства в конце своей жизни. Представляет интерес передача ею манеры разговора Олкотта:

«По прошествии столь долгого времени и с чувством справедливости по отношению к своей собственной памяти и памяти м-ра Джаджа, я считаю, что поступаю правильно, соглашаясь на публикацию беседы. Я не могу воспроизвести его серьёзный и сокрушенный вид и не могу передать вам атмосферу мира и гармонии, характерную для этого случая, когда я напомнил ему, да, напомнил, о том, как давно и как неизменно она (Е. П. Б.) любила м-ра Джаджа, а он сидел, как человек, слушающий невидимого оратора». Но здесь нельзя рассказать в двух словах о том, что он говорил в защиту м-ра Джаджа.

ГЛАВА XXI

ПРОДОЛЖАЮЩИЕСЯ ПОТОКИ

ХОД СОБЫТИЙ в теософском мире после смерти г-на Джаджа (или после 1898 года, который, по-видимому, был годом решающих событий, по крайней мере, в Соединённых Штатах) ставит перед исследователем теософской истории один важный вопрос. Что же такое на самом деле Теософское движение и можно ли сказать, что оно реально существует в двадцатом столетии? Если Движение является постоянной силой в современном мире, то где искать его проявление? Как его можно узнать?

Ещё до предательства Уильяма К. Джаджа, сначала при жизни, миссис Безант и полковником Олкоттом, и предательства после его смерти в результате притязаний различных «преемников», стало очевидным, что история теософского движения ни в коем случае не является историей одного или нескольких обществ, носящих это имя. Когда Е.П.Б. уехала из Индии в 1885 году, Адьярское общество совершенно очевидно заняло статус религиозной организации со всеми слабостями и недостатками организационного сектантства. После этого главная функция Адьяра, по-видимому, состояла в том, чтобы изводить Е.П.Б. и препятствовать ей в работе, а после её смерти поступать так же с Уильямом К. Джаджем. Продолжать историю Адьярского общества в деталях после 1900 года означало бы совершать скорбный ритуал во имя исторической «полноты», пренебрегая при этом жизненными потоками теософской деятельности, если таковые имелись, исходившими из других источников. Тот же общий анализ применим и к другим организованным «отделениям» движения. Если что-то и следует усвоить из теософской истории последних десяти лет девятнадцатого века, так это то, что организации и организационные претензии, будь то «экзотерические» или «эзотерические», были лишены необходимой связи с первоначальным вдохновением и целями Теософского движения.

В частности, 1898 год стал периодом бурного всплеска новых теософских сект и культов. Вскоре после раскола Американского общества на группу Харгроува и большого крыла Общества во главе с миссис Тингли,

ещё одно общество было основано в Нью-Йорке д-ром Дж. Г. Солсбери, хорошо знавшим м-ра Джаджа, и Дональдом Николсоном, ответственным редактором нью-йоркской газеты «Tribune», также ещё одним старым другом Е.П.Б. и Джаджа. Эта группа называла себя Теософским обществом Нью-Йорка и много лет тихо действовала в этом городе. Среди теософских журналов она была представлена журналом «Word» под редакцией Гарольда К. Персиваля. С этой группой также был связан д-р Александр Уайлдер, учёный-платоник, помогавший Е.П.Б. найти издателя для «Разоблаченной Изиды», а также миссис Лора Лэнгфорд (ранее миссис Лаура Холлоуэй, упомянутая в главе XX).

Ещё одной боковой ветвью раскола Американского общества стал «Храм народов», начало которому было положено в 1899 году циркулярным письмом из Сиракуз, штат Нью-Йорк, подписанным д-ром У. Г. Доуэром и Фрэнсис Дж. Мейерс. Согласно материалам «Храма», «Учитель» посетил «двух учеников оккультизма» в городе (Сиракузы) и сообщил им, что их «астральное» развитие таково, что их можно использовать для создания «истинного центра оккультизма».

С того времени [продолжение листовки «Храма»] существовала почти постоянная связь между некоторыми из этих Учителей и двумя вышеупомянутыми людьми, а также группой, которая сформировалась в соответствии с указаниями по прошествии нескольких лет. С 1898 года не было сделано ни одного великого научного открытия без того, чтобы вышеупомянутая группа не получала каких-либо предварительных знаний о нём... Миссис Франчия А. Ла Дью была «чела» «Храма», которой в начале этого века было «приказано» основать колонию в Халкионе, штат Калифорния. «Послания от Учителей» миссис Ла Дью, распространяемые под псевдонимом «Голубая звезда», были источником вдохновения для «Храма» вплоть до её смерти в 1923 году.

Какое-то время «Храм» пользовался большим успехом, его отделения открывались в разных городах бывшими членами Т.О.А. и «Всеобщего Братства», но так как конкурирующие «посвящённые» в других местах предлагали новые «послания» от Учителей, «Храм» утратил то уникальное положение, которое он когда-то имел, и теперь является лишь одним из оставшихся фрагментов иллюзии «преемственности». Среди наиболее заметных претензий «Храма» на «оккультное» знание была брошюра, изданная в 1928 году д-ром У. Г. Доуэром, преемником миссис Ла Дью,

и содержавшая, согласно подзаголовку, «Другие выявленные стансы из Книги Дзян». (Стансы Дзян — это древние стихи, на которых мадам Блаватская основала «Тайную доктрину».) Это несколько зловещее новое сочинение говорит о дне, когда птицы и звери будут питаться «пурпурным зерном, непосредственным даром богов», и излагает любопытную зоологическую фантазию о том, как дикий белый бык произвёл на свет белую тёлку (от большой рыжей коровы) с тремя рогами, один из которых имел алмазный наконечник, и который вырастал на несколько локтей в день.

Миссис Алиса Л. Клизер, которая какое-то время поддерживала миссис Тингли, незаметно вышла из «Всемирного братства» в 1899 году. В последующие годы миссис Клизер собрала группу учеников, с которыми она делилась своей собственной версией теософской истории и учений. После недолгого путешествия по Европе она уехала в Индию. Когда в начале 20-х годов в Адьярском обществе возобновились разногласия по поводу м-ра Ледбитера, миссис Клизер опубликовала несколько брошюр в защиту Е.П.Б. К ним относятся «Е.П. Блаватская: великое предательство», «Е. П. Блаватская: жизнь и труд ради человечества» и «Е. П. Блаватская, какой я её знала»; все они изданы в Калькутте в 1922–1923 годах.

Эти книги, к сожалению, омрачены предположением, что м-р Джадж был введён в заблуждение и подчинялся миссис Тингли — точка зрения, по-видимому, разделялась Г. Н. Стоксом, издателем журнала «O. E. Library Critic», Вашингтон, округ Колумбия, и Уильямом Кингслендом, автором книги «Подлинная Е. П. Блаватская», опубликованной в Лондоне в 1928 году. С миссис Клизер в течение многих лет был связан м-р Бэйзл Крамп, участвовавший в её проектах, одним из которых было переиздание оригинального издания «Голоса Безмолвия», опубликованного, согласно подписи, «по повелению Таши-ламы» Тибета. Миссис Клизер и её соратники также сформировали «Ассоциацию Блаватской» для «увековечивания памяти и труда» Е. П. Б., во вступлении в которую было отказано членам Общества миссис Безант.

Современное движение, известное как антропософия, также исходит от теософского ствола в результате разногласий между миссис Безант и Рудольфом Штайнером, который был генеральным секретарем Немецкой секции Теософского общества. Хотя Штайнер основал Антропософское общество в 1912 году, фактического разрыва с Адьяром не было до 1913 года, когда миссис Безант, осуждая Штайнера за небрежность в поддержке

«Ордена Звезды Востока» расформировала и исключила всю Немецкую секцию со всеми её отделениями, аннулировав свидетельства о принятии более двух тысяч членов. В течение нескольких месяцев число таких членов увеличилось ещё на тысячу человек из-за отстранения этих членов из различных европейских стран, выступивших в знак протеста против своевольной процедуры миссис Безант. Штайнер, следует отметить, предложил своё собственное отличное от прежнего «учение», а его нынешние последователи утверждают, что он всегда следовал «своей собственной линии», даже когда был связан с Адьярским обществом. В любом случае Антропософское общество приобрело значительное влияние в Германии и большое число членов по всей Европе.

Вдохновение этого общества во многом зависело от «оккультных» сообщений и инструкций д-ра Штайнера, умершего в 1925 году. Заслуживающий внимания этап деятельности Штайнера связан с реформами, которые он провёл в сельском хозяйстве. В Соединённых Штатах эта работа известна как биодинамическое садоводство, имеющее много общего с движением органического садоводства, основанным сэром Альбертом Ховардом. Крупный и влиятельный центр движения, вдохновленный Штайнером, существует в Нью-Йорке. Джордж Р. С. Мид, встав на сторону миссис Безант в «деле против Уильяма К. Джаджа», оставался её преданным помощником до самой смерти полковника Олкотта.

Однако последующие «адьярские манифестации», объявившие миссис Безант президентом, преемницей основателя, были уже слишком; он не мог вынести этого и расстался с ней, позже основав «Общество поиска», посвящённое сравнительному религиоведению и психическим исследованиям. Его журнал «Квест», издававшийся с 1909 по 1930 год, имел широкое распространение, заслужив уважение благодаря деятельности и целям этого Общества. М-р Мид умер в 1934 году.

Макс Гендель, первоначально член Общества миссис Безант и лектор в его Американской секции, попал под влияние сочинений Штайнера и через некоторое время создал за свой собственный счёт новое «розенкрейцерское» общество и выпустил книгу под названием «Розенкрейцерская концепция космоса». Как и д-р Штайнер, м-р Гендель уделял особое внимание миссии Иисуса, добавляя привлекательную идею розенкрейцерских «мистерий». Он основал штаб-квартиру в Оушенсайде, штат Калифорния, создав процветающую ассоциацию с членами во всех частях мира. После смерти м-ра Генделя его жена продолжала руководить

деятельностью этой группы, но после её ухода эта ветвь современного розенкрейцерства почти не проявляла активности.

К счастью, с течением времени новые апостолы и первооткрыватели «оккультизма» всё меньше и меньше ссылались на теософию, хотя они обращались именно к книгам основателей теософского движения за материалом, на основании которого они строили свои «учения». Теософия больше не обладала привлекательностью «новинки», а миссис Безант и миссис Тингли уже почти полностью исчерпали сенсационные методы. Перечень деятельности тех, кто откололся от существующих теософских обществ в первые десятилетия двадцатого века, должен был бы включать множество отдельных лиц и групп, начиная от серьёзных усилий по продолжению работы Движения до почти наглых попыток использовать религиозные слабости и уязвимые места людей.

Два члена Общества Безант в США, Алиса А.Эванс и Фостер Бейли, соединившись в браке, образовали «Школу арканов» и в течение многих лет проводили занятия и заочные курсы якобы под руководством «тибетского» учителя. Подписчикам посланий миссис Бейли (плод автоматического письма) была оказана честь получений «пророчеств», охватывающих различные периоды времени, с заметным акцентом на «молитву» и Божий «план любви и света». Миссис Бейли умерла в возрасте семидесяти лет. Следующая выдержка из бюллетеня миссис Бейли, предназначенного её ученикам «Школы арканов», указывает на финансовый аспект её деятельности:

«Пожалуйста, продолжайте медитировать на правильное направление денег для работы Иерархии, как вы делали это раньше... Я заметила, что ученики, которые годами отдавали по 10 долларов в месяц, теперь отдают по 15 долларов… мы должны делать всё возможное, медитируя, заинтересовывая других и жертвуя собой, готовясь к пришествию Христа».

Одной из наиболее известных фигур, которую можно назвать «маргиналом» теософского движения, является Мэнли П. Холл, который читал лекции по «оккультным» предметам в Лос-Анджелесе с начала 1920-х годов. М-р Холл написал ряд книг, посвящённых мистическим знаниям, но некоторые из его книг демонстрируют странное отсутствие сдержанности в отношении вопросов, о которых основатели Движения никогда не говорили и не писали публично.

Пожалуй, лучшим свидетельством безразличия м-ра Холла к направлениям деятельности, установленным Е. П.Блаватской является его деятельность в качестве гипнотизёра, которая принесла ему значительную известность около десяти лет назад, когда актёр, загипнотизированный м-ром Холлом, разнёс в дребезги съёмочную площадку, так как ему казалось, что он умирает от нехватки воздуха.

В последнее время м-р Холл вместе с другими теософами опубликовал полное собрание сочинений Е. П. Блаватской.

Самым зловещим из всех псевдо оккультных движений последних лет было движение «Я есть» Баллардов. Примерно с 1936 по 1940 год Балларды — м-р Джордж Вашингтон Баллард с супругой и сыном Дональдом, организовав штаб-квартиру в Лос-Анджелесе, приобрели большое количество сторонников на Западном побережье и в других местах. Они открыто заявляли о силе, которой обладал м-р Баллард (говоривший, что он является перевоплощением Джорджа Вашингтона), и утверждали, что общаются с «вознесённым Владыкой, Сен-Жерменом», «Учителем Иисусом» и другими личностями. Балларды заявляли, что вследствие медиумических сил их самих и их последователей было предотвращено сползание всего калифорнийского побережья в Тихий океан. Какое-то время Балларды могли собирать целый зал «Шрайн» в Лос-Анджелесе сбитых с толку, ищущих чудес энтузиастов. Их книги содержат подтасованные и искажённые фрагменты теософских учений и многочисленные «послания» от «вознесённых Владык».

Балларды путешествовали по стране как «посланники», произнося призывы и «указы» против своих врагов и обещая исключительные выгоды, которые должны были получить в результате своей работы. М-р Баллард умер в декабре 1939 года, и хотя миссис Баллард и сын Дональд продолжали «его дело», два судебных разбирательства в федеральных судах по обвинению в использовании почты для мошенничества весьма обескуражили как Баллардов, так и их последователей. Хотя обвинительные приговоры не были вынесены, движение «Я есть» с тех пор погрузилось в относительную безвестность.

Пожалуй, нет конца разным разветвлениям привлекательного «оккультного» и «мистического» знания для тех, кого перестали привлекать традиционные религиозные организации. Братство розенкрейцеров (АМОРК) в Сан-Хосе, Калифорния, предлагает потрясающую литературу и курс обучения по «тайному наследию». Рекламная программа этой организации

настолько обширна, что включает даже научную периодику. Стимулом в значительной степени является стремление человека к обретению оккультных сил. «Розенкрейцеры, — говорится в проспекте этой организации, – знают, как совершать удивительные вещи с помощью этих природных сил, но знания по этому предмету нельзя открывать всем. Нужно быть готовым к такому знанию, быть готовым выйти за пределы того, что человек уже знает». За определённую плату розенкрейцеры предлагают курсы развития личности, ведущие от степени к степени к розенкрейцерскому «адептству».

Лемурийское братство, посвящённое «лемурийской богословско-христианской философии», появилось в Висконсине в 1936 году и потом обосновалось в Калифорнии в 1942 году. Эта группа, воздвигшая «Храм креста с драгоценностями» в Лос-Анджелесе, называет себя «прямым представителем и каналом для передачи информации, советов и планов, направленных на интеграцию новой цивилизации и нового порядка». Нам говорят, что Лемурийское братство отвечает за «передачу планов и предложений старших Братьев». Лозунг для поощрения его членов – «Будь лемурийцем и причисляй себя к расе, стремящейся стать царской».

Ещё одной особенностью медиумической арены в Соединённых Штатах, косвенно обязанной Теософскому движению, было успешное выступление на ней «свами» и «йогов» с Востока. Пожалуй, самым известным из этих предприимчивых жителей Востока является «Парамаханса Йогананда», чья автобиография недавно была опубликована в этой стране. В 1940 году на Йогананду подал иск на 500 000 долларов бывший его партнер Нирад Ранджан Чоудхури, который утверждал, что они изначально были партнерами в Церкви содружества самореализации, подписав соглашение делить прибыль поровну. На свами Йогананду ранее подавал в суд другой его партнёр, Дхирананда, выигравший в 1935 году судебное дело у Йогананды на 7900 долларов по векселю на 8000 долларов, который последний не оплатил.

Однако такие финансовые споры между свами мало повлияли на их верных последователей. Культ Йогананды «йога сатсанга» имеет свидетельство постоянного процветания в виде тщательно продуманного «ашрама» с видом на океан в Энсинитасе, Калифорния, и множества книг и журналов, предлагаемых для продажи.

Таинственный Восток также служил и западным толкователям мнимых «оккультных» тайн. От Пола Брантона с его романтической

версией тайн и сил Востока до Эдвина Дж. Дингла и его Института ментальной физики в Лос-Анджелесе нет предела для наивного и ищущего чудес жителя Запада разнообразию привлекательных учений, если они называются «восточными».

Поездки в Индию или в Тибет, как это было с Теосом Бернаром, достаточно, чтобы окунуть путешественника в атмосферу оккультных чар. Он может угодить скучающим европейским интеллектуалам и софистам наподобие странного русского по фамилии Гурджиев или облачиться в тюрбан и атласную блузу и предстать перед более пролетарской аудиторией, окруженный благовониями, — в любом случае поклонники обеспечены.

Одним из последствий этого постепенного «поглощения» теософских и псевдотеософских идей массовой культурой двадцатого века стала секуляризация или даже «язычество» теософии. Теософское движение под руководством Е. П. Блаватской и м-ра Джаджа было воинственным, если не революционным, по отношению к религиозному, интеллектуальному и социальному статус-кво. Оно бросало вызов догмам религии, материализму науки и лицемерной морали повседневной жизни на Западе. Но по мере того, как атмосфера сектантства вновь просачивалась в организации, именующие себя «теософскими», место нравственного мужества заняли притязания жрецов и «оккультный» подход, а авторитет новых теософских «откровений» стал игнорировать силу личного размышления и применение теософских принципов в жизни.

Когда члены теософских обществ начали благоговейно говорить о «Боге» и «Божьем плане» или прибегать к подобным формам религиозного антропоморфизма, Движение перестало представлять угрозу церкви — оно стало простым подражателем церквей — и критика, которую когда-то и наука, и теософия направляли в адрес организованной религии, теперь стала логически применимой к самим теософским обществам. Следовательно, ни один учёный не должен серьёзно относиться к теософии, пока она представлена ему такими обществами.

Скептицизм восемнадцатого века и агностицизм девятнадцатого века достаточно эффективно справились с этой разновидностью сверхъестественного. В отличие от такой «теософии» именно учёные — или многие из них — проявляли нравственное мужество в поисках истины, в то время как

теософы превратились в секту умеренных конформистов, обладающих, возможно, новым богословским словарем, но не бросающих вызов мысли того времени.

Однако распространение и проникновение влияния Движения имело и другие, более конструктивные аспекты. В Ирландии, например, поэт Джордж Рассел, более известный как «Æ», отказался от любых открытых связей с теософскими организациями после разрыва Анни Безант с м-ром Джаджем, но продолжал наполнять свои сочинения мистическим смыслом, которое было явно теософского вдохновения, хотя он редко, если вообще когда-либо говорил о теософии напрямую. Æ был одним из тех ирландских теософов, которые остались верны Джаджу, как ясно показывают страницы журнала «Ирландский теософ», и эта верность, возможно, способствовала благотворному влиянию творчества поэта на ирландское крестьянское движение и общее возрождение ирландской культуры в последующие годы.

Другой ирландский поэт, У. Б. Йейтс, также был теософом в юности, но Йейтс впал в спиритуализм, когда стал старше, тем самым способствуя своей славе в литературных кругах некоторыми неудачными заблуждениями относительно природы теософии. Джеймс Стивенс тоже находился под влиянием теософских идей, как показывают его рассказы, особенно рассказ «Полубоги», а у Стивенса преобладают элементы фантазии, ирландского фольклора и легенд о магии и колдовстве, так что влияние теософии в его сочинениях проявляется в выражениях, а не в философии.

Другим результатом Движения стало то, современная наука и литература открылись влиянию оккультных идей. Джордж Р. С. Мид, например, посвятил себя исследованиям восточной литературы после того, как разочаровался в Анни Безант, а Уильям Кингсленд написал книгу, стремясь представить теософские идеи под видом спекулятивного синтеза науки и современной философии.

Содержание английских литературных и критических журналов показывает, что теософия (или, во всяком случае, некоторые из теософских идей) постепенно стала частью культуры образованных людей в Англии. В результате прогрессивного мышления даже теософские термины или доктрины начали появляться в литературе двадцатого века — как, например, в сказках Алджернона Блэквуда, книгах и пьесах Дж. Б. Пристли. В области научных исследований д-р У. Ю. Эванс-

Венц опубликовал английский перевод книги «Бардо Тёдол» или «Тибетской книги мёртвых», оказавшей огромное влияние на современную мысль. Хотя д-р Эванс Венц, возможно, и не признаёт, что на него повлияли теософские учения, его работа была частью общего хода оккультных исследований, начатых теософским движением.

Возможно, из-за того, что многие англичане служили государственными служащими в Индии, в Англии было опубликовано несколько книг на тему «йоги», некоторые из которых свидетельствовали о теософском происхождении, а некоторые были взяты из наставлений индийских свами. Популярная книга Йейтса-Брауна на эту тему является примером более беспечных и несколько дерзких попыток в этом направлении.

В Соединённых Штатах Уильям Джеймс предвосхитил современный академический интерес к способностям, развиваемым восточной йогой, он также интересовался спиритуалистическими феноменами. Он написал эссе на обе темы, в одном эссе, озаглавленном «Энергия людей», он рассказал об опыте европейского последователя Вивекананды, прошедшего курс упражнений йоги; в другом – после двадцати пяти лет отдельных исследований медиумов и их сеансов, он ручался за «*присутствие* среди всего этого вздора *действительного сверхъестественного знания*». Вивекананда был учеником индийского религиозного реформатора Рамакришны, и со времени визита Вивекананды в Соединённые Штаты в 1893 году для участия во Всемирном парламенте религий в Чикаго «Общество веданты» и «Миссия Рамакришны» пытались наставлять Запад в индуистской религии по комментариям Шанкарачарьи и по более поздним сочинениям Рамакришны.

Возможно, это не просто совпадение, что эти «миссии» восточной религии на Западе совпали с западным прогрессом в психических исследованиях и возрождением интереса к западному мистицизму или квиетизму. С распадом Римской империи стоицизм и неоплатонизм стали «религиями» культурных членов эллинистического общества того времени. Но в охваченном тревогой двадцатом веке всё, чем современная Европа и Америка обладали в качестве части своего культурного наследия, соответствовавшей внутренней философской религии древнего мира, было мистицизмом средневекового христианства.

После первой мировой войны наступило некое

возрождение христианского мистицизма, отмеченное интересом к таким исследованиям, например, книги Эвелин Андерхилл. Как современные исследования психических сил, влияние христианского мистицизма и новые знания восточной психологии и йоги соединились в западном уме, хорошо показано у Олдоса Хаксли в его книгах «Цели и средства» и «Вечная философия».

В то время как Хаксли был скорее писателем, чем практиком в области этого нового мистицизма Запада, другой англичанин, Джеральд Хёрд, превратился в своего рода религиозного лидера на Тихоокеанском побережье Соединённых Штатов. М-р Хёрд одно время был научным комментатором Британской радиовещательной компании; он интересовался спиритуалистическими феноменами и, по-видимому, проводил опыты с ними; он является автором ряда книг, посвящённых проблемам западной цивилизации. В одной из этих книг под названием «Третья мораль» м-р Хёрд сообщал своим читателям, что дыхательные упражнения являются «самым быстрым и сильным из всех физических методов воздействия на сознание путём изменения и расширения его. Признавая опасность «хатха-йоги» или йоги «тела», в которой дыхательные упражнения играют главную роль, и, предупреждая, что «никто не может сказать, каков может быть уровень опасности», м-р Хёрд заявлял, что «на этот риск мы должны пойти».

М-р Хёрд, возможно, с тех пор пересмотрел своё мнение о возможности занятий дисциплинами хатха-йоги ввиду высокой степени одержимости и других типов помрачения, которые могут овладеть любопытными и чрезмерно рьяными жителями Запада, балующихся практиками хатха-йоги.

Советы Хёрда о том, как «медитировать», были широко распространены среди христианских групп в Соединённых Штатах, где ощущалась неудовлетворенность традиционными способами «богослужения», и они даже рекламировались в «Американском теософе», ежемесячном журнале Американской секции Адьярского общества.

М-р Хёрд также поддерживает тесные связи с «Миссией Рамакришны», и по случаю принятия в монахи группы молодых американцев он выступил с речью в рамках церемонии. Кристофер Ишервуд, английский поэт, также присоединился к движению Рамакришны или веданты. Он является одним из редакторов журнала «Веданта и Запад» и сотрудничал со Свами

Прабхавананда из Голливудской миссии Рамакришны в создании нового английского перевода Бхагавад Гиты, который был опубликован во время войны.

Не малый интерес представляет то, что в статье, опубликованной в 1895 году, м-р Джадж предупреждал американских теософов, что «современный индус — болтун и буквоед, и если он не изменился в результате соприкосновения с «западной культурой», он ещё и суеверен. Таких мы не принимаем в качестве учителей. Мы будем приветствовать их как братьев и сотрудников, но не как наших магистров. И те индусы, которые приезжают сюда, не являются учителями. Они приехали сюда с какой-то личной целью и учат не больше и не лучше, чем то, что можно найти в нашей собственной теософской литературе; их йога — это всего лишь половина или четверть йоги, потому что, если бы они знали её, они не стали бы учить варваров Запада. То немногое, чему они учат йоге, можно прочитать в наших книгах и переводах».

Речь шла о том, что, хотя религия и религиозные секты Индии гораздо более «метафизичны» во многих отношениях, чем традиционное христианство Америки и Европы, они всё же остаются *религией*, а не независимым философским исследованием природы вещей, которую теософское движение стремилось раскрыть. Мадам Блаватская, как Джадж утверждал во многих местах своих сочинений, понимала потребности западного мира и стремилась представить материалы для духовного самовоспитания Запада, в то время как свами, хотя и имеют в какой-то мере общую лексику с теософией, представляют восточный традиционализм и даже восточное жречество, а не динамические принципы оккультизма и практического братства, которые можно найти в «Тайной доктрине» и в «Ключе к теософии».

Поэтому необходимо заново пересмотреть основные идеи и цели, провозглашённые мадам Блаватской в начале её миссии (и повторяемые ею на протяжении многих лет её труда в качестве общественного деятеля), поскольку без её влияния на мир, не было бы ни теософского движения, ни его истории, о которой можно было бы рассказать. Согласно терминам, которые она использовала для описания своей деятельности, теософское движение — это сознательный импульс духовной и интеллектуальной эволюции; его происхождение связано с авангардом человеческой эволюции на этой планете — братством совершенных людей, братьев-адептов, которые были учителями и тех, кого она представляла в качестве их посредников в мире. Теософское движение, более того,

является периодическим явлением в истории человечества. Оно было основной причиной всех великих нравственных и религиозных реформ в прошлом, источником вдохновения всех великих попыток освободить разум человека от оков невежества, будь то невежество в результате слепой религиозной веры или в результате отрицания духа материализмом.

Наконец, оборотным капиталом теософского движения является совокупность философских принципов и идей, известных как религия мудрости. Общим достоянием посвящённых всех времен является «знание» или «гносис», прокладывающий себе дорогу в этом мире через представителей оккультного братства, которые приходят как религиозные учителя, реформаторы, целители, патриоты, воспитатели и используют любой благоприятный канал для своей деятельности. Следовательно, теософское движение девятнадцатого века можно рассматривать как одно из циклических усилий этого Братства, направленных на то, чтобы побудить человеческую расу к дальнейшим эволюционным достижениям, и его можно отличить от предыдущих подобных усилий стремлением соприкоснуться с чётким метафизическим учением, пробуждающим самосознание эпохи.

То, что именно так Е. П. Блаватская хотела, чтобы понимали Движение того времени, ясно из многочисленных мест в её трудах, а также по некоторым намёкам, а иногда и откровенным заявлениям относительно прихода другого посланника, такого же, как она сама, когда завершится столетний цикл её миссии, то есть в 1975 году. Поэтому подтверждение её роли публичного толкователя более широких течений человеческой эволюции принадлежит будущему и может быть благополучно оставлено на будущее.

Однако в настоящее время для тех, кто признаёт реальность оккультизма, вопрос, который, естественно, имеет наибольшее значение, касается реальной непрерывности цикла, начатого Е.П.Б.. Если среди различных «преемников» и их притязаний и утверждений нельзя найти жизнь Движения, то где её искать?

Согласно аналогии с природой с уходом Учителя происходит перераспределение ответственности. Это есть истинная преемственность или преемственность ответственности, а не «власти». После ухода Е.П.Б. и Джаджа с физического плана, ответственность за будущее Движения лежит на тех, кто остался. В таком случае, когда

лица, наиболее заметные в его работе, безошибочно свидетельствовали о потери ими равновесия, основная ответственность снова перешла на этот раз на рядовых теософов по всему миру. Теперь дело было не в «членстве» или принадлежности к «истинному» обществу. Не было «истинных» обществ в организационном смысле, а были только более или менее истинные личности, мужчины и женщины, осознававшие, что распространение теософии означает распространение теософских идей, а не численный рост какой-то теософской организации. Подобно тому, как в другие исторические периоды, как только великое движение впадает в сектантство и вероучение «мёртвой букве», его сила передаётся еретикам и инакомыслящим, поэтому сила теософского движения переходит в руки лиц, порвавших, кто полностью, кто лишь частично, со своими организационными связями.

Одним из наиболее обнадеживающих аспектов теософского движения в двадцатом веке была частота, с которой люди заявляли о своей независимости от конфликтов, притязаний и преклонения перед личностями организованной теософии и пытались вернуться к первоначальному вдохновению и направлениям работы. Другим соображением, которое легко упустить из виду, является тот факт, что в каждом обществе, независимо от лидерских и организационных притязаний, есть члены, которых привлекают сами учения, и которые делают всё возможное, чтобы как можно шире распространять основные учения о карме и реинкарнации.

Таковы освобождающие идеи теософской философии, и по мере того, как они распространяются по миру, закваска Движения производит своё тонкое действие, постепенно расширяя радиус действия теософии, открывает умы людей для осознания духовных понятий, как вера в себя и личная ответственность.

В 1875 году теософское движение было чем-то обособленным от мира; оно было средоточием энергии, находящей выражение через небольшую горстку решительных людей.

Сегодня теософское движение является частью мирового опыта; сотни тысяч, если не миллионы людей, были прямо или косвенно затронуты энергией идей, высвобожденной Е. П. Блаватской. В мире родилась новая вера в человека, в силы человеческой души. Теософские взгляды, принципы, понятия и термины проникли в

умы человечества, обогащая словарный запас, увеличивая богатство романиста, расширяя горизонт очеркиста и поэта. Во многих случаях они даже восстанавливают философский подход к некогда высмеиваемым предметам магии и оккультных сил. Да и сама мадам Блаватская – не забытая личность. Сегодня она по-прежнему жива в сознании людей, и о ней не забывают. Не проходит и десятилетия без появления какой-либо новой статьи или книги о ней, хотя обычно в форме возрождения старой клеветы, направленной против неё в девятнадцатом веке.

Но это вовсе не причиняет реального вреда её памяти, а лишь доказывают постоянную жизнеспособность основанного ею Движения благодаря энергичной защите тех, кто пытается продолжать её работу, что и вызывает такие нападки. С годами мадам Блаватская находит всё больше, а не меньше сторонников, и сегодня у её книг и статей гораздо больше читателей, чем при её жизни.

Что касается самого теософского движения, то в мире всё ещё есть те, кто придерживается первоначальных целей Общества и верен целям Е. П. Блаватской, а в некоторых случаях также работе и памяти Уильяма К. Джаджа. В Австралии «Независимое теософское общество» Сиднея ведёт просветительскую работу по распространению теософских идей, практически не заботясь об «организации» или «преемственности». Журнал «The Canadian Theosophist», который в настоящее время насчитывает тридцать две годовые подшивки, в течение многих лет выступал за целостность теософских идей, не делая организационных заявлений или претензий.

Этот печатный орган Теософского общества в Канаде, несмотря на свою организационную связь с Адьярским обществом, придерживается резко критического взгляда на все формы сектантства в теософии. Эта политика была установлена А.С. Смайтом, который много лет, вплоть до своей смерти в октябре, был редактором журнала «The Canadian Theosophist», и журнал до сих пор продолжает свою конструктивную деятельность.

Аналогичные усилия по обеспечению беспристрастности предпринимает Ложа мира (Адьярского) Теософского общества в Гайде, Чешир, Англия. Во время войны Ложа мира начала издавать раз в два месяца периодическое издание «План поддержания мира», чтобы, как было объяснено, «поддерживать и расширять наши связи, когда собрания Ложи

были приостановлены во время войны». Дружелюбная откровенность «Плана поддержания мира» вскоре завоевала для этой газеты уважение всех, кто проявляет интерес к распространению первоначального послания теософии и подлинной теософской истории.

В заявлении о политике Ложи мира утверждается, что, хотя Ложа мира принадлежит и учреждена Адьярским обществом, она «не считает ложу Адьярского общества выше или ниже любой другой ложи или общества, принадлежащих теософскому движению. Заслуга теософской ложи вытекает из качества жизни её членов и той степени, с которой она воплощает теософскую целостность духа и разума».

Существует также ассоциация учеников теософии, известная как Объединённая ложа теософов, образованная в 1909 году в Лос-Анджелесе, Калифорния, по вдохновению и под руководством Роберта Кросби. М-р Кросби был бостонским теософом во времена Уильяма К. Джаджа. Он очень тесно сотрудничал с Джаджем, пользуясь его доверием. Когда после смерти Джаджа наиболее активные члены штаб-квартиры в Нью-Йорке возвели миссис Тингли в должность преемницы Джаджа, м-р Кросби оказал ей свою поддержку. Примерно в 1900 году он отправился в Пойнт-Лома, чтобы оказать там посильную помощь в работе.

Однако в течение нескольких лет он пришёл к выводу, что, оставаясь в Пойнте-Ломе, ничего конструктивного нельзя добиться (что на самом деле учение и философия теософии почти полностью затмились методами и сенсационной программой, установленной миссис Тингли) и он незаметно покинул Общество Пойнт-Лома в 1904 году и переехал в Лос-Анджелес. Он был без имущества и средств, отдав все свои средства Движению. Он устроился на работу в Лос-Анджелесе и постепенно начал собирать вокруг себя учеников (большинство из них были совершенно новичками в теософии), чтобы ещё раз взяться за распространение теософии в той форме, в которой её первоначально представляли основатели Движения.

Когда в 1909 году к нему присоединилось небольшое ядро людей, разделявших этот идеал, для достижения поставленных целей была образована Объединённая ложа теософов. Ниже приводится платформа, сформулированная затем м-ром Кросби (в значительной степени со слов м-ра Джаджа) и принятая товарищами О.Л.Т.:

Политика этой ложи заключается в независимой преданности делу теософии, без заявления о принадлежности к какой-либо теософской организации. Она верна великим основателям теософского движения, и не заботится о разногласиях или расхождениях в индивидуальных мнениях.

Её задачи и деятельность слишком увлекательны и слишком возвышенны, чтобы тратить время на участие во второстепенных делах. Её деятельность заключается в распространении фундаментальных принципов теософии и в воплощении этих принципов на практике посредством более истинного осознания СЕБЯ, а также в более глубокой вере во всеобщее Братство.

Она утверждает, что непререкаемым *основанием для единства* теософов, где бы они ни находились, является «*сходство целей, задач и учений*», и поэтому у неё нет ни конституции, ни устава, ни должностных лиц, и единственной связью между её товарищами является такое основание. И ложа стремится распространять эту идею среди теософов в поддержку единства.

Она считает теософами всех, кто занят истинным служением человечеству, без различия расы, вероисповедания, пола, положения или организации, и приглашает в свою ассоциацию всех тех, кто согласуется с заявленными целями и хочет обогатить свои знания посредством учебы или иным образом, чтобы иметь возможность лучше помогать другим и учить их.

Истинный теософ не принадлежит ни к какому-то культу или секте, но принадлежит всем и каждому.

Ниже приводится форма заявления, подписываемая членами Объединённой ложи теософов:

В связи с полным согласием с целями ложи, изложенными в её «Декларации», я настоящим заявляю о своём желании быть зачисленным в члены Объединённой ложи, при этом осознаю, что такая ассоциация не требует с моей стороны никаких обязательств, кроме тех, которые я сам себе определяю.

Поскольку обсуждение деятельности и продвижения Объединенной Ложи теософов не входит в задачи этой книги, об этой ассоциации можно лишь сказать, что за сорок один год, прошедший с момента её образования, она переросла во всемирное движение с ложами или учебными группами в крупных городах многих стран. У О.Л.Т. нет «лидеров» в том смысле, в каком личный авторитет связан с лидерством, и никаких «учителей», кроме литературы Движения и принципов самой философии. Как и во всех человеческих начинаниях, в работе Объединённой ложи теософов чувствуется влияние отдельных лиц, но это

происходит в ходе естественного процесса совместной работы многих людей, более или менее опытных, более или менее преданных делу и обученных философии, для достижения общей цели. Выдающийся вклад Роберта Кросби в деятельность Объединённой ложи теософов (а он жил до 1919 года, когда родительской ложе в Лос-Анджелесе исполнилось десять лет) заключался в том, что он всегда делал акцент на идеях, принципах и целях, и никогда на притязаниях живых личностей, хотя признание Е. П. Блаватской и У. К. Джаджа, благодаря их учениям, было важно для понимания всего этого. Журнал «Теософия», основанный в 1912 году, не содержал подписанных статей, кроме статей, перепечатанных из оригинальной периодической литературы Движения — из журналов «Теософ», «Люцифер» и «Путь», — и продолжает руководствоваться этой редакционной политикой в настоящее время. Хорошо разработанная О.Л.Т. программа обучения детей уникальна для теософского движения.

Хотя ученики теософии, которые с самого начала были связаны с м-ром Кросби, внесли выдающийся вклад в Движение, они никогда не стремились к личному признанию, и те, кто пришёл позже, также следуют примеру м-ра Кросби, обращая внимание только на первоначальные учения, учителей и теософские принципы. Собрание писем и «бесед» Роберта Кросби опубликовано в книге, озаглавленной «Дружелюбный философ», повествующей о начале этого движения, а также о направлениях, заданных в то время и сохраняющихся до сих пор.

Поскольку м-р Кросби никогда не делал никаких заявлений от своего имени, нет необходимости отстаивать его «статус» в Движении. Он занимает тот «статус», который естественно мог бы быть присвоен человеку, возродившему учение, методы и программу деятельности основателей первоначального Общества и способному вдохновить других людей поступать так же. Наконец, можно сказать, что любая ложа Объединённой ложи теософов имеет местную автономию. Выражение «родительская ложа» является почётным термином, не имеющим организационного значения. Все ложи свободны и независимы, хотя все разделяют общую декларацию принципов, прислушиваясь к взаимным советам относительно разных ситуаций и методов работы.

ГЛАВА XXII

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

ЕСЛИ ИСТОРИЯ семидесяти пяти лет теософского движения, завершенная к этому времени, потрясающе сложна и полна противоречий, то мировая история того же периода не менее запутана. В 1875 году народы Европы и Америки смотрели на мир, который, насколько они могли видеть, обещал неуклонный прогресс человечества. В Соединённых Штатах Гражданская война положила конец рабству, и начался цикл промышленной эксплуатации Западного полушария. После урегулирования франко-прусской войны в Седане на горизонте континентальной Европы не было ни облачка ожидаемого конфликта, в то время как Англия наслаждалась пышностью викторианской эпохи.

Энергичное дитя Ренессанса, современная наука, быстро взрослела и уже доказала на практике свои возможности в области изобретательства, обещая столь же огромные новые познания в мире природы. В воздухе также витал довольно энергично дух нравственности. Идеалы гуманного социализма привлекали внимание всего мира. Исполненные сознанием своей «цивилизованности», интеллигентные люди Запада не видели причин, вследствие которых великие и надёжные реформы не могли вскоре превратить землю в образцовое «либеральное» общество.

Сегодня, в 1950 году, мы можем оглянуться на ту оптимистическую эпоху с завистью, смешанной с досадой из-за войн. Возможно, мы стали мудрее, когда поняли, насколько неосновательны были надежды девятнадцатого века на безграничный прогресс, но купленная очень дорого мудрость вследствие нашего опыта может быть выражена небольшой положительной величиной. Мы знаем только, что манящие идеалы недавнего прошлого обманули нас, что основы, которые мы считали такими же прочными, как земля под ногами, зияли зловещими трещинами, сменив прежние надежды страхом и сомнениями. Несмотря на многочисленные достижения медицины, физическим здоровьем обладают лишь немногие, а разрушительные последствия

дегенеративных заболеваний украли пальму первенства у медицинской науки в других областях. Психические и умственные расстройства нашего времени являются предметом многих книг и статей, и хотя врачи-психологи могут много говорит, ставя диагноз, они почти не притязают на реальное исцеление. В политическом отношении современный мир сталкивается с неразрешимой дилеммой бескомпромиссной борьбы между соперничающими идеологиями, в то время как фактические процессы самоуправления в странах, где самоуправление является главным принципом, в который всё ещё верят, значительно ограничены современными войнами.

Словно для того, чтобы ещё больше ослабить самоуверенность Запада, «низшие» расы Востока, по-видимому, пробудились, чтобы ответить на вызов нового периода своей истории. После многих столетий фактической кабалы европейских завоевателей желтокожие и чернокожие народы мира объявили себя свободными и равными другим людям, как это делали простые народы Европы и Америки полтора века тому назад. Что, если эти азиатские миллионы будут использовать свою растущую мощь так же безответственно, как западные нации использовали свою?

Воистину, мир наполнен неизвестными и несоизмеримыми величинами, одним из примеров которых является вновь обретённая разрушительная сила «атомного» оружия. И ни одна конкретная причина, которую можно назвать, в такой степени не ответственна за всепроникающую нестабильность в современном мире, как утрата веры, охватившая нас. Наш мир — это мир без религии, с наукой, способной скорее устрашать, чем освобождать, и только с «хвостами» вчерашней интеллектуальности вместо философии жизни.

Не будет преувеличением сказать, что азы, объясняющие такую зловещую и, по-видимому, безнадёжную судьбу, несомненно, можно найти в учебной и пояснительной литературе теософского движения. Даже само направление этого движения, несмотря на его многочисленные неудачи и предательства, обусловленные человеческим фактором, свидетельствует о понимании принципов, проливающих свет на бедствия, постигшие человечество. И никакая катастрофа, когда понимаешь, на самом деле не является катастрофой.

Поняв значение того, что произошло, всегда можно начать действовать по-новому, и это не приведёт к катастрофе.

Если Е. П. Блаватская действительно обладала тем видением или предвидением, о которых свидетельствуют её великие сочинения «Разоблаченная Изида» и «Тайная доктрина», то она должна была понимать, что в двадцатом веке кризис будет следовать за кризисом. В её сочинениях имеется множество свидетельств, как неявных, так и явных, что она предвидела не только внешние формы современных волнений, но и их зарождение на более тонких планах психической и духовной причинности. «Через несколько лет, — писала она в статье, опубликованной в журнале «Люцифер», — психические идиосинкразии человечества претерпят большие изменения». Она добавляла, что в этот период перемен у психологов будет «некоторая дополнительная работа». Возможно, наиболее очевидным фактом, относящимся к ускоренному психическому развитию в настоящее время, является прогрессивное самосознание западного человека. Ни в одну из предшествующих эпох западной истории не было той озабоченности относительно психического и чувственного опыта, которая была характерна для последних пятидесяти лет, как в Европе, так и в Америке.

Если принять во внимание проведённый Е. П. Блаватской анализ психических принципов человеческой природы, то такое развитие не является случайным, а представляет собой естественную эволюционную реакцию сознания на пробуждающиеся психические способности расы. Месмер, оккультный учитель и целитель восемнадцатого века, пытался предвосхитить это пробуждение и направить пытливые умы своего времени к принципам практической психологии, которые были одновременно философски возвышающими и терапевтически ценными. Материализм Запада, однако, быстро расправился с усилиями Месмера, традиционно сохранившимися только в обесцененной практике современных гипнотизеров.

В девятнадцатом веке принципы Месмера, распространявшиеся через нетрадиционные каналы, переплелись со спиритизмом, с различными аспектами «новой мысли» и с христианской наукой. Затем, в 1875 году Е.П.Б. приложила огромные усилия по более глубокому пониманию миром психических тайн человеческой жизни, подходя к этой задаче сначала в работе со спиритуалистами. То, как они встретили её попытку ограничить свои феномены рамками рационального объяснения, теперь уже история — ранняя история теософского движения. И так же, как шарлатаны и потребители следовали за Месмером, превращая его учение в наполовину понятые лозунги и формулы

(приёмы шарлатанов от медицины, психологии и религии), так и впоследствии теософское движение породило многих таких же подпевал и торговцев «оккультным». Мрачная тень, которая следует за каждым нововведением, настигла великую духовную реформу, начатую основателями Теософского общество, и в то же время закваска движения ощущается повсюду, так же сказывается и искажение его высокой этики и психологической проницательности.

Но где именно искать и как узнавать свидетельства возрастающей психической уязвимости? Стоит только посмотреть вокруг. Прежде всего, и, пожалуй, опаснее всего, новая популярность гипноза. Ни один крупный столичный центр не обходится без нескольких «учителей» гипноза, которые, прикрываясь высокопарными целями, обещают будущим ученикам обретение психической власти над другими людьми. Аналогом такого современного обращения к методам колдовства является растущая восприимчивость населения к внушению. Такое время было названо «эпохой силы», но, возможно, его лучше было бы называть «эпохой пропаганды».

«Психологическая война» является теперь избитым выражением у очеркистов и комментаторов нашего времени, и не будет преувеличением сказать, что состояние здоровья огромных масс населения в большей степени зависит от искусственно созданной психологической и чувственной диеты, чем от удовлетворения их нормальных физических потребностей. Потеря человеком своей политической независимости сопровождалась потерей его экономической и психологической независимости.

Развитие экономики первых лет этого века ясно показало, что маркетинг представляет собой существенную проблему бизнеса — не производство, а распределение, причём постоянно растущее распределение. Как только учёные, работающие в психологических лабораториях, открыли и разработали методы управления поведением человека, эти методы начали изучать и адаптировать к службе современного маркетинга. Реклама стала культом бизнеса, и тысячи приверженцев старались узнать секреты управления человеческими мыслями и чувствами с целью получения прибыли.

Новые и более действующие каналы внушения стали доступны благодаря средствам массовой информации, газетам, журналам, затем радио, а теперь и телевидения. Целая каста

торговцев, работающих через средства массовой информации, приобрели профессиональные навыки эксплуатации человеческих слабостей и недостатков. При этом присвоение издательскому предприятию статуса «большого бизнеса» привело к стандартизации материалов для чтения и фактическому исчезновению оригинальности и редакционной независимости газет и популярных журналов. Со временем методы внушения, используемые рекламодателями, были переняты политическими пропагандистами и группами влияния всех мастей — в некоторых случаях даже церквями. Стало установившейся практикой обращаться с обществом с точки зрения психического воздействия сделанных заявлений или притязаний, мало обращая внимания на действительное истинное содержание того, что утверждается.

Некоторое внимание было уделено в предыдущей главе многочисленным новым религиозным культам, возникшим в ответ на разочарования эпохи и вследствие неадекватности традиционной религии. Зловещей фазой этих движений является иногда их политический подтекст. В то время как такие движения формируются, распадаются и переформируются, агрессивные политические движения наших дней обнаруживают соответствующую тенденцию к эксплуатации религиозных настроений масс. Каждый серьёзный исследователь современной политики замечал в «революционных» движениях, как фашизма, так и коммунизма, типичные элементы религиозного фанатизма; аналогии между современным национализмом и стремлением к власти политически активных религиозных организаций слишком многочисленны, чтобы их упоминать.

Вряд ли можно сомневаться в том, что тёмные, подпольные силы, потенциальные возможности, о которых почти никто не подозревал, что они существуют среди «цивилизованных» человеческих существ, находят способ, чтобы найти выход, приводя в ужас и губя самых чувствительных среди людей; огрубляя, ожесточая и доводя до звероподобного состояния других; а третьих запугивая до состояния полной покорности. А в том, что эти силы психические, сомнений быть не может.

Люди живут в своих мыслях и в своих чувствах, и то, чего они боятся и на что надеются, определяется тем, что они думают о себе, что, по их мнению, они могут сделать и кем быть — или стать. Что такое «тоталитаризм», как не монолитный политический внешний вид миллионов человеческих существ, которые были сформированы по шаблону психического сходства (почти психической идентичности)

их психическими хозяевами? Что такое современная война (эта квинтэссенция тоталитарного духа и формы «общественного порядка»), как не уничтожение всякой человеческой индивидуальности, а также форма, придуманная и усовершенствованная для уничтожения физического человечества?

Но если признать всё это в корне психическим, если признать, что бедствия недавнего прошлого, равно как и грядущие, берут своё начало в мыслях и чувствах людей, — что тогда? Ответ, который даёт теософская философия, достаточно прост. Это так же, как напасти вывалились из ящика Пандоры человеческой природы, так и в человеке существует принцип контроля, понимания и господства над всеми угрожающими событиями, роками и бедствиями, которые только можно вообразить. То, что человек упустил, он также может вернуть, контролировать и вновь направить.

Задача Е. П. Блаватской состояла в том, чтобы пробудить в человеке добро (можно сказать, буквально «божественное»), а также объяснить скрытые способности и силы, которые, будучи неправильно понятыми и доведёнными до буйства, нарушили, запутали и даже извратили обычную жизнь человечества. Она учила равенству людей перед всеми их проблемами и страданиями не как формуле культового ура-патриотизма или сентиментальности, а с точки зрения психологических законов и этических принципов. Её задача состояла в том, чтобы открыть для всех, кто готов был слушать (и для тех, кто мог услышать позже), царство человеческих возможностей и продемонстрировать, насколько это было в её силах, перспективу, которую несёт в себе грядущая духовная и интеллектуальная эволюция.

Какая же тогда надежда, спрашивается, возлагается на будущее? Какого рода «пророчество» даёт теософская перспектива, и какие у нас основания полагать, что столетие усилий со стороны Е.П.Б., не будут совершенно напрасными или забытыми людьми? Так много «движений» появлялось в прошлом только для того, чтобы слиться с другими видами человеческой деятельности, чтобы их вдохновению умереть, а их целям оказаться пустым звуком.

Это правда, что энергия теософского движения широко распространилась, проникла в другие фазы деятельности и достаточно часто теряла связь со своим первоначальным импульсом и источником. Но существенное влияние

теософских принципов не прекратилось; скорее, надо признать, что в бесчисленных случаях они оказывали ненавязчивое, но очень реальное воздействие на умы своего времени. Измерить с какой-либо точностью влияние теософского движения на мир было бы, конечно, невыполнимой задачей, ведь чем менее конкретизирована форма теософских понятий, тем шире будет распространяться их энергия. Как оценить, например, степень ослабления власти антропоморфной религии в западном мире в связи с фундаментальными положениями «Тайной доктрины»? И всё же не может быть никаких сомнений в том, что личностный или внешний Бог традиционного христианства сегодня является лишь пережитком примитивной веры.

В сфере человеческих отношений идеал человеческого братства без различия расы, цвета кожи или вероисповедания стал теперь почти обычной целью. Современные гуманисты и социальные мыслители просто предполагают, что не может быть и речи о каком-то меньшем идеале. Кто может сказать, в какой степени первая цель изначального Теософского общества (предложение о формировании ядра Всеобщего Братства) являлась ключевой нотой этого ныне общепризнанного стремления? Это есть влияние в смысле нравственности и философии. Что касается конкретных доктрин, то учения о карме и перевоплощении постепенно проникли во все классы и слои общества, так что убеждения, касающиеся этих понятий, появляются всё чаще и чаще.

Но если, как утверждают теософы, распространение теософии будет происходить в гораздо большей степени как процесс пробуждения, а не навязывание идей посредством пропаганды, невозможно будет найти какой-либо способ различить прямое и косвенное влияние теософского движения от более глубокого пробуждения умов и сердец, что можно ожидать в этот период беспорядка и волнений. В более широком смысле всякая склонность к самостоятельности и духовной независимости является выражением силы теософского течения в истории.

В области практической экономики уже есть множество небольших начинаний в направлении более естественной жизни. Движение за возвращение к земле является аграрной реформой, но в то же время и нечто более важным — попыткой восстановить гармоничные отношения между человеком и природой. Новый интерес к необработанным, натуральным продуктам, к естественному иммунитету от болезней, к простым радостям жизни и к отдыху по

собственному плану — всё это является частью общей и интуитивной попытки членов человеческой семьи восстановить базовую целостность, которой, по их мнению, не хватает с практической точки зрения на существование. В политике и социальных отношениях подобная решимость найти основные принципы, применимые к организации человеческого сообщества, привела к рождению новых концепций социального порядка.

Люди, которые много лет назад могли быть вовлечены в ряды «радикального движения», теперь посвящают свою жизнь идеалу «сообщества» как основной экологической ячейке правильного общества. Другие люди, которые видели, как революционные политические движения девятнадцатого века закончились мрачным тоталитарным фиаско века двадцатого, переосмысливают свой путь решения социальных проблем в анархистском ключе, используя концепцию духовного индивидуума как отправную точку для своих размышлений.

Народное противление войнам также развилось до масштабов значительного движения за последние пятьдесят лет. Влияние Ганди в этом направлении, конечно, было неизмеримо. В Азии среди поклонников Ганди существует своего рода международное товарищество, и их миллионы не только в Азии, но и во всём мире. В Европе необыкновенная популярность Гарри Дэвиса, молодого американца, отказавшегося от американского гражданства, чтобы драматизировать идею мирового сообщества, выявила готовность сотен тысяч людей и даже целых городов поддержать массовое движение за мир во всём мире — движение, основанное на надеждах и стремлении простого человека, а не как реакция на дипломатическую озабоченность «национальным вопросом».

Замечательного прогресса добилось движение сопротивления войне в Англии и Америке и, в меньшей степени, в других странах, что также свидетельствует о растущем убеждении в том, что современная война — это коллективное безумие наций и что, если правительства не знают, как сделать так, чтобы люди не переругались друг с другом, сами народы должны остановить это безумие.

Подобные движения можно отметить в психической и чувственной жизни народов Запада. Престиж эволюционного материализма во многом утратил свою силу, возможно, если не придавать значения общему разочарованию в «науке» как в средстве для создания счастливого и спокойного мира. Когда приверженцы

традиций проявляют свою неадекватность, у людей появляется возможность учиться, следуя интуиции, чтобы вновь обрести уверенность в своих мыслительных способностях, от которых зависит подлинное развитие. Даже в академическом мире были предприняты новые посягательства на самодовольный материализм этого века. Антропологи, такие как Генри Фэйрфилд Осборн и Фредерик Вуд Джонс в Англии, показали, что человеческий вид следует рассматривать как линию эволюции, независимую от человекообразных обезьян. Работа в области экстрасенсорного восприятия, начатая Уильямом Макдугаллом и доведённая до существенных и широко признанных выводов Дж. Б. Райном из Университета Дьюка, открыла в научной психологии перспективу новой, неанималистической теории человеческой природы. Можно даже предположить, что через два-три десятилетия термин «душа» начнёт возвращаться в научный словарь, где он будет представлять собой упорядоченное представление о человеческом «я» как о едином сознании, обладающем силами, способностями и продолжительностью, не зависящими от внешнего физического организма.

Между тем, по мере того как современные исследования продолжают такие разработки, прогресс клинических исследований в сфере психологии также привёл к появлению новых рабочих концепций человеческой психики. Несмотря на сдержанность и робость психиатров и аналитиков вообще, некоторые из них откровенно высказались против изнурительного воздействия религиозных догм. Психиатры подчеркивают необходимость того, чтобы психически неполноценные люди научились думать самостоятельно, и, хотя современная клиническая психология долгое время пребывала в тени фрейдовской невоздержанности, ценность психиатрической критики, как личных иллюзий, так и связанных с данной культурой и проистекающих в значительной степени из традиционной религии, вряд ли можно переоценить.

Столетие назад поступательный импульс теософского движения был подготовлен циклом спиритуалистических исследований. Однако в этом столетии психическое развитие и интерес к нему связаны с проблемами современной психиатрии, с новым интересом к телепатии и другим формам экстрасенсорного восприятия, а также с весьма заметной привлекательностью способностей, развиваемых «йогой», для бесчисленного множества людей, особенно молодых, которые придерживаются неплохого, хотя и неквалифицированного отношения к таким возможностям саморазвития и самоконтроля. В целом можно сказать, что наблюдается гораздо меньше

«сверхъестественного» в психизме двадцатого века, и хотя распространение гипнотических практик является зловещим аспектом подобного развития, многие врачи хорошо осознают опасность гипноза и делают всё возможное, чтобы предотвратить его неправильное использование.

В образовании также наблюдается тенденция отхода от материализма к новой уверенности в себе и упорядоченному рассудку. Большой вклад прогрессистов во главе с Джоном Дьюи заключался в том, что они стимулировали независимое мышление и самовыражение, а также настаивали на том, что знание всегда должно быть связано с непосредственным опытом людей. В то время как прогрессисты стремились положить конец господству жёсткой системы образования и унаследованного от неё формализма, доктор Хатчинс из Чикагского университета стремился возобновить поиск первых принципов как ключ ко всему подлинному обучению и образованию.

Семинары по «Великим книгам», проводимые в настоящее время преподавателями-добровольцами с использованием сократовского метода в сотнях городов Соединённых Штатов, способствуют возрождению философского мышления. Эта работа помогает открыть заново непреходящие философские ценности в великой литературе прошлого.

Можно предположить, что такие различные события, едва заметные для тех, кто знакомится с происходящим в мире только через ежедневную прессу, представляют собой предварительное формирование обширной матрицы будущих циклов человеческой эволюции. Даже титаническое напряжение войн этого века, сопутствующие нигилистические революции и возврат некоторых народов к варварствам забытого прошлого можно рассматривать как симптомы гораздо более глубокого восстания человеческого духа против лицемерия и обмана христианства.

Бесцельность и безнадёжность бесчисленных миллионов людей современного мира представляют собой, по крайней мере, разочарование, которое может быть необходимо для любого подлинного пробуждения. Мир взывает к философии души, свободной от льстивых речей священников, от гнетущего авторитета вероучений и незыблемых догматических установок. Люди ищут какой-либо источник веры в самих себе — они жаждут быть способными верить в себя, быть способными к подлинной любви и самоуважению. Возможно, как предполагает теософская философия, человечество готовится к великой психической мутации, не к какому-то чудесному «вмешательству»

дружелюбного божества, но к естественному переходу, подобного переходу в подростковом возрасте от отрочества к зрелости. Если смотреть на эволюцию не только с точки зрения чистой физики, то в изменениях такого рода легко усмотреть благоприятную возможность. Но в любом случае, что бы ни готовило будущее, оно придёт как благословение или проклятие в зависимости от степени самосознания и понимания, с которым его встречают сами люди. Послание теософского движения заключается в том, что только знание является ключом к человеческому прогрессу и счастью, и что такое знание возможно.

История теософского движения уходит вглубь веков, его начало затерялось во мраке, предшествующем памяти человечества. Его представители, учителя и глашатаи говорили одно и то же — что началом ему послужил эволюционный импульс великой природы, а его целью является возвышение и освобождение от страдания и невежества всего живого на лице земли. Оно учит бессмертию души — живучего человеческого эго — этого вечного пилигрима, странствующего из жизни в жизнь, из цивилизации в цивилизацию, иногда обретая, иногда теряя, но всегда продвигаясь вперёд в соответствии со своей собственной судьбой.

Для этой души нет тьмы без света, отбрасывающего тень, нет агонии без компенсирующей радости или покоя. Концом всей этой борьбы является продвижение к ещё большему самопознанию, а это означает, что жажда любви и товарищества будет, наконец, удовлетворена в реализации духовной идентичности, которая соединяет каждого человека с его ближним, делает всех нас частями друг друга, братьями или детьми одной великой родительницы, Жизни.

Такова была мечта, ради которой трудилась эта львиная душа, Е. П. Блаватская. В её жизни были такие, кто чувствовал прикосновение её духа, волшебство её неукротимой воли и кто вечно жил в тепле огня, зажжённого внутри их. С тех пор были и другие, кто нашёл тот же поток возвышенных стремлений и слил свою жизнь с его непрекращающимся течением. Подлинное теософское движение — это не «организации».

Хотя оно может использовать организации, как душа использует тело, но жизнь организации никоим образом не определяет и не ограничивает жизнь теософского движения. Е. П. Блаватская почти не заботилась об учредительных формах

теософских организаций. Она писала полковнику Олкотту, что она сразу же откажется от Теософского общества, если оно перестанет быть полезным инструментом для распространения живых идей, которыми она единственно занимается. И её волновали только эти идеи, и Джадж при её жизни и после чувствовал то же, что и она, и следовал её примеру. Истинная история теософского движения неизбежно является историей движения идей — оплодотворённых зародышей мысли, которые пробуждают человеческий разум и подталкивают его к дальнейшим высотам познания и более всеобъемлющему братству разума.